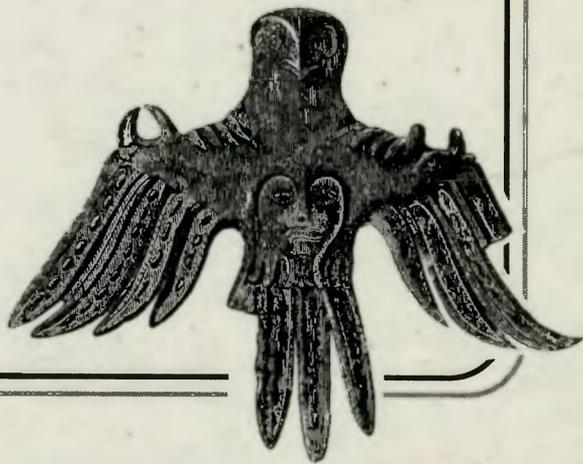

**Пермский мир
в раннем
средневековье**

ARCHAEOLOGIA PERMICA - I

ПЕРМСКИЙ МИР В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ARCHAEOLOGIA PERMICA

Выпуск I

Ижевск 1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**ПЕРМСКИЙ МИР
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Ижевск 1999

Печатается по решению ученого совета Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук А. Г. Иванов

Рецензенты:

доктор исторических наук К. А. Смирнов

доктор филологических наук Е. А. Хелимский

П 11 **Пермский мир в раннем средневековье.** Сборник научных статей. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 291 с. (Archaeologia Permica. Выпуск I).

ISBN 5-7691-0945-9

Сборник посвящен различным проблемам истории и культуры пермских народов I - начала II тысячелетия н.э.: вопросам хронологии археологических памятников, выявлению особенностей материальной культуры раннесредневекового населения Прикамья и отражению в ней этнокультурных связей, поиску прародины прапермян и т.д. Во многих статьях в научный оборот вводится новый археологический материал.

Комплексный подход к решению многих проблем с привлечением данных археологии, сравнительно-исторического языкознания, топонимики, письменных источников, палеозоологии и физики представляет интерес для специалистов различных дисциплин, а также для студентов и всех интересующихся древней историей Прикамья.

П 5040000000 – 51 (99) – 2 – 99
8П6 (03)

ББК 63.4

От редактора

Главной целью новой научной серии “Archaeologia Permica” мы ставим публикацию археологических материалов и обсуждение проблем, имеющих отношение к древней и средневековой истории пермских народов. Это не означает, однако, что мы намерены ограничиться рамками только Прикамско-Приуральского региона, являющегося территорией современного проживания коми и удмуртов, и поднимать вопросы этнокультурных процессов в первобытности и средневековье только в отношении названных народов.

Мы надеемся, что на страницах “Archaeologia Permica” найдут свое место дискуссии по важнейшим проблемам этнической истории и развития материальной культуры пермских народов, реферативные обзоры и рецензии на важнейшие публикации, вопросы охраны и использования археологического наследия, хроника прикамской археологии, персоналии.

Учитывая специфику серии, предполагается публикация работ, основывающихся, преимущественно, на археологических источниках. Однако это не означает отказ от публикаций работ, базирующихся на материале смежных дисциплин или строящихся на принципе комплексного подхода к решению проблем. Прекрасным примером такого сочинения может являться статья С.К. Белых в настоящем сборнике.

Мы верим, что открывающаяся серия “Archaeologia Permica” найдет своего читателя.

Littera scripta manet.

Иванов А. Г.

Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника

Вопросы хронологии археологических памятников принадлежат, несомненно, к приоритетным проблемам, так как в принципе вся дальнейшая историко-социологическая интерпретация археологических источников в значительной степени зависит от точной их привязки к определенному времени. В данной статье я возвращаюсь к проблеме определения нижней границы ломской культуры - одной из ярких раннесредневековых археологических культур в северной части Камско-Вятского междуречья (бассейн р.Чепцы)¹.

В литературе по поводу датировки нижней границы ломской культуры существуют различные точки зрения. Первоначально, при выделении собственно этой археологической культуры, В.Ф.Генинг ее ранний период датировал III-V вв. по аналогии с нижней границей других раннесредневековых культур Прикамья и в соответствии с тогдашним положением хронологических разработок [Генинг 1958, с.93-97; 1959а, с.194-200]. В опубликованной через десять лет статье В.Б.Ковалевская оспорила раннюю дату культуры, указав, что на Чепце нет памятников ранее VIII-IX вв. и, следовательно, нет оснований и для выделения самостоятельной ломской культуры [Ковалевская 1969]. Характерно, что и В.Ф.Генинг, и В.Б.Ковалевская оперировали при этом неопубликованными материалами Поломского I и II могильников (раскопки П.Г.Тарасова и В.Д.Емельянова в 1906-1908 гг.; хранятся в ОИПК ГЭ и МАЭ).

¹ Сразу оговорюсь относительно термина "ломская культура". Ранее мной уже предлагалось рассматривать две последовательно развивавшиеся археологические культуры - ломскую конца V - IX вв. и чепецкую X-XIII вв. - как два крупных исторических периода в рамках единой археологической культуры - ломско-чепецкой [Иванов 1994а; 1998, с.14-16]. Оставаясь на этой точке зрения, здесь я использую термин "ломская культура", достаточно широко распространенный в научной литературе, именно в смысле обозначения периода развития культуры населения бассейна р. Чепцы во второй половине I тыс. н.э.

Однако если В.Ф.Генинг при определении нижней даты культуры опирался исключительно на погребение 80 Поломского I могильника, содержавшее материал позднихаринского типа [Генинг 1958, рис.39-41; 1959а, с.194, 196-197], то В.Б.Ковалевская, наоборот, фактически игнорируя данное погребение, опиралась на основные, более поздние, материалы памятников у с.Полом. Долгое время погребение 80 Поломского I могильника, как единственное такого типа на Чепце, фигурировало в работах, посвященных раннесредневековой хронологии прикамских материалов [Генинг 1979, рис.: И (в таблице поясная гарнитура из этой могилы помещена в первой половине VI в.); Амброз 1980, рис.9 (комплекс датирован VII в.)].

Новые материалы, полученные раскопками Варнинского могильника в начале 1970-х гг., позволили В.А.Семёнову вновь вернуться к вопросам хронологии полумской культуры. В частности, самую раннюю стадию культуры, названную им вслед за В.Ф.Генингом “гыркешурской 1-й”, он датировал концом V-первой половиной VI в. [Семёнов 1980, с.56-60, рис.10]. В.Ф.Генинг фактически поддержал последнее [Генинг 1980, с.139]. В вышедшей недавно статье “О датировке полумской культуры” Р.Д.Голдина датировала наиболее ранние погребения полумской культуры серединой VI в. [Голдина 1995, с.17-18, рис.7] (см. также ее работу по общей характеристике археологических культур Прикамья эпохи железа [Голдина 1985, с.17-18]), что, по-видимому, близко к действительности в отношении к уже введенным в научный оборот материалам. Упомяну здесь также мнение башкирских археологов о более поздней дате ранних комплексов Варнинского могильника - рубеж VII-VIII вв. [Сунгатов 1993, с.100]².

Принципиально новым стало изучение, начиная с 1990 г., наиболее ранней, курганной части Варнинского могильника. Публикации этих материалов и посвящена настоящая статья.

Курганная часть Варнинского могильника

Могильник находится на северной окраине д. Варни Дебёсского района Удмуртской Республики и занимает мысовидную площадку правого берега р.Варнишур, правого притока р.Чепцы (рис.1А в статье

² В целом данная статья посвящена поздним погребениям Варнинского и Тольёнского могильников. Что касается ранних погребений Варнинского могильника, то Ф.А. Сунгатовым они охарактеризованы очень кратко, причем были учтены не все ранние комплексы памятника [Сунгатов 1993, рис.3]. В частности, среди них не оказалось одного из наиболее ранних - погребения 28 (см. рис.9).

И.О.Гавритухина и А.Г.Иванова в настоящем сборнике). Площадка имеет общий наклон с севера на юг, с востока ограничена логом, по которому протекает ручей, впадающий у юго-восточной оконечности мыса в р.Варнишур. На основной площади памятника расположены хозяйственные постройки (пилорама, скотные дворы и пр.), линии электропередач, производятся земляные работы, что сохраняет угрозу разрушения памятника.

Могильник открыт в 1970 г. В 1970-1973 гг. на могильнике велись раскопки под руководством В.А. Семёнова (здесь и далее - Удмуртская археологическая экспедиция Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН) [Семёнов 1970; 1973; Семёнов, Корепанов 1971; 1972]. Материалы этих раскопок (304 погребения; №№ 1-298) опубликованы [Семёнов 1980]. Далее могильник исследовался в 1984 и 1990 гг. В.А. Семёновым, в 1991 г. - Н.И. Шутовой [Семёнов 1984; 1990; Шутова 1991; Семёнов, Шутова, Иванов 1991], в 1994-1996 гг. - А.Г. Ивановым [Иванов 1994б; 1995а; 1995б; 1996а; 1996б]. Все раскопы разных лет имели стабильную ориентацию по сторонам света, общую систему буквенно-цифровых обозначений и примыкали к предшествующим, благодаря чему стало возможным составление общей планиграфии исследованной части могильника. За все годы исследований на могильнике изучено 563 погребения (№№ 1-555; часть могил обозначена через литеру "а"). Памятник функционировал длительное время и в настоящее время датирован авторами раскопок V-X вв.

Самая ранняя часть могильника, курганная, выявлена впервые при раскопках 1990 г. Изучение этой части памятника было продолжено в 1991, 1995 и 1996 гг. (рис.1А). Исследованная курганная часть располагается приблизительно в 30 м к юго-востоку от наиболее ранних погребений конца V-VI вв. (погр.28, 55, 70, 74, 134 и др.), открытых В.А. Семёновым в 1970-х гг. и опубликованных в 1980 г. [Семёнов 1980, рис.2]. Планиграфически курганная часть, по крайней мере на исследованной площади, четко отделяется от более поздней части могильника: курганы разделены от погребений IX-X вв. свободным пространством в 5-8 м (рис.2).

Курганы на поверхности совершенно не прослеживались и выявлялись только после вскрытия пахотного слоя по курганным канавкам. Поэтому само выделение курганов и их нумерация происходила уже позднее, на основании наличия курганных ровиков и их соотношения с исследованными погребениями. При этом нумерация подкурганных погребений была общей с бескурганными, более поздними, захоронениями. К настоящему времени на площади около 325 кв.м исследовано, полностью или частично, 9 распаханых курганов, содержащих 18 погребений (рис.2).

Стратиграфия памятника в месте расположения курганной части проста: под пахотой в 12-20 см залегал подстилающий слой из красно-коричневой глины. Погребения заполнены близким по составу слабогумусированным перемешанным красно-коричневым суглинком, вследствие чего плохо фиксируются. Курганные канавки, напротив, выделяются темно-серым гумусированным заполнением. Все промеры глубин осуществлялись от современной поверхности.

Ниже я привожу описание курганов, выделение которых, как уже указывалось, отчасти условно. Описание погребений дается отдельно.

Характеристика курганов. Курган 1 (кв.КЛМ/7-9). Диаметр кургана³ 8,5-9 м. Канавка полукольцевой формы, открытая в западной части. Ширина канавки 60-103 см, глубина 34-68 см, дно округлое (рис.1Б: 1, 3). В курганной канавке, заполненной темным гумусированным суглинком с включением угля, найдено несколько фрагментов керамики. Канавка окружает погребение 359 и, очевидно, представляет с ним единый комплекс. В 80 см от северо-западного конца канавки, на глубине 25 см, обнаружена столбовая ямка⁴. На кв.К/8 курганная канавка перекрывает более раннюю яму (или ложбинку?), заплывшую до сооружения кургана и имеющую в своем заполнении уголь. Северную часть курганной канавки нарушает погребение 377, составляющее с могилами 370 и 379 единый, более поздний, комплекс кургана 1, расположенный в один ряд с центральным погребением 359.

Мелкие обломки лепной керамики (5 экз.) светло-коричневого цвета, имеют рыхлую пористую структуру и органическую примесь к формовочной глине. Все найденные фрагменты неорнаментированы.

Курган 2 (кв.Л/5-6). Канавка выявлена под пахотным слоем, на глубине 25 см; имела открытую к югу дуговидную форму, имеющую расширение в средней части, ширину 35-65 см, глубину 47-82 см. Диаметр кургана около 2,8-3 м. Дно овальное или округло-приостренное (рис.1Б: 2). Заполнена гумусированным слоем с включением угля, золы; ближе ко дну фиксировались мелкие фрагменты обугленного дерева. Канавка окружает с севера погребение 430 и соединяется с ним своим западным кон-

³ Здесь и далее под диаметром кургана принимается расстояние между противоположными условными точками по внешнему краю курганных ровиков. Учитывая сказанное, предполагается приблизительность данного показателя, особенно в отношении курганов с плохо сохранившимися канавками.

⁴ Здесь и далее характеристика столбовых ямок, вследствие ограниченности объема статьи, не приводится. Интересующихся этим вопросом отсылаю к полевым отчетам 1990-1996 гг.

цом. Неподалеку от западного конца погребения выявлены две столбовые ямки. К востоку от погребения, на кв.Л/6, зафиксирована яма овальной формы, размерами 80x35 см, глубиной 45 см и ориентированная по линии 3-В. Скорее всего, это остатки курганного ровика, в пользу чего говорит его заполнение с зольным включением и округлая форма дна.

Курган 3 (кв.МНО/7-8). Канавка имела форму несомкнутого кольца, открытую в северо-западной части и несколько расширенную по концам. Диаметр кургана 6,5-7,6 м. Ширина курганного ровика 38-176 см, глубина - 30-45 см; дно округло-уплощенное (рис.1Б: 7, 8). На дне канавки зафиксировано несколько столбовых ямок. В центральной части кургана выявлены два погребения (512 и 514), одно из которых (514) - более позднее. Северную часть курганной канавки нарушали два погребения (515 и 516), южную часть - одно захоронение (524). Все перечисленные захоронения располагались в один ряд, вытянутый с севера на юг, и, скорее всего, представляют собой единый курганный комплекс.

Курган 4 (кв.МН/5-6). Курганный ровик в виде прямой короткой ямки длиной 225 см, шириной 64 см и глубиной до 29 см располагался к северо-востоку от погребения 513, к которому, по-видимому, относился. Дно ровика уплощенно-округлое (рис.1Б: 4). Северный конец канавки частично разрушен поздней ямой (в ее заполнении найдены щепка, галька, гвозди). Диаметр кургана не устанавливается. В заполнении ровика найдены фрагменты керамики.

Мелкие фрагменты лепной керамики (3 экз.), аналогичные найденным в ровике кургана 1.

Курган 5 (кв.М/5) выделен условно, как взаимосвязанный комплекс прямого короткого ровика длиной 163 см, шириной 29 см и глубиной 25 см (рис.1Б: 5), имеющего округлое дно, и расположенного к юго-западу от него погребения 523.

Курган 6 (кв.П/8) также выделен условно. Не ясно, относилась ли к погребению 525 расположенная к югу от него небольшая овальная ямка размерами 125x35-50 см, вытянутая по линии 3-В и являющаяся, по-видимому, остатком курганной канавки. Дно ее округло-уплощенное, глубина до 39 см (рис.1Б: 9).

Курган 7 (кв.ПР/8-9). Остатки дуговидной канавки, частично уходящей за пределы раскопа, зафиксированы в южной и восточной частях предполагаемого кургана. Диаметр кургана около 5,5 м. Ширина канавки до 52 см, глубина - до 42 см. Дно округло-уплощенное (рис.1Б: 6). Южный край канавки слегка перекрывали очертания погребения (?), находящегося за пределами раскопа (рис.2). Курган включал, по-видимому, два захоронения - 526 и 529.

Курган 8 (кв. ПР/7). Исследован частично. Зафиксированы остатки дуговидной канавки, окружавшей погребение 527 с юго-востока. Диаметр кургана не устанавливается. Ширина ровика до 45 см, глубина - до 25 см. Дно округло-уплощенное. В пределах канавки зафиксированы три столбовые ямки, одна из которых, выявленная на уровне дна ровика, определенно относится к кургану. Западный конец канавки, перекрытый углистым пятном мощностью до 6 см, уходит, вероятно, за пределы раскопа.

Курган 9 (кв. С/7) выделен условно по погребению 528. Следов курганного ровика не обнаружено. Возможно он остался за пределами раскопа.

Описание погребений.

Погребение 359, курган 1 (рис.3: 1). Яма подпрямоугольной формы, размерами 240x110-120 см, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Зафиксирована на глубине 30 см. Стенки наклонные, дно уплощенное. Глубина 57 см. В заполнении встречался уголь. На глубине 53-57 см зафиксирован тлен гроба размерами 210x49-55 см. Останки погребенного не обнаружены. В северо-западном углу гроба найден нож.

Железный нож с прямой спинкой, при переходе от черешка к лезвию со стороны спинки имеет небольшой скошенный выступ, с другой стороны - незначительное расширение (рис.3: 9). В средней части клинка слабо прослеживается желобок. Острие обломлено. Длина черешка 45 мм, ширина - 11-18 мм; длина сохранившейся части лезвия 96 мм, ширина лезвия в средней части 15 мм.

Три захоронения (370, 377, 379), зафиксированные на глубине 25 см, располагаются в один ряд с погребением 359 и имеют параллельно направленные слившиеся очертания (рис.3: 2). Погребение 377 перекрывает канавку кургана 1, что свидетельствует о более позднем времени этих захоронений. Последовательность сооружения этих могил не определена. Захоронения совершены в ямах подпрямоугольной формы, ориентированных по линии ЗСЗ-ВЮВ. В заполнении встречался уголь.

Погребение 370, курган 1. Яма размерами 188x87 см, глубиной 52 см. С уровня -45 см прослеживался тлен гроба размерами 163x68-78 см в виде рамы из вертикально поставленных плах. Тлен днища гроба не выявлен. На дне могилы обнаружен костяк очень плохой сохранности. Покойный был помещен вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Справа от черепа обнаружено скопление вещей в берестяном туеске (так называемый жертвенный комплекс). В его состав входили бисер, бронзовое круглое кольцо, обрывки бронзовой цепочки.

Бисер (73 экз.; рис.3: 3) представлен преимущественно экземплярами желтого (43 экз.), синего и голубого (27 экз.), а также светло-зеленого (2 экз.) и черного (1 экз.) цветов.

Бронзовое круглое височное (?) кольцо диаметром 23 мм (рис.3: 4). Основа кольца из проволоки круглого сечения диаметром менее 1 мм. Один конец кольца оформлен в виде крючка, другой - свернут в петлю, после чего кольцо, начиная от петли на 3/4 диаметра, обвито оставшейся частью проволоки сегментовидного сечения.

Бронзовая цепочка в виде трех небольших (16-18 мм), частично спекшихся, обрывков (рис.3: 5). Диаметр звеньев около 8 мм.

От берестяного туеска сохранились лишь фрагменты плоского (?) донца круглой формы, диаметром около 11-12 см. Форма сосуда и способ его изготовления не определены.

Погребение 377, курган 1 (рис.3: 2). Яма длиной 180 см, шириной около 76 см, глубиной 65 см. На глубине 62-65 см зафиксирован тлен деревянного гробовища размерами 135x40 см, ориентированный по линии ЗСЗ-ВЮВ. В пределах тлена гроба встречались угольки и мелкие включения белого цвета (остатки зубов или кальцинированных косточек?). Находок нет.

Погребение 379, курган 1 (рис.3: 2). Расположено между погребениями 370 и 377. Длина ямы 120 см, ширина - около 50 см, глубина - 48 см. С глубины 45 см фиксировался тлен деревянного гробовища размерами 101x38 см, ориентированного по линии ЗСЗ-ВЮВ. За пределами гроба, в северном углу могилы, на глубине 46 см, обнаружен раздавленный глиняный сосуд. В заполнении могилы, в пределах гроба, встречались угольки, мелкие включения белого цвета (остатки зубов или кальцинированных костей?) и следы слабого прокала. Здесь же, в центральной части гроба, найден бисер. Судя по размерам могилы, это захоронение ребенка.

Бисер (33 экз.; рис.3: 6) желтого (28 экз.) и голубого (5 экз.) цветов.

Глиняный сосуд плохой сохранности, был полностью раздавлен и собран в виде мелких обломков. Сосуд лепной, круглодонный, имеет слабый обжиг, светло-коричневый цвет и рыхлую фактуру. В качестве примеси в формовочную массу использованы толченая раковина и органика. Неорнаментирован.

Погребение 430, курган 2 (рис.3: 11). Яма подпрямоугольной формы, размерами 256x83 см, зафиксирована на уровне -25 см. Дно уплощенное, глубина 61 см. Ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Ближе к северной стенке ямы на дне зафиксирован темный органический тлен раз-

мерами 190x40 см. Фрагментарно прослежен слабый тлен костяка погребенного, уложенного, судя по находке зубов, головой на ЗСЗ. В центральной части ямы найден нож. В заполнении могилы встречались угольки.

Железный нож с прямой спинкой, черешок плавно расширяется и при переходе к лезвию имеет небольшие выступы (рис.3: 10). Общая длина 145 мм, длина черешка 34 мм, длина лезвия 111 мм. Ширина черешка 11-19 мм, ширина лезвия в средней части 19 мм.

Погребение 434, курган (?) (рис.3: 7). Располагалось в один ряд с погребением 430, хотя и на значительном расстоянии от него (около 5 м). Яма подпрямоугольной формы, размерами 220x50-70 см, выявлена на уровне -25 см. Ко дну яма несколько сужалась. Дно плоское, глубина 46 см. Ориентирована по линии З-В. Судя по расположению зубов погребенного, он лежал головой на З. В центральной части погребения найден нож. На основании ориентации могилы и погребенного, характеру инвентаря, близости курганов, это погребение включено в число подкурганных. Рядом с южным краем могилы, вдоль нее, зафиксированы три столбовые ямки, располагавшиеся в ряд.

Нож сохранился в двух крупных обломках общей длиной 102 мм (рис.3: 8). Нож имел прямую спинку, черешок слабо расширялся и при переходе к лезвию имел небольшие скошенные выступы. Здесь же, возможно, имелась обойма. Длина черешка 23 мм, ширина - 14-19 мм. Ширина лезвия в средней части 17 мм.

Погребения 512, 514 - 516 принадлежали одному кургану 3. Два из них, погребения 512 и 514, располагались в центре кургана, окруженного канавкой в виде несомкнутого кольца. Погребение 512 было перекрыто могилой 514, т.е. было самым ранним захоронением данного кургана. Два других погребения, 515 и 516, располагались к северу от этих могил и перекрывали курганную канавку. Все четыре погребения располагались в один ряд, вытянутый по линии ЮЮЗ-ССВ (рис.2).

Погребение 512, курган 3 (рис.4: 1). Фиксация на -15 см. Северная часть погребения перекрыта захоронением 514, поэтому очертания в этой части могилы зафиксированы на -60 см после выборки погребения 514. Яма подпрямоугольной формы, размерами 235x94 см, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Стенки вертикальные, дно ровное. Глубина 72 см. Является основным и наиболее ранним захоронением кургана 3. На дне могилы зафиксирован темный органический тлен подпрямоугольной формы, размерами 216 x 78-80 см. В пределах тлена фрагментарно выявлены остатки костяка очень плохой сохранности: тлен черепа, костей рук и ног. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой

на ЗСЗ (29°). На берцовой кости правой ноги лежал нож, правее - обломки железной вещи. Пол и возраст не определен⁵. В засыпи могилы встречались фрагменты керамики.

Нож плохой сохранности обнаружен в мелких обломках. Форма его не выяснена. На основании полевой фиксации нож имел длину около 18 см.

Мелкие фрагменты железной вещи, форма и назначение которой не определены.

Мелкие фрагменты лепной керамики (2 экз.) светло-коричневого цвета рыхлой фактуры, со следами толченной раковины в тесте, без следов орнамента.

Погребение 513, курган 4 (рис.5: 1). Уровень фиксации - 20 см. Яма подпрямоугольной формы, размерами 230x113 см, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Стенки слегка наклонные, дно уплощенное. Глубина 76 см. В верхней части засыпи выявлено темное пятно овальной формы (след грабительской ямы или результат провала могилы после сгнивания деревянного погребального сооружения). В юго-восточном углу могилы, на глубине 20 см, выявлена столбовая ямка. Костяк полностью истлел. В восточной части могилы, на дне, найден нож. В 28 см к западу от могилы выявлена еще одна столбовая ямка.

Нож плохой сохранности, собран в обломках (рис.5: 4). Спинка ножа имеет слабо выраженную вогнутость. Лезвие от черешка к острию сужается. При переходе от черешка к лезвию есть выступы. Общая длина сохранившихся обломков 142 мм. Основная часть черешка рассыпалась. Длина лезвия около 134 мм, ширина в средней части - 16 мм.

Погребение 514, курган 3 (рис.4: 1). Зафиксирована на -15 см. Погребение южной частью перекрывало могилу 512. Яма подпрямоугольной формы, размерами 218x101 см, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Стенки слегка наклонные, дно ровное. Глубина 43 см. На дне зафиксирован темный органический глен. В восточном конце могилы найден нож. В засыпи погребения встречались мелкие фрагменты керамики.

Нож плохой сохранности, рассыпался. Взят крупный обломок средней части лезвия длиной 67 мм, шириной 17-27 мм (рис.4: 3).

Мелкие фрагменты лепной керамики принадлежали, скорее всего, двум круглодонным (?) сосудам: часть фрагментов серо-коричневого цвета имеет лучший обжиг, другая часть - светло-коричневого цвета, с

⁵ Поло-возрастное определение погребенных по имевшимся останкам выполнено старшим научным сотрудником НИИ "Музей антропологии и этнографии" (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург) А.В. Шевченко, за что я приношу ему благодарность.

более рыхлой фактурой. Все обломки керамики имеют следы использования толченной раковины и, возможно, иной органики. О форме и орнаментации сосудов сказать трудно, т.к. среди мелких фрагментов орнаментированных не найдено.

Погребение 515, курган 3 (рис.4: 2). На уровне -15 см зафиксированы нечеткие очертания, перекрывавшие курганную канавку. На уровне -35 см проявились очертания двух погребений (515 и 516). Захоронения совершены после сооружения кургана. Между погребениями зафиксировано овальное пятно более темного заполнения (грабительский вкоп?). На глубине 35 см яма имела подовальную форму и размеры 130x56 см. Ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. В засыпи западной части могилы, на глубине 20-28 и 40-50 см, обнаружены развалы двух (?) сосудов. У западного торца погребения, слева и справа, зафиксированы столбовые ямки квадратной формы. Дно могилы уплощенное, глубина 59 см. На дне выявлен темный органический тлен. В западной части тлена обнаружены человеческие зубы, что позволяет предполагать ориентировку погребенного головой на ЗСЗ. Судя по зубам и размерам могилы здесь погребен ребенок.

Развалы двух (?) глиняных лепных сосудов обнаружены очень фрагментированными и в плохой сохранности. Фрагменты керамики имеют рыхлую фактуру и цвет от светло-коричневого до темно-серого, почти черного. Восстановлен один сосуд (рис.4: 4). Он изготовлен техникой ленточного налеса, имеет слабый обжиг и рыхлую пористую структуру. В глиняном тесте имеются следы толченной раковины, органики. Сосуд слабопрофилированной круглодонной формы, с короткой, почти прямой шейкой и плоским венчиком. При переходе от плечика к тулову имеется нечетко оформленное ребро. По шейке сосуд украшен горизонтальным пояском из слабо выраженного S-овидного гребенчатого штампа, нанесенного вертикально. Ниже, по плечу, имеется орнаментальный ряд из “уголков” в виде зигзага, выполненный также гребенчатым штампом.

Погребение 516, курган 3 (рис.4: 2). На глубине 35 см яма имела подпрямоугольную форму размерами 165x60-85 см. Ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Стенки наклонные, дно уплощенное. Глубина 64 см. В верхней части засыпи могилы зафиксировано темное пятно овальной формы (грабительский вкоп или провал в могилу?). На дне выявлен темный органический тлен подпрямоугольной формы. В его пределах, в западной его части, обнаружен слабый тлен черепа и зубы, в центральной части - нож. Погребенный был ориентирован головой на ЗСЗ. Пол и возраст не определен.

Нож плохой сохранности, взят в обломках (рис.4: 5). Имел прямую спинку и небольшие выступы при переходе от черешка к лезвию. Длина сохранившейся части ножа 133 мм. Длина черешка 39 мм, ширина - 10-19 мм; ширина лезвия в средней части около 18 мм.

Погребение 523, курган 5 (рис.5: 2). Уровень фиксации -20 см. Яма подпрямоугольной формы, размерами 186х60-64 см, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Стенки наклонные, дно уплощенное. Глубина 44 см. На дне могилы зафиксирован темный органический глен. В восточной половине ямы, на дне, найдены нож и обломки железных вещей. Кости скелета не сохранились.

Железный нож с прямой спинкой; черешок чуть расширяется и при переходе к лезвию имеет со стороны спинки слабо выраженный выступ, с другой стороны - максимальное расширение (рис.5: 5). Лезвие суживается к острию. Общая длина ножа 169 мм. Длина черешка 44 мм, ширина - 14-20 мм; длина лезвия 125 мм, ширина в средней части - 18 мм.

Мелкие обломки по крайней мере двух железных вещей (рис.5: 6-10). Их форма и назначение не выяснены.

Погребение 524, курган 3 или 8 (рис.5: 3). Погребение нарушало канавку кургана 3, перекрывая ее. Яма подпрямоугольной формы с округлыми углами, западная часть могилы чуть шире восточной. Размеры ямы 223х80-95 см. Уровень фиксации -25 см, глубина ямы - 72 см.; ориентирована по линии З-В. Стенки могилы слегка наклонные, дно ровное. Северо-западную часть погребения до глубины 45 см нарушала яма размерами 85х65 см. О позднем характере ямы свидетельствует ее заполнение, в котором встречалась щепка. У южной стенки могилы, в ее средней части, на уровне фиксации выявлена столбовая ямка; ее соотношение с погребением не совсем ясно, так как она может быть и позднего происхождения. На дне могилы зафиксирован темный глен органического происхождения прямоугольной формы, скорее всего, от гроба, размерами 177х53 см и вытянутый по линии З-В. В северо-восточной четверти глена, на глубине 70 см, найден нож. Следы глена костяка не зафиксированы.

Железный нож плохой сохранности, собран в мелких обломках (рис.5: 11). Его форма и размеры не восстанавливаются.

Погребение 525, курган 6 (рис.6: 2). Яма подпрямоугольной формы, размерами 210х83 см, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Уровень фиксации -30 см, глубина ямы 78 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно ров-

ное. На дне зафиксирован темный органический тлен подпрямоугольной формы, размерами 160-162x57-61 см. Тлен является, по-видимому, остатками гроба, лежащего по линии ЗСЗ-ВЮВ. В западном конце тлена обнаружен раздавленный глиняный сосуд. Следы костяка не выявлены.

Глиняный лепной сосуд очень плохой сохранности, взят в виде очень мелких “размытых” фрагментов. Его форма и оформление венчика не восстанавливаются. Керамика желто-серого цвета, имеет рыхлую фактуру с органической примесью и слабый обжиг. Следы орнамента не выявлены.

Погребение 526, курган 7 (рис.6: 1). На уровне -25 см зафиксирована яма подпрямоугольной формы с округлыми углами, имеющая у северной стенки выступ. Так как последний через 2-4 см исчез, то, по-видимому, он появился вследствие распашки. На глубине 30 см яма приобрела подпрямоугольную форму размерами 210x97 см. Могила ориентирована по линии З-В. Стенки слегка наклонные, дно уплощенное. Глубина ямы 42 см. Все находки выявлены на дне могилы. В западном конце погребения обнаружено скопление бисера (комплекс 1), среди которых имелась янтарная бусина, в центральной части, ближе к южной стенке - нож, в северо-восточном конце - второе скопление бисера, слегка вытянутое по линии З-В (комплекс 2). Следы костяка не выявлены.

Бисер из 1-го комплекса (124 экз.) печеночного (53 экз.), желтого (42 экз.) и черного (29 экз.) цветов (рис.6: 9).

Янтарная бусина темно-оранжевого цвета, покрыта матовой корочкой, имеет нечеткую подпризматическую форму с аморфными гранями (рис.6: 8). Длина бусины 16 мм, диаметр - около 5,5 мм.

Бисер из 2-го комплекса (401 экз.) полностью состоял из экземпляров желтого цвета (рис.6: 9).

Нож железный, плохой сохранности, в обломках (рис.6: 7). Имел прямую спинку, скошенный выступ при переходе от черешка к лезвию со стороны спинки. Сохранившаяся часть ножа имеет общую длину 126 мм, длину черешка 15 мм, лезвия - 111 мм. Ширина черешка 13 мм, ширина лезвия в средней части 18 мм.

Погребение 527, курган 8 (рис.6: 4). Яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ, зафиксирована на глубине 35 см. Размеры ямы 203x56-66 см, глубина 57 см. Стенки могилы отвесные, местами слегка наклонные, дно ровное. На дне могилы, в северо-западном конце, обнаружен тлен черепа и зубы, судя по которым погребенный был уложен головой на СЗ, скорее всего вытянуто на спине. В юго-вос-

точной половине ямы найден нож. На дне местами фиксировался темный органический тлен. Пол и возраст погребенного не определены.

Железный нож плохой сохранности собран в обломках (рис.6: 6). Как и ножи других подкурганных захоронений, он имел короткий черешок (около 30 мм), расширяющийся в сторону лезвия (ширина 12-19 мм), прямую спинку и небольшой скошенный выступ при переходе к лезвию со стороны спинки. Ширина лезвия в средней части около 14 мм. Общая длина не установлена.

Погребение 528, курган 9 (рис.6: 3). Уровень фиксации -30 см. Яма подпрямоугольной формы, размерами 221x87 см, глубиной 78 см, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Стенки могилы чуть наклонные, дно ровное. В запад-северо-западном конце погребения, на глубине 72-77 см, обнаружен тлен раздавленного черепа и зубы, к юго-востоку от которых найдены отдельные трубчатые кости рук плохой сохранности, возможно, в потревоженном состоянии. В восточной половине ямы, на глубине 73-78 см, выявлена пара костей ног плохой сохранности, к западу от которых, вдоль правого бедра (?), острием к голове, лежал нож. Если принять положение останков скелета *in situ*, то погребенный лежал вытянуто на спине по линии З-В, головой на запад. Пол и возраст погребенного вследствие плохой сохранности костей не определены.

Железный нож со слегка прогнутой спинкой (рис.6: 5). Черешок ножа, длиной около 17 мм, плавно расширяясь в сторону лезвия, переходит в него без наличия выступов. Максимальное расширение (21 мм) нож имеет в средней части лезвия. К острию нож симметрично закругляется. Общая длина 92 мм.

Погребение 529, курган 7 (рис.7: 1). Уровень фиксации -30 см. Яма подпрямоугольной формы, чуть расширенная в западной части, ориентирована по линии З-В, с небольшим отклонением к ЗСЗ-ВЮВ. Размеры могилы 247x90-106 см, глубина 90 см. Стенки могилы отвесные, дно ровное. На уровне фиксации в центре погребения выявлена столбовая ямка диаметром 7 см, глубиной 14 см. На дне ямы обнаружен костяк плохой сохранности (сохранились череп, нижняя челюсть, кости рук и ног, тлен таза). Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к ЗСЗ (281°); левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута и положена на живот. Скелет размещался в пределах темного тлена органического происхождения, особенно четко фиксировавшегося на дне могилы. Тлен подпрямоугольной формы, размерами 196x60 см. Все находки выявлены при костяке в пределах тлена. Справа от таза обнаружен железный предмет, напоминающий гвоздик,

на правом колене - железные удила, в области верхней части голени - 2 обувные бронзовые пряжки, у голени правой ноги - обломки железных предметов, у правой стопы - железная пряжка. Слева от колена левой ноги, в пределах более темного рыхлого органического тлена и остатков кожи и меха, обнаружен комплекс вещей: обломок железной пластинки, две бронзовые умбоновидные бляшки на обрывках кожи, бронзовый наконечник ремня, стеклянная буса. К северу от левого бедра, вдоль края тлена гроба, лежал кинжал. Погребен мужчина в возрасте около 18-20 лет (ближе к 18-ти).

Небольшой железный предмет длиной 21 мм (конец обломлен), напоминающий гвоздик (рис.7: 9). Имеет следы дерева.

Железные удила двусоставные, с крупными свободно вращающимися кольчатыми псалиями (рис.7: 14). Стержни в сечении круглые, длиной 78 и 81 мм, на концах раскованы и имеют прямоугольное сечение. Кольца-псалии, диаметром 75 и 77 мм, имеют круглое сечение.

Две небольшие обувные бронзовые трехсоставные пряжки (рис.7: 2, 3). Обе имеют приемник в виде овального, близкого к кругу, кольца, имеющего утолщенную переднюю часть и круглое сечение. Приостренные слегка загнутые язычки круглого сечения слабо выступают за кольцо, имеют в задней части ступенчатый срез, у одной пряжки - с небольшим прямоугольным выступом. Щитки пряжек имеют вид свободно вращающихся пластин со скошенным краем, обхватывающих кольцо. Один щиток полукруглой формы с выраженными приостренными уступами при переходе к приемнику. Размеры этой пряжки: общая длина 26 мм, рамка 17x14 мм, максимальная ширина щитка 14 мм (рис.7: 2). Щиток другой пряжки подтрапециевидной формы со слегка вогнутыми сторонами, с треугольными уступами при переходе к приемнику. Размеры кольца 18x15 мм, размеры щитка 14x14 мм, общая длина 29 мм (рис.7: 3). Щитки с внешней стороны не пробиты, крепились к ремню с помощью шпеньков с внутренней стороны.

Небольшие обломки железных предметов неясного назначения (рис.7: 8, 12), одна обнаружена у голени, другая - в области пояса.

Железная пряжка в обломках (рис.7: 13). Форма ее полностью не восстанавливается: либо она имела вытянутую подтреугольную форму, либо - ∞-видную.

Слегка прогнутая железная пластинка размерами 29x20 мм, имеющая более ровную внешнюю (прогнутую) сторону и спекшуюся - внутреннюю (рис.7: 11).

Две бронзовые круглые штампованные умбоновидные бляшки плохой сохранности (рис.7: 4, 5). Диаметр их около 15 мм. По периметру края бляшек украшены одним рядом “мелких выпуклин”. В центре выступающих умбонов имеются отверстия, в которые продеты мелкие шпильки-гвоздики. Одна из бляшек находилась на обрывке кожи (от ремня?), окрашенного в алый цвет (рис.7: 6). Не выяснено, являлись ли они украшениями обувных ремешков или размещались на поясе. Не исключено их использование в качестве украшения ножен.

Бронзовый наконечник ремня в виде перегнутой пластинки с парой выступающих шпильков в виде полугорошин по верхнему краю (рис.7: 7). От наконечника сохранилась верхняя часть шириной 7 мм. Очевидно, вместе с бронзовой пряжкой он составлял гарнитуру обувного ремешка. Предположительно в могиле имелся и второй несохранившийся наконечник ремня.

Полупрозрачная стеклянная буса дымчато-синего цвета (рис.7: 10). Форма эллипсоидная. Длина бусины 13 мм, диаметр - 9 мм. Найдена на обрывке кожно- меховой одежды (?).

Железный однолезвийный кинжал с прямой спинкой, длиной 283 мм (рис.7: 15). Черешок короткий (48 мм), расширяющийся к лезвию; ширина его 16-29 мм. При переходе от черешка к клинку имеются выступы, со стороны лезвия более четко выраженной треугольной формы. Клинок, имеющий длину 235 мм и максимальную ширину у черешка (34 мм), плавно сужается к острию. Ширина в средней части лезвия 28 мм. Почти вдоль всей длины клинка с обеих сторон, ближе к лезвию, имеются желобки. Максимальная толщина клинка (чуть больше 2 мм) проходит вдоль ее средней линии.

В курганной части могильника, кроме того, в кв.НО/5-6 исследована яма (рис.2). На уровне фиксации (-15 см) она имела подтрапещевидную форму размерами 212x130-175 см и была ориентирована по линии 3-В (98°-278°). Ниже размеры ямы сократились. Стенки ямы округло-наклонные, восточная стенка более отвесная. Дно округлое, в центральной части уплощенное. Максимальная глубина 66 см. В центре ямы, на уровне дна, обнаружена столбовая ямка диаметром 12 см и глубиной 12 см (рис.1Б: 10). Яма заполнена темно-серым гумусированным суглинком, по составу сходным заполнению курганных канавок. В центральной части засыпи ямы, на глубине 25-45 см, найдены фрагменты керамики. Функциональное назначение ямы неясно.

Мелкие фрагменты лепной керамики (10 экз.) рыхлой фактуры светло-коричневого и серо-коричневого цветов. Обжиг слабый, в глиняном тесте имеется примесь толченной раковины и органики. Фрагменты с орнаментом не обнаружены. Форма сосудов не восстановлена.

В отношении происхождения большинства столбовых ямок, выявленных в этой части могильника, нельзя сказать ничего определенного. Наряду с ямками от столбов древнего происхождения (например, зафиксированным на уровне дна курганных канавок) имеются бесспорно поздние столбовые ямки. Поэтому при интерпретации их назначения следует быть осторожным. В частности, ряд столбовых ямок, обнаруженный вдоль погребения 434 (кв.ИК/5-6), в случае признания их синхронными могильнику, может являться следом древней изгороди, отделявшей курганную часть могильника от поздней, а при определении их в качестве поздних - как остатки изгороди недавнего прошлого.

Особенности погребального обряда

Одним из важнейших открытий последнего времени на Варнинском могильнике, таким образом, является выявление на нем курганов, первых на раннесредневековых памятниках бассейна р.Чепцы.

Курганы имели, скорее всего, невысокие насыпи, которые вследствие многолетней распашки поверхности памятника полностью исчезли. Наличие курганов в древности выявляется лишь при раскопках по наличию под пахотным слоем курганных ровиков вокруг погребений. Как уже указывалось, они заполнены, как правило, темно-серым гумусированным суглинком, который хорошо выделяется на фоне остальной почвы.

Форма курганных ровиков различна: полукольцевая, открытая в западной части (кург.1); в виде несомкнутого в северо-западной части кольца (кург.3); дуговидная, ограничивающее захоронение с севера (кург.2) или юго-востока (кург.7, 8); в виде прямых коротких ровиков овальной или подпрямоугольной формы (кург.4, 5, 6)⁶. У погребений 528 (кург.9) и 434 курганные ровики не обнаружены. Концы канавок иногда расширены (кург.1, 3). Диаметр курганов от 2,8-3 м (кург.2) до 8,5-9 м (кург.1); 6,5-7,6 м у кург.3, около 5,5 м у кург.7, размер курганов 4, 5, 6, 8, 9 не выяснен.

Обращает на себя внимание тот факт, что курганы с наиболее сохранившимися под пахотой ровиками чаще всего открыты (имеют разрыв канавки) в западной или северо-западной части (кург.1, 3, отчасти 7

⁶ Нужно учитывать, что это форма и размеры курганных канавок ниже пахотного слоя, обычно на глубине 15-20 см от современной поверхности.

и 8), т.е. в той части, куда обычно покойников укладывали головами. Кроме того, в ряде случаев в северо-западной разомкнутой части курганов выявлены ямки от столбов (кург. 1, 2, 4), имевших, по-видимому, какое-то значение в качестве элемента погребального ансамбля.

Курганные канавки имели ширину 29-176 см, глубину - до 82 см. Длина ровиков в виде прямых коротких ям от 80 до 225 см. Дно канавок округлое или округло-уплощенное, в отдельных случаях (кург.2) - приостренное. В заполнении канавок обычно встречались уголь, зола, а также обугленное дерево (кург.2), обломки керамики (кург.1, 4). К остаткам погребальных сооружений относятся столбовые ямки, обнаруженные в канавках на уровне их дна (кург.3, 8).

Курганы содержали по одному погребению (курганы 2, 4, 6; также, вероятно, 5, 8, 9) или более: два - кург.7; четыре - кург.1; четыре или пять - кург.3. В последних случаях в кургане выявляются более ранние, центральные захоронения и более поздние, совершенные, чаще всего, к северо-востоку от первых. Погребения одного кургана составляли один ряд, вытянутый с ССВ на ЮЮЗ. Точно также и захоронения в соседних курганах выстраивались в аналогично ориентированные ряды (рис.2). Последнее свидетельствует о том, что и сами курганы размещались на могильнике рядами. На исследованной части могильника выявлено четыре ряда курганов: кург.2, 5 и погр.434 составляли первый ряд; кург.4 - второй; кург.1, 3, 8 и 9 - третий; кург.6 и 7 - четвертый ряд.

Захоронения совершены, как правило, в простых подпрямоугольных ямах размерами 120-247х50-120 см, ориентированных по линии ЗСЗ-ВЮВ (77,8 %), З-В (16,7 %) или СЗ-ЮВ (5,5 %, 1 случай). Глубина могил от 42 до 90 см. В большинстве погребений (в 14 случаях; 77,8 %) на дне фиксировался темный тлен органического происхождения, являющийся остатками гроба или какой-то подстилки. В захоронении 370 обнаружено погребальное сооружение в виде рамы из вертикально поставленных плах, по-видимому, без дна.

Антропологический материал в подкурганных погребениях почти полностью истлел, фрагментарные останки очень плохой сохранности обнаружены лишь в 9 могилах (50 %). Судя по ним, покойник укладывался вытянуто на спине, чаще всего, головой на ЗСЗ (погр.370, 430, 512, 515, 516, 529), реже - на З (погр.434, 528) или СЗ (погр.527).

Основную часть подкурганных захоронений сопровождал сравнительно бедный погребальный инвентарь: в большинстве случаев в могилу был положен только нож (61,1 %), в трех случаях найден бисер (погр.370 - в составе жертвенного комплекса; 379; 526 - вместе с но-

жом), в трех других случаях умершего сопровождал глиняный сосуд (погр.379, 515, 525; примечательно, что первые два захоронения детские). В заполнении двух могил, кроме того, обнаружены фрагменты керамики (погр.512, 514).

Интерес представляют погребения 370 и 529, где обнаружен более представительный материал. В захоронение 370, очевидно, женском, рядом с черепом справа найден так называемый жертвенный комплекс - набор вещей (бисер, височное кольцо, бронзовая цепочка), помещенный в берестяной тусок. Сходные комплексы в берестяных сосудах уже встречались в преимущественно ранних, конца V-VII вв., погребениях Варнинского могильника [Семёнов 1980, с.22; Иванов 1998, табл.1]. Подобные жертвенные комплексы наиболее типичны для захоронений мазунинской культуры III-V вв. на средней Каме [Останина 1997, с.25-27], хотя встречаются и в курганных могильниках харинского типа Верхнего Прикамья [Генинг, Голдина 1973, с.67; Голдина, Водолаго 1990, с.69] и Пovyчегодья [Ашихмина 1988, с.12-13]. Большим количеством погребального инвентаря, среди которого представлены металлические детали одежды, предметы вооружения и конской упряжи, выделяется мужское захоронение 529. Интересно, что оно отличается и устройством могильной ямы: она имеет крупные размеры (247x90-106 см) и наибольшую глубину (90 см).

При характеристике погребального обряда курганной части Варнинского могильника сразу бросается в глаза его схожесть с курганами харинского типа. Отмечу, что под памятниками харинского типа мной здесь понимается круг курганных могильников Приуралья и Пovyчегодья, имеющий достаточное единство в погребальном обряде и составе вещевого материала. Это могильники собственно харинского типа в Верхнем Прикамье [Генинг, Голдина 1973; Голдина 1985], бродовского типа - в Сылвенско-Иренском поречье [Голдина 1986; Голдина, Водолаго 1990], типа могильника Качка - на средней Каме [Schmidt 1927; Генинг 1959], типа могильников Весяна I и Борганъель - в Пovyчегодье [Савельева 1979; Ашихмина 1988] (см. также [Иванов 1998, с.25, 38-39; рис.2]). В данной статье не ставилось цели детально проанализировать сходство курганов Варнинского могильника с упомянутым кругом памятников, учитывая ограниченность объема статьи и начальную стадию изучения варнинских курганов. Отмечу лишь, что эта близость наблюдается по всем основным характеристикам погребального обряда: в сооружении невысоких насыпей, которые во многих случаях разрушены при пахоте; в размещении курганов рядами; в наличии курганных канавок, среди кото-

рых преобладают дугообразные и полукольцевые; в размерах канавок; в преобладании у ровиков округло-уплощенных днищ; в нахождении в канавках угля и фрагментов керамики; в преобладании одного захоронения под насыпью; в расположении могил рядами (когда их несколько под одной насыпью); в совершении захоронений, как правило, в простых подпрямоугольных ямах на глубине 40-100 см; в преобладании широтной ориентации могильных ям; в наличии погребального сооружения в виде прямоугольной рамы из деревянных плах; в преобладании труположения вытянуто на спине; в ориентации покойников головой на запад или северо-запад (одна из наиболее распространенных ориентировок); в сходном наборе погребального инвентаря, в котором наиболее часто встречаем нож; в случаях находок жертвенных комплексов в берестяных коробочках; в редком сопровождении погребенных глиняными сосудами [Генинг, Голдина 1973, с.61-67; Голдина 1985, с.15-22; Голдина, Водолаго 1990, с.66-70]. Кроме того, к элементам сходства можно отнести наличие на многих могильниках курганной и бескурганной частей. Таким образом, курганная часть Варнинского могильника по особенностям погребального обряда, также, как и по составу погребального инвентаря, полностью сходна с курганными могильниками харинского типа Приуралья и, по-видимому, может быть включена в их число.

Основания для датировки курганной части Варнинского могильника

Отмеченная близость курганной части Варнинского могильника памятникам харинского типа уже сама по себе является репером, позволяющим наметить вероятные хронологические рамки сооружения варнинских курганов. При обобщении комплексов харинского типа В.Ф.Генинг и Р.Д.Голдина датировали их V - первой половиной VI в. [1973, с.87]. Дальнейшие работы над раннесредневековой хронологией Прикамья позволили Р.Д. Голдиной датировать харинский этап ломоватовской археологической культуры Верхнего Прикамья V-VI вв. (скорее всего, без конца VI в.) и, при этом, наметить неоднородность этих комплексов - в предварительном виде были выделены две группы вещей харинского типа, одна из которых - более ранняя [Голдина 1979, с.80, рис.1; Голдина, Королёва, Макаров 1980, с.44-47, рис.6]. Опираясь на публикацию памятников харинского типа, А.К. Амброз отметил разновременность сопутствующих им вещей, подразделив их на три хронологические группы: V, VI и VII в., - где последний III период "харина" синхронен времени поздних геральдических пряжек Башкирии и юга [Амброз 1980, с.25-32]. Раскопки кур-

ганных могильников в бассейне р. Сылвы (курганные части Бродовского и Верх-Саинского могильников), проведенные КВАЭ в последние годы, позволили уточнить и расширить датировку памятников этого типа. Полученные материалы были отнесены исследователями к бродовской (конец IV-V вв.) и верх-саинской (VI в., скорее всего, без последней четверти) стадиям неволинской культуры в бассейне р. Сылвы [Голдина 1991, с.168-176; Голдина, Водолаго 1990, с.90-92]. По данным Верх-Саинского могильника смена подкурганных захоронений бескурганными происходит в VII в. [Голдина, Водолаго 1990, с.70], скорее всего, в его первой половине, т.к. в наиболее поздних курганах обнаружена только “догафоновская” геральдическая поясная гарнитура (Верх-Сая, кург.9, 15, 26 и др.). Материалы курганных могильников харинского типа в Повычегодье также датированы в рамках V-VII вв. (при преобладании комплексов VI-VII вв.) [Савельева 1979; Васкул 1987, с.79; Ашихмина 1988, с.15]. Таким образом, хронологические рамки курганной части Варнинского могильника могут быть определены в самом общем виде концом IV - первой половиной VII в.

Прежде, чем обратится непосредственно к вещевому материалу курганных погребений могильника, отмечу некоторые стратиграфические наблюдения, позволяющие выявить временное соотношение некоторых захоронений. Так, погребение 359, как основное в кургане 1, более раннее, чем погребения 370, 377 и 379, которые перекрывали канавку этого кургана; погребение 514 позднее погребения 512 (основного в кургане 3), т.к. перекрывало последнее; погребения 515, 516 и 524, нарушавшие канавку кургана 3, также позднее погребения 512. Впрочем, для разработки относительной и абсолютной хронологии эти наблюдения мало что дают, т.к. в этих могилах найдены, преимущественно, лишь ножи, к тому же нередко в плохом состоянии и в обломках. В целом можно отметить их типологическое единство с ножами из харинских комплексов.

Обратимся к инвентарю четырех погребений - женских (?) 370 и 526, детского 379 и мужского 529, - важных для уточнения датировки курганной части Варнинского могильника. В погребении 370 в составе так называемого жертвенного комплекса, помещенного в берестяной сосудик, находились обрывки бронзовой цепочки, бисер и *височное кольцо* (серьга). Кольцо круглой формы, диаметром 23 мм, изготовлена из бронзовой проволоки (рис.3: 4). Концы кольца оформлены в виде петли и крючка, а сама дужка, начиная от петли, на 3/4 диаметра перевита остатком проволоки. Оно относится к группе круглых проволочных височных подвесок без привесок, имеющих дополнительную проволочную обмотку (по типологии Р.Д. Голдиной - отдел В, тип 1, подтип д [Голдина 1980, с.35] или подтип е [Голдина, Кананин

1989, с.62]). Сходные перевитые височные кольца, но имеющие, как правило, прямые концы и обмотку второй проволокой, происходят из могильников харинского типа (рис.8: 20-24): Броды, к.3/п.10 (4 экз.) [Оборин 1969, с.58, рис.104], к.7/п.1 [Голдина 1986, табл.7: 2; 1991, рис.3: 66]⁷; Качка, раскоп I, погр.2 [Генинг 19596, рис.4: 3]; Агафоново I, к.1/п.3 [Голдина, Королёва, Макаров 1980, табл.1: 3], - где они широко могут быть датированы концом IV-VI вв. Абсолютно аналогичные варнинской серьги, т.е. имеющие те же размеры, обмотку той же проволокой, что и основа, концы в виде крючка и петли (рис.8: 19, 33, 34), найдены на Аверинском II могильнике в верховьях Камы (вне могилы) [Голдина 1980, табл.III: 12] и на ванвиздинском поселении Вис II (2 экз.; обнаружены в комплексе с вещами харинского горизонта: ножами с желобком, полусферическими пряслицами, щипчиками, бусами и пр.) [Буров 1967, XXXIII: 10, 11], где они, по-видимому, могут быть датированы тем же временем. Височные кольца с проволочной обмоткой встречаются и позднее, в VII в., но в этот период это, как правило, крупные кольца большого диаметра, часто с привеской (ср., например, экземпляры из погр.80 Поломского I могильника - рис.8: 25).

В Прикамье рассматриваемым украшениям предшествуют и частично синхронны кольца с проволочной обмоткой, происходящие из могильников III-V вв. азелинской культуры [Генинг 1963, табл.I: 7-9; Старостин, Кузьминых 1978, рис.2: 1, 6, 7]. Концы этих колец часто оформлены в виде крючка и петли или двух крючков, а на основу дополнительно нанизаны мелкие бусы или бисер (рис.8: 26-28). Похожие кольца-привески, но не всегда имеющие проволочную обмотку, встречаются и в могильниках мазунинской культуры III-V вв. [Останина 1997, рис.4: 13; 9: 11; 15: 19]. Другую самостоятельную линию развития в Прикамье височных подвесок с кольцом, имеющим обмотку проволокой, дают височные подвески так называемого “мазунинского” или “бахмутинского” типа (рис.8: 30-31): в виде прямого стержня с крупным замкнутым кольцом на нижнем конце и маленьким крючком - на верхнем, на стержень часто нанизана бусина [Останина 1997, с.33-35]. Два экземпляра таких подвесок обнаружены и в Варнинском могильнике (погр.285; рис.8: 32).

Височные кольца с концами в виде петли и крючка и с дополнительной обмоткой дужки проволокой несомненно восходят к серьгам (рис.8: 1-17), широко встречающимся на античных некрополях и поселениях пер-

⁷ При общей классификации вещевого материала могильников неволинской культуры эти височные кольца из Бродовских курганов оказались ошибочно включенными в группу щитковых перстней, имеющих обмотанные проволокой кольца [Голдина, Водолаго 1990, с.78, табл.XXIII: 2].

вых веков н.э. Северного Причерноморья [Арсеньева 1977, табл. XXXI: 5; Корпусова 1983, с. 56-57; Античные государства 1984, табл. CLXII: 17, 18, 24, 26] и которые, в свою очередь, происходят от аналогичных украшений эллинистического времени. Эти серьги имеют все характерные элементы рассмотренных выше височных колец: небольшие размеры; проволочную дужку, загнутую по концам петелькой и крючком; дополнительную обмотку кольца проволокой, оставшейся после оформления петли (в отличие от варнинского экземпляра эта обмотка обычно занимает лишь небольшой участок дужки у петли). Некоторое своеобразие многим причерноморским серьгам придает часто встречающееся дополнительное украшение петли спиралью, вставкой или объемной фигурой (последнее наиболее характерно для ранних типов). Из позднеантичных центров серьги рассматриваемых типов распространились в этот период также среди поздних скифов и сармат Северного Причерноморья [Фёдоров 1969, рис. 2: 3; Гросу 1990, рис. 9А: 4, 6; 9Б: 3; 17А: 11, 12; Степи 1989, табл. 55: 38, 61; Дашевская 1991, табл. 67: 9, 10]. Наиболее поздние экземпляры подобных серег в Причерноморье датированы III-IV вв. Таким образом, типологическое единство височного кольца из погребения 370 и позднеантичных серег Северного Причерноморья позволяет датировать варнинскую находку (добавлю сюда же серьги из поселения Вис II), скорее всего, начальным периодом существования памятников харинского типа, а точнее - концом IV - V вв. В то же время, находка аналогичной серьги (рис. 8: 19) на площадке Аверинского II могильника, где, как будто, отсутствуют материалы этого времени [Голдина, Кананин 1989, с. 82-83], предполагает их бытование и в VI в.

В трех подкурганых погребениях (370, 379, 526) найден *бисер*, изготовленный членением тянутых трубочек одноцветного заглушенного стекла (всего 631 экз.). Абсолютно преобладает бисер желтого цвета (514 экз. в трех погребениях), значительно меньше бисера голубого и синего (32 экз. в двух), печеночно-красного (53 экз. в одном) и черного (30 экз. в двух) цветов, единично найден светло-зелёный бисер (2 экз. в одном погребении). В харинских могильниках бисер составляет свыше 70 % от общего количества бусинного материала, причем в нем также преобладает бисер желтого и голубого цветов [Генинг, Голдина 1973, с. 70]. Бисер широко встречается в материалах могильников мазунинской культуры и особенно его много ("бисерный бум") на позднем этапе - в погребениях IV-V вв. [Останина 1997, с. 111-112]. В то же время следует отметить, что простой рубленный бисер этих цветов встречается в широком хронологическом диапазоне и не является жестко датирующим репером (см. находки такого

бисера в опубликованных материалах Варней, где они встречены в погребениях разного времени [Львова 1983, с.99, 102]. Р.Д. Голдина и О.П. Королёва отнесли аналогичный бисер из средневековых могильников Верхнего Прикамья к группам бус, бытующим на протяжении длительного времени: V-IX вв. (тип 14 по предложенной ими классификации) или V-XI вв. (типы 32, 42, 49), - за исключением бисера красно-печёночного цвета (тип 28), включенного в группу бус V-VII вв. [Голдина, Королёва 1983, с.62, 63; рис.2].

В погребении 526 вместе с бисером найдена *янтарная бусина* нечеткой подпризматической формы с аморфными гранями (рис.6: 8). Она отличается от янтарных бус дисковидной формы, встречающихся в Прикамье в V - начале VII в. (тип 189 по Р.Д. Голдиной и О.П. Королёвой [1983, с.51]) и своим оформлением ближе к подпризматическим и усеченно-пирамидальным бусам из янтаря, известным в материалах I-IV вв.н.э. в Северном Причерноморье (типы 14, 15, 17 и т.п. [Алексеева 1978, с.24; табл.25, 29-33, 37]). Впрочем, подпризматические бусы из янтаря встречались и позднее (см., например, [Гавритухин, Обломский 1996, с.45]).

Важнейшее значение для датировки в целом курганной части Варнинского могильника имеет вещевой комплекс погребения 529, в котором обнаружены две небольшие пряжки, две умбоновидные бляшки, наконечник ремня, железная пряжка, кинжал, железные кольчатые удила, а также одна бусина эллипсоидной формы из полупрозрачного стекла дымчато-синего цвета (рис.7: 10) и мелкие железные предметы или их коррозированные обломки.

Две малые *бронзовые*, так называемые *трехсоставные пряжки* близки между собой и различаются лишь формой щитка (рис.7: 2, 3). Округлые рамки имеют утолщенную переднюю часть. Приостренные язычки слабо выступают за кольца и слегка загнуты, в задней части имеют ступенчатый срез. Свободно вращающиеся щитки сделаны из пластин, перегнутых пополам вокруг тыльных сторон колец, у обхвата кольца имеют приостренные уступы. Щитки с внешней стороны оформлены по-разному: у одной пряжки он полукруглой (сегментовидной) формы, у другой - подтрапециевидной с вогнутыми сторонами.

Мелкие трехсоставные пряжки с пластинами различных форм широко представлены в материалах курганных могильников харинского типа в Верхнем Прикамье и характерны, в первую очередь, для ранних погребений этого круга (Бурково, к.2/п.2, к.2/п.4, к.5/п.3, к.6/п.1, к.13/п.3, погр.21, 56, 72; Митино, погр.27; Чазево II, к.1/п.1, к.1/п.2; Харино, находки; Качка, р.П,

погр.2, 3 и др.) [Генинг, Голдина 1973, рис.4: 3, 8, 9, 11-14; 5: 8, 14, 20; 6: 9, 11, 13, 14; Генинг 1959б, рис.4: 5, 6]. Р.Д. Голдина определила эти комплексы в качестве ранней харинской подгруппы (для нее типична ранняя, восточная часть Бурковского могильника) в рамках харинской стадии V-VI вв. (без последней четверти) ломоватовской АК [Голдина, Королёва, Макаров 1980, с.43, 47, рис.6]. Примечательно, что А.К. Амброз также отнес харинские погребения с мелкими пряжками этих вариантов к выделенной им I хронологической группе, датированной V в. [Амброз 1980, с.30, 32, рис.8: 1-9; 9]. В последнее время Р.Д. Голдиной более четко вычленена самая ранняя стадия неволинской культуры в бассейне р. Сылвы - бродовская конца IV-V вв., - с характерными небольшими трехсоставными пряжками с нависающей, но слабо выступающей иглой, с несколько утолщенной передней частью кольца и с пластинами различных вариантов [Голдина, Водолага 1990, с.90-91, табл.LXV: 1-9, 15, 16, 18, 19, 23-27, 29-33]. По материалам Бродовских и Верх-Саинских курганов предпринята попытка и более дробного деления погребальных комплексов на хронологические группы. Интересующие нас варианты пряжек вошли в группы А - Д, датированные ею в рамках 370-525 гг. [Голдина 1991, рис.3].

Большое сходство по всем основным признакам варнинские экземпляры имеют с пряжками Тураевского курганного могильника в нижнем течении р. Камы. В.Ф. Генинг датировал могильник концом IV - первой половиной V в., отметив при этом, что тураевские пряжки (53 целых экз.) в целом относятся к стилю V в. [Генинг 1976, с.104, 107]. Признав, что Тураево в целом "содержит набор форм V в., но явно уже доживающий", А.К.Амброз отнес памятник еще до его публикации ко второй половине V - первой половине VI в. [Амброз 1971, с.107, рис.9: 13-15, 19, 20].

Пряжки, близкие рассматриваемым, распространены на финальных стадиях мазунинской (Среднее Прикамье, включая бассейн р. Белой) и азелинской⁸ (бассейн р. Вятки) культур III-V вв. По Т.И. Останиной пряжки этих типов характерны для поздней стадии мазунинской культуры, датированной ею V в., хотя первые экземпляры распространяются уже в IV в. [Останина 1997, с.64-67, 107, рис.14: 1, 2, 4, 8, 11, 12, 15, 17, 21; 51: 12, 15-17, 30, 41]. Сайгатский могильник, содержащий близкий варнинскому вариант пряжек, в хронологической схеме эволюции прикамской поясной гарнитуры помещен В.Ф. Генингом во 2-ой половине IV - начале V в. [Генинг 1979, рис.: В]. В периодизации погребальных комплексов из

⁸ Р.Д. Голдина и Н.А. Лещинская памятники азелинской культуры включили в выделенную ими худяковскую археологическую культуру III в. до н.э. - V в. н.э.

могильников бассейна р. Вятки I тыс. н.э., разработанной Н.А. Лещинской, интересующие нас пряжки помещены в четвертую хронологическую группу, датированную V в. [Лещинская 1995, рис.10].

Для разработки раннесредневековой хронологии Поволжья и Приуралья большое значение имеют материалы Бирского могильника на севере Башкирии [Мажитов 1968]. Опубликованные материалы были детально проанализированы А.К. Амброзом и представлены в виде итоговой таблицы по периодизации могильника. Варианты рассматриваемых здесь пряжек (“хоботовые пряжки без обоймы и со слабо выступающим острием, мелкие пряжки с короткой полукруглой или треугольной обоймой средней длины”) оказались включенными в периоды I-II функционирования памятника (IV-V вв.), с отдельными переживаниями в III периоде (VI в.). [Амброз 1980, с.40, рис.13: 2, 4, 6]. “Усовершенствование” таблицы периодизации Бирского могильника в интересующей нас части не изменило этой картины [Гавритухин 1996, рис.2: 2, 4, 6 (периоды А-Б с заходом в В)].

Предпочтительная датировка варнинских пряжек концом IV-V вв. не противоречит существующим хронологическим шкалам для древностей юга Восточной Европы. Сходные им пряжки (“калачиковидные с хоботовидным язычком”) распространяются на поздней стадии развития черняховской культуры: ступень D / вторая половина IV - первая половина V в. по К. Годловскому; периоды 4 и 5 / 350-410 гг. по О.А. Гей и И.А. Бажан [Щукин, Щербакова 1986, с.189-190; Славяне 1993, с.151, табл.LXVI: 2, 7-9, 11, 13, 16, 19, 23; Гей, Бажан 1997, с.44, 48].

Пряжки, происходящие из погребальных комплексов южнорусских степей гуннской эпохи (конца IV-V вв.) несколько отличаются в целом от прикамских формами щитков и более частым изготовлением их из благородных металлов [Амброз 1981, с.16; Засецкая 1994, с.79-97, рис.19а-19в]. Варнинские экземпляры, к тому же, по некоторым признакам еще близки пряжкам IV в., в частности, наличием хоботового язычка с приостренным концом, слабо выступающим за кольцо и имеющим ступенчатый срез сзади [Амброз 1971, с.102].

Варнинские пряжки близки пряжкам 2-го и 3-го вариантов⁹ по типологии А.И. Айбабина для вещевого комплекса поздне римских и раннесредневековых могильников Крыма (Боспор, Юго-Западный и Степной Крым), отнесенным к первой и второй хронологическим группам и датированным, соответственно, первой и второй половинами IV в. [Айба-

⁹ Наличие или отсутствие щитка у овальных и сегментовидных пряжек А.И.Айбабин, вслед за А.К. Амброзом, не считает основанием для отнесения их к различным типологическим группам [Айбабин 1990, с.27].

бин 1990, с.27-28, 59, 63, рис.22: 3, 4, 8-11, 16-18]. Рассматриваемые пряжки из могильников Крыма А.К. Амброз также отнес к IV в. [1992, с.12, табл.1: 8-10; 1994, с.33, рис.2: 18, 19], основываясь на том, что в V в. распространяются иные пряжки - с длинным хоботовидным язычком. Аналогичные пряжки из керченских склепов, частично включая сюда и пряжки с удлиненными хоботовидными язычками, И.П. Засецкой отнесены к последней четверти IV - первой половине V в. (I период) [Засецкая 1979; 1990, с.99, рис.1].

Обзор проблемы датировки пряжек, сходных с варнинскими, закончу материалами Северного Кавказа. В своей специальной работе по хронологии древностей Северного Кавказа V-VII вв. А.К. Амброз не останавливается на характеристике особенностей пряжек IV в., упоминая для этого времени лишь курганы у хут. Октябрьского [Амброз 1989, с.27-28, рис.4]. Северокавказские пряжки IV в. от изделий V в. М.П. Абрамова, вслед за работами А.К. Амброза, отличает по степени выступания хоботовидной иглы за рамку и толщине передней части кольца [Абрамова 1997, с.117, 127].

Анализ пряжек из погребения 529, проведенный по методу горизонтальной оценки равнозначных аналитических признаков и их встречаемости, предложенному А.В. Богачёвым [1992, с.76-84], позволил прийти к тем же выводам. Признаки, характеризующие варнинские пряжки (округлая рамка круглого сечения, имеющая утолщенную переднюю часть; приостренный хоботовидный язычок слабо выступает за рамку и имеет в задней части ступенчатый срез; небольшие щитки полукруглой и подтрапециевидной форм; изготовление щитка из пластины, перегнутой через рамку; крепление к ремню с помощью гвоздиков, фасетирование щитка, мелкие размеры пряжек), наиболее типичны для пряжек второй (фёдоровской 1-ой четверти V в.) и третьей (тураевской V - первой половины VI в.) хронологических групп (по типологии А.В. Богачёва для поясной гарнитуры IV-VIII вв. Среднего Поволжья), хотя часто встречаются уже на пряжках первого (тезиковского III-IV вв.) этапа. Учитывая это, а также то, что выделенный А.В. Богачёвым тураевский этап разделится, по-видимому, на хронологические подгруппы, где собственно тураевская подгруппа будет более ранней (V в.), варнинские пряжки, сочетающие в себе некоторые черты ранних хоботковых пряжек, скорее всего могут быть датированы последней четвертью IV - первой половиной V в., с вероятностью их бытования целом в V в.

Бронзовый наконечник узкого ремня из погребения 529 принадлежит к тому же хронологическому горизонту, что и пряжки. К сожалению, плохая сохранность не позволила зафиксировать оформление нижней части

наконечника. Она изготовлена из узкой согнутой пополам прямоугольной (?) пластины. Ремень зажимался между пластинами и заклепывался с помощью двух гвоздиков с полусферическими головками (рис.7: 7).

В Прикамье аналогичные наконечники ремней обнаружены в том же круге памятников IV-V вв., что и пряжки: могильник Качка, р. II, погр.3 [Генинг 19596, рис.4: 8]; Бурково, к.2/п.11, к.13/п.3, погр.18, 21; Митино, погр.24 [Генинг, Голдина 1973, табл.7: 25, 27]; близкие варианты - в Тураевских курганах [Генинг 1976, с.92, рис.27: 11, 12, 16, 17; 30: 11-16; 32: 13, 14] и в ранних погребениях Бирского могильника [Мажитов 1968, с.14, табл.6: 7-11]. Время их бытования может быть уточнено на основании хронологии материалов курганных могильников харинского типа, разработанной Р.Д. Голдиной. Группа небольших узких наконечников ремня из перегнутой пополам пластины, крепившаяся к ремню в верхней части с помощью гвоздиков с полусферическими головками, датирована ею, в основном, концом IV-V вв.: это бродовская стадия неволинской культуры (хронологические группы А-Г по материалам Бродовского могильника) [Голдина 1991, с.168 и сл., рис.3: 10, 11, 51, 52, 56, 67, 75-77, 88, 103, 117, 124, 134]; ранняя подгруппа (раннехаринская) харинской стадии ломоватовской культуры [Голдина, Королёва, Макаров 1980, с.43, рис.6: 2].

По А.В. Богачёву разновидности наконечников ремней с перечисленными признаками характерны для I-III хронологических групп (с III-IV по первую половину VI в.) в развитии раннесредневековой поясной гарнитуры Среднего Поволжья [Богачёв 1992, с.135-136, 149, 152].

Две круглые штампованные умбоновидные бляшки, с шишечкой-умбом в центре. По краю бляшки декорированы одним рядом мелких выпуклин-“жемчужин”. Бляшки крепились с помощью бронзовых гвоздиков через отверстие в центре бляшки. Одна из бляшек найдена на фрагменте кожи, окрашенном в алый цвет (рис.7: 4-6). Последнее свидетельствует, по-видимому, о том, что это бляшки поясного ремня, хотя кожа может быть и остатком одежды или обкладки ножен. Попутно отмечу популярность красной или алой краски в этот период - в этот цвет были окрашены, например, кожаные покрытия ножен меча из Бродовского могильника (кург.25/п.2), ножны мечей и кинжалов в Тураевских курганах [Генинг 1976, с.87], кожаные пояса в могильниках азелинской (Суворово, Азелино) [Генинг 1963, с.37, рис.15] и мазунинской культур (Тарасово; сообщение О.В. Арматынской).

Умбоновидные бляшки из погребения 529 не единственные в помоских материалах. Близкие им бляшки, украшенные несколькими кон-

центрическими рядами выпуклин, найдены в погребениях 28 (рис.9: 11) и 74 Варнинского могильника (здесь они использовались в качестве украшения ножен и датированы концом V - первой пол. VI в.) [Семёнов 1980, табл. XIII: 24, XXV: 6; рис. 10: 14] и на Поломском городище “Гыркешур” (рис.9: 4).

Как и прочие находки, умбоновидные бляшки находят аналогии в круге памятников харинского типа. Серебряные штампованные круглые бляхи с концентрическими рядами выпуклин найдены по одному экземпляру в погр. 39 Митинского могильника [Генинг, Голдина 1973, табл. 7: 10] и в курганном погребении Шойнаяг [Васкул 1987, рис. 1: 6]. Р.Д. Голдина митинскую бляшку включила в раннехаринскую подгруппу вещей [Голдина, Королёва, Макаров 1980, рис. 6: 18], где она может быть датирована концом IV-V вв. Две крупные полусферические накладки, покрытые выпуклинами и крепившиеся гвоздиком через отверстие в центре к какой-то деревянной поверхности (к ножнам?) найдены в кургане V Тураевского могильника [Генинг 1976, с. 72, рис. 29: 3].

Умбоновидные бляшки с выпуклым полусферическим центром, литые и штампованные, были широко распространены в мазунинской культуре, где могли являться украшением различных частей одежды или ее атрибутов, например, ножен [Останина 1997, с. 40]. Варнинской бляшке наиболее близки штампованные экземпляры из бронзового листа, украшенные рядами выпуклого точечного орнамента, датированные Т.И. Останиной IV-V вв. [Останина 1997, рис. 4: 19; 51: 61]. Круглые штампованные умбоновидные поясные накладки характерны также для ранней группы погребений Бирского могильника [Мажитов табл. 1; 6: 1, 2].

Таким образом, по прикамским материалам умбоновидные штампованные бляшки могут в основном быть датированы IV-VI вв. Более поздним временем, концом VI-VII вв. датированы литые умбоновидные накладки из Петропавловского могильника [Семёнов 1976, табл. III: 23]. Кроме того, нужно отметить, что распространение подобных бляшек в эпоху переселения народов не ограничивается рамками Прикамья. Достаточно указать, например, на находки их в Верхнем Поволжье (Кошубеевский, Кузьминский, Борковский могильники, Щербинское городище) [Розенфельдт 1982, рис. 29: 33, 34], в Печерском Приуралье (Адакская I пещера) [Васкул 1992, рис. 3: 14], на Алтае (Балыктыюль) [Сорокин 1977, рис. 5: 12] и т.д.

Железная пряжка из погребения 529 сохранилась, к сожалению, в обломках и форма его полностью не восстанавливается (рис. 7: 13). Тем самым затруднено и ее датирование. Скорее всего она имела подтреуголь-

ную или ∞ -видную форму. Последние встречены, в частности, в погребениях Тураевского могильника конца IV - первой половины V в. [Генинг 1976, рис.26: 4; 32: 19].

Удила из погребения 529 изготовлены из железного дрота круглого сечения, имеют очень крупные кольца круглого сечения, без металлических зажимов (рис.7: 14). Аналогии им - удила с крупными кольцами, иногда с зажимными обоями - обнаружены в курганных могильниках Прикамья конца IV - первой половины VI в.: Бурково, к.2/п.4, к.2/п.10, к.4/п.1, к.6/п.1, к.14/п.1, погр.21, 75; Митино, погр.23 [Генинг, Голдина 1973, табл.9: 11, 13, 14]; Броды, к.7/п.2, к.24/п.4, к.25/п.1, к.26/п.1, к.44/п.1 [Голдина 1986, табл.7: 24; 14: 11, 14; 15: 27; 17: 35]; Тураево, к.1/п.1, к.V, к.VII/п.16 [Генинг 1976, рис.26: 12; 28: 13; 31: 11]. Аналогичные варнинским удила встречаются также в позднесарматских погребениях (см., например, [Сальников 1940, табл.II: 11]).

В погребении 529 примечателен *однолезвийный кинжал* с желобком (так называемого харинского типа), имеющий общую длину 283 мм (рис.7: 15). Насколько можно судить по имеющейся литературе, их специальный анализ не проводился (см., например, [Мотов 1998]). Ножи и кинжалы из могильников харинского типа рассматриваются в общей типологической схеме [Генинг, Голдина 1973, с.76]. В прикамских материалах этого времени кинжалами часто называются просто крупные ножи, т.к. морфологически (наличие одного лезвия и желобков на клинке, оформление черешка и клинка и т.п.) они мало чем отличаются от синхронных ножей (см., например, [Генинг 1976, с.87]). В частности, в первой публикации материалов Варнинского могильника к кинжалам были отнесены ножи с длиной клинка свыше 12 см. В то же время, в комплексах конца V-VI вв. (погр.28, 55, 74, 140) и VII в. (погр.88) имелись кинжалы с общей длиной до 310-414 мм [Семёнов 1980, с.39, 48-50; табл.23].

Такие крупные ножи и кинжалы, в том числе и экземпляр из погребения 529, использовались, несомненно, в качестве оружия в ближнем бою. Это тем более правомерно с учетом того, что в предшествующую эпоху раннего железа кинжалы являлись одним из основных видов оружия. Кинжалы - двулезвийные и однолезвийные длиной до 34 см (желобок у них не упоминается) - были обычным оружием у кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху [Засецкая 1994, с.34]. По И.П. Засецкой, однолезвийные кинжалы получают распространение на юге Восточной Европы лишь в этот период. В частности, они встречаются на Северном Кавказе и в Крыму в погребениях конца IV - первой половины V в. [Засецкая 1994, с.35].

Таким образом, вещевого комплекс изученной курганной части Варнинского могильника достаточно надежно может быть датирован в пределах второй половины - конца IV-V вв. Учитывая типологические параллели многим изделиям (перевитое височное кольцо, бронзовые пряжки, умбоновидные бляшки, удила и др.) в материалах IV в., можно предложить узкую датировку этих комплексов (в первую очередь, для погребений 370 и 529) в пределах конца IV - первой половины V в.

Тем самым, исследованный курганный комплекс включается в хронологический горизонт, представленный в Прикамье памятниками типа Тураево - Броды (периоды А-Г по Р.Д. Голдиной) - Бурково (ранняя часть) - Качка - Бирск (периоды I-II по А.К. Амброзу) - поздняя фаза мазунинских могильников (по Т.И. Останиной) и датируемый второй половиной - концом IV - V в. Нижняя граница этого горизонта может быть сравнима с древностями типа Кишпек на Северном Кавказе, Муслумово на Южном Урале, Тугозвоново на Алтае.

Керамические материалы рассматриваемой части могильника, в силу их фрагментарности и немногочисленности, пока не могут быть привлечены в качестве аргумента для обоснования "узкой датировки" Варнинских курганов. В целом они соответствуют посуде из памятников харинского типа Верхнего Прикамья [Генинг, Голдина 1973, с.79, 84; табл.10, 11; Голдина, Водолаго 1990, табл.LIII] и не противоречат предложенной датировке.

Некоторые замечания по ранней истории и периодизации полемской культуры

Материалы исследованных Варнинских курганов позволяют, таким образом, включить их в число ранних памятников харинского типа в Приуралье. Вопрос об этнокультурной принадлежности курганных могильников харинского круга пока спорен и далёк от окончательного решения. Здесь я лишь отмечу, что многие исследователи их носителей связывают с выходцами из западносибирской и зауральской лесостепи, входивших в позднесаргатскую общность (предположительно носители угорских языков) (см., например, [Бадер, Оборин 1958, с.137 и сл.; Голдина 1987, с.14; 1996, с.12] и др.).

Время появления этого населения в Прикамье напрямую связывается, чаще всего, с вторжением гуннов в Восточную Европу: "Судя по аналогам материала, время появления бродовского и харинского населения не следует отрывать от событий 370-375 гг., когда по степям Восточной Европы прокатились волны великого переселения народов, сдвинутых гуннами"

[Голдина, Водолаго 1990, с.91], - что выражается принятием конца IV в. в качестве нижней даты памятников этого круга. Выше приведенные аналогии варнинским вещам, в частности, в Крыму, на Северном Кавказе, в позднесарматской среде, в комплексах мазунинской АК и т.д., свидетельствуют, что распространение многих из них происходит уже в IV в. независимо от нашествия гуннов. Данное обстоятельство, наряду с вероятными зауральскими истоками "харинского" населения, позволяет предполагать, что появление ранних курганных могильников харинского типа в Прикамье может быть связано с какими-то событиями середины - второй половины IV в. в заволжско-казахстанских степях, еще до вторжения гуннов на юг Восточной Европы.

В связи с изложенной точкой зрения о датировке Варнинских курганов и о принадлежности их к раннему горизонту харинских памятников возникает необходимость внести ясность в вопрос о пути заселения верхнего течения р. Чепцы. Мной уже высказывалась несогласие (см. [Иванов 1998, с.42-43]) с мнением Р.Д. Голдиной, что освоение бассейна р.Чепцы началось в середине VI в. ломоватовским населением, которое, якобы с верховий р. Камы спустилось к югу и заняло правобережье р.Чепцы [Голдина 1987, с.18; 1995, с.18]. Имеющиеся в настоящее время материалы свидетельствуют, во-первых, о более раннем заселении верхнего течения Чепцы (конец IV - первая половина V в.), чем верховий Камы (VI в.). Во-вторых, люди, оставившие курганную часть Варнинского могильника, составляли одну из групп раннехаринского населения, двинувшегося чуть к западу от основного миграционного коридора - от бассейна р. Сылвы и средней Камы в отдельные районы верхней Камы и Повычегодья. В-третьих, более надежно обосновывается заселение верховий Чепцы со стороны среднего течения Камы, вдоль ее правых притоков Сиву, Очер и др. Последнее подтверждается и тем, что в полумских материалах V-VII вв. кроме харинских (раннеломоватовских) ярко проявляются также мазунинские реминисценции.

Просмотр уже опубликованных ранних комплексов Варнинского могильника убеждает об их в целом более позднем времени, скорее всего, конца V - VI вв. [Семёнов 1980, с.56, 59, рис.10]. В частности, одним из наиболее ранних, второй половины - конца V в., может быть погребение 28, где обнаружены предметы (небольшая трехсоставная пряжка, наконечник ремня из перегнутой пластины, ножны с умбоновидными бляшками, кинжал с долом на клинке, спиралевидная пронизка) (рис.9: 7-11), имеющие близость вещам подкурганных захоронений. Аналогичный материал (кинжал, ножны с умбоновидными накладками) происходит также

из погребения 74. Остальные погребения могильника относятся, по-видимому, к более позднему времени.

В других могильниках полемской культуры погребения V-VI вв. не выявлены, за исключением, пожалуй, погребения 80 Поломского I могильника, датирующегося, скорее всего, второй половиной VI - началом VII в. В частности, в этом погребении обнаружен широкий поясной ремень с прямоугольными накладками, крупной трехсоставной пряжкой, имеющей овальное кольцо и округлый щиток, и с широким наконечником ремня в виде коробочки с круглым утолщением на конце [Генинг 1979, рис.: И]). Аналогичную поясную гарнитуру Р.Д. Голдина и Н.В. Водолога по материалам могильников неволинской культуры относят к верх-саинской стадии и датируют VI в. (скорее всего, без последней четверти) [Голдина, Водолога 1990, с.91-92, табл.XLIV: 1; XLV: 3; LXVI]. Одной из наиболее поздних находок ремня этого типа в Прикамье является пояс из парного захоронения 9 Бартымского могильника, где он обнаружен вместе с ремнем, имеющим типичную геральдическую гарнитуру агафоновского типа, со стеклянными, сердоликовыми и хрустальными бусами, с бронзовыми привесками и пробитой драхмой Хосрова II (591 г.) [Голдина, Водолога 1984, с.9, рис.5; табл.1]. Рассматриваемую поясную гарнитуру (типа Верх-Сая, к.9/п.2, к.12/п.2 и др. ; Поллом, п.80; Бартым, п.9) И.О. Гавритухин включает в группу ремней круга Варна - Кара-агач, верхняя хронологическая граница бытования которых доводится до середины VII в. [Гавритухин 1996, с.115, 121, рис.5].

Комплекс ранних вещей также обнаружен в Поломском II городище "Гыркесшур", на основании чего еще в конце 1950 - начале 1960 гг. В.Ф. Генингом было предложено назвать наиболее раннюю стадию культуры *гыркесшурская* [Генинг 1967, с.274]. Среди этих предметов штампованная умбовидная бляшка, наконечник ремня из перегнутой пластинки, полусферические глиняные пряслица и др. (рис.9: 1-6), которые широко могут быть датированы концом IV-VI вв.. Эти находки, кроме того, косвенно свидетельствуют о наличии ранней, по-видимому, еще не выявленной, части на Поломском I могильнике.

К настоящему времени предложено несколько периодизаций полемской культуры (см. рис.10). Часть из них, например, представленная В.Ф.Генингом в ряде публикаций конца 1950-х - начала 1960-х гг., имеет к настоящему времени больше историографическое значение (может быть, за исключением обоснования *мыдланьшайского* этапа, служащего и сейчас в качестве своеобразного хронологического репера в раннесредневековой археологии Прикамья). Более аргументирована периодизация полемской

культуры, предложенная В.А. Семёновым [1980], в основе которой лежат более ранние предложения В.Ф. Генинга и хронологические разработки Р.Д. Голдиной для ломоватовской культуры. Р.Д.Голдина [1995] уточнила эту периодизацию, скорректировав хронологические рамки отдельных этапов и дав им новые названия.¹⁰

Новые материалы, полученные раскопками Варнинского могильника в последние годы, вместе с уже введенными в научный оборот, позволяют в дальнейшем разработать более дробную периодизацию. В частности, представленные в статье материалы позволяют выделить хронологические подгруппы внутри наиболее ранней, *гыркешурской*, стадии конца IV - VI вв. Точно так же, по-видимому, можно предполагать более дробное деление комплексов *гыркешурской 2-й* (по В.А. Семёнову) или *варнинской* (по Р.Д. Голдиной) стадии конца VI - VII вв. (см. статью И.О.Гавритухина и А.Г. Иванова в наст. сборнике).

Литература и архивные материалы

Абрамова М.П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып.1. С.3-86.

Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. (САИ. Вып.Г1-12). М.

Амброс А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2. С.96-123; № 3. С.106-134.

Амброс А.К. 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М. С.3-56.

Амброс А.К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР). С.10-23.

Амброс А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.

Амброс А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник 1. М. С.6-108.

Амброс А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Вып.IV. С.31-88.

¹⁰ Попутно отмечу, что название *весьякарский*, предложенное Р.Д. Голдиной для периода конца VII-VIII вв., вместо *каравалесский* (по В.Ф. Генингу и В.А. Семёнову), не совсем корректно. Это связано, во-первых, с малочисленностью и невыразительностью материалов VIII в. в Весьякарском могильнике и его отсутствием (?) - на одноименном городище; во-вторых, с тем, что основные материалы комплекса памятников уд. Весьякар (городище, селище, могильник) датируются IX-XII вв.; в-третьих, название *весьякарский* ранее уже было предложено в качестве названия для раннего этапа чепецкой АК [Генинг, Стоянов 1961, с.87-90; Живаева, 1971], что более правомерно.

Античные государства 1984. Античные государства Северного Причерноморья. М. (Археология СССР).

Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. М.

Ашихмина Л.И. 1988. Погребальный обряд курганного могильника Боргань-ёлъ. Сыктывкар. (Серия препринтов “Научные доклады”. Вып.191).

Бадер О.Н., Оборин В.А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.

Богачёв А.В. 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.

Буров Г.М. 1967. Древний Синдор: (Из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э.) М.

Васкул И.О. 1987. Курганное погребение эпохи переселения народов у с. Иб в Коми АССР // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск. С.76-80.

Васкул И.О. 1992. Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар. (Серия препринтов “Научные доклады”. Вып.287).

Гавритухин И.О. 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв. // КЕС. С.115-133.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи “готских походов”: (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Генинг В.Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1959а. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитар. наук, вып.2. Казань. С.157-219.

Генинг В.Ф. 1959б. Могильник Качка // ОК(В)АЭ. Вып.1. М. С.196-209.

Генинг В.Ф. 1963. Азелинская культура III-V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Ижевск - Свердловск. (ВАУ. Вып.5).

Генинг В.Ф. 1967. Этногенез удмуртов по данным археологии // ВФУЯ. Вып. IV. Ижевск. С.271-278.

Генинг В.Ф. 1976. Тураевский могильник V в.н.э.: (Захоронения военначальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань. С.55-108.

Генинг В.Ф. 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158. С.96-106.

Генинг В.Ф. 1980. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э.: по материалам Варнинского могильника // Новый памятник полемской культуры. Ижевск. С.136-151.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып.12. Свердловск.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. Вып.1. С.76-90

Голдина Р.Д. 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158. С.79-90.

Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Голдина Р.Д. 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов. С.47-98.

Голдина Р.Д. 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху

железа: (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов. С.6-36.

Голдина Р.Д. 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.167-192.

Голдина Р.Д. 1995. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.16-30.

Голдина Р.Д. 1996. Основные этапы взаимодействия финно-пермян с другими этносами в древности и средневековье: (конец III тыс. до н.э. - XVI в.н.э.) // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. Ижевск.

Голдина Р.Д., Водолога Н.В. 1984. Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С.3-35..

Голдина Р.Д., Водолога Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голдина Р.Д., Королёва О.П. 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. С.40-71.

Голдина Р.Д., Королёва О.П., Макаров Л.Д. 1980. Агафоновский I могильник - памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С.3-66.

Гросу В.И. 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв.

Дашевская О.Д. 1991. Поздние скифы в Крыму. М. (САИ. Вып.Д1-7).

Живаева Г.Т. 1971. История северных удмуртов в IX-XV вв. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М.

Засецкая И.П. 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. Вып.158. С.5-17.

Засецкая И.П. 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя: (конец IV - начало VII в.) // АСГЭ. Вып.30. Л. С.97-106.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху: (конец IV-V вв.). СПб.

Иванов А.Г. 1994а. Средневековые памятники бассейна реки Чепцы: (проблема периодизации) // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов. Сыктывкар. С.37-38.

Иванов А.Г. 1994б. Отчет об исследованиях средневековых могильников в бассейне р.Чепцы в 1994 году. Ижевск, 1995 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.28.

Иванов А.Г. 1995а. Исследования средневековых могильников в бассейне р.Чепцы // АО-1994. М., 1995. С.206-207.

Иванов А.Г. 1995б. Отчет об археологических раскопках Варнинского могильника в Удмуртской Республике в 1995 г. Ижевск, 1996 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.78.

Иванов А.Г. 1996а. Исследования Варнинского могильника // АО-1995. М. С.261-262.

Иванов А.Г. 1996б. Отчет об охранных раскопках Варнинского могильника в Удмуртской республике в 1996 году. Ижевск, 1998 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н.

Иванов А.Г. 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: (конец V - первая половина XIII в.). Ижевск.

Ковалевская В.Б. 1969. К вопросу о "поломской культуре" // Древности Восточной Европы. М. С.84-91.

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии. Пряжки. М. (САИ. Вып.Е1-2).

Корпусова В.Н. 1983. Некрополь Золотое: (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев.

Лецинская Н.А. 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки: (I - начало II тыс.н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.88-128.

Львова Э.А. 1983. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. Вып.24. С.90-110.

Мажитов Н.А. 1968. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.

Мотов Ю.А. 1998. Кинжалы и ножи кочевников раннего средневековья // Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы - М. С.124-130.

Оборин В.А. 1969. Отчет о раскопках в Пермской области в 1969 году // Архив ИА РАН. Ф. р-1, д.3052.

Останина Т.И. 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск.

Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М.

Савельева Э.А. 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. Вып.158. С.91-96.

Сальников К.В. 1940. Сарматские курганы близ г. Орска // МИА. № 1. С.121-138.

Семёнов В.А. 1970. Отчет о работе Удмуртской археологической экспедиции в 1970 г. Ижевск, 1971 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н.

Семёнов В.А. 1973. Отчет о работе Удмуртской археологической экспедиции в 1973 г. Ижевск, 1974 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.153.

Семёнов В.А. 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск. С.3-50.

Семёнов В.А. 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С.5-135.

Семёнов В.А. 1984. Отчет второго отряда УАЭ о разведке в Дебёском, Граховском районах УАССР, Елабужском районе ТАССР и раскопках на Варнинском могильнике в 1984 г. Ижевск, 1985 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.621.

Семёнов В.А. 1990. Отчет о раскопках Варнинского могильника в бассейне р. Чепцы в 1990 году. Ижевск, 1991 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.973а.

Семёнов В.А., Корепанов К.И. 1971. Отчет о работе Удмуртской археологической экспедиции в 1971 г. Ижевск, 1972 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.149.

Семёнов В.А., Корепанов К.И. 1972. Отчет о работе Удмуртской археологической экспедиции в 1972 г. Ижевск, 1973 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.151.

Семёнов В.А., Шутова Н.И., Иванов А.Г. 1991. Новые исследования могильников поломской культуры // АОУП. Ижевск. С.73-75.

Славяне 1993. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. М. (Археология СССР).

Сорокин С.С. 1977. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Вып.18. С.57-67.

Старостин П.Н., Кузьминых С.В. 1978. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С.168-172.

Степи 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Сунгатов Ф.А. 1993. К вопросу о датировке Варнинского и Тольёнского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.93-101.

Фёдоров Г.Б. 1969. Позднесарматский могильник у с. Кричиное // Древности Восточной Европы. М. С.248-253.

Шутова Н.И. 1991. Отчет о раскопках Варнинского могильника в бассейне р.Чепцы в 1991 г. Ижевск, 1992 // Архив УИИЯЛ. РФ, оп.2Н, д.980а.

Schmidt A. W. 1927. Каэка // ESA. Т.1. S.13-15.

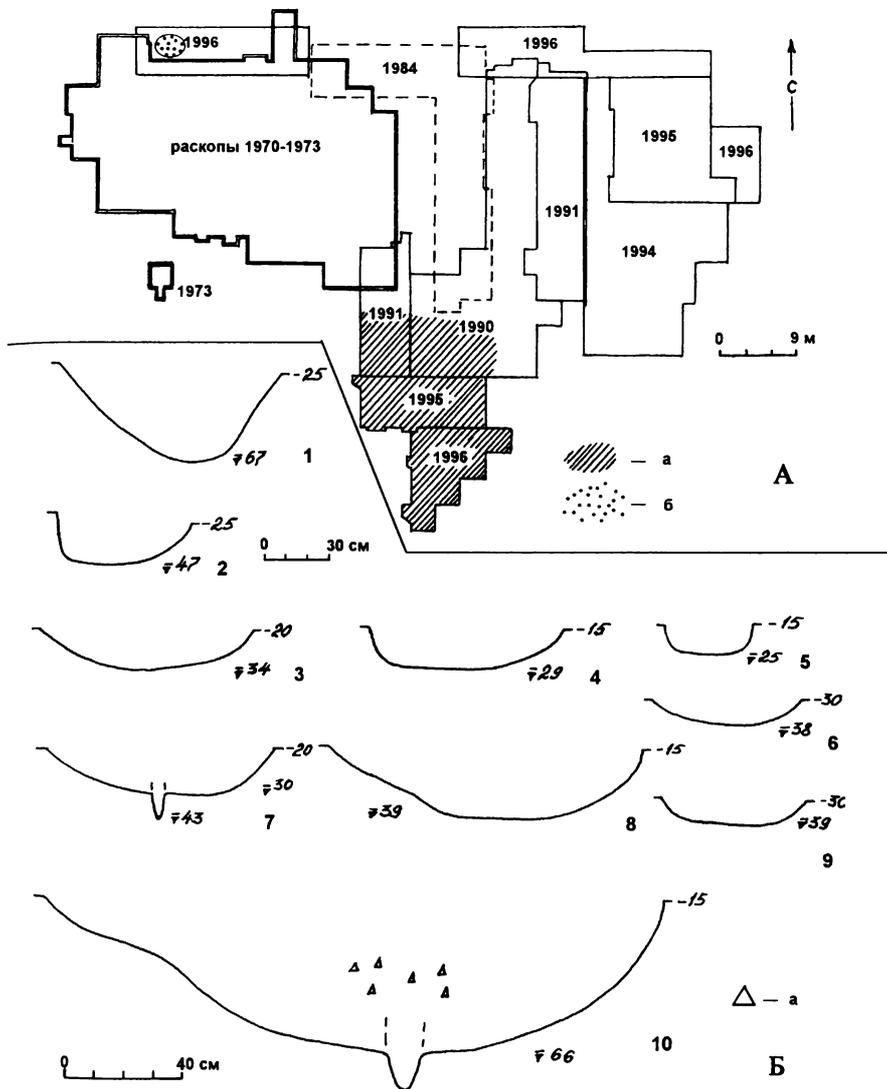

Рис.1. Варнинский могильник. А - соотношение раскопов различных лет на памятнике. Условные обозначения: а - исследованная курганная часть могильника; б - местонахождение погребения 552 (к статье И.О.Гавритухина и А.Г.Иванова в настоящем сборнике). Б - разрезы курганных канавок (1-9): 1 - курган 1, кв.К/8; 2 - курган 2, кв.Л/6; 3 - курган 3, кв.М/9; 4 - курган 4, кв.М/6; 5 - курган 5, кв.М/5; 6 - курган 7, кв.Р/8; 7 - курган 3, кв.О/8; 8 - курган 3, кв.М/7; 9 - курган 6, кв.П/8; 10 - разрез ямы на кв.ОН/5-6. Условное обозначение: а - находки лепной керамики.

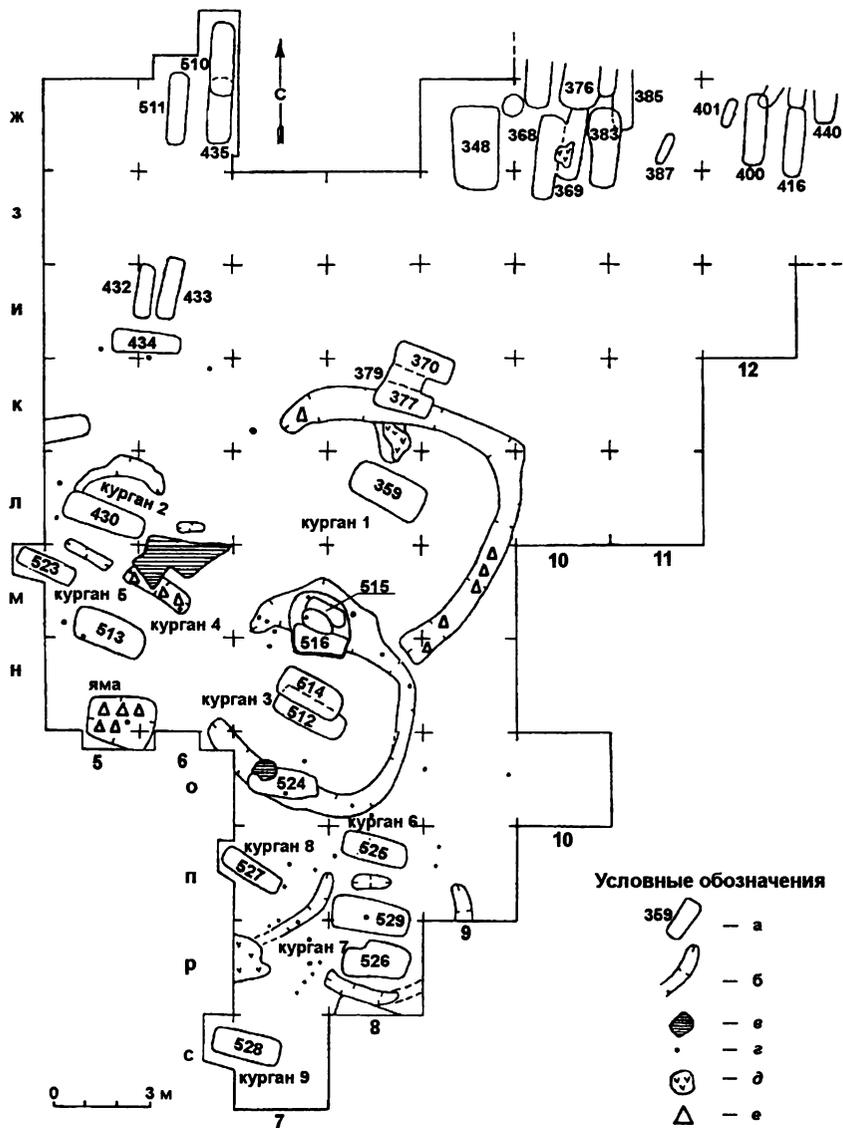

Рис.2. Исследованная курганная часть Варнинского могильника. Условные обозначения: а - погребения, б - курганные канавки, в - поздние ямы, г - столбовые ямки, д - углистые пятна, е - находки фрагментов керамики в курганных канавках и в яме.

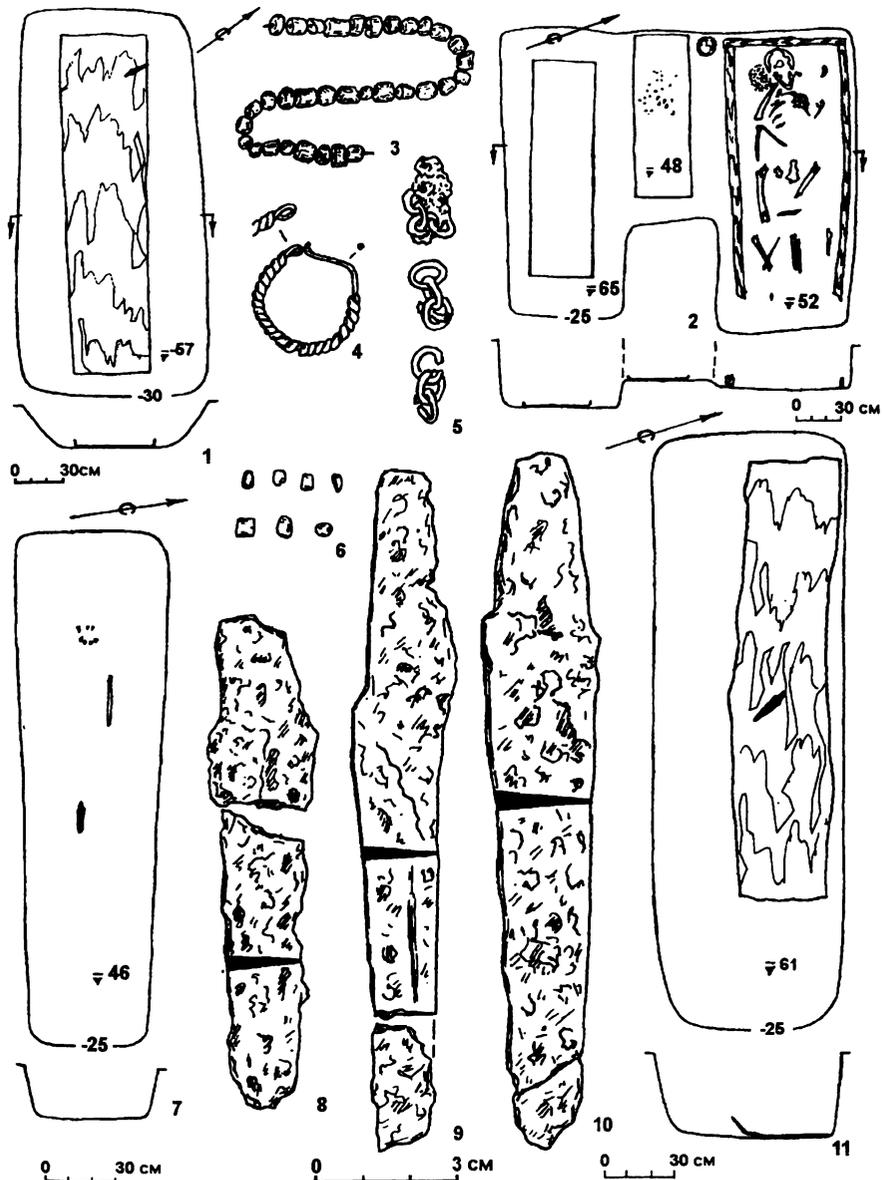

Рис.3. Варнинский могильник. 1, 9 - погребение 359 (курган 1); 2 - погребения 370, 377, 379 (курган 1); 3-5 - вещи из погребения 370 (курган 1); 6 - бисер из погребения 379 (курган 1); 7, 8 - погребение 434; 10, 11 - погребение 430 (курган 2).

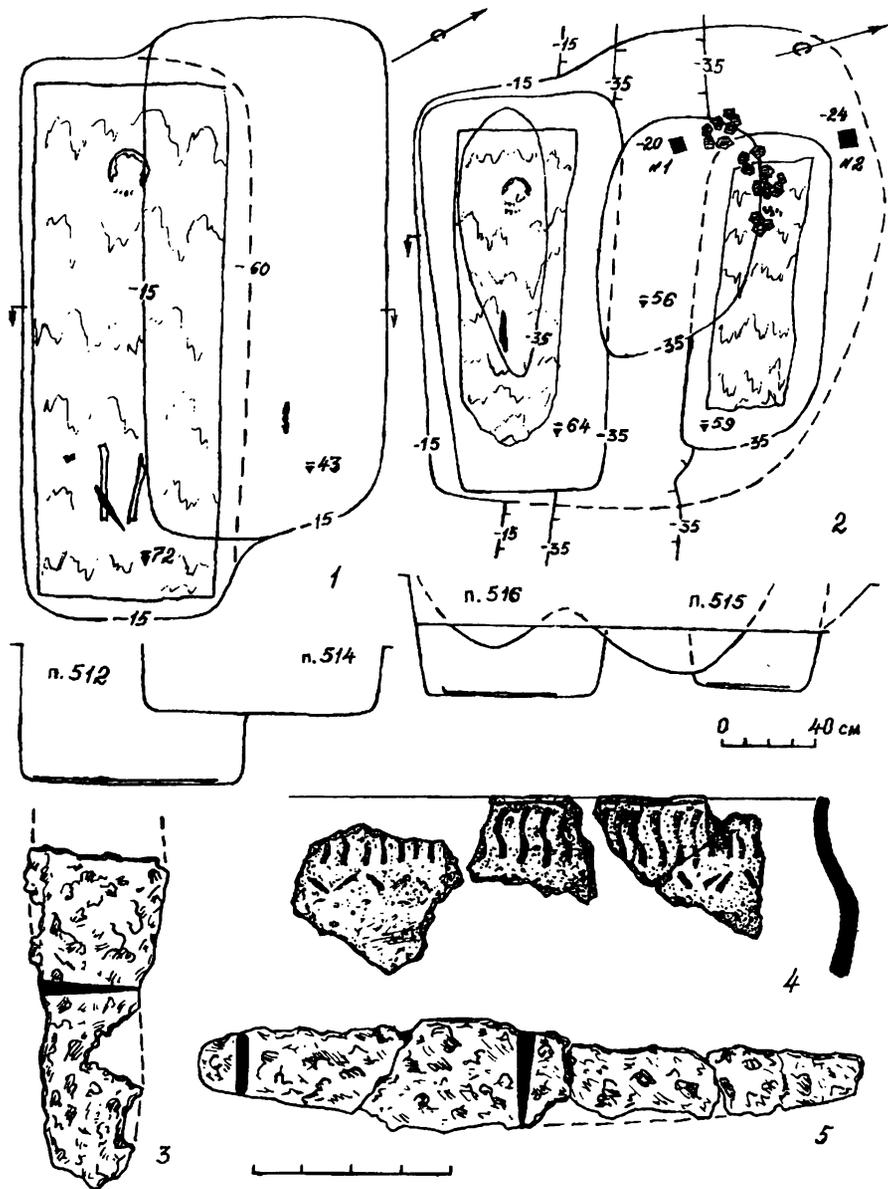

Рис.4. Варнинский могильник. 1 - погребения 512 и 514 (курган 3); 2 - погребения 515 и 516 (курган 3); 3 - обломок ножа из погребения 514; 4 - обломки глиняного сосуда из погребения 515; 5 - нож из погребения 516.

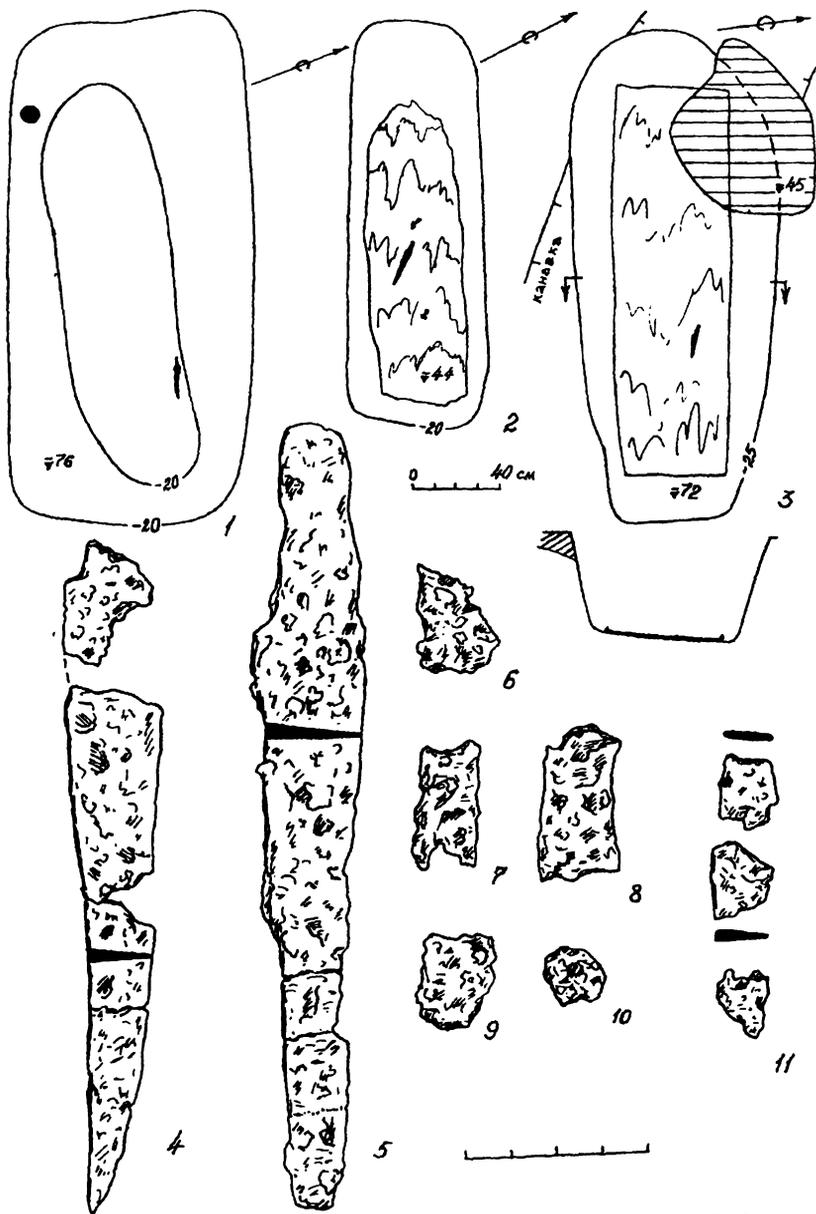

Рис.5. Варнинский могильник. 1, 4 - погребение 513 (курган 4); 2, 5-10 - погребение 523 (курган 5); 3, 11 - погребение 524 (курган 3?).

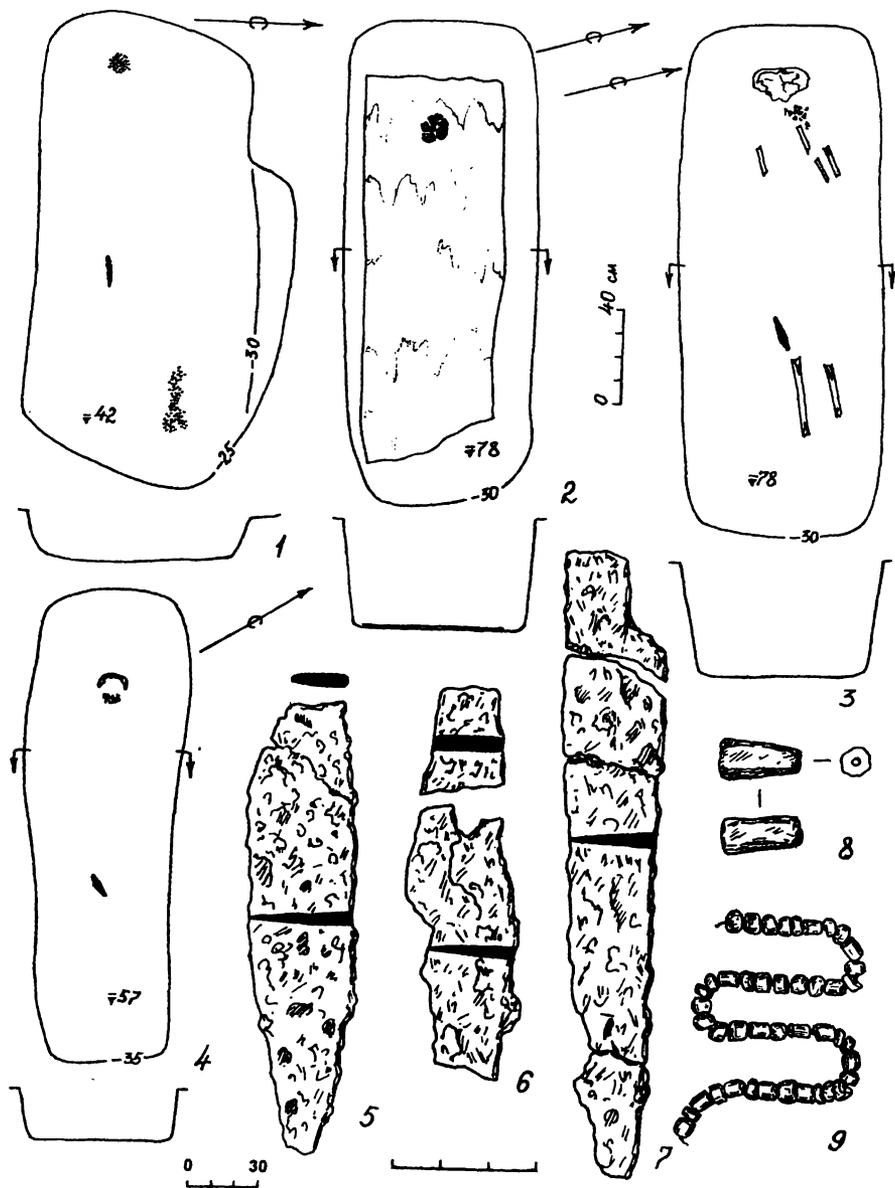

Рис.6. Варнинский могильник. 1, 7-9 - погребение 526 (курган 7); 2 - погребение 525 (курган 6); 3, 5 - погребение 528 (курган 9); 4, 6 - погребение 527 (курган 8).

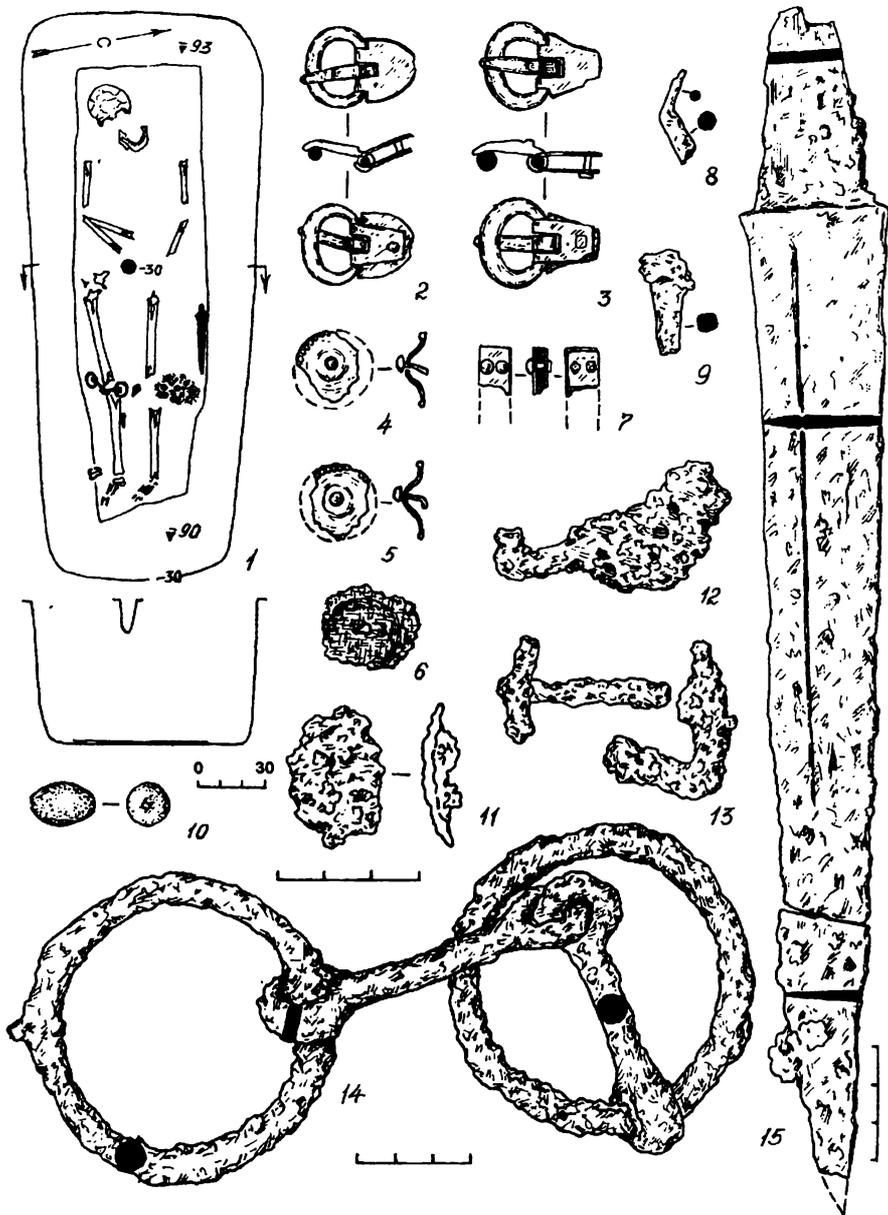

Рис.7. Варнинский могильник. Погребение 529 (курган 7).

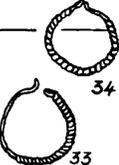
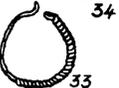
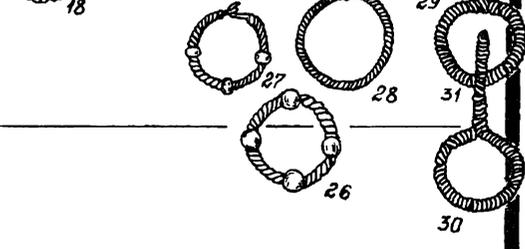
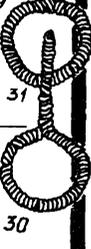
Века	Северное Причерноморье	Прикамье	Повычегодье
VI в.			
V в.			
IV в.			
III в.			
II в.			
I в.			

Рис.8. Эволюционно-типологическая схема круглых перевитых височных колец с запором в виде петли и крючка. 1 - Пантикапей, I в.; 2 - Тавель, к.2, I в.; 3 - Херсонес, I-II вв.; 4 - Ханкауцы, к.1/п.11, I в.; 5 - Ст. Куконешты, к.29/п.2, I-II вв.; 6-12 - Золотое, погр.9, 52, 91, 149, 161 (I в.), 26 (I-II вв.); 13 - Золотая Балка, I-II вв.; 14 - Танаис, погр.254, II в.; 15 - Криничное, погр.6, III в.; 16 - Херсонес, III-IV вв.; 17 - Пантикапей, III-IV вв.; 18 - Варни, погр.529; 19 - Аверино II, уч.; 20 - Агафоново I, к.1/п.3; 21-23 - Броды, к.3/п.10, к.7/п.1; 24 - Качка, раскоп I, погр.2; 25 - Полом I, погр.80; 26-28 - могильники азелинской культуры (Рождествено, Азелино, Суворово); 29 - Ст. Кабаново; 30, 31 - могильники мазунинской культуры; 32 - Варни, погр.285; 33, 34 - Вис II. Масштаб различен.

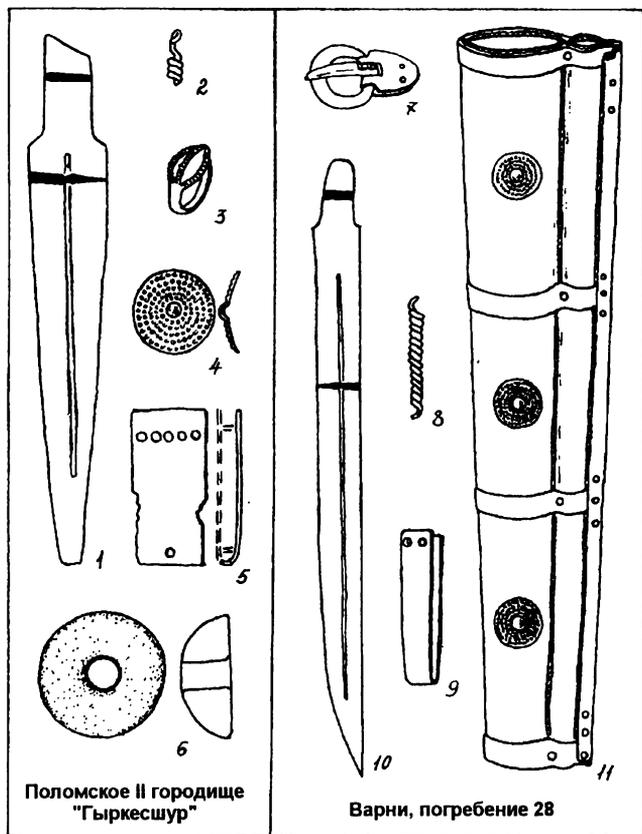

Рис.9. Ранние материалы из Поломского II городища "Гыркешур" (1-6) и погребения 28 Варнинского могильника (7-11) (по В.А. Семенову). Масштаб различен.

Годы н.э.	В.Ф.Генинг (по работам 1960-х гг.)	В.А.Семенов [1980]	Р.Д.Голдина [1995]	А.Г.Иванов (предварительная разработка)
200	Гыркесшурская (III - V вв.)			Гыркесшурская (кон. IV - VI вв.)
300				
400				
500	Каравалеская (VI - перв. пол. VIII вв.)	Гыркесшурская 1-я (кон. V - перв. пол. VI вв.)	Гыркесшурская (вт. пол. VI вв.)	Варнинская (кон. VI - VII вв.)
600		Гыркесшурская 2-я (вт. пол. VI - перв. пол. VII вв.)		
700		Каравалеская (вт. пол. VII - перв. пол. VIII вв.)	Весьякарская (посл. четв. VII - VIII вв.)	Каравалеская (кон. VII - VIII вв.)
800	Мыдланьшайская (вт. пол. VIII - перв. пол. IX вв.)		Мыдланьшайская (посл. четв. VIII - IX вв.)	Мыдланьшайская (кон. VIII - IX вв.)
900				
	Чепецкая культура (вт. пол. IX - XV вв.)		Чепецкая культура (X - XV вв.)	Иднакарский период (X - XIII вв.) чепецкой культуры

Рис.10. Соотношение хронологических стадий поломской культуры, предложенных различными авторами.

Пастушенко И.Ю., Волков С.Р.

Курманаевский курганный могильник на средней Сылве (итоги предварительного изучения)

Курганы у с. Кинделино (Кунгурский район Пермской области) известны достаточно давно - еще в 1887 г. о их существовании сообщил в Императорскую Археологическую комиссию М.А. Новосёлов [1887, лл. 10-17]; упомянуты они и И.А. Талицкой [1952, с.101, № 758]. В 1981 г. памятник был осмотрен Г.Т. Ленц, которая при снятии топографического плана зафиксировала 86 курганных насыпей [Ленц 1991, № 22]. В 1988 г. могильник обследован разведочной группой Камско-Вятской экспедиции под руководством И.Ю. Пастушенко: уточнен план, на который нанесено 111 насыпей; проведены рекогносцировочные раскопки (20,5 кв.м), в ходе которых изучены остатки двух курганов с тремя погребениями и яма [Пастушенко 1988, с.7-12]. Работы были продолжены в 1991 г. Двумя раскопами (198 и 92 кв.м) исследованы остатки 8 курганов с 8-ю погребениями [Пастушенко 1991].

Памятник расположен на пологом возвышении террасы правого берега р. Сылвы высотой до 15 м, в 700 м к юго-востоку от с. Кинделино и в 800 м к юго-западу от д. Курманаево. Южная часть всхолмления покрыта еловым лесом, местами с густым подлеском, и расчленена ложбинами карстового происхождения, в одной из которых зафиксированы 4 кургана. Помимо этого на возвышенности существует еще целый ряд карстовых провалов различных размеров и глубины. В лесу зафиксированы 111 насыпей; почти все они имеют следы грабительских вкопов (рис. 1А), основная масса которых приходится на начало XX в. Судя по рассказам местных жителей, грабительские раскопки велись вплоть до 1960-х годов. По этим же сообщениям, распахиваемая ныне часть возвышенности ранее была занята лесом, где также были видны курганные насыпи. Таким образом, можно предположить, что общее количество курганов на могильнике достигало ранее нескольких сотен.

Стратиграфия напластований на памятнике проста: под дерново-пахотным слоем (№ 1), достигающим в распахиваемой части некрополя мощности 30-35 см, залегает светлая супесь с гумусированными включениями (слой № 2) - насыпь кургана, под ней изредка фиксируется слой погребенной почвы (№ 5). Курганные канавки заполнены темным гумусированным суглинком с включениями угля и прокала (слой № 3), а могильные ямы - серым суглинком (слой № 4).

Раскоп I (20,5 кв.м; рис.1Б) был заложен на южном распахиваемом склоне возвышенности, ориентирован по линии ЗСЗ-ВЮВ, имел длину 11 м при ширине (разведочной траншеи) 1м. Изучены остатки 2-х курганов, 3 погребения и 1 яма.

Курган 1. Зафиксировано ограбленное погребение и два отрезка курганной канавки. Ширина ровика достигала 90-115 см, глубина - 88 см. Диаметр насыпи был не менее 6 м. В заполнении канавки найдены развал сосуда (рис.5: 11) и отдельные фрагменты керамики.

Погребение 1 (рис.2; женщина, 20-25 лет¹). Полностью уничтожено грабительским вкопом подпрямоугольной формы, размером 105x183 см, глубиной до 73 см. Вероятно, могильная яма имела подпрямоугольные очертания, размеры 180x90 см и была ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. В заполнении вкопа обнаружены два скопления костей человека, позволяющие предположить, что умершая была уложена головой на ССВ. В насыпи найдено несколько фрагментов керамики (рис.5: 3, 4).

Курган 2. Зафиксированы два погребения, одно из которых ограблено, а второе - почти полностью уничтожено пахотой.

Погребение 1 (рис.2; мужчина, 50-60 лет). Могильная яма прямоугольной формы имела размеры 212x90 см, глубину 50 см; ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Центральная часть могилы нарушена вкопом (166x45x62 см), потревожившим область груди и пояса погребенного. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на СВ; руки, скорее всего, были вытянуты вдоль тела. Слева от черепа найдены две бусины: из янтаря (рис.2: 2) и стекла (рис.2: 1), у правого бедра - бронзовая пряжка (рис.2: 3), у левого колена - железный нож с деревянной рукоятью (рис.2: 6). Во вкопе обнаружены бронзовые обойма (рис.2: 4) и пластина (рис.2: 5).

Погребение 2 (рис.2; женщина, 20-25 лет). Полностью уничтожено распахкой; сохранилось лишь скопление костей к северо-западу от погребения 1 среди которых найдены бронзовые накладка (рис.2: 1) и фрагмент неопределимого предмета (рис.2: 2), возможно, обоймы или браслета.

Яма 1 (рис.3). Имела округлую в плане форму, размеры 105x108 см наклонные стенки и неровное дно с двумя углублениями до 57 см глубиной. Заполнена, так же как и курганные канавки, слоем № 3, в котором обнаружены кость животного и 8 фрагментов керамики (рис.5: 10). Вероятно, являлась частью ровика или жертвенной ямой.

Раскоп II (198 кв.м; рис 1Г) также заложен на южном распахиваемом склоне возвышенности. Из-за ежегодных распахек его не удалось сосы

¹ Антропологическое определение выполнено Г.В. Рыкушиной, старшим научным сотрудником ИА РАН.

ковать с раскопом 1. Ориентирован по линии В-3 с небольшим отклонением. Изучены остатки 6-и курганов и 5 погребений.

Курган 3. Изучены ограбленное погребение и часть курганной канавки. Ширина ровика 110 см, глубина 70-98 см; его окончание оформлено расширением округлой формы размером 255х315 см. Диаметр насыпи был не менее 4,5 м. В заполнении канавки найдены зубы животных и отдельные фрагменты керамики.

Погребение 1 (рис.2). Могильная яма трапециевидной формы имела размеры 182х60-80 см, глубину 55 см; ориентирована по линии ВСВ-3Ю3. В центральной части нарушена грабительским вкопом размерами 145х138х60 см, на дне которого обнаружен железный нож (рис.2: 1).

Курган 4. Зафиксированы полностью разрушенное погребение и канавка дугообразной формы, ограничивающая курган с юго-восточной стороны; значительная ее часть нарушена ровиком кургана 5. Длина канавки 5 м, ширина - 68-100 см, глубина - 50-65 см. Диаметр насыпи был не менее 6 м. В заполнении канавки найдены фрагменты керамики.

Погребение 1 (рис.3). Полностью разрушено грабительским вкопом подпрямоугольной формы, ориентированным по линии СВ-Ю3 и имевшим размеры 182х92х55 см. В его заполнении обнаружены обломки черепа, трубчатых костей и зубы человека, по расположению которых можно предположить, что умерший был уложен головой на СВ. Здесь же была найдена бронзовая пряжка (рис.3: 1).

Курган 5. Изучены часть канавки и полностью разрушенное погребение. Ровик имел, очевидно, форму кольца, несомкнутого с восточной стороны. Ширина его 86-294 см, глубина 60-96 см, концы несколько расширены. Диаметр насыпи составлял не менее 5 м. В засыпи канавки найдены отдельные фрагменты керамики.

Погребение 1 (рис.3). Полностью уничтожено грабительским вкопом неправильно-овальной формы, ориентированным по линии СВ-Ю3 и имевшим размеры 260х167 см и глубину до 75 см. На дне обнаружены стеклянная бусина (рис.3: 1) и железный нож (рис.3: 2).

Курган 6. Сохранились канавка кольцеобразной формы, разомкнутая с восточной стороны, и ограбленное погребение. Ширина ровика 116-185 см, глубина 67-80 см; концы несколько расширены. Диаметр насыпи 4,7 м. В заполнении канавки найдены фрагменты керамики.

Погребение 1 (рис.3). Могильная яма прямоугольной формы, размерами 264х138 см и глубиной 173 см, ориентирована по линии В-3. Стенки вертикальные, дно ровное. Центральная часть ямы разрушена грабительским вкопом неправильной формы размером 323х283 см и глубиной до

203 см. Размеры, форма и разница глубин в двух частях вкопа позволяют предположить, что им полностью разрушено еще одно погребение, параллельное первому. Находок нет.

Курган 7. Зафиксированы погребение и канавка кольцевой формы, разомкнутая с северо-восточной стороны. Ширина ровика 47-120 см, глубина 60-80 см, концы расширены. В южном конце канавки обнаружен развал сосуда (рис.5: 12). Диаметр насыпи достигал 3,2 м.

Погребение 1 (рис.3). Могильная яма подтрапещевидной формы имела размеры 343x74-91 см, глубину 57 см. Ориентирована по линии В-3. Находок нет.

Курган 8. Изучена лишь небольшая часть курганной канавки, уходящей за границу раскопа. Ее ширина в изученной части достигала 62-100 см, глубина 45-60 см. В заполнении найдены отдельные фрагменты керамики.

Раскоп III (92 кв.м; рис.1В) заложен в северо-восточном углу лесного массива. Невысокие курганы густо поросли подлеском и малинником, занимающими пространство между отдельными деревьями. Изучены два ограбленных кургана с тремя погребениями. Для наблюдения за стратиграфией были оставлены взаимоперпендикулярные бровки.

Курган 9. Высота современной насыпи до 0,5 м, размеры - 8x7,25 м, в древности они составляли 6,7x5,2 м. В центре фиксировался сильно заплывший вкоп размером 2,7x1,2 м. Мощность дерново-пахотного слоя достигала 5-15 см. В насыпи, мощностью до 65 см, обнаружены отдельные фрагменты керамики. Ниже находился слой погребенной почвы мощностью до 10 см. Курганная канавка имеет кольцевую форму, разомкнутую в восточно-северо-восточной части. Ширина ее 60-120 см, глубина до 92 см; концы несколько расширены. В заполнении найдены фрагменты керамики. Исследованы два погребения.

Погребение 1 (рис.4). Могильная яма прямоугольной формы имела размеры 210x110 см, глубину 85 см; ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. В северном углу была нарушена грабительским вкопом вытянуто овальной формы. Его размеры составляют 238x110 см, глубина достигает 97 см. В центре могилы найден бронзовый наконечник ремня (рис.4: 2), в западной части вкопа - остаток деревянного сосуда с бронзовыми обкладками (рис.4: 1, 4), в восточной - бронзовые пряжка (рис.4: 3) и пинцет (рис.4: 5).

Погребение 2 (рис.4). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 155x85 см и глубиной 75 см, имела слегка наклонные стенки, неровное дно. Ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В северной части могилы найдена бронзовая пряжка (рис.4: 1).

Не исключено, что под деревом, в северной части кургана, могло находиться еще одно погребение.

Курган 10. Современные размеры насыпи составляли 5,75x6,5 м, при высоте до 0,3 м. В древности размеры кургана были меньше - 3,6x4,3 м. Мощность насыпи к моменту исследования составляла 50 см, погребенной почвы, залегавшей ниже - 10 см. Кольцевой ровик разомкнут с восточной стороны, ширина его достигает 60-168 см, глубина - 80-120 см; северный конец несколько расширен. В насыпи канавки найдены фрагменты керамики (рис.5: 7) и кусок шлака. Зафиксировано одно погребение.

Погребение 1 (рис.4). Могильная яма прямоугольной формы, размером 198x90 см и глубиной 78 см, ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Восточный ее угол нарушен небольшим четырехугольным вкопом размером 82x50 см и глубиной до 80 см. Находок нет.

Полученные материалы позволяют определить ряд черт погребальной обрядности. Курганные насыпи округлой, реже овальной, формы невелики, ограничены ровиками в виде несомкнутого овала или полукольца, реже дугообразными. Концы их часто расширены, порой весьма значительно - в виде ям; дно округлое, в расширениях обычно слегка уплощено. Ширина канавок колеблется от 60 до 200 см, глубина - от 45 до 98 см. В заполнении курганных ровиков встречаются зубы животных, фрагменты керамики, изредка развалы сосудов. По всей видимости, это следы поминальных тризн. Четкой закономерности в расположении курганов не наблюдается, но можно выделить ряды, ориентированные по линии С-Ю, СЗ-ЮВ, СВ-ЮЗ.

Под насыпями фиксируются одно, реже два погребения, но вероятно и большее их количество. Захоронения совершены по обряду ингумации в простых могильных ямах с вертикальными стенками и плоским дном (исключение погр. 2 кургана 9) прямоугольных, реже трапециевидных очертаний. Длина их колеблется в интервале 155-264 см, ширина - 70-110 см; глубина достигает 173 см, но чаще встречается 50-85 см. Могилы ориентированы по линии СВ-ЮЗ (40 %), ВСВ-ЗЮЗ (30 %), В-З (20 %) и лишь в кургане 9 одно погребение вытянуто с СЗ на ЮВ (10 %). Положение умершего удалось проследить лишь в одном случае (погр. 1 кургана 2), где он был уложен вытянуто на спине, головой на СВ. Ориентация могильных ям и расположение остатков костяков во вкопах позволяют предположить, что в целом предпочтение отдавалось северному сектору. Сопровождающий инвентарь беден - это железные ножи и отдельные украшения, в чем, возможно, сказывается ограбленность большинства погребений.

Вещевой комплекс Курманаевского могильника крайне немногочисленен. Поясная гарнитура представлена бронзовыми пряжками, наконечником ремня и накладкой. Среди пряжек имеются овальная рамчатая (рис.4: 1; к. 9, погр. 2), трехсоставные с короткой закругленной (рис.4: 3; к. 9, погр. 1), треугольной (рис.3: 1; к. 4, погр. 1) и прямоугольной, орнаментированной насечками (рис. 2: 3; к. 2, погр. 1), задней пластиной. Все они имеют подквадратное сечение рамки и нависающий язычок. Среди других датирующих находок наконечник ремня в виде согнутой пластины, украшенный вертикальным рядом полугорошин (рис.4: 2), и накладка круглой формы с прорезью (рис.2: 1). Данный поясной набор характерен в Прикамье для конца IV-VI вв. [Голдина 1985, с.125-125; Голдина, Водолаго 1990, с.90-91]. Кроме того, найдена бронзовая обойма (рис.2: 4). Бусы представлены сравнительно крупной дисковидной, изготовленной из янтаря (рис.2: 2), и двумя стеклянными дисковидными грязно-желтого цвета (рис.2: 1; 3: 1), которые также хорошо известны в курганных комплексах Верхнего Прикамья конца IV-VI вв. [Голдина, Королева 1983, с.51, 53, 56; Голдина 1985, с.52, 55]. Этим же временем датируются бронзовые шипчики (рис.4: 5) [Голдина 1985, с.125]. Кроме этого, в коллекции имеются три железных ножа (рис.2: 1, 6; 3: 2), три бронзовые пластины неизвестного назначения (рис.2: 2, 5; 4: 4) и остатки деревянной чашки, украшенной по краю бронзовыми обкладками (рис.4: 1). Данный тип посуды известен с киммерийской эпохи, достаточно часто встречался в скифо-сарматское время, представлен в материалах раннесредневековых могильников Приуралья [Савельева 1976; Степи 1989, с.15, 110-111, 195; табл.2: 76, 77; 3: 13; 46: 12-16; Голдина, Водолаго 1990, с.24, 27].

Еще одна категория находок - керамика, происходящая из насыпей курганов и заполнения ровиков, а также из сборов с распахиваемой поверхности. На основании последних Г.Т. Ленц выделила на площадке могильника Курманаевское II селище [Ленц 1981, № 23]. Но отсутствие находок керамики в межкурганном пространстве нераспахиваемой части некрополя, совпадение границы распространения "селища" с предполагаемой площадью могильника, а также датировка его материалов серединой I тысячелетия н.э., т.е. датой, синхронной функционированию некрополя, позволяют утверждать, что находки керамики связаны не с поселением, а с разрушенными распахкой курганами [Пастушенко 1988. с.11-12; 1991, с.10-11].

Из почти сотни фрагментов керамики выделено 12 сосудов, в том числе два развала из курганных канавок. Посуда изготовлена от руки из теста с добавкой органики, реже - мелкого песка (возможно, естественная примесь) и шамота. Поверхность обработана либо мягким предметом, либо

щепой или гребенчатым штампом. Преобладают светлые оттенки серого и коричневого цветов. По форме представлены более или менее закрытые чаши (75 %; рис.5: 1, 3-8, 10, 12) и слабопрофилированные сосуды (25 %) с цилиндрической (рис.5: 2) или блоковидной (рис.5: 9, 11) горловиной. При оформлении верхней части горла предпочтение отдавалось горизонтально-срезанным (41,8 %; рис.5: 1, 3, 8, 10, 12), реже округлым (16,7 %; рис.5: 6, 9) венчикам; другие типы встречены единично. Орнаментировано 5 (41,8 %) сосудов, из них три только по венчику - пальцевыми вдавлениями (рис.5: 7, 12) и насечками по срезу (рис.5: 8). Один сосуд украшен вертикальными насечками по внешнему краю венчика и псевдорезной разомкнутой горизонтальной “елочкой” по плечу (рис.5: 9), другой - линией из оттисков трехзубого гребенчатого штампа по срезу венчика и рядом вертикальных, с наклоном вправо, оттисков того же штампа по плечу, подчеркнутому снизу двумя горизонтальными линиями шнура (рис.5: 10). В целом облик керамики характерен для памятников неволинской культуры, хотя фрагмент с гребенчато-шнуровой орнаментацией имеет аналогии и среди посуды гляденовско-гаревских памятников.

В целом, по вещевому материалу и погребальному обряду Курманаевский курганный могильник входит в круг памятников неволинской культуры. Вместе с тем отмечаются и некоторые особенности. Так, основная масса рядов курганных насыпей вытянута по линии СВ-ЮЗ или СЗ-ЮВ; выше процент курганов с кольцевыми и полукольцевыми канавками (до 85 %); практически все ровики имеют округлое дно и несколько глубже; значительнее расширения на концах курганных канавок. Отличается и ориентация могильных ям, где преобладает северо-восточное направление, не столь характерное для других курганных некрополей бассейна р. Сылвы [Голдина, Водолаго 1990, с.66-68]. Несмотря на приведенные отличия, Курманаевский могильник несомненно относится к неволинской культуре и его исследованная часть датируется V-VI вв. (концом бродовской - верхсаинской стадиями).

Литература и архивные материалы

Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Королева О.П. 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.

Ленц Г.Т. 1991. Отчет об археологических исследованиях в Пермской области в зоне строительства нефтетрассы Сургут-Полоцк в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р.1. № 8637.

Новосёлов М.А. 1887. Сообщение в Императорскую Археологическую комиссию // Архив ИИМК РАН. Ф.1, д.10.

Пастушенко И.Ю. 1988. Отчет об археологических исследованиях в Пермском, Кунгурском, Березовском, Кишертском районах Пермской области и Вавожском районе Удмуртской АССР в 1988 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2, д.279.

Пастушенко И.Ю. 1991. Отчет об исследованиях Курманаевского могильника в Кунгурском районе Пермской области // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2, д.302.

Савельева Э.А. 1976. Раскопки I и II Веслянских могильников // АО-1975. М.

Степи 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР). М.

Талицкая И.А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. (МИА. № 27). М.

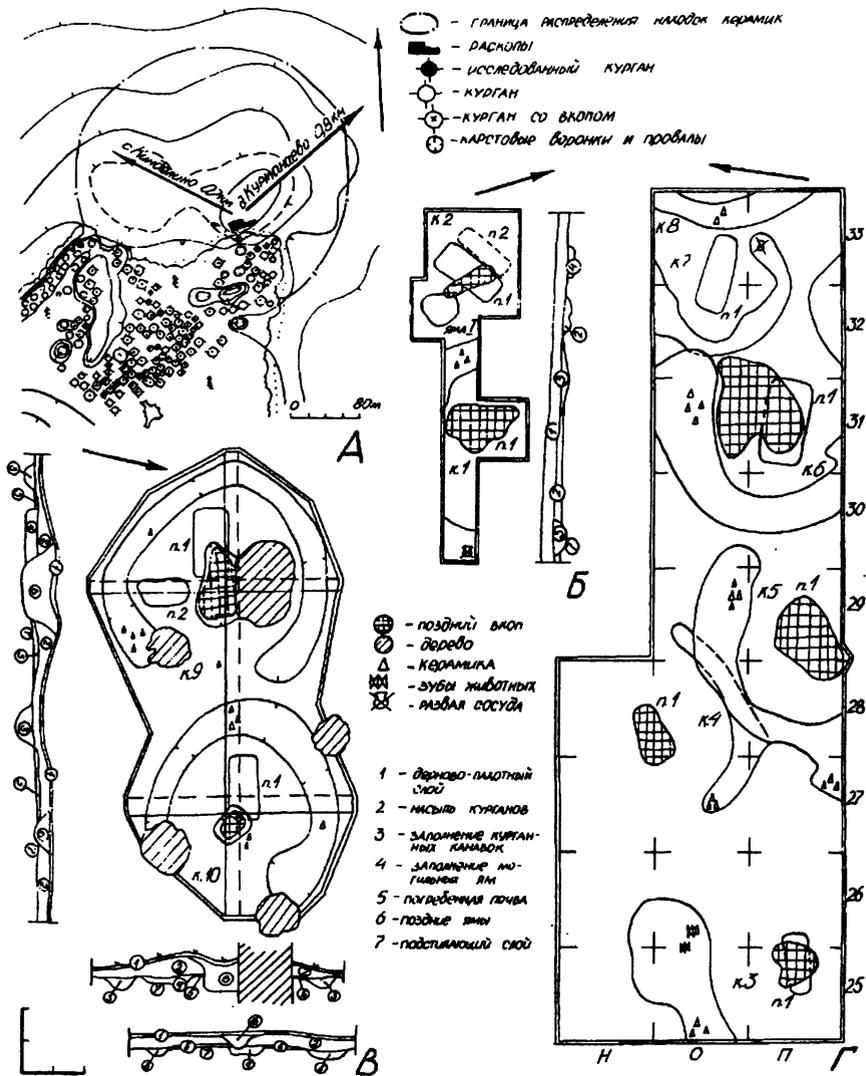

Рис.1. Курманаевский могильник. А - топографический план; Б - раскоп I (1988 г.); В - раскоп III (1991 г.); Г - раскоп II (1991 г.).

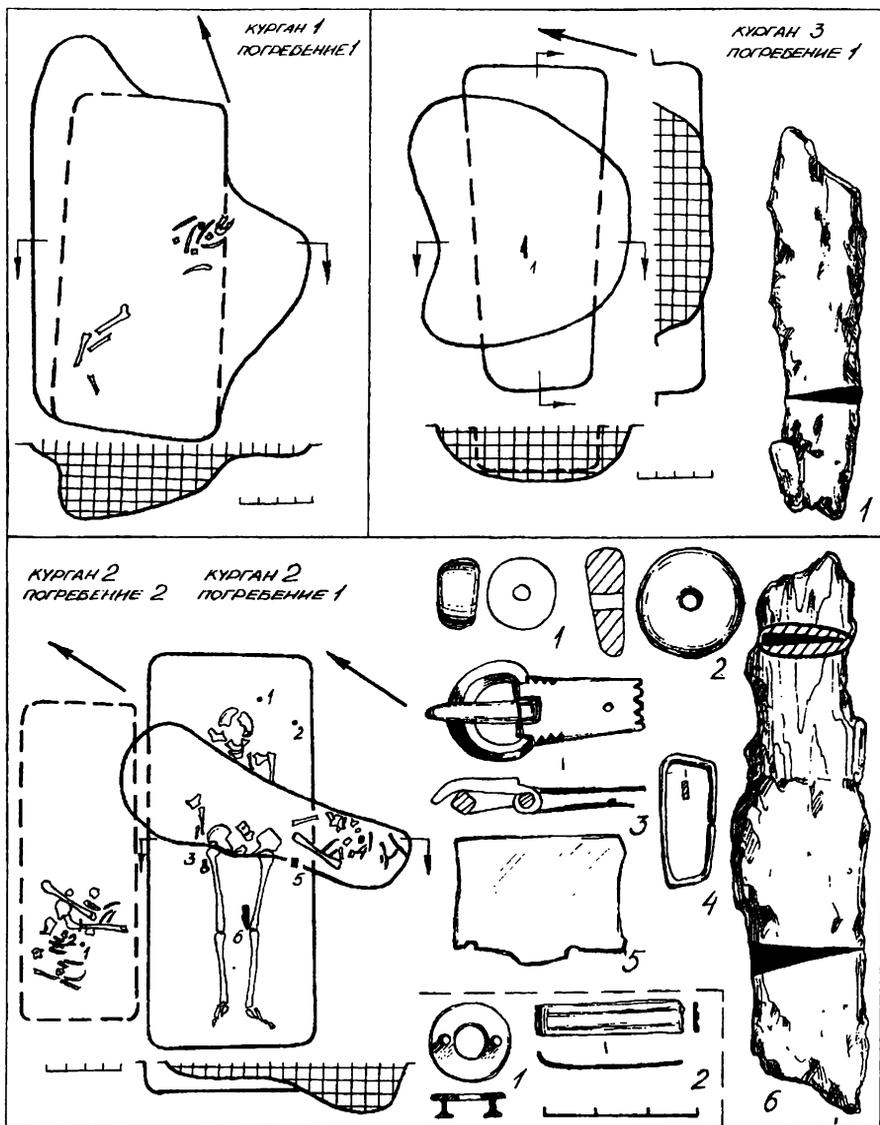

Рис.2. Курманаевский могильник. Планы погребений и вещи: погребение 1 кургана 1; погребение 1 кургана 3; погребения 1 и 2 кургана 2.

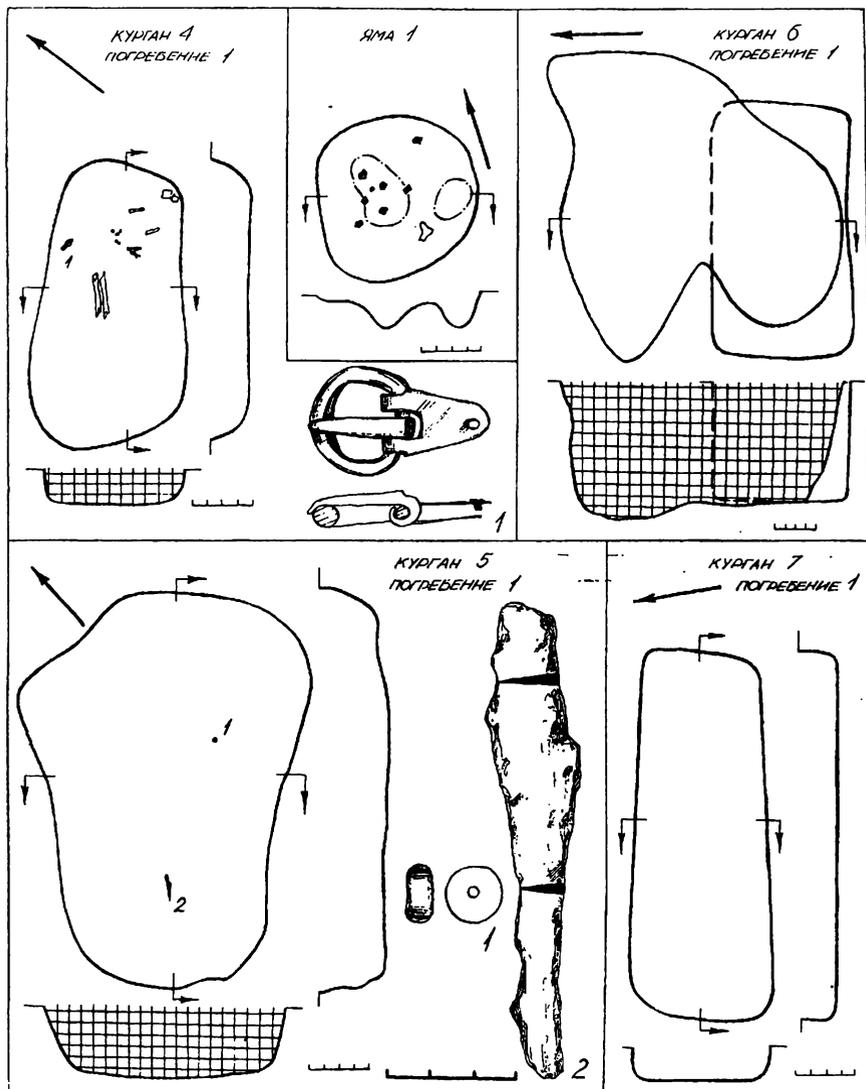

Рис.3. Курманаевский могильник. Планы погребений и ямы 1, вещевой материал: погребение 1 кургана 4; погребение 1 кургана 5; погребение 1 кургана 6; погребение 1 кургана 7.

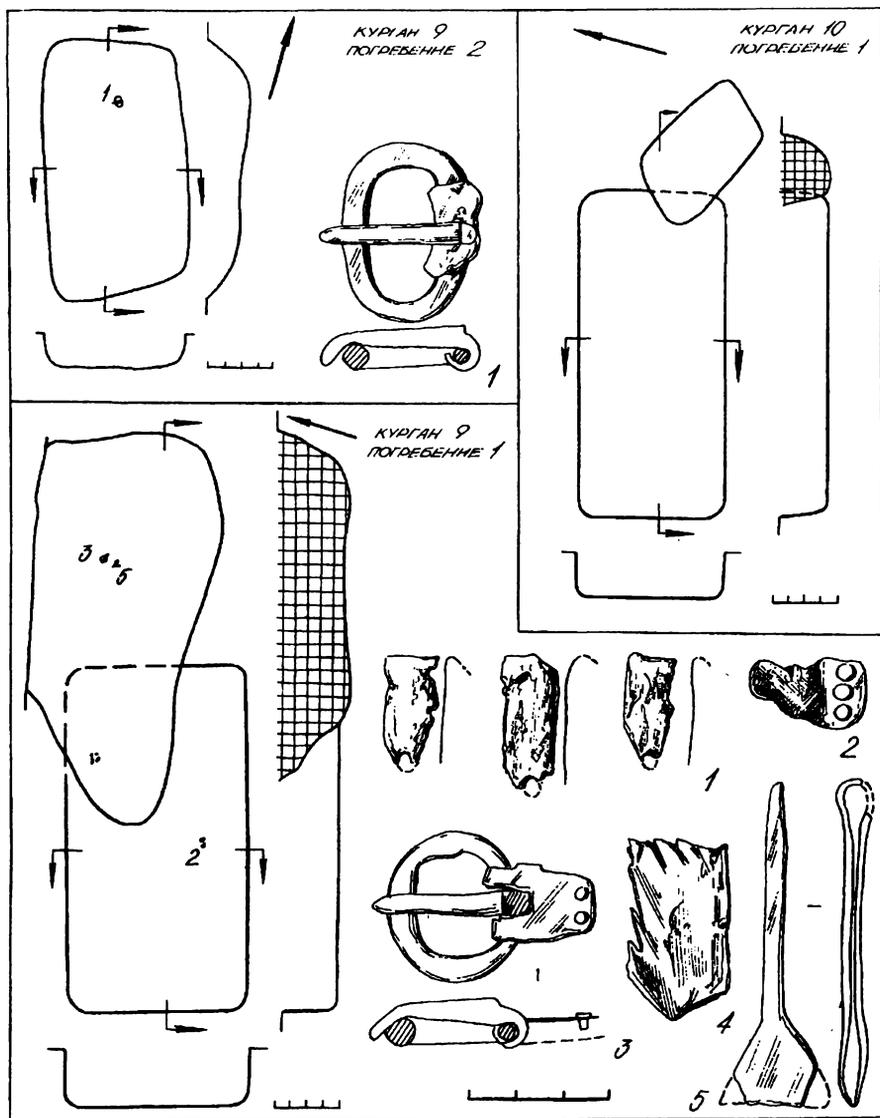

Рис.4. Курманаевский могильник. Планы погребений и вещи: погребения 1 и 2 кургана 9; погребение 1 кургана 10.

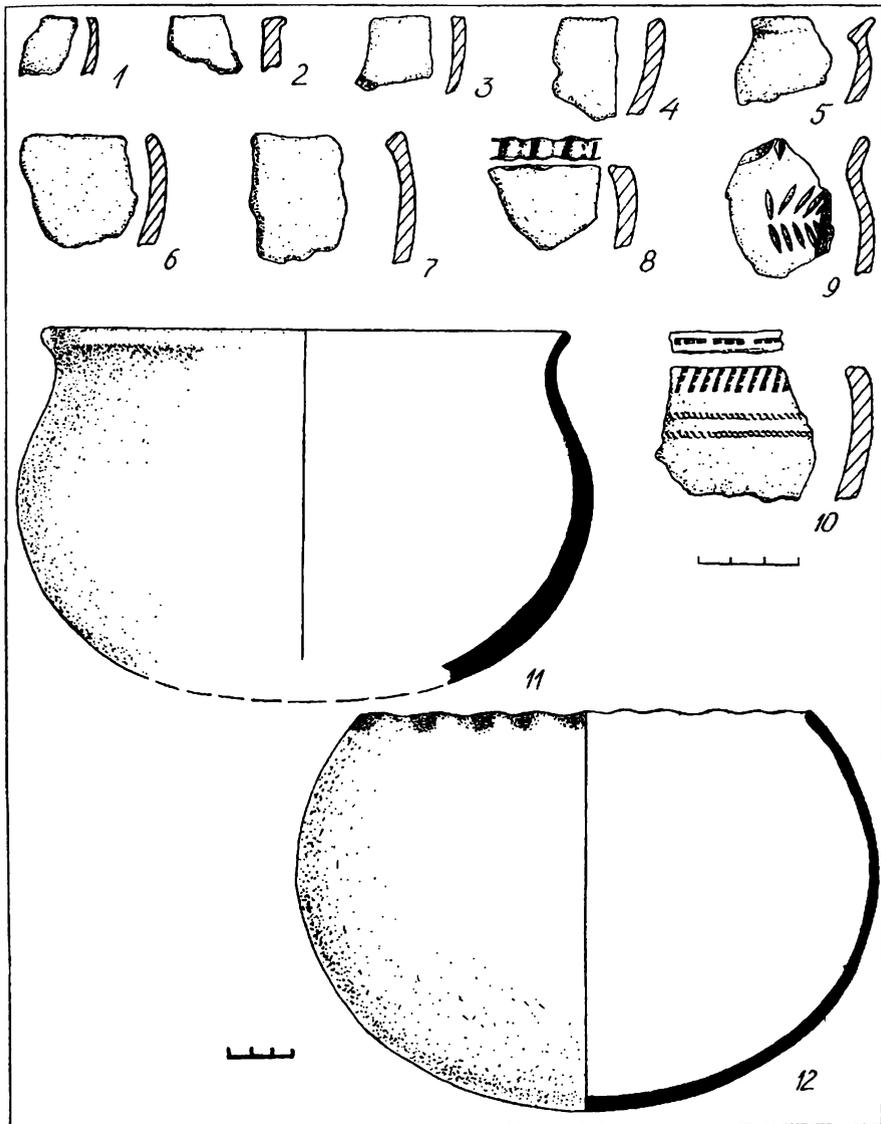

Рис. 5. Курманаевский могильник. Керамика из курганных ровиков и насыпей.

Городище мазунинской культуры около с. Сосновка Удмуртской Республики.

Сосновское городище расположено в северо-восточном пограничье распространения памятников мазунинской культуры (рис. 1А). Оно было открыто и обследовано в 1974 году разведывательным отрядом Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством автора [Останина 1974, с. 76-78].

Городище находится в 0,35 км к юго-востоку от с. Сосновка Шарканского района Удмуртской Республики, в 1,2 км к юг-юго-западу от д. Табанеево (Едыгрон). Местность известна у местных жителей под названием “Место бызиновских праздников”, т.к. здесь проходили все массовые колхозные праздники, а юго-западная часть современного с. Сосновка до 1969 г. имела самостоятельное название Бызиново. Городище занимает невысокий (12 м) языковидной формы мыс, направленный стрелкой на СВ. С северной стороны мыс обмывает р. Вотка, правый приток р. Сивы, правый приток р. Камы. С восточной и южной сторон он окружен оврагом, по которому протекает р. Карашурка (удм. *каршур* “река у городища”), впадающая в р. Вотку у подошвы мыса (рис. 1Б). Из известных в краеведческой литературе 1920-х годов памятников археологии около д. Табанеево его можно связать с Едыгронским II (Табанеевским II) городищем, хотя по описанию последнего, его квадратная форма площадки не соответствует Сосновскому [Талицкая 1952, с. 87].

Городище имеет систему укреплений из трех валов и рвов с напольной стороны, имеющих продолжение в юго-восточной части склона, более пологого и незащищенного. Валы городища известны у местного населения под названием “пугачевских”. Кроме того, имеются два вала и рва со стороны конца мыса, что было вызвано его покатостью, отсутствием резкого перепада высоты. Центральная часть площадки городища была хорошо задернована. Ее края и склоны мыса заросли густым хвойным лесом. Общая площадь городища составляет 5650 кв.м. В течение двух полевых сезонов (1975-76 гг.) археологической экспедицией Удмуртского республиканского краеведческого музея была вскрыта почти вся свободная от леса площадка городища (2659,5 кв.м), что составляет 47,7% его общей площади [Останина 1975; 1976]. Это пока единственное городище мазунинской археологической культуры, где вскрыта столь значительная площадь.

Поверхность раскопа имеет наклон с юга (+48) на север (-259) и с запада (+68) на восток (-241). Раскопки на памятнике производились участками размером 3 × 3 м. Стратиграфия культурного слоя городища проста: дерновый слой (5-10 см), темно-серая супесь с находками (6-24 см), светло-серая супесь (5-24 см). Найдены керамики и костей в последнем слое немногочисленны. Подстилающий слой - глина.

На исследованной площади городища были вскрыты 40 хозяйственных и 59 столбовых ям, 25 очагов и одно жилище, а также изучена система укреплений.

Описание сооружений (рис. 2; 3). Очаги¹.

Очаг I. На поверхности прокаленной глины найдены небольшие камни песчаника. С трех сторон прокол окаймляет околоочажная впадина шириной до 72 см и глубиной 18 см, заполненная темно-серой супесью с гумусом и примесью угля, с находками костей животных, обломков керамики и камней песчаника. Около очага обнаружены куски крицы и шлака.

Очаг II. С западной стороны к прокалу примыкают два пятна сырой глины толщиной до 3 см.

Очаг V. Около пятна прокала с двух сторон обнаружена околоочажная впадина наибольшей шириной 84 см, глубиной 87 см. Она заполнена смешанным грунтом с преобладанием темно-серой супеси.

Очаг VII. Данный очаг трижды менял свое расположение и форму, в основном в западной части: на глубине 20 см - очаг "а", на 30 см - очаг "б", на 37 см - очаг "в". Общая толщина очажного пятна в восточной части - 16 см. Над прокаленной глиной очага, на уч.АБ/6-9, на глубине 19 см от современной поверхности, обнаружено пятно сырой глины неправильной формы. Его размеры 396 × 882 см, толщина глины 2-3 см. В некоторых местах она смешивается с темно-серой супесью или переходит в слабо прокаленную глину.

Очаг VIII. На глубине 13 см обнаружены очертания очажной ямы неправильной формы размерами 252 × 318 см, глубиной 80 см. В верхней части ямы - темно-серая гумусированная супесь с вкраплением угля, а на дне - смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси.

Очаг XIII. Очертания очажной ямы овальной формы обнаружены на глубине 20 см. Ее размеры 78 × 96 см. На уровне 25 см - пятно прокаленной глины. В верхней части ямы - темно-серая гумусированная супесь, а под прокалом - смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси. Глубина очажной ямы 45 см. Найдены 2 фрагмента керамика.

¹ Местонахождение очага, составные его части, характеристика прокала вынесены в таблицу 1.

Очаг XV. Очертания очажной ямы и прокала зафиксированы на уровне 30 см. По периметру прокаленной глины расположены камни песчаника, уложенные вертикально и горизонтально. Очажная яма овальной формы размерами 162 × 204 см, в верхней части заполнена темно-серой супесью с углем и кусками обожженной глины. Под прокалом - темно-серая гумусированная супесь с углем. Дно ямы ступенчатое, ее глубина 46 см.

Очаг XXI. К северо-западу от прокала пятно сырой глины с вкраплением кусочков прокаленной глины, темно-серой супеси и камней. Мощность смешанного грунта 6 см. Размеры пятна 204 × 390 см.

Очаг XXII. У северо-восточного конца обожженной глины - отдельно лежащие камни песчаника.

Очаг XXIV. По периметру очага найдены отдельно лежащие камни песчаника.

Очаг XXV. На дне очажной ямы диаметром 132 см зола и смешанный грунт с кусочками обожженной глины. Верхняя часть ямы (11 см) заполнена темно-серой гумусированной супесью. Глубина ямы 66 см. Находки: фрагменты керамики (67 экз.) и кусок глиняной обмазки.

Очаг XXVI. Прокаленная глина находилась в верхней части очажной ямы. В разрезе имеет форму выгнутой линзы, лежащей в слое смешанного грунта с преобладанием светло-серой супеси. Нижняя часть ямы заполнена темно-серой гумусированной супесью с вкраплением угля и находками керамики. Общая глубина ямы 50 см.

Анализируя составные части очагов, можно выделить 4 типа.

Тип 1. Глиняная, хорошо прокаленная подушка (14 случаев; 53,8%). Форма прокала очагов данного типа разнообразна: округлая, овальная, подтреугольная, подпрямоугольная. Размеры глиняной подушки довольно значительны: 60-114 × 80-180(236) см. Мощность прокала колеблется в пределах 8-18 см (только очаг XXIII имел толщину 30 см). Около четырех очагов зафиксированы пятна сырой глины с вкраплением прокала. Они или прилегают к очагу (VII, XXI), или находятся на некотором расстоянии от него (XII).

Тип 2. Хорошо прокаленная глиняная подушка с обкладкой из камней (4 сл.; 15,4%). Камни окантовывали прокал с трех сторон (III), с одной стороны (V, XVII) или лежали на самом прокале и по его периметру (IV). Очаги имели округлую или подпрямоугольную формы. Размеры прокала в пределах (48)78-116 × 78-132 см, мощность - 6-12 см. Очаги этого типа по толщине прокаленного слоя уступали очагам *tuna 1*.

Тип 3. Глиняная подушка с околоочажной впадиной (3 сл.; 11,5%; I, V, IX). Ямы глубиной 18-87 см окаймляли пятно прокала с одной или с

двух сторон. Заполнены они смешанным грунтом с преобладанием темно-серой супеси с включениями гумуса, углей, камней, с находками костей и фрагментов керамики. Пятна прокала имеют округлую, подпрямоугольную, подтреугольную формы. Их размеры в пределах 63-102 × 90-160 см. Мощность прокала 12 см.

Тип 4. Очажные ямы (5 сл., 19,3%; VIII, XIII, XV, XXI, XXV), в которых на уровне фиксации (2 сл.) или в заполнении находятся глиняные подушки. Форма прокала подпрямоугольная, овальная и округлая. Размеры его равны (56)78-116х96-252 см, а мощность прокала - 12 см. Очажная яма XV была дополнительно окантована по периметру камнями. По своим размерам ямы с прокалом делятся на два варианта:

- малых размеров. При этом прокал и яма имели почти одинаковые размеры (XIII, XXV, XXVI);

- значительных размеров. Размеры ямы намного превышают размеры прокала (VIII, XV).

Хозяйственные ямы (№№ 1 - 40; рис. 2; 3).²

Яма 2. В верхней части заполнена темно-серой супесью, с кусочками прокаленной глины, а в нижней - смешанным грунтом с преобладанием темно-серой супеси.

Яма 5. В верхней части заполнена темно-серой гумусированной супесью с углем, в нижней - светло-серой супесью.

Яма 6. В верхней части - темно-серая гумусированная супесь с углем, в нижней - смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси.

Яма 7. Верхний слой заполнения ямы - темно-серая гумусированная супесь с вкраплением угля и золы и с находками керамики, нижний - смешанный грунт с преобладанием темно-серой супеси.

Ямы 8, 9. В верхней части заполнены смешанным грунтом с преобладанием темно-серой супеси, золы, на дне - светло-серая супесь. В яме 9 найдены куски глиняной обмазки, кости, фрагменты керамики (43 экз.).

Яма 14. В верхней части ямы - темно-серая супесь, на дне - смешанный грунт темно-серой супеси с вкраплением угля и кусочков прокаленной глины и камней песчаника. При выборке ямы найдено 308 фрагментов керамики и нож.

Яма 17. Заполнение ямы - темно-серая гумусированная супесь с углем, в центре - смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси. Находки: керамика (95 фр.).

Яма 18. На дне - темно-серая гумусированная супесь, остальная часть

² Местонахождение хозяйственной ямы, форма, размеры, конструкция, частично заполнение вынесены в таблицу 2.

заполнена смешанным грунтом с преобладанием темно-серой супеси. Находки: керамика (105 фр.).

Яма 19. В верхней части - темно-серая гумусированная супесь, в нижней - смешанный грунт с преобладанием темно-серой супеси. Находки: керамика (22 фр.).

Яма 20. В верхней части - темно-серая гумусированная супесь, в нижней части - светло-серая супесь с вкраплением кусочков прокаленной глины и угля. Находки: керамика (23 фр.).

Яма 21. На дне - смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси, остальная часть - темно-серая гумусированная супесь. Находки: керамика (45 фр.).

Яма 22. Большую часть заполняет смешанный грунт темно-серой супеси с кусочками обожженной глины и угля, в верхней части - тонкий слой темно-серой гумусированной супеси. Находки: керамика (21 фр.).

Яма 23. Нижняя часть заполнена смешанным грунтом с преобладанием светло-серой супеси, верхняя - темно-серая супесь с гумусом. Находки: керамика (6 фр.).

Яма 24. Заполнена смешанным грунтом, в верхней части встречаются кусочки прокаленной глины и угля. Находки: керамика (1 фр.).

Яма 25. Заполнена темно-серой супесью с включениями гумуса (верхняя часть) и прокаленной глины (на дне).

Яма 28. Верхняя часть заполнена темно-серой гумусированной супесью с углем, на дне - смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси. Находки: керамика (14 фр.).

Яма 29. В верхней части - темно-серая гумусированная супесь с углем, на дне - смешанный грунт светло-серой супеси с золой и кусочками угля, прокала. Находки: керамика (4 фр.), камни.

Яма 30. В верхней части - темно-серая супесь с углем и кусочками прокала, на дне она насыщена гумусом.

Яма 31. В верхней части - темно-серая гумусированная супесь с углем, на ступенчатом дне - концентрация кусков обожженной глины. Находки: керамика (5 фр.).

Яма 32. Верхняя часть заполнена темно-серой гумусированной супесью, на дне - смешанный грунт с большим количеством кусков прокаленной глины. Находки: керамика (3 фр.).

Яма 33. Заполнена смешанным грунтом с преобладанием кусков обожженной глины, на дне, в северо-восточной ее части - небольшое вкрапление темно-серой гумусированной супеси с углем.

Яма 34. В верхней части - темно-серая гумусированная супесь с углем, а также скопление кусков обожженной глины мощностью 18 см. Нижняя

часть заполнена смешанным грунтом с преобладанием светло-серой супеси. Находки: 2 кости животных, керамика (82 фр.), куски глиняной обмазки и камни.

Яма 37. В верхней части - темно-серая гумусированная супесь с углем, на дне - светло-серая супесь.

Яма 38. Заполнена темно-серой гумусированной супесью с углем и кусочками обожженной глины.

По конструкции (форме сечения) ямы можно разделить на 2 типа.

Тип 1. Ямы с вертикальными или слегка наклонными стенками (35 сл.; 87,5%). Они имеют округлое (22 сл.), плоское (8 сл.) или неровное (5 сл.) дно. Характерно разнообразие форм на плане: округлая (12 сл.), овальная (11 сл.), подпрямоугольная (4 сл.), подтреугольная (4 сл.), трапециевидная (2 сл.), неправильная (2 сл.).

Большинство ям данного типа неглубокие (12-50 см), лишь в восьми случаях их глубина составляет 53-95 см. Заполнение глубоких ям почти одинаковое: в верхней части находится темно-серая гумусированная супесь с углем, золой (2 сл.) или кусочками глины (2 сл.), на дне - смешанный грунт с преобладанием темно-серой или светло-серой супеси. За исключением ямы 37, все они содержат находки фрагментов керамики. Почти половина неглубоких ям имеет однородный состав (светло-серая или темно-серая супесь), заполнение другой половины ям идентично глубоким. Все ямы глубиной до 35 см без находок (15 сл.). Многие из них, на наш взгляд, носят естественное происхождение. Не случайно, на плане они имеют овальную, подтреугольную, неправильную форму и заполнены светло-серой, реже темно-серой супесью, одинаковой со слоем, в котором они располагались. Часть этих естественных западений, судя по смешанному грунту с кусками прокаленной глины и угля, могла использоваться под сброс мусора из близлежащих очагов. Ямы типа 1 располагались в жилище (№ 8, 9), около очагов, лишь ямы 11, 12, 15, 16 находились на площадке городища, ближе к северному склону.

Таким образом, ямы типа 1 почти все были неглубокими, находились у очагов. Судя по составу заполнения (куски прокаленной глины, уголь, гумус), они могли служить выгребными ямами для мусора, самые глубокие из них - для хранения продуктов. В них почти всегда находились фрагменты глиняной посуды, реже - кости животных, а в яме 9 - куски глиняной обмазки, возможно, от стенок ямы.

Тип 2. Ямы с вертикальными стенками и ступеньками сбоку (5 сл.; 12,5%). На плане они имеют овальную (1 сл.), округлую (1 сл.), подтреугольную (1 сл.) или подпрямоугольную (2 сл.) форму. Площадь ям значи-

тельна, достигает размеров 290 × 306 см (яма 6), глубина - от 31 до 48 см (3 сл.), 60, 112 см (2 сл.). Заполнение верхней части состоит из темно-серой супеси (2 сл.), гумусированной супеси с вкраплением угля (2 сл.) или кусочков прокаленной глины (1 сл.). На дне находится смешанный грунт (с преобладанием светло-серой или темно-серой супеси) с вкраплением большого числа кусков прокала (2 сл.). Все ямы данного типа, кроме № 2, располагаются у очагов и своим местонахождением тяготеют к краям площадки городища. Конструкция и состав заполнения определяют производственный характер данного типа ям (печи для плавки?, для цементации железа?). В пользу этого свидетельствуют и находки значительного числа фрагментов глиняной посуды в яме 14 - 308 экз., в том числе носящих следы оплавления.

На всей площадке городища обнаружены очертания 59 столбовых ям, имеющих в основном довольно большую глубину (20-65 см; 39 сл.). Остальные ямы были глубиной 12-18 см. Ямы имеют отвесные стенки с закруглением внизу, очень редко - наклонные. Дно плоское, реже округлое, в 2-х случаях под углом. В последнем случае это были ямы от кольев.

В западной части площадки городища, на незначительном расстоянии от вала I, обнаружены *остатки наземного жилища*, ориентированного в направлении ЮЗ-СВ (уч. А-Е/4-8; рис. 2, 3). Жилищное пятно было зафиксировано на глубине 18-20 см от поверхности в слое темно-серой супеси в виде смешанного грунта (темно-серая супесь с обожженной глиной и углем). Толщина смешанного грунта составляла 5-10 см. Южный угол обнаружен по едва заметным в бровках очертаниям заполнения пола дома (3-5 см). Он был разрушен пятном глины, расположенным около очага VII, более поздним по своему происхождению. Жилище прямоугольной формы имело размеры 9,0х13,5 м (площадь 121,5 кв.м). Внутри жилища находились очаг VI, хозяйственные ямы 8, 9, пятно сырой глины мощностью 3-5 см, размерами 280х360 см. Севернее пятна глины располагались столбовая яма, камни песчаника, которые единично встречались и на самом пятне. Очаг относится к типу 2, а обе ямы - к типу I и были заполнены одинаково: на дне смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси, в верхней части - зола, уголь и смешанный грунт с преобладанием темно-серой супеси.

Исследуя планиграфию сооружений в жилище, можно отметить, что весь хозяйственный комплекс находился в северной части дома. Южная половина жилища была без сооружений и отличалась незначительным насыщением смешанного грунта (5 см). Это приводит нас к мысли, что вдоль стенок, расположенных в южной половине жилища, находились

нары-лежанки. На расстоянии 1,8 м от стенок заполнение жилища раза в два тоньше, чем в северной части. Этнографические и археологические данные свидетельствуют о существовании в прошлом у удмуртов нар-лежанок, имевших ширину 1,5-1,8 м, высоту 0,5 м [Семенов 1979, с. 128-129, 141-144, 153; Иванова 1994, с. 91]. Нары представляли собой доски, положенные на сруб. Их можно было свободно поднимать, поэтому в срубе нар удмурты хранили хозяйственную утварь, одежду.

Судя по небольшой глубине ям и их заполнению, можно предположить, что яма № 8 служила для сбора мусора (выгребная яма), прежде всего, отходов от очага. Яма № 9, имеющая глубину 65 см и насыщенная находками костей и фрагментами керамики, могла использоваться, кроме того, и для хранения продуктов. Пятно глины в северо-западном углу могло служить в противопожарных(?), гигиенических целях. Возможно, здесь хранился домашний инвентарь, необходимый для приготовления пищи. Столб в углу, значительное число камней около него и глиняная вымостка могли служить в ритуальных целях (место поклонения родовому идолу?). Вход в жилище не обнаружен, можно лишь предположить его расположение в северной торцевой стене. Здесь находился хозяйственный комплекс, связанный с большим количеством мусора. Для удобства его выноса выход должен был быть где-то рядом. Очаг, расположенный вблизи от торцевой стены, противостоял холодному потоку вглубь жилища. Кроме того, отсюда самое близкое расстояние к источникам воды: к береговому склону р. Вотки и роднику.

За пределами дома, около южного и северного углов, находились только хозяйственные ямы. Остальное пространство близ жилища в сторону ручья-родника, впадающего в р. Вотку, было свободно. Жилищный комплекс находился по центральной линии языковидной площадки городища. Остальные сооружения (очаги, хозяйственные и столбовые ямы) располагаются или вдоль берегового склона, параллельно центральной оси, или перпендикулярно ей. При этом они группируются: 1-2 очага и несколько хозяйственных и столбовых ям вокруг них (рис. 2).

По северному краю городища располагаются очаги и ямы всех выделенных нами типов. Ямы типа 1 - неглубокие (для сбора мусора), а типа 2 - в основном со значительной глубиной (ямы 2, 14). Вдоль края площадки четко прослеживается линия столбовых ям от сооружения столбовой конструкции (стена? изгородь?). Судя по большому количеству кусков крицы и шлака, а также множеству керамики, в том числе со следами сильного оплавления, на окраине поселка, на берегу р. Вотки, происходила плавка и цементация железа.

Хозяйственные комплексы, расположенные к югу и востоку от жилища, представлены всеми видами очагов, с преобладанием очагов типа 1, около которых располагаются хозяйственные ямы обоих типов, с преобладанием типа 1. Здесь наибольшее число глубоких ям, предназначенных для хранения продуктов.

Таким образом, сооружения северной части мыса носили производственный характер, а южной и восточной - для хранения продуктов и приготовления пищи в летнее время.

Оборонительные сооружения (рис. 3).

С напольной стороны площадка укреплена тремя валами (I-III) и тремя рвами, которые, загибаясь на южный, более пологий склон мыса (валы Ia - IIIa), делают поселение неприступным. Длина внутреннего вала (I, Ia) равна 200 м, ширина - 6 - 7,5 м (вал I), высота по отношению к современной поверхности городища 0,45 - 0,55 м, рва I - 0,87 м. Длина среднего вала (II, IIa) равна 155 м, ширина - 8 - 9 м (вал II), 3 м (вал IIa), высота по отношению к современной поверхности рва I - 1,56 м. Ширина рва I 4,8 м, Ia - 3 м. Длина внешнего вала (валы III, IIIa) 180 м, ширина - 5,0 - 7,0 м (вал III), 3 м (вал IIIa), высота по отношению к современной поверхности рва III - 0,72 - 0,35 м. Длина II, IIa рва - 155 м, ширина - 3,0 м (ров II), 1,5 (ров IIa), глубина по отношению к поверхности современного вала II - 0,84 м, а древней - 1,98 м. Длина рва III 100 м, ширина 3,6 - 5 м, глубина его по отношению к современной поверхности поля - 0,2 м.

Для изучения стратиграфии, и, соответственно, конструкции оборонительных сооружений, в северном конце валов I - III была заложена прорезывающая их траншея длиной 33,6 м и шириной 1 м (рис. 1; 3). Наиболее близкими по стратиграфии являются внутренний и внешний валы (I, III). Оба вала, как и средний, были насыпаны на одну основу - светло-серую супесь, являющуюся погребенной почвой для всех сооружений городища (рис. 3). На данный слой был навален смешанный грунт с преобладанием светло-серой супеси разной толщины (до 40 см). На границе между погребенной почвой и смешанным грунтом вала I находилась тонкая прослойка угля (1 - 2 см). Далее была насыпана сырая глина мощностью до 54 см. Насыпи валов сверху задернованы (слой в 6 - 8 см). Следует отметить, что с внешней стороны вала I, на его склоне, под тонким слоем глины, располагаются друг под другом прослойки золы и темно-серой супеси с вкраплением кусочков угля, в которые вклинивается культурный слой городища - темно-серая супесь с находками. Общая мощность насыпи валов I, III одинакова и равнялась 75 см от погребенной почвы.

Средний вал (II) был насыпан следующим образом. Вначале на среднюю часть погребенной почвы был насыпан смешанный грунт (мощностью до 18 см), под которым находилась прослойка угля в 1 - 2 см. Затем со стороны рва II был насыпан толстый слой сырой глины (54 см), а со стороны рва I - слой глины с галечником. По верху насыпи вала образовался дерн (6 см). Толщина насыпи от погребенной почвы равнялась 126 см.

Заполнение рвов I - III почти идентично: на дне смешанный грунт с преобладанием темно-серой или светло-серой супеси (рис. 3), затем слой светло-серой супеси разной толщины (от 18 до 70 см), покрытый дерном (рвы I, II). Лишь во рву III на данном слое находилась вначале глина, а потом - дерн.

Анализируя заполнение рвов и валов, можно сделать следующие выводы.

Валы представляли собой лишь земляные насыпи, сооруженные на одной основе - светло-серой супеси. Прежде чем начать сооружать валы, на погребенной почве разжигали костры (ритуальные? для освобождения от леса площадки под вал?), от которых оставалась тонкая прослойка угля.

Внешний и внутренний валы были невысокие и сооружались за счет выброса земли из соседних канав-рвов. Их сохранившаяся высота относительно дна рвов равнялась 2,28 м (вал I), 1,74 м (вал III). Большая высота вала I достигалась за счет значительной глубины рва I.

Наиболее мощным из оборонительных сооружений был вал II. Насыпь его образовалась за счет выброса глина из рва II и глины с галечником из рва I. Высота вала II относительно дна рва II была 2,04 м, а рва I - 2,82 м.

Исходя из того, что между погребенной почвой и глиной в насыпи вала I находился культурный слой поселения, можно сделать вывод, что система оборонительных сооружений с напольной стороны была создана уже в период существования древнего незащищенного поселения-селища.

Со стороны конца мыса площадка городища была укреплена двумя валами (IV, V) и рвами. Длина вала IV 32,5 м, ширина достигает 6,5 м. Вал IV имеет ров шириной около 3,0 м, глубиной 0,6 м относительно современной поверхности вала.

Вал V имеет длину 27,5 м, ширину - 3-4 м, высоту - 1,0-1,1 м относительно дна рва. Ров V длиной 20 м, шириной 3,0 м имеет глубину 0,6 м. Вдоль дороги в д. Табанеево, снесшей часть укреплений до современной поверхности площадки городища, была сделана зачистка вала IV и разрез рва IV траншеей длиной 8,4 м, шириной 1 м (рис. 1; 3). Разрез вала V и рва

V не производился, так как они заросли густым хвойным лесом с сильной корневой системой. Стратиграфия насыпи вала IV и заполнение рва IV почти идентичны подобным сооружениям с напольной стороны. Здесь только появляется слой темно-серой супеси мощностью 12 - 15 см, находящийся под дерном. Его, возможно, намыло вешними и дождевыми водами с площадки городища, имевшего сильный наклон в сторону конца мыса (перепад высот 2 - 3 м).

Описание вещевого материала.

Находки предметов на городище немногочисленны и состоят из орудий труда, украшений, чаще всего их фрагментов, и остатков металлургии.

Орудия труда представлены ножами, скобелем, терочниками, пряслицами, обломками косы.

Ножи (5 экз.; рис. 4: 1-5) изготовлены из железа и по своей конструкции однотипны (брусковидный черешок и треугольной формы клинок). Для жесткого крепления деревянной рукояти они имеют уступчик со стороны спинки, реже и со стороны лезвия (рис. 4: 2, 4), а также отверстие на черешке (рис. 4: 1-3). Отличаются ножи лишь размерами лезвия: 13 см (рис. 4: 1), более 9,5 см (рис. 4: 2), 7,7 см (рис. 4: 4). Это было обусловлено разными видами хозяйственных работ в древности (охота, бытовые нужды и т.д.).

Скобель (рис. 4: 6) представляет собой дугообразное ножевидной формы лезвие с двумя ручками, перпендикулярно поставленными на концах лезвия. Длина дуги лезвия 8 см, ширина - 1,7 см. Длина черешков, на которые насаживались деревянные рукояти, равна 5,2 см. Скобель данного типа на территории Среднего Прикамья впервые встречается только в послепьяноборское время.

Обломок косы (рис. 4: 20) представляет собой пятку и часть обоюдоострого клинка. Ширина клинка равна 2,3 см. В отличие от подобных находок в других памятниках археологии этого периода, в нашем случае пятка и клинок находятся в одной плоскости, а не под тупым углом [Генинг 1963, рис. XXIV-4; Останина 1992, рис. 32, 8]. Складывается впечатление, что это был брак.

Пряслице (обломок, рис. 5: 1) выполнено из глины с примесью растительности и битой раковины. Имеет прямоугольное, с округлением по бокам, сечение. Диаметр пряслица 3,7 см, толщина - более 1,6 см.

В коллекции городища есть заготовка другого пряслица. Это кусок глины, у которого была обработана только одна сторона, имеющая сферическую форму (диаметр 4,5 см; рис. 5: 10).

Фрагменты грузил (2 экз.; рис. 5: 4, 8) для сетей цилиндрической формы. Имеют диаметр 2,7 см. Выполнены из глины с примесью хорошо отмученного песка. Обжиг хороший, хотя и костровой. Судя по одинаковому диаметру и характеру изготовления фрагментов, возможно, это обломки одного грузила.

Песты-терочники (8 экз.) выполнены все из природных галек округлой и овальной формы. Размеры позволяют выделить 3 варианта данного рода предметов, что связано с характером их использования.

Вариант 1. Округлая подпрямоугольная в сечении галька диаметром 4,4 см и толщиной 1,4 см (рис. 5: 2). Имеет ровные площадки, служившие для растирания красок (?). В неровностях площадок песта сохранились частицы порошка зеленого цвета (окислившаяся медь?).

Вариант 2. Песты-терочники из галек средних размеров (6 экз.). Размеры рабочих площадок для растирания находятся в пределах 7,6-10×5,9-7,6 см при толщине камня 2,2-5,6 см (рис. 6: 1-3; 7: 1-3). Это были специально подобранные камни, имеющие 1-2 площадки подпрямоугольной формы, удобные для работы одной рукой. Все песты-терочники имеют сработанные торцовые концы, иногда наблюдается сработанность по всему периметру гальки (рис. 7: 3). Сработанность получалась в результате предварительной обработки зерна, орехов, желудей и т.д. Ровные плоские площадки служили для растирания муки, которая получалась при движении малого камня-терочника, державшегося в одной руке, по площадке большого камня-куранта, лежащего на чем-то твердом. Подобные орудия, с одной стороны, были частью ручной мельницы, с другой - орудием разбивания чего-то твердого, поэтому правильной их будет назвать песты-терочники.

Вариант 3. Пест-терочник большого размера: площадка для растирания 18,5×11,6 см при толщине гальки 5,0 см (рис. 7: 5). У него сбиты торцы, площадки ровные. Он использовался, судя по этнографическим данным, для размола зерна на куранте с помощью уже двух рук [Краснов 1971, с. 84-85].

К орудиям труда можно отнести камень песчаника, имеющий параллельные площадки трапециевидной формы размерами 13,2 × 3,2-10 см при высоте 2 - 4,7 (рис. 6: 4). Площадки и грани камня имеют следы сработанности, а также длинные полосы от лезвия какого-то предмета (ножа? топора? косы?). Этот камень можно отнести к группе точильных брусков.

Украшения выполнены из бронзы (подвеска, височное кольцо и колечко, пинцет, фрагмент гривны), железа (бляшка, пряжка) и стекла (бусы).

Подвеска (рис. 4: 15) относится к типу каплеобразных. Она с помощью колечка (фрагмент его сохранился) обычно подвешивалась к ножнам для

ножа и шила, к ожерельям из пронизок и подвесок, а также была составной частью поясных накладок. Особенно широкое распространение они имели в вещевом материале могильников мазунинской культуры в IV-V вв [Останина 1992, с. 66-93].

Височное кольцо (рис. 4: 10) выполнено из круглой в сечении проволоки. Концы едва заходят друг за друга. Подобный вид украшений довольно часто встречается в могильниках башкирской группы памятников мазунинской культуры, единично на территории Прикамской Удмуртии [Мажитов 1968, табл. 2, 2, 6-9, 11].

Щипчики-пицет (рис. 4: 7) сделаны из прямоугольной пластины с расплюснутыми концами, загнутой вдвое. Край концов едва загнут. Они служили, вероятно, для гигиенических целей (выщипывание волос). Щипчики довольно часто встречаются в материалах могильников мазунинской культуры, хотя здесь они в большинстве своем были выполнены из железа [Останина 1984, с. 41].

Кроме того, на Сосновском городище обнаружены фрагмент *бронзовой гривны* (рис. 4: 14) и кусок загнутой *проволоки* (рис. 4: 13), оба круглые в сечении. Найдены также детали бронзовых предметов: бронзовое колечко малого диаметра (рис. 4: 11) и бронзовая заклепка (рис. 4: 12). Эти предметы могли входить в состав ножен для ножа и шила, фибул [Останина 1992, рис. 15, 6; 17, 10; 18, 9; 22, 9; 24, 9], а также ожерелий из подвесок и пронизок [Останина 1992, рис. 4, 16; 10, 7].

Довольно редки в памятниках мазунинской культуры находки бляшек, сделанных из железа. Бляшка из материалов Сосновского городища имеет округлую форму, едва выпукла. Ее диаметр равен 2,2 см. Для крепления она снабжена отверстием по центру (рис. 4: 8).

Бусы (3 экз.) выполнены из стекла и имеют следующие характеристики: синий бисер (рис. 4: 16), фрагменты темно-синей шарообразной бусины диаметром 1,5 см, длиной 0,7 см (рис. 4: 18) и бесцветной кольцеобразной, диаметром 1,5 см, высотой 0,7 см (рис. 4: 17). Подобные типы бус имели широкое распространение на территории Прикамья. Особенно в большом количестве встречались синий бисер и бесцветные кольцеобразные и шарообразные бусы. Если бисер входил в состав нагрудных ожерелий, то крупные кольцеобразные и шарообразные бусы входили еще и в конструкцию височных подвесок и ожерелий из бус и пронизок.

В состав поясной гарнитуры мазунинского населения входили *пряжки*, поясные накладки, наконечники ремней. Среди находок с городища имеется лишь железная пряжка (рис. 4: 9). Она относится к наиболее распространенному типу пряжек послепьяноборского времени:

бесщитковые с овальной формой приемника (язычок отсутствует) [Генинг 1979, с. 98-99].

Предметы металлургии в коллекции городища представлены фрагментами *тиглей* (10 экз.), кусками *крицы* (77 экз.) и *шлака* (243 экз.). От тиглей обнаружены фрагменты венчиков (5 экз.; рис. 5: 3, 5, 9), тулова (4 экз.; рис. 5: 6, 13) и дна (1 экз.; рис. 5: 7). По очертаниям одного из венчиков удалось определить диаметр одного тигля - 6,5 см (рис. 5: 9). Судя по двум фрагментам нижней части тиглей, их можно отнести к типу рюмкообразных. Диаметр сохранившегося дна равен 3,2 см (рис. 5: 7). Черепки тиглей пористые, имеют следы сильного оплавления, частично деформировались.

Керамический комплекс, изделия из глины.

Раскопки на городище дали большое количество обломков глиняных сосудов; всего зафиксировано 16578 экз. 116 фрагментов из них, дающих наиболее полные сведения о размерах, форме, технике изготовления и орнаментации сосудов, были подвергнуты научной обработке по “Программе статистической обработки керамики”, разработанной В.Ф. Генингом [Генинг 1973, с. 114-135].

Все сосуды выполнены в технике ленточного налепа. Обжиг костровой, цвет сосудов в основном светло-коричневый, хотя есть серый, черный и темно-серый.

Состав глиняного теста разнообразен: с примесью битой раковины (8,7 %), песка (6,9 %), растительности (77,4 %), раковины и растительности (4,3 %), песка и гальки (0,9 %), без примеси (1,8 %). Сосуды, в состав которых входит песок и раковина, имеют плотный черепок и гладкую поверхность, если в тесте растительная примесь - рыхлую структуру.

Наружная поверхность сосудов сравнительно хорошо обработана, что получилось за счет сглаживания поверхности тканью или кожей. В единичных случаях поверхность обрабатывалась щепкой, от которой остались царапины. Замечена тенденция к более грубой обработке внутренней поверхности сосудов, чаще всего щепой.

Сосуды, найденные при раскопках городища, в большинстве своем тонкостенные, имеют толщину шеек и стенок в пределах 3-5 мм. При этом толщина обычно одинакова по всему сосуду, или же имеется небольшая разница, но не более 2 мм. Незначительное число сосудов имело толщину шеек и стенок в пределах 6-8 мм.

Почти все керамические сосуды городища относятся к типу горшков (*тип 1*) с округло-уплощенным дном (98,3 %), о чем свидетельствуют отдельные находки фрагментов дна (рис.8: 6), а также корреляция указате-

лей форм, выявленных по верхней части сосудов. Указатель профилировки шейки (ФГ), определяющий степень отгиба шейки от ее основания, равен 0,01-1,0. Это дает право отнести сосуды к категории слабопрофилированных (0,01 - 0,26; 36,6 %), среднепрофилированных (0,27-0,57; 46,9 %) и сильнопрофилированных (0,58-1,0; 15,6 %). Высотно-горловинный показатель (ФБ - отношение высоты шейки к ее диаметру) в основном находится в пределах 0,51-1,5, что согласно критериев “Программы...” позволяет относить сосуды в основном к типу низкогогорлых (90,4 %), очень низкогогорлых (8,7 %). По указателю выпуклости плечика (ФЖ) горшки слабовыпуклые (54,8 %) или средневыпуклые (23 %).

Размеры горшков по венчику позволяют выделить 2 основные группы: малых (19 %) и средних (72,4 %) размеров, хотя единично встречаются сосуды очень малых (3,4 %) и больших размеров (5,2 %).

Второй тип сосудов по форме представляет собой округлодонные непрофилированные чаши (2 экз.; 1,7 %). Они имеют очень малые размеры (диаметр 8 см). В составе глиняного теста какая-либо примесь отсутствует (рис. 8: 8; 10: 9).

Коллекция керамики городища не отличается насыщенностью и богатством орнамента (28,4 % изучаемого комплекса, 33 сосуда). Украшалась, в основном, верхняя часть сосудов: венчик (84,8 %), шейка (84,8 %), плечико (36,3 %); только один сосуд имел узор на тулове. Орнаментальные узоры просты: защипы (18 %; рис.9: 6) или насечки (38 %; рис.8: 4, 5, 8-10; 9: 1, 3-5, 7) по венчику, елочка (2 %; рис.8: 2), ряды разной формы ямок (42 %).

Варианты последнего вида орнамента разнообразны: 2-3 ряда круглых (рис.8: 3, 4; 10: 6), 1-3 ряда продолговато-овальных (рис.8: 9; 9: 2-4), 1-3 ряда треугольных (рис.8: 1, 10; 9: 6, 7), 1-2 ряда прямоугольных (рис. 8: 7; 10: 1) ямок. Восемь сосудов имели сквозные круглые отверстия, носившие утилитарное назначение (для скрепления трещин, подвешивания; рис. 8: 5). Для орнаментации использовались три технических приема: ямочный накол, нажатие пальца и резной.

Форма ямок при наколе зависела от формы конца штампа-стержня и от угла его нажатия (овальная, треугольная, круглая). В керамической коллекции оказались четыре фрагмента стенок, орнаментированные гребенчатым штампом по шейке, частично - плечико (параметры этих сосудов не установлены). Цвет этих фрагментов темно-серый и светло-коричневый, в глиняном тесте - растительность. Штамп мелкозубчатый (рис.10: 2-4) и нанесен в виде “елочки”, “шагающей” гребенки, двух параллельных линий.

Таким образом, для керамического комплекса Сосновского городища характерны тонкостенные, низкогорлые, слабо- и среднепрофилированные горшки с бедной орнаментацией (ямки, насечки, защипы; 3/4 сосудов вообще не орнаментированы). Для глиняного теста выявлено разнообразие примесей, но преобладающей является примесь растительности (77,4 %). Преобладают сосуды малых и средних размеров (диаметром от 11 до 25 см), что определяется их функциональным назначением (столовая, кухонная посуда). Керамика подобного типа характерна для удмуртского варианта мазунинской культуры [Останина 1983а, с.15-16].

В культурном слое городища обнаружено незначительное количество *костей животных* (105 экз.), из которых 34 были определены специалистом³. Из них 79,4 % (27 костей / 5 особей) оставлены домашними животными, а 20 % (7 костей / 2 особи) - дикими. Домашние животные были представлены лошадьми (2 особи), крупным и мелким рогатым скотом (по 1-й особи) и свиньей (1 особь), дикие животные - только костями бобра (7 костей от 2-х особей; 28,6 % от общего числа животных).

Количественное соотношение состава остеологического материала может свидетельствовать о мясо-молочном направлении животноводства и о мясном и пушном характере охоты на диких животных.

Итак, Сосновское городище относится к мазунинской культуре и является самым северо-восточным памятником на территории ее распространения. Вещевой материал, в частности, большое количество крицы и шлака, свидетельствует о существовании на площадке поселения сооружений, связанных с черной металлургией. Кроме того, население, проживавшее здесь, занималось земледелием, скотоводством и охотой. Последний вид занятий дополнял запас мяса домашних животных и давал прекрасный мех для торговли. Здесь впервые на поселении Среднего Прикамья III-V вв. обнаружены остатки косы-горбуши и скобель, свидетельствующие о новых хозяйственных успехах населения по сравнению с более ранним периодом - эпохой раннего железа.

Интерес представляют немногочисленные находки фрагментов керамики с гребенчатой орнаментацией. Появление подобной посуды в бассейне р. Сивы наводит на мысль о существовании ранних контактов мазунинского населения с населением Верхней Камы. Здесь в V в. происходило формирование ломоватовской культуры на базе двух групп населения: пришлого - западносибирского и местного - гляденовского [Голдина 1985,

³ Выражаю искреннюю благодарность старшему научному сотруднику ИИЯЛ Академии наук Республики Татарстан, доктору биологических наук А.Г. Петренко за обработку остеологического материала.

с. 144]. Указанная лепная посуда Сосновского городища вряд ли могла быть предметом торговли. Она выполнена из того же глиняного теста, что и мазунинская посуда (примесь растительности в тесте), что свидетельствует о местном характере ее изготовления, а появление гляденовских орнаментальных традиций возможно было результатом брачно-семейных отношений. Дальнейшая культурная интеграция потомков мазунинского и раннеомоватовского населения будет продолжена уже в рамках раннего этапа полемской культуры в верховьях р. Чепцы (конец V - VI вв.).

Дата городища определяется рядом вещей, хронология которых хорошо разработана [Останина 1983б, с.72-79]. На памятниках мазунинской культуры в IV-V вв. бытуют каплеобразные подвески (рис. 4: 15), височные подвески (рис.4: 10), появляются в массе бронзовые горошины-заклепки (рис. 4: 12) от ножен для ножа и шила или от бабочковидных фибул позднего варианта 5 [Останина 1983б, табл.1, 34-36]. Только на позднем этапе существования памятников этой культуры в значительном количестве встречаются гривны, пинцеты, бронзовые пряжки с подвижным язычком.

Все эти данные позволяют датировать Сосновское городище IV-V вв. А это, в свою очередь, позволяет предполагать более позднее заселение бассейна р.Вотки мазунинским населением.

Литература и архивные материалы

- Генинг В.Ф.* 1963. Азелинская культура III-V вв. // ВАУ. Вып.5. Ижевск-Свердловск.
- Генинг В.Ф.* 1973. Программа статистической обработки керамики. //СА. №1.
- Генинг В.Ф.* 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып.158. М.
- Голдина Р.Д.* 1985. Ломоватовская культура. Иркутск.
- Иванова М.Г.* 1994. Истоки удмуртского народа. Ижевск.
- Краснов Ю.А.* 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Мажитов Н.А.* 1968. Бахмутинская культура. М.
- Останина Т.И.* 1974. Отчет о раскопках Постологского городища около ст. Постол в Завьяловском районе УАССР и отчет об археологической разведке по притокам рр.Сивы и Чепцы // Архив ИА РАН. Р-1, № 5299.
- Останина Т.И.* 1975. Отчет о раскопках Сосновского городища в Шарканском районе Удмуртской АССР летом 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5862.
- Останина Т.И.* 1976. Отчет об археологических раскопках Удмуртского республиканского музея в Шарканском и Воткинском районах УАССР // Архив ИА РАН. Р-1, № 6241.
- Останина Т.И.* 1983а. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Останина Т.И. 1983б. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.

Останина Т.И. 1984. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск.

Останина Т.И. 1992. Покровский могильник IV-V вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск.

Семёнов В.А. 1979. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI - первой половине IX вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.

Талицкая И.А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р.Камы // МИА. № 27. М.

Характеристика очагов

№№ пп	Место- нахождение, участок	Форма прокала	Размеры прокала см	Мощность прокала см	Составные части очага			
					прокален- ная глина	каменная обкладка	около- очажная впадина	очажная яма
I	К/8	подпрямоугольная	63 x 90	12	+	на прокале	+	
II	З/01	подпрямоугольная	48 x 90	6	+	с одной стороны		
III	М/2-3	округлая	78	7	+	с трех сторон		
IV	ЛМ/2-3	подпрямоугольная	80 x 120	9	+	на пятне прокала		
V	КЛ/01-1	округлая	102	12	+		+	
VI	ГД/7	подпрямоугольная	87 x 132	12	+	с одной стороны		
VIIa	АБ/7	округлая	120	4	+			
VIIб	АБ/7	овальная		7	+			
VIIв	АБ/7	подпрямоугольная	68 x 180	5	+			
VIII	бв/7-8	подпрямоугольная	90 x 252	6	+			+
IX	вг/9-10	подтреугольная	80 x 160	12	+		+	
X	б/11	подпрямоугольная	93 x 105	11	+			
XI	АБ/12	округлая	150	12	+	отдельные камни по периметру		

Таблица 1 (продолжение).

№№ пп	Место- нахождение, участок	Форма прокала	Размеры прокала см	Мощность прокала см	Составные части очага			
					прокален- ная глина	каменная обкладка	около- очажная впадина	очажная яма
XII	Е/12	овальная	80 x 96	10	+			
XIII	Б/12-13	округлый прокол, овальная яма	56; 78 x 96	20	+			+
XIV	ОП/11-12	удлиненно- овальная	60 x 135	18	+			
XV	О/11	подпрямоугольная	116 x 126	24	+	+		+
XVI	ВГ/13-14	подпрямоугольная	70 x 100	8	+			
XVII	ИК/14	округлая	116 x 190	10	+			
XVIII	К/14-15	подтреугольная	96 x 120	18	+			
XIX	ЕЖ/18	овальная	90 x 130	12	+			
XX	КЛ/16	овальная	60 x 80	10	+			
XXI	ИК/19-20	подпрямоугольная	60 x 90	12	+			
XXII	Р/19-20	подпрямоугольная	105 x 150	9	+			
XXIII	гд/4	округлая	114 x 120	30	+			
XXIV	ЛМ/19-20	подпрямоугольная	72 x 236	11	+			
XXV	ГД/15	округлая	96; 132	15	+			+
XXVI	в/9	овальная	78 x 96	7	+			+

Характеристика ям

№№ п/п	Место- нахождение, участок	Форма ямы по поверхности	Размеры ямы, см	Глубина ямы, см	Тип		Наличие находок	Заполнение
					1	2		
1	КЛ/1	трапециевидная	90-114 x 132	48		+	-	темно-серая супесь
2	З/6	округлая	156 x 162	60		+	-	
3	аб/7-8	овальная	78 x156	30	+		-	смешанный грунт с преобладанием темно-серой супеси
4	б/7	овальная	108 x 156	30	+		-	смешанный грунт с преобладанием темно-серой супеси
5	в/5-6	округлая	48	36	+		-	
6	Аа/5-6	овальная	290 x 306	31		+	-	
7	Аа/7-8	подпрямоугольная с выемкой	156 x 282	54	+		+	
8	ВГ/7-8	подтрапециевидная	72-105 x 294	47	+		-	
9	ВГ/6-7	неправильная, близкая к треугольной	300 x 360	65	+		+	
10	К/1-2	подтреугольная	78 x 150	40	+		-	светло-серая супесь
11	З/5-6	подпрямоугольная	78 x 114	24	+		-	светло-серая супесь
12	ЖЗ/5-6	округлая	102	35	+		-	светло-серая супесь
13	И/8-9	удлиненно-овальная	70 x 198	25	+		-	светло-серая супесь
14	КЛ/7	подтрапециевидная, овальная	102-120x180; 102 x 120	112		+	+	

Таблица 2 (продолжение).

Характеристика ям

№№ п/п	Место- нахождение, участок	Форма ямы по поверхности	Размеры ямы, см	Глубина ямы, см	Тип		Наличие находок	Заполнение
					1	2		
15	НМ/7-8	овальная	120 x 162	30	+		-	темно-серая супесь
16	Н/8-9	овальная	66 x 99	23	+		-	светло-серая супесь
17	Б/12	округлая	114	50	+		+	
18	Б/10	подпрямоугольная	102 x 150	35	+		+	
19	в/11	округлая	78	68	+		+	
20	аб/10-11	подтрапезиевидная	100-120x180	95	+		+	
21	АБ/12	подтреугольная	120 x 170	48	+		+	
22	В/14	подпрямоугольная	66 x 70	36	+		+	
23	ГД/13	округлая	75	50	+		+	
24	ГД/13	округлая	80	53	+		+	
25	В/14	округлая	78	38	+		-	
26	В/14	округлая	75	15	+		-	смешанный грунт с темно-серой супесью
27	В/13	неправильная (трапезиевидная)	42-54x90	30	+		камни	темно-серая супесь
28	ВГ/14-15	овальная	80 x 108	68	+		+	
29	Д/15	округлая	96	42	+		+	
30	ГД/15-16	округлая	70	36	+		-	
31	Г/14-15	подтреугольная	90 x 96	43		+	+	
32	Г/15	овальная	108 x 160	33	+		+	
33	Г/13	подтреугольная	100 x 114	26	+		-	

Характеристика ям

№№ п/п	Место- нахождение, участок	Форма ямы по поверхности	Размеры ямы, см	Глубина ямы, см	Тип		Наличие находок	Заполнение
					1	2		
34	ЗИ/13	овальная	264 x 345	62	+		+	
35	ЕЖ/11-12	подтреугольная	90 x 138	24	+		-	светло-серая супесь
36	Г/15-16	овальная	60 x 98	12	+		-	темно-серая супесь
37	ПР/20	овальная	72 x 150	54	+		-	
38	А/12-13	овальная	90 x 120	17	+		-	
39	Н/15	округлая	90	26	+		-	светло-серая супесь
40	Л/8	округлая	120	35	+		скопление керамики	смешанный грунт с темно-серой супесью

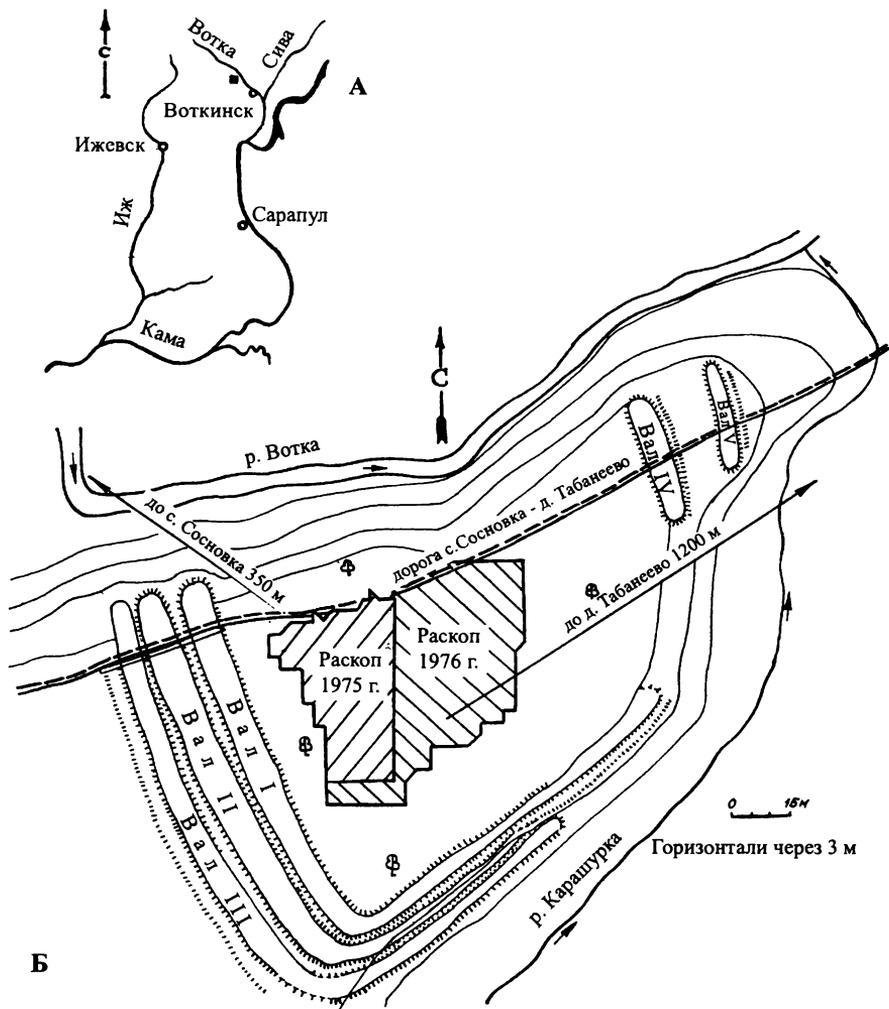
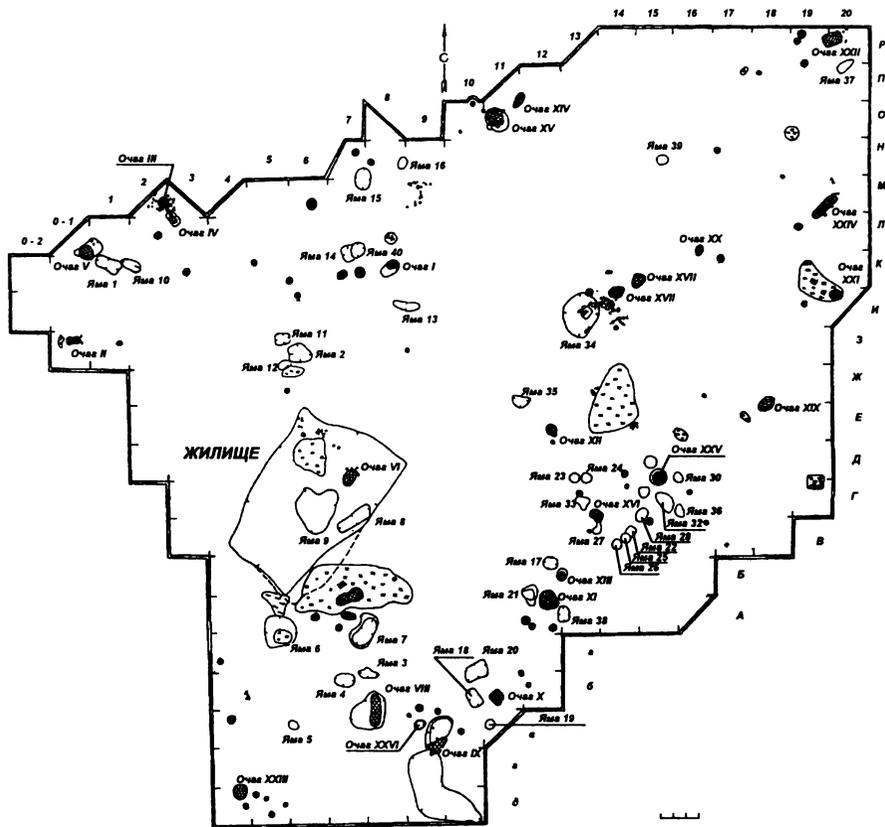

Рис.1. Сосновское городище.

А – географическое расположение, Б – топографический план.

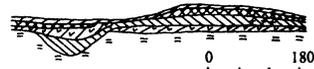
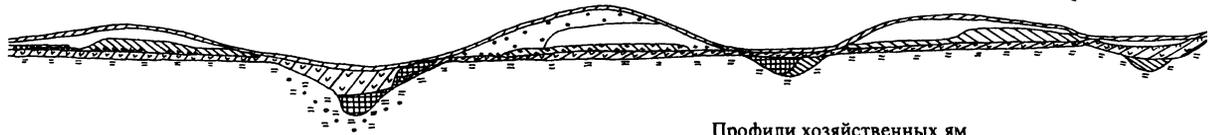

Условные обозначения:

- == граница раскопа
- ▭ слой прокаленной глины
- ▣ очаг
- камни
- ⊕ скопление керамики

Рис. 2. Сосновское городище. План расположения объектов на раскопе.

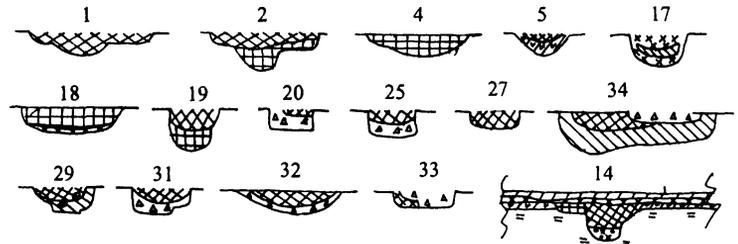
Профили рвов и валов

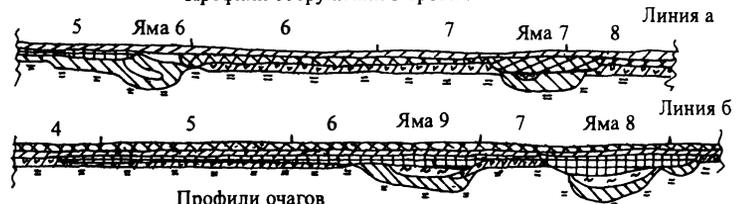
Условные обозначения

- - дерн
- - темно-серая супесь
- - светло-серая супесь
- - подстилающий слой (глина)
- - подстилающий слой (глина с галечником)
- - прокаленная глина (очаг)
- - темно-серая супесь с вкраплениями угля
- - пестроцвет с преобладанием кусочков прокаленной глины
- - пестроцвет с преобладанием темно-серой супеси
- - зола
- - пестроцвет с преобладанием светло-серой супеси
- - глина
- - глина с галечником
- - угольки
- - камни

Профили хозяйственных ям

Профили сооружений в бровках

Профили очагов

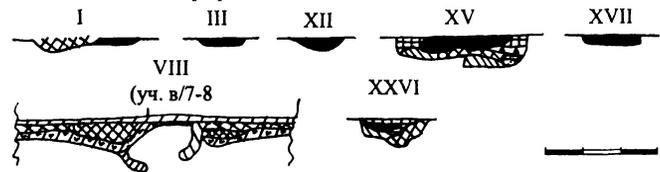

Рис. 3. Профили хозяйственных и оборонительных сооружений.

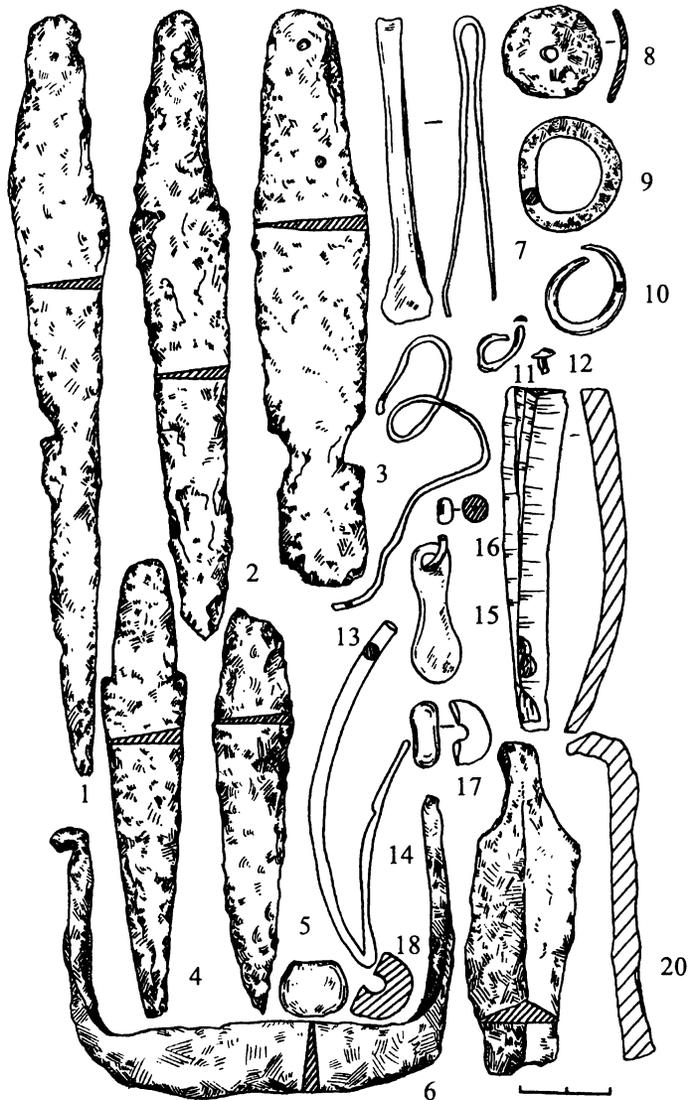

Рис. 4. Сосновское городище, вещевого материал:

1-5 - ножи, 6 - скребель. 7 - пинцет, 8 - бляшка, 9 - пряжка, 10 - височное кольцо, 11, 12, 13 - детали предметов, 14 - обломок гривны, 15 - каплеобразная подвеска, 16-18 - бусы, 19 - пластина с резовым сколом, 20 - обломок косы.

1-6, 8, 9, 20 - железо, 7, 10-15 - бронза, 16-18 - стекло, 19 - камень.

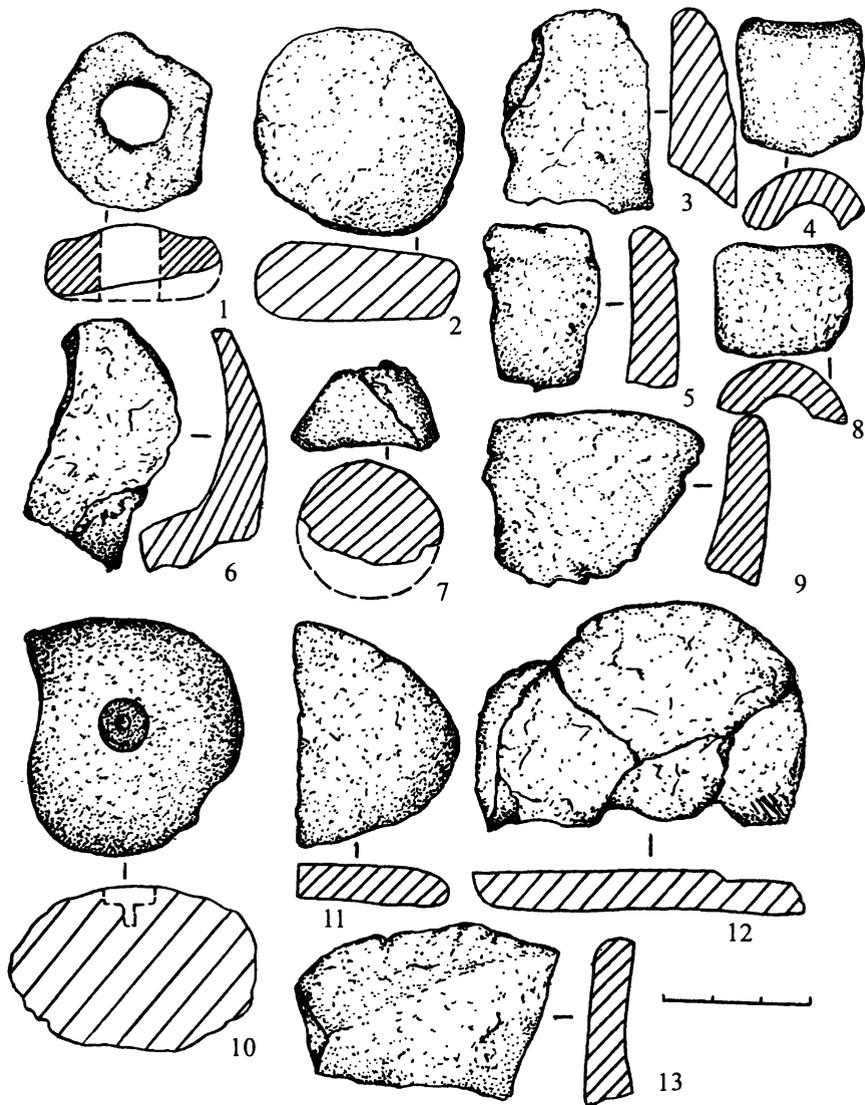

Рис. 5. Сосновское городище, вещевой материал:

1 - обломок пряслица, 2 - камень со следами сработанности, 3, 5-7, 9, 13 - фрагменты тиглей, 4, 8 - обломки грузила, 10 - заготовка (или брак) пряслица, 11-12 - фрагменты "лепешек"-покрышек.

2 - камень, остальные предметы - глина.

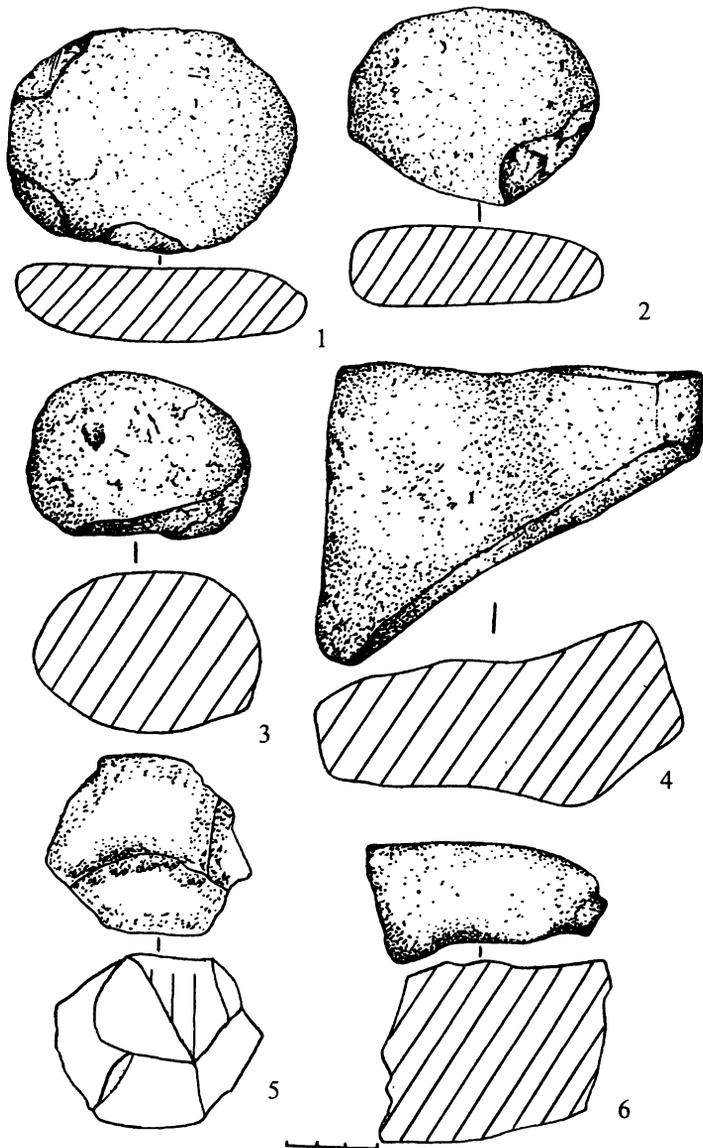

Рис. 6. Сосновское городище. Изделия из камня и глины (6):

1-3 - песты-терочки, 4 - точильный брусок, 5 - камень со следами сработанности, 6 - кусок глиняной замазки.

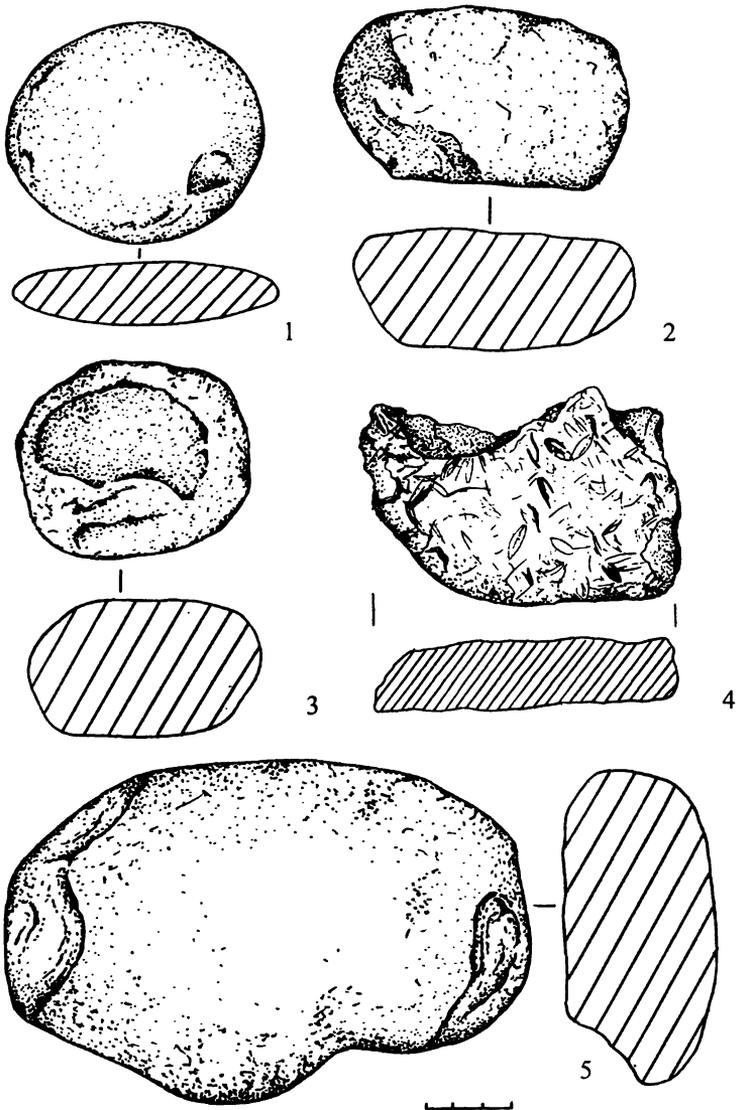

Рис. 7. Сосновское городище. Изделия из камня и глины (4):
 1-3, 5 - песты-терочки. 4 - кусок глины с отпечатками сорняков и зерна.

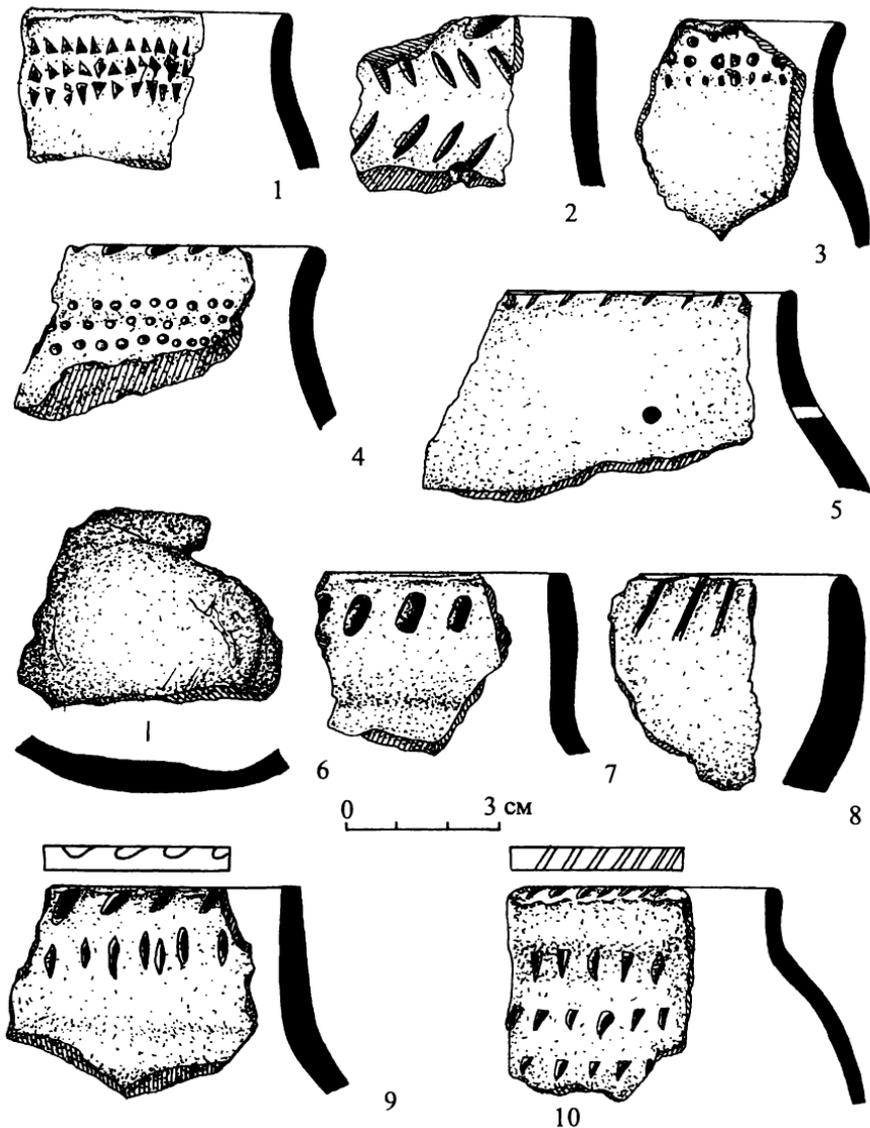

Рис. 8. Сосновское городище. Керамический комплекс:

1-5, 7-10 - фрагменты верхней части сосудов, 6 - фрагмент дна сосуда.

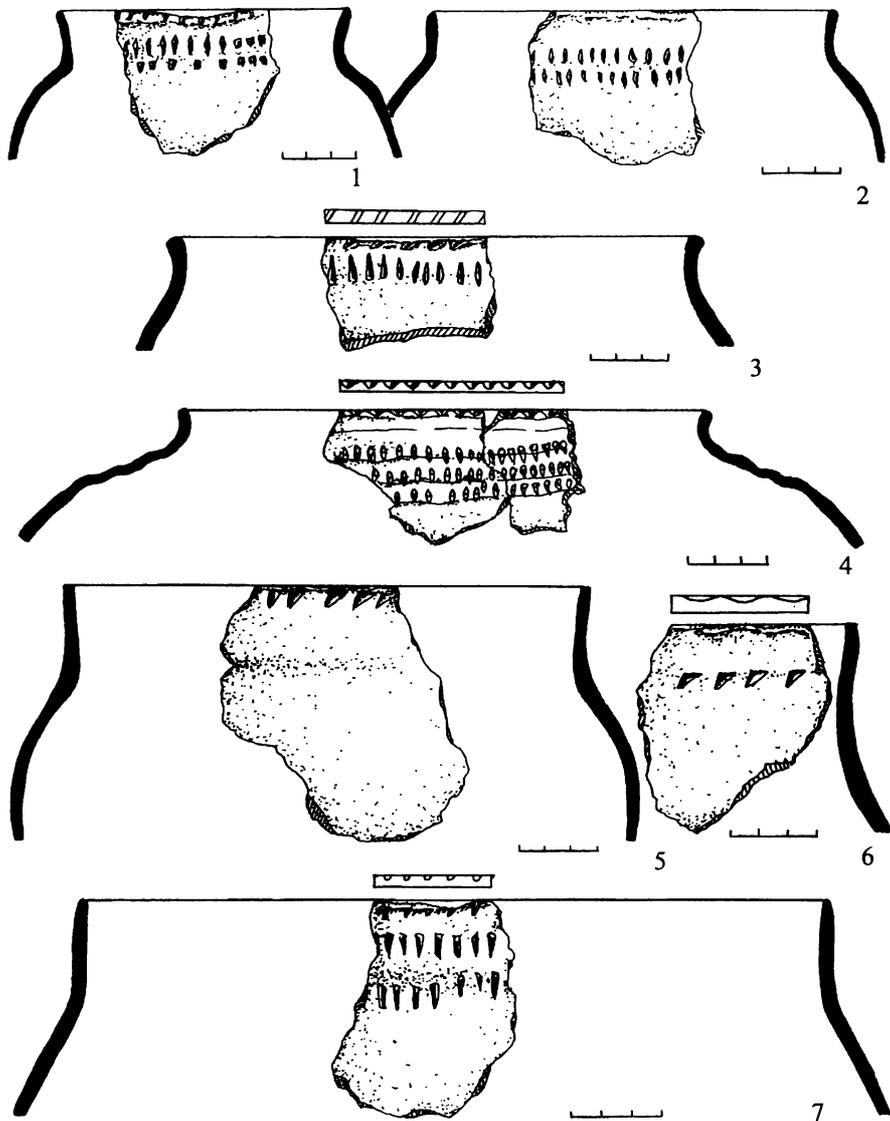

Рис. 9. Сосновское городище. Керамический комплекс:
 1-7 - фрагменты верхней части сосудов и их реконструкции.

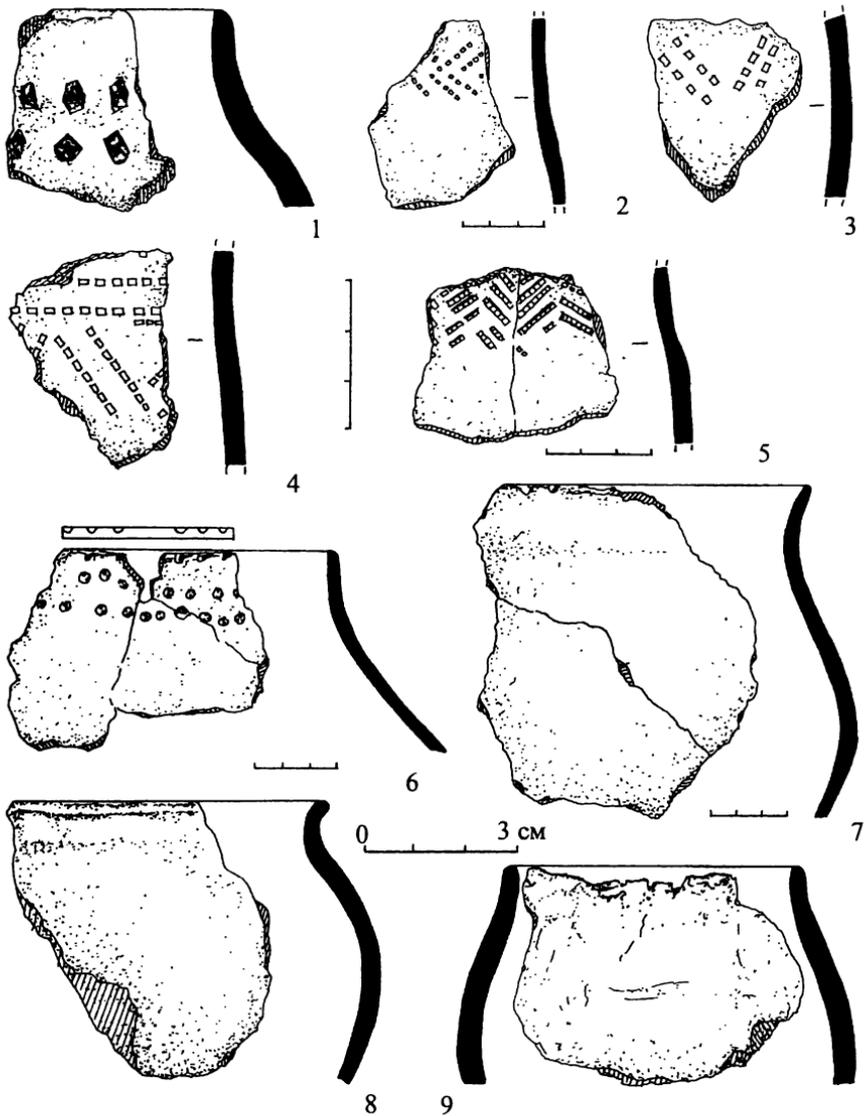

Рис. 10. Сосновское городище. Керамический комплекс:
 1-9 - фрагменты верхней части сосудов и их реконструкции.

Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья

В 1996 г. А.Г.Ивановым на Варнинском могильнике исследовано, кроме прочего, погребение 552, изучение материалов которого дает ряд оснований для обсуждения некоторых дискуссионных проблем археологии Прикамья, важных и для понимания раннесредневековой истории значительно более обширных территорий. Публикации материалов указанного погребения и их интерпретации посвящена предлагаемая ниже работа.

Варнинский могильник находится на северной окраине д. Варни Дебёсского района Удмуртской Республики (рис.1: А), в верхнем течении р. Чепцы, левого притока р. Вятки (более подробно о топографии памятника и истории его изучения см. статью А.Г.Иванова в настоящем сборнике).

Погребение 552 исследовано в 1996 г. в раскопе, заложенном к северу от раскопов 1970-1973 гг. [Иванов 1996] (см. также публикацию [Семёнов 1980] и рис.1А в статье А.Г.Иванова в наст. сборнике). Этот участок могильника насыщен взаимоперекрывающимися могилами (рис.1: Б), что является важным фактом при разработке относительной хронологии. Погребение 552 - одно из самых ранних в группе таких захоронений, оставшееся, в то же время, ненарушенным вследствие большей глубины. Оно перекрыто погребениями 546 (которое в свою очередь перекрыто погребениями 541 и 549), 545 (которое также перекрыто погребениями 540, 543, 554, 555), 540, 543 (рис.2).

Все эти погребения более поздние, в основном, по-видимому, 8 в., кроме, пожалуй, захоронения 545, которое можно датировать приблизительно 6-7 вв. Нож, обнаруженный в последнем, имеет более ранний облик: он длинный, относительно широкий, с очень небольшим черешком, имеющим выступ при переходе к лезвию со стороны обушка (рис.2: погр.545). Такие ножи, иногда с продольными желобками, характерны для погребений 6-7 вв. Варнинского могильника [Семёнов 1980, рис.10: 29, 30] (ср. также ножи из подкурганых погребений - статья А.Г. Иванова в наст. сборнике), для могильников харинского типа в Верхнем Прикамье [Генинг, Голдина 1973, с.76].

Погребение 540 по вещевому комплексу, состоящему из двучастных привесок, крупных бронзовых височных колец, пронизей из бронзовых бус и гофрированных трубочек, массивных наконечников, “плетенных” из железных колечек (рис.2), на основании хронологических шкал для раннесредневековых могильников Верхнего Прикамья может быть датировано 2-й половиной 7 - 8 вв. [Голдина 1985, табл. III: 1; XVII: 16, 17; XXIV: 23, 39; Семёнов 1980, рис. 10: 28, 32, 82, 83]. Аналогичный комплекс предметов, за исключением серьги, которая здесь овальной формы, сопровождал погребение 554. Захоронение 555 датируется 8 в., скорее всего его серединой - 2-й половиной: в нем обнаружены детали поясной гарнитуры как на ряде могильников неволинской культуры в Приуралье (Неволино, погр. 8, 22, 28, 41, 77, 105, 261; Верх-Сая, погр. 1, 15) [Голдина, Водолаго 1990, табл. XXXI: 12; XXXII: 22, 23; XXXV: 28] и в памятниках кочевников Южной Сибири [Степи Евразии 1981, рис. 19: 113; 20: 47; 23: 11, 18; 30: 69], подтреугольная серебряная серьга, бронзовый пинцет, глазчатая бусина. Вещевой комплекс погребения 541 включал глиняный сосуд, обломки двух бронзовых шейных гривен глазовского типа (в их раннем варианте), бисер, ожерелье из многочастных золоченных и серебряных бус, деревянные ножны с бронзовой обкладкой, бронзовый орнаментированный пластинчатый браслет с расширяющимися концами, шумящую подвеску, пару височных подвесок с полыми шарами (рис. 2: погр. 541). Аналогии этим предметам в памятниках Прикамья датируют, преимущественно, 2-й половиной 8 - 9 вв. [Голдина, Королёва, Макаров 1980, рис. 6: 215, 217, 227; Голдина, Королёва 1983; Семёнов 1980, рис. 10: 90-92, 127, 134, 136]. Находки керамических сосудов в погребениях 543, 546 и 549 могут являться основанием для их датировки в рамках конца 7-9 вв., т.к. помещение погребальной посуды в могилы стало широко распространяться с рубежа 7-8 вв. [Иванов 1998, с. 38], а погребения позже 9 в. в этой части могильника не обнаружены.

Захоронение 552 совершено в яме подпрямоугольной формы с закругленными углами, размерами 220x80 см, вытянутой по линии запад-восток (рис. 3: А). Глубина погребения от современной поверхности 120 см в западном конце могилы и 126 см - в восточном. Могила была заполнена коричнево-серым перемешанным суглинком с гумусными включениями. В засыпи западного конца погребения найдено несколько кальцинированных косточек. От погребенного сохранились лишь зубы и местами слабый глен костей ног, судя по которым, вкупе с положением вещей, покойный лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ (около 282°). Пол погребенного не определен, возраст около 10 лет (?) (определение по зубам выполнено

ст. науч. сотр. МАЭ РАН А.В.Шевченко)¹. Захоронение совершено на уложенных на дне ямы поверх коры одной или нескольких деревянных, затесанных с двух сторон, плахах; большой фрагмент такой плахи размерами 78x20-23 см сохранился под мечом (по определению ст. преподавателя кафедры лесоводства Ижевской сельскохозяйственной академии Н.Ю.Сунцовой, это ель). На остальной поверхности дна могилы зафиксирован темный органический тлен размерами около 170x56 см, имеющий в западном конце подпрямоугольную форму. Сверху погребенный был накрыт корой, скорее всего, берестой, тлен которой сохранился на скоплениях вещей.

На погребенном был надет (или положен в районе таза) пояс, от которого сохранилась бронзовая² хоботковая пряжка (рис.5: 1) с кованой из проволоки овальной рамкой и язычком, конец которого слегка выступает за рамку. Обойма этой пряжки состояла из плохо сохранившейся бронзовой пластины, “обернутой” через тыльную сторону рамки. Лицевая сторона пластины имела вытянутую подтрапециевидную форму, с прямыми выступами со стороны рамки. Неподалеку, у левого бока (?) погребенного, находились: сохранившаяся частично бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой (рис.5: 4), украшенной в передней части сглаженным рифлением, отлитая вместе с прямоугольной полой обоймой, имеющей скошенные края; два неопределенных коррозированных обломка железных вещей (рис.7: 8, 9); железный нож, также коррозированный, общей длиной 193 мм, со следами дерева и кости(?) от ножен на лезвии и дерева от рукояти - на черешке (рис.7: 1); неясная по своему функциональному назначению железная “трубица” (рис.7: 7), сохранившаяся в коррозированных обломках. “Трубица” представляет собой железный стержень круглого сечения диаметром 15-18 мм, общей длиной не менее 140 мм и со сквозным продольным отверстием по всей длине (диаметр отверстия 3-5 мм). Один конец “трубицы” загнут. На другом конце можно предполагать петлю. Скорее всего, описанный набор принадлежал поясному ремню и подвешенным к нему аксессуарам. Под некоторыми предметами сохранились небольшие фрагменты ткани плохой сохранности.

В области предполагаемых груди или живота погребенного, ближе к правой (южной) стороне, лежали железные удила (рис.7: 10-12), сильно коррозированные. К сожалению, уже при обнаружении они были

¹ Мы благодарны А.В.Шевченко и Н.Ю.Сунцовой за определение палеоантропологических и древесных остатков из погребения 552.

² Анализ металла не производился, поэтому приводимые определения даны условно; похоже, в бронзовом сплаве ряда изделий присутствует довольно заметная примесь серебра.

очень плохой сохранности, что затрудняет детальную характеристику и типологическое определение находки. Достоверно можно лишь сказать, что удила лежали в развернутом виде и имели прямые (?) стержневидные псалии.

Предположительно в области колен или голени (рис.3: А) найдены 2 бронзовые овальные пряжки (рис.5: 2, 3) с подпрямоугольным внутренним контуром рамки и углублением для язычка в ее передней части. Пряжки - высокие, полые, литые, с коротким рифленным язычком (на представленных экземплярах язычки несколько различаются в деталях). Рамки крепились к ремням с помощью сохранившихся в обломках кованных бронзовых пластин, обернутых через тыльную сторону рамок. Обнаруженные в плохой сохранности пластины имели вытянутую прямоугольную или трапециевидную форму. Рядом находились 2 ременных плохо сохранившихся наконечника, которые распались и их очертания восстанавливаются лишь приблизительно. Они были вытянутой прямоугольной формы с закругленным концом, их размеры примерно 53x10 мм. Здесь же была найдена бронзовая рифленая подтрапециевидная пряжка с прогнутыми боками (“гитаровидная”) и плохо сохранившимся железным язычком, крепившимся на перекладине внутри рамки (рис.5: 5). Она могла являться частью конской сбруи. Под бронзовыми вещами частично сохранились фрагменты ткани и тлен костей ног.

Справа от погребенного, вдоль него, находились свернутый навдвое портупейный ремень, меч в ножнах с Р-образными скобами, 5 (?) стрел в колчане (рис.3: Б). От колчана сохранился лишь размытый темный органический тлен в месте расположения стрел; со стороны острия наконечников стрел зафиксирован слабый дуговидный тлен полосы бронзы, проходившей, вероятно, по верхнему краю колчана. Реконструировать форму и конструкцию колчана не представляется возможным.

Все наконечники стрел были железными, черешковыми, с листовидным (подромбическим) пером (наибольшее расширение пера находится в пределах двух средних четвертей его длины) уплощенного (линзовидного) сечения, без упора при переходе к черенку. От них сохранились обломки двух восстанавливаемых экземпляров (рис.7: 2, 3), трех черенков (рис.7: 4-6) и множество мелких коррозированных обломков. Вместе с одним из черенков наконечника сохранилось заполированное деревянное древко стрелы со следами обмотки, имевшее круглое сечение диаметром 9-10 мм (рис.7: 5).

Не исключено, что в могиле мог находиться и лук, который, как и многие другие изделия из органических материалов, не сохранился.

От портупейного ремня зафиксирована часть кожи плохой сохранности в месте его сгиба в средней части (рис. 3: Б), благодаря чему было выяснено, что он был положен сложенным вдвое. Конструкцию самого кожаного ремня выяснить не удалось. *In situ* на ремне зафиксированы следующие металлические детали:

- бронзовая В-образная пряжка (рис. 4: 2), полая, с двумя гранями спереди и по бокам, отлитая вместе с обоймой щитовидной формы, имеющей скошенные края, с язычком, выкованным из пластинки. На обойме, по обе стороны от оси симметрии пряжки, сохранились два шпенька для крепления к ремню³;

- бронзовый наконечник ремня (рис. 4: 3), собранный из двух кованых подпрямоугольных пластин с двумя нижними скругленными углами и соединявшей их сбоку и снизу узкой пластины. Внутри этой “коробочки” сохранился фрагмент кожи, которая дополнительно крепилась к наконечнику двумя гвоздиками, пробитыми сквозь лицевую и обратную пластины;

- 12 бронзовых Ж-образных накладок (рис. 4: 4-5), гладких с оборота, литых, фасетированных по периметру, украшенных полукруглыми врезками и прорезанными линиями, с двумя шпеньками по вертикальной оси симметрии;

- 3 бронзовые двучастные “рогатые” накладки (рис. 4: 6-7), полые, цельнолитые, со скошенными краями, украшенные двумя парами круглых прорезей на верхней пластине и прорезью сложных очертаний на нижней, с двумя шпеньками по оси симметрии на верхней пластине;

- бронзовая трапецевидная пластина с “рогатым” выступом (рис. 4: 1), гладкая с оборота, с “зубчатым” рифленным утолщением у основания, украшенная врезками при переходе к рогам и фасеткой по периметру рогов, с двумя гвоздиками по оси симметрии. Эта пластина была чуть смещена в ходе расчистки погребения.

Местоположение нескольких накладок, находившихся в районе сгиба ремня и под наконечниками стрел, не зафиксировано с желательной степенью точности:

- 2 бронзовые четырехлепестковые накладки (рис. 4: 10), полые, имеющие скошенные края, каждая накладка крепились гвоздиком, пробитым в ее центральной части. Одна из этих бляшек была смещена в ходе расчистки погребения;

³ Шпеньки на пряжке и накладках сохранились на незначительную длину, что может быть объяснено тем, что они были сделаны из другого, более хрупкого бронзового сплава.

- бронзовая Т-образная накладка (рис.4: 9) с полой щитовидной пластиной, имеющей скошенные края, с гвоздиком посередине, с рельефным Т-образным выступом, гладким с оборота.

Под основным ремнем находился бронзовый наконечник (рис.4: 8), по-видимому, дополнительного ремешка. Наконечник полый, его верхняя, подквадратная часть украшена по периметру нарезками и на оси симметрии имеет шпенец; нижняя, пятиугольная, часть имеет скошенные края.

Меч был положен в могилу вдетым в ножны, оборотной стороной ножен наверх (рис.3: Б). В целом он обнаружен в плохом состоянии, однако зарисовка его “в поле” и, в дальнейшем, взятие “монолитом” позволило выяснить его основные размеры. Общая длина ножен и торчащей из них рукояти - 86,5 см (рис.6: 1, 2). Двухлезвийный клинок меча имел линзовидное сечение (рис.6: 4), ширину у рукояти 3,9-4 см, при переходе к острию - 3,8 см. Острие симметрично приостренное. Общая длина железной части меча (черен и клинок) 75 +/- 1 см (доверительный интервал в размерах вызван тем, что конец острия меча в ножнах представляет спекшееся железо). Длина клинка 65 +/- 1 см, толщина в центральной части 0,9-1 см. Черен длиной 9,5 см, расширяется от вершины (1 см) к клинку (2,5 см). При переходе черена в клинок с обеих сторон имеются скошенные уступчики. Рукоять длиной 19 +/- 0,5 см вырезана из дерева и состояла, по-видимому, из двух частей с наружной и внутренней сторон (рис.6: 3). Деревянная обкладка рукояти плавно расширяется от навершия (2,2 см) к клинку (3,2 см) и имеет у клинка ступеневидное расширение шириной 2 см, облицованное по периметру бронзовой посеребренной⁴ пластиной. Толщина деревянной рукояти около 2 см. Навершие рукояти в виде колпачка изготовлена из бронзовой посеребренной пластины.

Длина ножен 67,5 см, ширина 4,3-4,4 см, толщина около 2,5 см. Основа ножен изготовлена из дерева; поверх него зафиксирована облицовка тонкой железной пластиной, сохранившейся фрагментарно; для верхней половины ножен отмечено покрытие кожей (рис.6: 1, 2). Навершие ножен шириной 3,5-3,8 см, длиной 11 см, изготовлено из бронзовой посеребренной пластины. На окончании навершия *in situ* зафиксирован дополнительный колпачок из такой же пластины. В верхней (устье ножен) и центральной части ножен имеются обоймы-облицовки ножен из бронзовой посеребренной пластины. На одной из средних облицовочных пластин, на уровне нижней скобы, выявлена ее орнаментация рифленными выступающими валиками, которая, вероятно, имела и на других пластинках ножен, но

⁴ Серебрение бронзы было, по-видимому, непрочным и сохранилось фрагментарно на деталях ножен и меча.

не зафиксирована вследствие их разрушения. Устье ножен приблизительно на 3 см не имело, по-видимому, деревянной основы (рис.6: 1, 2). Здесь имелись две железные пластины-обоймы полукруглого сечения, поверх облицованные упоминавшейся бронзовой пластиной. Далее вниз шла деревянная основа ножен.

Ножны имели две портупейные скобы Р-овидной формы (рис.5: 6, 7), длиной 4,1-4,4 см и шириной 2-2,3 см, толщиной 0,7-0,9 см. In situ петли, как и в целом ножны, лежали внутренней стороной вверх. Основа Р-образной скобы изготовлена из дерева, затем с обеих сторон она обложена кожей и затем бронзовой пластиной. Все это скреплялось бронзовыми заклепками: тремя у нижней скобы и четырьмя - у верхней. В центре делалось отверстие, в которое продевалась и закреплялась собственно петля для ремня, изготовленная из бронзы (зафиксировано для верхней Р-образной скобы; рис.5: 6). У нижней скобы зафиксированы два отверстия в основе и следы кожаного шнура (рис.5: 7), т.е. возможно здесь подвесной ремешок продевался прямо через два отверстия в основе. Способ крепления Р-образных скоб к ножнам не зафиксирован, но характер остатков облицовочной кожи на нижней петле (рис.5: 7) позволяет предположить, что она обхватывала и ножны. Сбоку по периметру скобы облицованы бронзовыми пластинами, повторяющими Р-образную форму и прикрепленными к основе с помощью двух бронзовых гвоздиков. С внешней стороны к деревянно-кожано-бронзовой Р-образной основе припаяна (нет следов заклепок) бронзовая посеребренная пластина, повторяющая форму скоб.

Как кожаные ремешки, отходящие от ножен, крепились к портупее (и к ней ли?) - в данном случае сказать трудно.

Типологический и хронологический анализ деталей ременной гарнитуры⁵

Розетковидные четырехлепестковые накладки (рис.4: 10) принадлежат кругу малых фигурных накладок, весьма широко распространенных как хронологически, так и территориально [Гавритухин, Обломский 1996, с.35, часть 2.10]. По форме, характеру поверхности и особенностям изготовле-

⁵ Для экономии места мы не приводим сведений о публикациях ряда находок, тем более, что эти издания перечислены в [Гавритухин, Обломский 1996, с.23-24]. Помимо этого, в статье использованы некоторые изображения и данные из каталога, а так же написанные И.О.Гавритухиным аналитические разработки, подготовленные для коллективной работы по исследованию геральдических ремennых гарнитур и мечей с Р-образными скобами бассейна Оки и Суры. Мы приносим за эту возможность искреннюю благодарность соавторам упомянутого коллективного труда: И.Р.Ахмедову, В.Н.Шитову, В.В.Гришакову, А.Н. и А. Гавриловым. Кроме того, мы пользовались

ния упомянутые накладки можно подразделить на ряд типов. Интересующим нас находкам близки изделия с фестончатым краем (рис.8: 1), состоящие из четырех квадратов (рис.8: 2), скомбинированные из четырех фигурных лопастей (рис.8: 3) и т.п. (некоторые образцы из Италии и Германии см. [Pekarskaja, Kidd 1994, Taf.55: 4; 57: 7]. Восточноевропейские накладки с четырьмя округлыми лопастями относятся к двум типам. 1-й объединяет литые и прессованные образцы с рельефной поверхностью и отчетливо выделенной центральной частью (рис.8: 7). 2-й тип, которому принадлежат и экземпляры из Варнинского могильника, отличаются плоской поверхностью, иногда украшенной прорезями, и скошенными краями (рис.8: 4-6). Внутри этого типа выделяются варианты по характеру прорезной орнаментации. Варнинские находки принадлежат варианту “непрорезных”.

Картографирование накладок с четырьмя округлыми лопастями 2-го типа (рис.9) показывает, что основная зона их концентрации приходится на бассейн Нижнего и Среднего Прикамья, Нижней Оки и Суры, а так же на низовья Сыр-Дарьи. Единично такие вещи попадаются в Среднем Поднепровье, в Верхнем Приобье и в Юго-западной Финляндии. Кроме Варнинского могильника, вариант непрорезных четырехлепестковых накладок известен лишь по материалам Кузубаевского городища и Петропавловского могильника на юге Удмуртии, что позволяет рассматривать его как локальную разновидность типа.

Четырехлепестковые накладки с ряда памятников Поочья и Прикамья происходят, в основном, из комплексов 1-го и 2-го горизонтов эволюции поволжской ременной гарнитуры геральдического круга, что определяет их дату в рамках от последней трети 6 до середины 7 в. [Гавритухин 1996]. Им синхронны и сырдарьинские находки, которые следует рассматривать в контексте многочисленных очевидных параллелей металлическим изделиям джетысарской культуры из раннесредневековых памятников Поволжья и Кавказа. Весьма вероятно, что в этих контактах не последнюю роль играли кочевнические группировки степного Поволжья и Казахстана, что может объяснять и появление рассматриваемых накладок на юге Западной Сибири. Среднеднепровские образцы входят в Хацковский клад, относящийся к 1-й группе днепровских раннесредневековых кла-

материалами архива А.К.Амброза (хранится в архиве ИА РАН), неопубликованной рукописью дипломной работы И.Р.Ахмедова о ременной гарнитуре культуры рязанско-окских могильников (экземпляр есть на кафедре археологии МГУ), материалами неопубликованного доклада И.А.Аржанцевой и И.О.Гавритухина об оружии с Р-, R-, D-образными скобами, прочитанного в 1996 г. на конференции “Военное дело в древности” в г. Дарэм (Великобритания), находящейся в печати работой Т.И.Останиной по Кузубаевскому городищу, а также неопубликованными коллекциями ряда музеев.

дов, формирование которых приходится, в основном, на вторую и третью четверти 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996]. Находки с о-ва Кизлевы близки, очевидно, хацковским по культурному контексту. В отношении культуры населения, оставившего упомянутые днепровские клады, отмечается как влияние восточноевропейских кочевников, так и разнообразные контакты с поокскими племенами [Гавритухин, Обломский 1996, с. 24-27, 31, 52]. Находки из Финляндии происходят из комплексов, отражающих влияние (возможно, импорт) прикамских культур “неволинского” круга, что определяет дату таких комплексов временем не ранее конца 7 в. Следует отметить, что датировку около середины - второй половины 7 в. имеют и некоторые поокские находки, учитывая нижнюю границу могильников в Ст. Бадиково и Подболотье (Ахмедов, Гавритухин, Шитов и др. - см. прим.5).

Наиболее ранние четырехлепестковые накладки рассматриваемого типа происходят из Коминтерновского и Верх-Саинского могильников. Е.П.Казаков подчеркивает типологическую связь многих вещей из Коминтерновского могильника с находками из Кушнаренково, отмечая, при этом, большую архаичность коминтерновских комплексов и относя последние ко 2-й половине 6 в. [Казаков 1996; 1998, с.107, 110]. Р.Д.Голдина расценивает верх-саинскую стадию неволинской культуры как “догеральдическую” и датирует ее 6 в. [Голдина, Водолаго 1990, с.92, табл.LXVI]. Довольно архаичные полые пряжки, вытянутые низкие накладки на переднюю часть седла, неранние разновидности “хоботковых” пряжек позволяют синхронизировать важные нам комплексы с памятниками круга Шипово (II степная группа по Амброзу), горизонтом III Дюрсо (по Дмитреву - Амброзу), периодом Д и Е Бирска (по Гавритухину), поздними периодами I этапа раннесредневековых древностей Кисловодской котловины (по Малашеву - Гавритухину), то есть в рамках большей части 6 в. [Гавритухин 1996; Гавритухин, Малашев 1998; см. там литературу]. Отметим, что комплексы с четырехлепестковыми накладками и наиболее близкие им не самые архаичные в кругу перечисленных древностей.

Таким образом, появление четырехлепестковых накладок 2-го типа связано с эволюцией материальной культуры населения Прикамья и приходится на время около середины - 2-й половины 6 в. (особенности и механизм формирования этого типа вещей - особый вопрос в изучении поволжских мелких накладок, который здесь нет возможности рассматривать). Несколько позже такие накладки фиксируются в Поочье и в джетысарской культуре; наибольшее распространение и разнообразие интересующих нас накладок относится к эпохе конца 6 - 1-й половины 7 в., а посте-

пенное вытеснение вещами других стилей происходит во 2-й половине 7 в. Вариант гладких непрорезных четырехлепестковых накладок, которому принадлежат и варнинские находки, является локальной формой, распространенной к северу от Нижней Камы и датируемой, судя по всему, временем расцвета типа, то есть около конца 6 - 1-й половины 7 в.

“Рогатые” накладки (рис.4: 6-7) образуют особую подгруппу в рамках группы цельных двучастных накладок [Гавритухин, Обломский 1996, с. 24; там литература]. В этой подгруппе выделяется серия находок (она названа “волчихинской”), характеризуемая нижней пластиной со скругленным или слегка “заостренным” низом, верхней частью с не резко выделенными, как правило, “рогами” и двумя парами округлых отверстий (о единичных исключениях см. ниже), причем нижняя часть шире основания верхней и в сравнении с образцами других серий часто производит впечатление более массивной. В рамках данной серии выделяются следующие вариации.

Вариант 1 (“основной”) имеет округлую неорнаментированую нижнюю часть (рис.8: 8, 14-17). Подварианты с особенно массивной нижней частью и более профилированными “рогами” (рис.8: 16-17, 8), очевидно, следует расценивать как типологически более “развитые”. Образец из Петропавловского могильника (рис.8: 13) по всем стилистическим признакам близок этому варианту, отсутствует лишь один из признаков серии - прорези на верхней пластине, что, по нашему мнению, следует рассматривать как локальную модификацию (ср. выше о петропавловском варианте четырехлепестковых накладок). Ареал варианта 1 (рис.9: *з, е*) охватывает Нижнюю Оку, Прикамье, ряд памятников, связанных с азиатскими степями - в Казахстане, на юге Западной Сибири, в Монголии. Такие вещи встречаются в комплексах поволжской геральдической ременной гарнитуры 2-го горизонта, относящихся к 1-й половине - середине 7 в. [Гавритухин 1996]; более восточные находки нет оснований датировать иначе. Прорезные экземпляры как из Кернье и Алтын-асара (рис.8: 9-11; 9: *в, е*) типологически производны от образцов варианта 1. Комплекс погребения из Кернье относится к среднеаварскому периоду 1 (МА-1 - ок. 620/630 - 650/670 гг.) [Гавритухин, Обломский 1996, с.69-76, рис.90].

Вариант 2 (“переходный”) отличается сравнительно немассивной заостренной нижней частью, украшенной прорезями и незначительно выраженными “рогами” верхней пластины (рис.8: 20-22). Подварианты выделяются по особенностям прорезей, наличию врезок по бокам нижней части, пропорциональному строю изделий (рис.9: *а, б*). Стилистика таких находок принадлежит кругу локальных переработок причерномор-

ских образцов (ср. о других вещах этого круга: [Гавритухин, Обломский 1996, с. 24-27]). Наиболее архаичная, верх-саинская, находка (рис.8: 21) относится к 1-му горизонту поволжской геральдической гарнитуры (последняя треть 6 - начало 7 вв.) [Гавритухин 1996]. Экземпляр из Трубчевска (рис.8: 22) происходит из днепровского клада 1-й группы; состав этих комплексов формировался в основном на протяжении 2-й и 3-й четвертей 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996]. Накладки из погр.552 Варнинского могильника наиболее близки аверинским (рис.8: 20) и бахмутинским; пропорции этого подварианта в наибольшей степени сближаются с образцами варианта 1.

Выполненные прессовкой образцы из Кушнаренокво (рис.8: 18; 9: д) стилистически близки как 1-ому варианту, так и 2-ому, а происходят из комплекса 2-го горизонта поволжской геральдической гарнитуры. Кушнареновским находкам по очертаниям близок экземпляр из Сынтыштамака [Balint 1992, Taf.59: 14], но сумма признаков в большей степени сближает его с изделиями, относящимся к другому, параллельно развивавшемуся типу, распространенному, в основном, на Северном Кавказе, но встречающемуся в Крыму и Поволжье (варианты 1-3 и 1-4 по [Айбабин 1990, с.52-53]) [Гавритухин, Обломский 1996, с.90-92, рис.90: ИС-10]. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с примером взаимовлияния стилей. Накладка из Маняка (рис.8: 12; 9: д) так же напоминает кушнареновскую, но имеет черты, типологически сходные с образцами “агафоновской” серии двучастных рогатых накладок. По нашему мнению, это следует расценивать не как свидетельство эволюции накладок волчихинской серии в агафоновские: агафоновские пояса отражают переработку нового культурного импульса [Гавритухин 1996, с.124-126], а результаты этого синтеза, в свою очередь, могут оказывать влияние или подвергаются воздействию более “архаичных” стилей, впрочем, этот процесс не был массовым, именно поэтому подобные вещи редки. Такая оценка и определяет датировку “полуагафоновских”, т.е. подвергшихся влиянию “агафоновского” стиля, экземпляров в рамках середины - 2-й половины 7 в., то есть не ранее самой “агафоновской” серии [Гавритухин, Обломский 1996, с. 90, 92, рис.90: ИС-30].

Таким образом, наиболее ранние накладки “волчихинской” серии принадлежат варианту 2 и отражают местные переработки причерноморских образцов в последней трети 6 - начале 7 в. В самом конце 6 или начале 7 в. на основе этих переработок складывается своеобразный волжско-степной вариант 2, эволюционирующий в рамках 1-й половины и середины 7 в. С середины 7 в. эти вещи вытесняются образцами агафоновской

серии или накладками других типов. Варнинские и близкие им накладки относятся к периоду смены в Поволжье 2-го варианта 1-м или их сосуществования.

Ж-образные накладки (рис.4: 4-5) принадлежат массиву вытянутых профилированных накладок, украшавших поверхность поясов многих культур римского времени и эпохи великого переселения народов. Круг прототипов собственно Ж-образных раннесредневековых накладок включает вытянутые горизонтально-симметричные трехчастные накладки с расширением по середине и округлой или сложнопрофилированной верхней и нижней частью. Для нашей темы, по-видимому, имеет особое значение наличие своеобразной серии подобных вещей в Поочье (рис.10А: 25, 26; по материалам И.Р.Ахмедова (см. прим.5), пополнившимися в последнее время, такие вещи известны не менее чем на семи памятниках, не считая находок дериватов), а так же явные параллели некоторых поволжских и причерноморских форм (рис.10А: 24, 27, 28; см. так же погр.30 Суворовского могильника, погр.1/1967 Цебельды, материалы Ахмыловского, Покровского и др. могильников). Указанный параллелизм можно проследить и на примере рогатых Х-образных накладок 5-6 вв. (рис.10А: 31, 32; 8: 30 [Трапш 1971, табл.XLVII: 8, 9; Рыков 1930, рис.72]; неопубликованные материалы из Ундриха и др.), также отражающих влияние позднеантичных ювелирных стилей (как на рис.8: 42 и т.п.).

Не позднее 6 в. фиксируются вариации, сочетающие элементы трехчастных вытянутых накладок и композиций с “рогами”, то есть Ж-образные. Такие вещи известны на Балканах, например, в Големаново-кале, крепости построенной в раннеюстиниановское время и разрушенной в 580-х гг. (рис.10А: 29, 30). В отношении големановских находок отметим, что в дискуссии между С.Уенце и М.Казанским об оценке этих вещей [Kazanski 1995, там литература], по нашему мнению, слишком большое внимание уделяется образцам, связанным с германскими культурами, в то время, как важна и оценка провинциально-римских - ранневизантийских традиций (см. выше о прототипах), хоть и недостаточно изученных, но несомненно оказавших серьезное влияние на многие культуры раннесредневековой Европы, в том числе и ременные гарнитуры (см. ниже о накладках, противостоящих пряжке). Вещи подобной схемы известны в Крыму в 5 в. [Айбабин, Хайрединова 1998, с.307, рис.21: 2-4].

В рамках выделенной А.К.Амброзом [1970] так называемой “верхнеднепровской” ювелирной школы следует рассматривать серию Ж-образных накладок, основной массив которых концентрируется в Поочье (рис. 10А: 22; известно не менее 3-х местонахождений), и единично встречаю-

шихся на Днепре и западнее [Fettich 1937, S. 122, Abb. 35]. Волго-уральские находки (рис. 10А: 33-35, 19-21) образуют особую линию эволюции вытянутых поясных накладок на базе местных образцов. Именно в этой среде формируется “бирская” серия (рис. 10А: 19-21), которой принадлежат и накладки из погр. 552 Варнинского могильника. Для датировки этой серии отметим, что ее наиболее стилистически выразительные образцы (типа рис. 10А: 19) относятся к периоду Д Бирского могильника, то есть не выходят за рамки 6 в. [Гавритухин 1996]. Находки из Пашковского могильника на средней Кубани (рис. 10А: 18) вполне могут рассматриваться как реплики упомянутых поволжских образцов (наиболее близки пашковским неопубликованные находки из Ахмыловского могильника, известные нам по сообщению А.В. Богачева, за что приносим ему благодарность), хотя, нельзя полностью исключить, что новые материалы позволят связать пашковские экземпляры и с другими сериями в рамках упомянутых волжско-черноморских соответствий.

Ряд серий Ж-образных накладок относится к кругу древностей 7 в. Вполне своеобразны образцы, связанные с формированием и эволюцией геральдических гарнитур “кисловодской” школы (некоторые образцы см. на рис. 10А: 11-14) от 2-й половины (3-й трети?) 6 до середины 7 в. [Гавритухин, Малашев 1998]. На Востоке Северного Кавказа есть находки (рис. 10А: 8-9), которые, судя по всему, восходят к упомянутым пашковским, что вполне соответствует культурному импульсу из Прикубанья на восток, фиксируемому двупластинчатыми фибулами с выступами на ножке и брошами-цикадами [Гавритухин, Ковалевская и др. 1996; Гавритухин - в печати]. Накладку из Хусаиновского кургана (рис. 10А: 10) следует, скорее всего, рассматривать как одну из поздних реплик, связанную с экземплярами типа бирских (как на рис. 10А: 35). Довольно пестрые сирийские находки (рис. 10А: 15-17) могут как восходить к провинциально-византийским образцам, так и отражать влияние варварских культур: северокавказское или опосредованное им.

Ж-образный мотив на наконечнике из Тотипусты (рис. 10А: 5), комплекса, относящегося к кругу эталонных для 2-го среднеаварского периода (МА-2 - 650/670 - ок. 700 гг. [Гавритухин, Обломский 1996, с. 69-76, рис. 90], наиболее близок именно сирийским образцам; в этой связи отметим, что цепочку аналогий от Азии до Дуная, проходящую через Кавказ и Поднепровье, можно проследить и по другим деталям ременных гарнитур [Гавритухин, Малашев 1998, с. 60-61] (см. также статью Гавритухина о В-образных пряжках).

Наиболее стандартны и многочисленны малые Ж-образные накладки, представленные несколькими типами. Прорезные вариации концент-

рируются на Кавказе, причем, зона их распространения включает Прикубанье и Керчь [Balint 1992, S.476; Ахмедов, Гавритухин, Шитов и др. - прим.5]. Единичные находки таких вещей в Поочье очевидно отражают влияние более южных культур. Другой, не менее многочисленный тип представлен непрорезными накладками с утолщениями в средней части (как на рис.10А: 6-7). Такие вещи концентрируются в Прикамье и характерны для поясов т.н. “неволинского” типа; за пределы этого ареала подобные образцы попадают лишь единично, да и то в контексте древностей “неволинского” круга. Накладки, близкие по форме охарактеризованным, но гладкие или украшенные лишь двумя углублениями, известны в Поочье и низовьях Сыр-Дарьи (рис.10А: 3, 4); они могут рассматриваться как особые локальные модификации упомянутых массовых типов.

Датировка малых прорезных Ж-образных накладок не выходит за рамки 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.83, 90, 92, рис.90: ИС-31; Гавритухин, Малашев 1998, с.58-59, 67], “неволинские” же датируются начиная с последних десятилетий этого столетия, что послужило основанием для оценки вторых в качестве производных от первых [Гавритухин, Обломский 1996, с.90, 92]. Проведенный выше анализ позволяет более широко взглянуть на вопрос о генезисе “неволинских” Ж-образных накладок, во всяком случае, специфика оформления их средней части, судя по всему, восходит к образцам “бирской” серии. Последняя, которой принадлежат и варнинские экземпляры, как отмечено выше, формируется, скорее всего, на базе поволжских гарнитур 5-6 вв., которые во многом находят соответствия в материалах позднеантичных традиций, представленных, например, в Причерноморье (механизм этого “параллелизма” требует особого изучения). Дата бирской серии Ж-образных накладок охватывает немалую часть 6 и 7 вв. (учитывая типологическую связь с образцами “неволинского” типа). Варнинские образцы едва ли принадлежат кругу наиболее ранних или поздних в рамках бирской серии; вероятно, как и аверинские, они отражают одну из ее локальных вариаций.

Т-образная накладка (рис.4: 9) принадлежит наиболее многочисленной и многообразной “группе А” таких вещей, характеризующейся “геральдической” (“пламенеvidной”) верхней пластиной [Гавритухин, Обломский 1996, с.26]. Варнинский экземпляр по основным характеристикам близок найденным в Петропавловском могильнике и Кузубаевском городище на Нижней Каме [Семёнов 1976, табл.ІІІ: 2; Останина - в печати]. Этот вариант, кроме гладкой поверхности, отличается слегка заостренный верхний край верхней пластины и вырезы по ее бокам. Такое стилистическое решение вещи на фоне прочих Т-образных накладок весьма своеобразно, но

напоминает отмеченные ранее особенности нижней части некоторых двухчастных “рогатых” накладок 2-го варианта волчихинской серии (рис.8: 21-22). Судя по всему, близка и эволюционно-типологическая характеристика этих вещей: это своеобразные локальные переработки причерноморских прототипов, что характерно для поволжских геральдических гарнитур 1-й стилистической линии, а влияние понтийских гарнитур геральдических стилей на поволжские начинается во 2-й половине 6 в. и затухает к середине 7 в. [Гавритухин 1996]. Это определяет и вероятные хронологические рамки Т-образной накладки из погр.552 Варнинского могильника.

Накладная пластина с “рогами” (рис.4: 1) имеет характерное утолщение по краю, противоположному фигурному выступу. Эти детали ставят рассматриваемый образец в довольно представительный ряд находок на территории Поволжья (рис.8: 27-29; 31, 33-35; не публиковавшиеся ранее накладки из Кораблино и Шатрищ приведены по рисункам и с любезного разрешения И.В.Белоцерковской и И.Р.Ахмедова; мы приносим им благодарность за эти возможности и предоставленную информацию; уточнением информации о размерах находки из Борков мы так же обязаны И.Р.Ахмедову). Все эти вещи индивидуальны и представлены в комплексах единично, а особенности их структуры вызывают ассоциации с накладками позднеантичной традиции, противостоящими на ремне пряжке (типа [Гавритухин, Обломский 1996, рис.42: 41]). Кроме указанного сходства, такую функциональную атрибуцию рассматриваемых находок подтверждает и их расположение при нахождении в могилах *in situ*, а так же распространенность поясов позднеантичной традиции с пластиной, противостоящей пряжке, в ряде культур раннего средневековья [Гавритухин, Обломский 1996, с.29-30].

Фигурные выступы рассматриваемых поволжских образцов весьма разнообразны, чаще всего они имеют форму удвоенных птичьих голов или напоминающих этот мотив рогов. Использование парных изображений птичьих голов в оформлении деталей ременной гарнитуры чуждо поволжским ювелирным традициям. Наиболее тщательно выполненные образцы таких композиций в лесной зоне Восточной Европы известны на Средней Оке и в Верхнем Поднепровье (рис.8: 35-36), а принадлежат они, как показано А.К.Амброзом, “верхнеднепровской” ювелирной школе, своеобразно переработавшей центральноевропейские стили и мотивы [Амброз 1970]. Очевидно, под влиянием произведений этой школы на Оке и Суре распространились пояса с накладками, имеющими утолщение-валик (рис.8: 28, 31 и 36), а появление особой разновидности таких вещей в Варнинском и Петропавловском могильниках (рис.8: 29) вполне объяснимо в рамках неоднократно отмечавшихся ранее связей окских и прикамских культур.

Роговидные выступы, встречающиеся на рассматриваемых изделиях, совсем не обязательно рассматривать в качестве упрощения мотива птичьих голов; это, скорее, взаимозаменяемые детали. Причем, роговидные и близкие им по форме выступы в интересующую нас эпоху, несомненно, значительно более распространены (см. образцы на рис. 8 и 10А и выше, о Ж-образных накладках), что позволяет в ряде случаев рассматривать зооморфные или растительные мотивы скорее как усложнение и переосмысление более геометризированных форм. Примеры можно найти на задних выступах пряжек (рис.8: 36, 38, 40), византийских переработках Х-образных накладок (рис.8: 41 - информация и изображение предоставлены М.Казанским, за что мы ему благодарны; аналогия есть в погр.449 Скалистинского могильника [Айбабин 1990, рис.51: 42]) и т.д. На изделиях из Ирана и Сирии можно указать детали в виде двух- и трехлистников (рис.8: 43-45), перекликающиеся с мотивами роговидных выступов.

Итак, накладная пластина с роговидными выступами из погр.552 Варнинского могильника принадлежит локальной прикамской вариации пластин, противостоящих на поясе пряжке. Их появление на Каме объяснимо контактами с культурами бассейна Оки и Суры, где такие вещи появляются под влиянием “верхнеднепровской” ювелирной школы, связанной с центральноевропейскими образцами, переработавшими позднеантичные и восточногерманские традиции. Вполне вероятно, что этими же контактами объясняется появление “рогов” на полых “флаконовидных” подвесках (рис.8: 24-26), являющихся характерными привесками к ряду неволинских поясов. Во всяком случае, роговидные выступы на деталях ряда прикамских ременных гарнитур (рис.4: 1; 8: 29, 40; 10А: 19-21) достаточно близки оформлению верхней части неволинских флаконовидных подвесок.

Наконечники ремней “коробочкой” (рис.4: 3) распространены весьма широко хронологически (по крайней мере, в рамках от середины 6 до середины или конца 7 вв.) и территориально (по крайней мере от Центральной Европы до Южной Сибири). Тенденция их эволюции на разных территориях довольно существенно отличается, а локальные серии в рамках всего массива пока не изучены с желаемой полнотой [Гавритухин, Обломский 1996, с.35].

Наконечники с выраженной площадкой в верхней части (рис.4: 8) более выразительны для типологического анализа. Форма таких вещей находит параллели среди наконечников-подвесок, довольно широко распространенных в ряде культур Поволжья в позднее римское и раннесредневековое время, но известных и на других территориях (рис.10Б: 10-13, 15, 21-23) [Вадаи, Кульчар 1984; Малашев - в печати]. Схожую форму имеют и неко-

торые серии ременных наконечников. Своеобразной “окской” серии принадлежат крупные пластинчатые экземпляры, встречающиеся на памятниках культуры рязано-окских могильников (рис. 10Б: 24). Отдельный тип наконечников с площадками представлен находками в Причерноморье, близким известным в культурах меровингского круга [Гавритухин 1994, с. 36]; судя по доступным данным, такие вещи связаны с конструкцией обуви. Небольшие плоские наконечники с выделенной площадкой встречены в Поволжье [Краснов 1980, рис. 42: 23] и на Кавказе [Амброз 1989: рис. 23: 12]. В культурах меровингского круга широко представлена и группа наконечников, у которых нижняя часть выделяется фасетировкой краев и, в ряде серий, профилировкой. Этот труднообозримый массив здесь нет нужды характеризовать подробно, поскольку, по нашему мнению, варнинский образец принадлежит особой линии развития наконечников с площадкой в верхней части.

В качестве местных прототипов поволжских образцов можно указать на наконечники с расширением в нижней части и намеченной площадкой в верхней (как на рис. 10Б: 25-26), сложившихся на основе довольно стандартных и широко распространенных наконечников гуннского времени (типа [Засецкая 1993, кат. №№ 33, 125-127, 162] и т.п.). В дальнейшем, возможно, под влиянием наконечников-подвесок и ременных наконечников других форм (особенности и механизм этого процесса требует особого анализа), складываются формы с отчетливыми подпрямоугольными площадками в верхней части и с нижней частью, имеющей вертикальное ребро по центру и расширяющейся к низу (рис. 10Б: 14, 16-20, 28-30). Несмотря на отличия в деталях, такие образцы образуют явное стилистическое единство, что и позволяет объединять их в серию, названную нами “бирско-безводнинской”.

Очевидно, что формирование и бытование выделенной серии не было кратковременным и не исчерпывало всего многообразия поволжских ременных наконечников. Наряду с творчеством на основе местных форм, на формирование поволжской ременной гарнитуры могли влиять и образцы, перекликающиеся с другими культурами. В качестве примера укажем на наконечник от узды круга Лермонтовская скала - Сахарная Головка, найденный в Поочье на могильнике Борок 2 (рис. 10Б: 27), имеющий явные параллели в местных традициях, но напомирующий, по крайней мере, пропорциями и рядом деталей, упомянутые ранее причерноморские обувные наконечники (полная публикация и реконструкция узды из Борка готовится И.Р. Ахмедовым). Борокский наконечник не уникален, ему близок, например, экземпляр из Старокадомского могильника, связанный, скорее

всего, с системой крепления меча [Шитов 1988, с.39, 55, табл. IX: 11] и некоторые находки из Бирска (о них см. чуть ниже). Выразительная и типологически довольно компактная “неволинская” серия наконечников с площадкой в верхней части (рис.10Б: 1-9) явно восходит к образцам бирско-безводнинской серии, хотя особенности оформления и некоторые детали неволинских наконечников несомненно отражают влияние геральдических и других стилей ременных гарнитур.

Некоторые различия внутри бирско-безводнинской серии наконечников вероятно отражают локальные вариации. Хотя для систематического анализа материала не достаточно, укажем на очевидные отличия образцов с низовой Оки (рис.10Б: 28) и Москворечья (рис.10Б: 14) как между собой, так и от прикамских и башкирских. Среди находок из Бирска А.К. Амброз [1980] выделяет три варианта наконечников с выделенными площадками (признаки №№ 18, 37, 54), несколько отличающиеся хронологически [Гавритухин 1996, рис.2 и с.119-120]. Основная часть бирских образцов отнесена А.К.Амброзом к одному варианту, довольно долго бытовавшему (большую часть 6 в., не исключая и часть 5-го); лишь единичные экземпляры с заметным расширением снизу или “укороченных” пропорций датируются позже (от середины 6 до начала 7 в. - даты даны по [Гавритухин 1996]). Уточнить эти наблюдения и сопоставить с другими материалами можно будет лишь после полной публикации памятника.

Р.Д.Голдина считает интересующие нас наконечники характерными для верх-саинской (6 в.), а их прототипы - для бродовской стадии (5 в.) неволинской культуры [Голдина, Водолаго 1990, с.162-163], что отчасти противоречит опубликованным в том же издании материалам. Так, наконечник, аналогичный приведенному на рис.10Б: 25, т.е. относящийся к кругу прототипов, известен в Верх-Саинском кургане 12 с вещами верх-саинской стадии и, к тому же, перекрывающем два кургана этой стадии [Гавритухин 1996, рис.3]. Наконечник же из Верх-Саинского кургана 15 (рис.10Б: 17) едва ли имеет хронологический разрыв с найденным в том же кургане геральдическим набором. В Петропавловском могильнике и Кузубаевском городище наконечники бирско-безводнинской серии [Семёнов 1976; Останина - в печати], наиболее близкие варнинскому, найдены в комплексах с четырехлепестковыми накладками типа 2, местными Т-образными накладками, Ж-образными накладками бирской серии и “рогатой” накладкой, причем в вариантах, наиболее близких представленным в погр. 552 Варнинского могильника.

Таким образом, приведенные наблюдения свидетельствуют, что наконечники с выраженной площадкой в верхней части и расширяющейся к

низу нижней частью с вертикальным ребром пока не могут датироваться ранее середины 6 в. Верхняя граница бытования наконечников бирско-безводненской серии не ясна, но их типологическая связь с “неволинской” серией указывает, что в 7 в. они еще не вышли из употребления. С точки зрения ювелирных традиций, варнинский наконечник наиболее близок прикамским образцам, являющимся локальной разновидностью бирско-безводнинской серии, отражающей эволюцию поволжских ременных гарнитур на основе местных прототипов.

Хоботковая пряжка (рис.5: 1) относится к группе изделий, широко распространившихся начиная с гуннской эпохи в истории Европы, а в Поволжье являвшихся одной из ведущих форм по крайней мере на протяжении 5 и 6 вв. и давших собственную линию эволюции [Амброз 1980; Голдина, Водолаго 1990; Гавритухин 1996; там прочая литература]. Нет особых сомнений, что варнинский экземпляр связан с местной традицией (см., например, [Голдина, Водолаго 1990, табл. XXIV: 10]). К признакам, свидетельствующим о том, что варнинская пряжка принадлежит к неранным образцам, можно отнести сравнительно крупные размеры рамки, отсутствие утолщения в ее передней части и уступов в ее задней части, то, что ступенчатый срез в задней части язычка эволюционировал в выступ (ср. [Голдина, Водолаго 1990, табл. LXVI и LXV; Лещинская 1995, рис. 10 и 14]). При оценке хронологии хоботковых пряжек следует иметь в виду, что их отдельные образцы существовали и заметно позже времени расцвета моды на такие изделия, вплоть до распространения поясов “агафоновского” типа с середины 7 в. [Голдина, Королёва, Макаров 1980, табл. XXIII: 21-26], что наблюдалось и в Варнинском могильнике (погр. 37, 278, 291) [Семёнов 1980, рис. 10: 34, 81].

Полые овальные пряжки (рис.5: 2, 3) также принадлежат широко распространенной группе. Похожие образцы отнесены А.И. Айбабиным к варианту 2 типа I В-образных пряжек, датируемому от второй половины 6 до 7 вв. [Айбабин 1990, с.38]. Около середины - 2-й половины 6 в., или иногда несколько позже, датируются внешне массивные полые пряжки, рассмотренные в связи с анализом некоторых типов, встреченных на Кавказе [Гавритухин, Малашев 1998, с.52-56]. По материалам Прикамья образцы, близкие варнинскому, отнесены Р.Д. Голдиной к бартымской стадии неволинской культуры, датируемой, как и геральдические гарнитуры, в рамках конца 6 - 7 вв. [Голдина, Водолаго 1990, табл. LXVII], а Н.А. Лещинская [1995, с.94, рис. 14] считает такие пряжки показателями 5-й хронологической группы ее системы (6 в.), предшествующей распространению геральдических поясов, опираясь при этом, кроме собственных наблюдений, на работы той же Р.Д. Голдиной.

А.В.Богачёв, наиболее тщательно изучивший поволжские ременные гарнитуры, отнес полые пряжки, наиболее близкие рассматриваемой, к кратковременной “новосёлковской” группе (около 3-й четверти 6 в.), “переходной” к эпохе господства геральдических гарнитур [Богачёв 1992, рис.26, с.152].

Расхождения упомянутых исследователей поволжских древностей представляются в большей степени формальными, особенно если учесть возможность выделения и характеристику I периода поволжских геральдических гарнитур, предложенную И.О.Гавритухиным [1996]. Сравнительно ранние, “догеральдические”, датировки некоторых образцов с Юго-Востока Европы, тоже несомненно должны быть учтены при оценке поволжских находок. В отношении варнинских экземпляров следует отметить признаки их относительно поздней хронологической позиции в ряду полых В-образных и близких им пряжек: нарочитую внешнюю “массивность” рамки и зауженную, подпрямоугольную щель для ремня, что обычно для многих В-образных пряжек из комплексов с геральдическими накладками (см. статью И.О.Гавритухина в приложении).

Рифленая гитаровидная пряжка с перекладиной для крепления язычка внутри рамки (рис.5: 5) имеет довольно много соответствий по разным признакам среди находок из Прикамья [Голдина 1985, табл. IX: 2, 13, 17, 19-22, 37], но ни один из известных нам образцов нельзя назвать несомненно близким варнинскому. Все указанные вещи, при наличии разного сочетания признаков, объединяющих их между собой и с другими формами, индивидуальны, а по материалам неволинской культуры имеют довольно широкий хронологический разброс. Очевидно, перед нами изделие не престижное, выполненное в местных традициях с использованием долго бытовавших приемов.

В-образная пряжка, отлитая вместе со “щитовидной” обоймой (рис.4: 2) принадлежит к довольно представительному массиву “В-образных” пряжек. Учитывая, что данная пряжка может считаться одним из предметов, дающих опорные реперы для датировки в целом захоронения, мы сочли возможным дать в качестве приложения отдельную статью, посвященную типологическим построениям и эволюционному развитию В-образных пряжек, изготовленных вместе с щитовидной обоймой (автор И.О.Гавритухин). В целом, варнинская В-образная пряжка довольно близка причерноморским образцам и их ближайшим соответствиям в Поволжье, но несет и черты местных традиций. К последним можно отнести, например, «ребро» на щитке и упрощенный язычок варнинского экземпляра. Суммируя наблюдения, представленные в приложении, думается, что рассматри-

ваемая пряжка указывает на дату комплекса в рамках 1-й половины 7 в. (уточнение связано с подведением итогов анализа всех хронологических индикаторов погребения - см. ниже).

Пряжка с прямоугольной рамкой, отлитой вместе с полым прямоугольным щитком (рис.5: 4) имеет довольно близкое соответствие среди находок на Петропавловском могильнике [Семёнов 1976, табл.II: 8], а вещи такого типа распространены весьма широко и хронологически, и территориально. Варнинский образец однозначно не укладывается в предложенные до сих пор типологические подразделения пряжек с прямоугольными рамкой и щитком [Айбабин 1990, с.49: варианты 8, 9, 10 типа I; Ковалевская 1979, с.45-46: подтипы 1 и 2 типа 9]. Очевидно, необходим повторный анализ пряжек указанного типа, с учетом и ряда серий близких типов. Поскольку при подготовке этой работы мы не смогли проделать такое исследование, детальная оценка варнинского экземпляра остается открытой.

Предметы вооружения и конского снаряжения

Меч в ножнах с P-образными скобами (рис.3: Б; 6) принадлежит раннему горизонту наклонно-подвесного оружия, сменившего во многих культурах Евразии вертикально-подвешенные мечи и предшествующего появлению сабли. Разные вариации наклонно-подвешиваемых мечей и кинжалов с P-, D-, R-образными скобами в сравнительно короткий временной промежуток получили распространение от Карпатской котловины и Италии до Ирана, Центральной Азии и Японии (обзор основной проблематики и важнейшую литературу см. [Амброз 1971, с.124-125, 128-129; 1986; Anazava, Manome 1971; 1979; Simon 1983; 1991; Аржанцева 1986; 1987; Garam 1990; 1993; Залесская, Львова, Маршак и др. 1997, с.50-51, 127-138, 156-159, 172-174, 206-208; 232; Мотов 1998а; 1998б; там же приведены изображения и публикации, где есть сведения об упоминаемых ниже образцах]. Не смотря на то, что в изучении этих древностей многое сделано, пока лишь поставлен вопрос и предложены первые наблюдения для того, чтобы представить массив такого оружия как взаимосвязанные ряды локально-хронологических типов и серий; во многом это связано с тем, что остается неопубликованным не менее половины даже известных нам образцов из Восточной Европы (см. прим.5). Сказанное объясняет некоторую эскизность и гипотетичность предложенных ниже наблюдений.

Наклонно-подвесные мечи могут иметь как двустороннее (как варнинский экземпляр), так одностороннее лезвие клинка. Первые встречаются реже и производят впечатление более архаичных, но была ли смена дву-

сторонних клинков односторонними общей эволюцией или отличия лезвий в сечении правильнее рассматривать в рамках сосуществования разных оружейных традиций, а так же какова датировка этих явлений, остается пока не ясным. Общая длина и ширина варнинского меча не выходят за рамки параметров известных нам восточноевропейских находок.

Рукоять варнинского меча изготовлена из дерева, она укреплена металлическими “колпачком”-навершием и обкладкой при переходе к клинку, перекрестье отсутствует. Такая конструкция вполне обычна для многих образцов из Восточной и Центральной Европы, правда, в ряде случаев удается проследить дополнительное укрепление рукояти веревочной или кожаной обмоткой, обкладками из кожи или металлических пластин, есть случаи украшения рукояти небольшими накладками, но информацию о наличии или достоверном отсутствии таких деталей можно получить не так уж часто. Иногда к рукояти мечей крепилась железная петелька для продевания охватывавшей руку кожаной или веревочной петли (рис.11: 27; [Kovrig 1957]).

Ножны большинства известных нам образцов наклонно-подвесного оружия, как и варнинского меча, имеют деревянную основу, овальную или эллипсоидную в сечении, обложенную кожей, материей, металлическими пластинами в разных сочетаниях. Для хорошо сохранившихся экземпляров “обязательно” наличие на ножнах, как минимум, металлических навершия, облицовки устья, полос в месте крепления скоб, укреплявших обкладки и связанные с важнейшими функциональными частями ножен; все это присутствует и на публикуемой находке.

Крепление ножен к ремням осуществлялось посредством специальных выступов - “скоб”. Для ряда восточноевропейских находок прослежено, что скобы имеют деревянную основу, покрытую кожей, реже - тканью, а поверх все это обкладывалось металлическими пластинами. Из доступных нам для изучения хорошо сохранившихся образцов лишь скобы кинжала из Яслей (могильник в Кисловодской котловине, раскопки С.Н.Савенко, которому мы благодарны за возможность работать с находкой) имеют основу из сложенной в несколько слоев кожи. Конструкция скоб скреплялась несколькими (чаще, парой - тройкой) заклепками, нередко пробивающих и металлическую обкладку, но иногда (как на варнинском образце) “спрятанных” под боковыми пластинами (примеры см. на рис.11 и в указанной выше литературе). С торца скобы покрывались металлической полоской, реже - загнутым краем металлической боковой пластины. На варнинских экземплярах торцевые полосы дополнительно прибиты к основе скоб гвоздиками, что зафиксировано лишь для предполагаемых скоб из Ровного [Амброз 1986, с.59].

Для прикрепления скоб в кожаной или матерчатой обкладке ножен предусматривались выступы-“ушки”, покрывавшие, как отмечено ранее, и деревянные основы скоб. Эта конструкция скреплялась заклепками. Вероятно, для скрепления кожаных и матерчатых обкладок с деревянными основами употреблялись и клеющие составы. Прочность скрепления скоб к ножнам на многих изделиях из Европы усиливалась и с помощью двух металлических полос, охватывающих ножны и пропущенных под заклепки скоб (например, рис.11: 13, 26, 27, 30). Иногда металлическая обкладка скоб являлась продолжением полосы, охватывавшей ножны, как на находках из Керчи (рис.11: 7, 8; мы благодарны И.П.Засецкой за помощь в работе с этими вещами и находкой из Борового). На некоторых образцах из Ирана зафиксировано, что широкая полоса, охватывавшая ножны, заканчивалась выступами-козырьками, к которым скобы крепились несколькими специальными заклепками (рис.11: 3-5). Особая разновидность жесткого крепления скоб к ножнам использовалась в Японии (рис.13: 1-2). В отношении варнинского образца способ крепления скоб к ножнам проследить с необходимой точностью не удалось, можно лишь более-менее уверенно предполагать, что в этом участвовали кожаная облицовка скоб (см. рис.5: 7) и обкладки ножен из бронзовых пластин (см. рис.5: 7; 6: 5).

Для крепления к скобам ремешков использовались различные варианты петель. Иногда петля имела округлую форму, а ее “усы” пропускались сквозь основу скобы, после чего разгибались. Такая конструкция зафиксирована на верхней скобе варнинского меча (рис.5: 6). Аналогичное крепление к ремешку имел, судя по всему, один из иранских экземпляров (рис.11: 4), правда жесткость конструкции крепления ремешка компенсировалась здесь дополнительным металлическим колечком, пропущенным сквозь петлю, чего нет на варнинской находке, ремешок которой мог поэтому перетереться быстрее, чем у иранского аналога. Своеобразие соединения петель и скоб на мечах из Японии (рис.11: 1-2) вполне соответствуют и другим особенностям этой локальной серии наклонно-подвесного оружия, связанной с переработками центральноазиатских влияний [Anazava, Manome 1979]. Значительно чаще встречаются петли более простой конструкции - они делались из фигурно выгнутой пластины, прибивавшейся к скобе гвоздиками (рис.11: 5, 14, 17). На нижней скобе варнинского меча петля не зафиксирована, но есть отверстия, оставшиеся либо от петли, либо через которые ремешок мог продеваться непосредственно (рис.5: 7). Достоверных данных о таком способе крепления на других образцах нам не известно, но следует отметить, что сведения такого рода для большинства находок вообще отсутствуют.

Приведенные комментарии о конструктивных деталях рассматриваемого оружия проясняют ряд особенностей варнинской находки, но недостаточны для уточнения ее хронологии и культурной атрибуции, поскольку, как отмечалось ранее, такого рода сведения есть для очень ограниченной выборки. Более информативны наблюдения над некоторыми особенностями стилистики оформления интересующих нас вещей. Очевидно своеобразии японской серии, на формирование которой, по-видимому, оказала влияние волна иммиграции в 654-676 гг. из Ирана, но локальность и замкнутость ограничивает возможности использования хронологических определений образцов этой серии для понимания “континентального” оружия [Anazava, Manome 1971]. Так же локальна, очевидно, “реликтовая” серия оружия с вытянутыми Р-образными скобами, представленная на живописи из Калаи-Каххаха (мы благодарны И.А.Аржанцевой за возможность ознакомиться с рядом неопубликованных изображений).

Отметим, что мы не разделяем гиперкритицизм Ю.А.Мотова [1998б] в отношении реалистичности и точности передачи деталей в среднеазиатской раннесредневековой “городской” живописи. Здесь нет возможности разбирать все аргументы этого исследователя, укажем лишь, что сосуществование наклонно-подвесных кинжалов и вертикально подвешенных мечей не является следствием комбинации разновременного оружия при изображении мифических персонажей: достаточно вспомнить восточно-туркестанские росписи, где изображены реальные дароносцы или художники, живописные сцены из помещения I в Афрасиабе, где персидские послы отличаются от представителей других стран именно сочетанием горизонтально-подвешенных кинжалов и вертикально-подвешенных мечей; археологически такое сочетание документировано лангобардскими материалами из Италии, на что обратил внимание А.К.Амброз [1986, с.69]. Точные соответствия многих деталей среднеазиатской живописи археологическим и этнографическим реалиям не раз отмечались исследователями. Особенно показателен пример, приведенный О.В.Орфинской при обсуждении доклада Ю.А.Мотова на Самарской конференции в ноябре 1997 г.: ткани, из которых сшиты кафтаны персидских послов на тех же росписях Афрасиаба, имеют точнейшие соответствия в археологических находках, причем на этих росписях показаны тканые медальоны, обрезанные или несовпавшие при шитье одежды.

Наиболее раннее оружие с Р-образными скобами представлено особой серией центральноазиатских кинжалов с “перехватом” в средней части ножен. Кинжалы той же серии, что находка из Борового (рис.11: 17), датируются в рамках 6 в. по импортным образцам в Керим-ло (около 520 - 600 гг.)

и живописи грота 69 в Кызыле (около 2-й половины 6 в.), а поздние вариации, от 2-й половины 7 в. до начала 8в.(?), входившие в комплект с мечами, имеющими скобы схожих форм (но иногда и совсем других типов), представлены на живописи Афрасиаба (рис.11: 25) и Пенджикента [Амброз 1986, с.66-70; Аржанцева 1986]. Ряд кинжалов, известных по изображениям из Восточного Туркестана, датируемым около 7 в. (типа пещер 15 и 19 в Кумутре, пещеры “16 меченосцев” в Кызыле), принадлежат совсем другой серии. Эти образцы не имеют перекрестий, их ножны не профилированы, а R-образные скобы имеют выступ в нижней части (на относительно ранних образцах он еще не столь резок как на более поздних). Повидимому, такие скобы могли быть прототипами отмеченных выше японских образцов, правда мечи, встреченные на упомянутых изображениях, скоб не имеют и подвешены практически вертикально.

Не раз обращалось внимание на серию дорогих мечей и кинжалов из Ирана со сложнопрофилированной рукоятью, с богато украшенными (часто “чешуйчатым” орнаментом) ножнами и другими деталями (рис.11: 3, 5 и т.п.). Скобы таких образцов принадлежат двум довольно стандартным типам. 1-й тип представлен R-образными образцами с довольно резко выступающей нижней частью (рис.11: 3, 5 и др.), им есть единичные аналоги на Северном Кавказе (рис.11: 14), в Поочье (сборы в “Тереховском лесу” - не опубликованы, утрачены, известны по рис. А.Гаврилова) и в Карпатской котловине (например, схожую форму имеет накладка из Мадараша, правда украшенная типично “дунайской” плетенкой). Очертания образцов 2-го типа характеризуются выступом при переходе от выгнутой верхней части скоб к вогнутой нижней; за пределами Ирана нам известен лишь один, пока не опубликованный, экземпляр такого типа - из Борка на Оке (Шиловский народный музей, КО-182).

Несколько особняком стоит меч из погребения в Тепе Шерах Али (рис.11: 4; [Jb.d.RGZM, 41-2, 1994; Taf.102-103]), хотя стилистика его оформления несомненно принадлежит к иранским традициям [Ghirshman 1963]. Этому образцу по очертаниям близки, например, скобы меча из Сегвар-Шаполдала, Чми (рис.11: 22) и некоторые другие. Свообразны скобы мечей с рельефов Так-и-Бустана, в ряд с которыми можно поставить и изображение на блюде с “согдийским всадником” [Тревер, Луконин 1987, илл.34, 35 (S-247)], а в целом, такие скобы наиболее близки центральноазиатским, присутствующим на кинжалах, ножны которых имеют перехват. Правда, остается не ясной зависимость очертаний ряда образцов от техники изображения.

В Карпатской котловине известна, пожалуй, наибольшая концентрация интересующего нас оружия. В качестве одной из локальных среднеду-

наиболее распространенных форм А.К.Амброз выделяет скобы с короткой, часто резко “очерченной” седловиной; очевидно, в основном такие образцы выделяет и Э.Гарам, называя их “D - образными” [Амброз 1986, с.56; Garam 1990].

Именно эти вещи составляют основную массу находок на могильниках аварского круга. Вполне вероятно, что такая форма скоб имеет какие-то центральноазиатские прототипы, связанные с кругом упомянутых выше восточнотуркестанских изображений кинжалов, прототипов “японской” серии мечей или других (пока не выделенных) серий оружия. Впрочем, может быть прав и А.К.Амброз, считавший особенности скоб ряда аварских находок продуктом местных школ, тем более, что можно предложить варианты согласования этих гипотез. Для Восточной Европы D-образная форма скоб малохарактерна. Несомненно к этому типу, вариации с резко выделенным нижним выступом, относится неопубликованная находка из Борка (Шилковский народный музей, КО-95), а скобы меча из Уч-тепе (рис.11: 30) следует относить к другой разновидности типа D-образных.

Итальянские находки представлены только кинжалами, скобы которых имеют P-образную форму, с вытянутой, слегка выступающей нижней частью (рис.11: 18) или более короткой, без выступа (рис.11: 26). Стилистика орнаментации большинства из этих вещей несомненно связана со “средиземноморскими” традициями [Амброз 1986, с.69], а форма скоб напоминает некоторые центральноазиатские образцы (как на рис.11: 25 - см. о них выше). Эти соответствия в настоящее время трудно оценить с желаемой отчетливостью, поскольку находки интересующего нас оружия с территории Византии не известны. Близки “итальянским” вариациям и очертания скоб некоторых восточноевропейских находок, хотя в отношении последних очевидно большее разнообразие форм и специфичность решения ряда экземпляров (рис.11: 19, 20-21, 28).

Некоторые восточноевропейские формы скоб как бы сочетают признаки отмеченных выше типов (рис.11: 23, 29; ряд неопубликованных находок). Без выделения особых восточноевропейских серий (что несомненно связано с публикацией уже добытых экземпляров и пополнением этого ряда за счет новых находок) трудно сказать, являются ли упомянутые и другие формы результатом непосредственного синтеза разных традиций или отражают особые линии развития наклонно-подвесного оружия.

В качестве особого типа А.К.Амброз и Э.Гарам выделяют скобы P/R-образной формы с резко отделенной, спрямленной или слегка наклонной нижней частью. Причем, в материалах из Карпатской котловины отмечается ряд образцов с особенно длинной нижней частью, которые имеют и, в целом, более поздние даты; а одна из вариаций может быть оценена как

локальная, распространенная на памятниках Левобережья Нижнего Мароша [Амброз 1986, с.56; Gagam 1990, Abb.7]. Р-образные скобы с относительно короткой прямоугольной или подтрапециевидной нижней частью представлены рядом богатых причерноморских образцов, украшенных в позднеантичных традициях (рис.11: 6-8), в отношении которых следует иметь в виду и различные “азиатские” соответствия, например, трилистники (рис.11: 7, 17; ср. рис.8: 44-45 и выше - текст о накладках с фигурными выступами), крупные выпуклые композиции в середине плоскости изделия (рис.11: 5, 7-8) и т.д. (см. многие примеры в [Амброз 1986; Залеская, Львова, Маршак и др. 1997]).

Скобы из Глodos (рис.11: 10, 16) по пропорциям должны занять промежуточное место между указанными керченскими (с укороченной нижней частью) и перещепинскими (рис.11: 11, 15 - с более длинной нижней частью) образцами. В этой связи особое значение приобретают наблюдения З.А.Львовой и Б.А.Маршака об изделиях мастеров т.н. “глodosской выучки”. Становление этой школы связывается с эпохой Первого тюркского каганата, “когда в ювелирном деле устанавливаются прямые связи между Средней Азией и Причерноморьем”, при этом, дата комплекса из Глodos определяется “около середины 7 в.”, время работы мастера такой же выучки в ставке владельца Перещепинского набора - “после поступления монет 642-646 гг.”, а усиление влияния “тюрко-согдийских” традиций происходит со второй трети 7 в. и позднее [Залеская, Львова, Маршак и др. 1997, с.94-100]. Очевидно, что “азиатские” компоненты в культуре варварской верхушки объяснимы не единоактным воздействием, а обусловлены как могуществом кочевнических объединений, так и эмиграцией, связанной с агрессией или другими событиями.

Скобы меча из Варнинского могильника характеризуются округлыми очертаниями верхней части и подпрямоугольными - нижней, что сближает эту находку с рядом Р-образных образцов (рис.11: 6-8, 10). Укороченная нижняя часть в сочетании с округлой верхней вызывает ассоциации с типом D-образных, особенно с вариациями, где нижняя часть имеет нерезкий выступ (как в Уч-тепе - рис.11: 30). Отсутствие выступа в нижней части прослеживается на ряде центральноазиатских, итальянских, восточноевропейских находок, имеющих при этом, в отличие от варнинской, вытянутую, асимметрично расширенную верхнюю часть, плавно переходящую в нижнюю (рис.11: 19, 25, 26, 28, 31 и т.п.). Среди аналогов последним обращают внимание экземпляр из Борового и ему подобные: верхняя часть скоб у этих образцов наименее асимметрична и приближается формой к полукругу, что еще более очевидно, если учесть, что очертание этих вещей во многом задается расширенной верхней частью ножен (рис.11: 17).

Итак, по сумме признаков форме скоб из погр.552 Варнинского могильника наиболее близки находки из района Керчи, Уч-тепе, Борового. Общая структура и конструктивные особенности варнинского меча имеют аналоги в Восточной Европе, Карпатской котловине, отчасти - в Иране. Представляется, что эти соответствия можно свести в целостную картину, если трактовать варнинский экземпляр как вариацию, сложившуюся в Европе под азиатским воздействием в последней трети 6 или первой трети 7 в. (период тюрко-византийских союзов против Ирана с втягиванием в походы ряда восточноевропейских варварских групп). Одна из линий эволюции оружия с Р-образными скобами, сложившаяся в эту эпоху, задается образцами Керчь - Глодосы - Перещепино (особенно учитывая, что синтез стилей мог характеризовать не только мастеров, работавших при ставках варварских предводителей, но и византийских, ориентированных на тех же потребителей). Другая линия связана с эволюцией D-образных скоб, давших массовую серию у авар. Не обошлось без влияния этой среды и при формировании серий, отразившихся в ряде восточноевропейских находок, в том числе перекликающихся с итальянскими (эта связь могла быть опосредована Византией либо отражать конвергентное развитие, ведь известна практика использования германских отрядов в византийско-иранских войнах).

В случае принятия такой гипотезы можно наметить и особую, волжско-приуральскую, линию развития оружия с Р-образными скобами: в ряд с варнинским образцом встанут "повторно открытые" А.К.Амброзом скобы из Ровного [Амброз 1986, рис.2: 19; 3: 30], а к финалу этого ряда будет относиться находка из Маняка (рис.11: 12). Данное типологическое определение варнинского меча и ряд лежащих в его основе наблюдений, как было неоднократно отмечено, гипотетичны. Поэтому, по крайней мере до появления необходимых сводов, мы считаем преждевременным анализ, в принципе возможный, взаимовлияния намеченных линий эволюции наклонно-подвесного оружия, как и более детальное рассмотрение других вопросов изучения этих древностей.

Колчан, в котором лежало по меньшей мере 5 наконечников стрел, не сохранился и зафиксирован по темному органическому тлену в месте расположения стрел и слабым следам дуговидной полоски бронзы, проходившей, по-видимому, по верхнему краю колчана (рис.3: Б). Это не позволяет ни реконструировать форму, ни определить конструкцию колчана. Его основа была, вероятно, изготовлена из какого-то органического материала, скорее всего из бересты и кожи, как это было зафиксировано в ранее исследованных погребениях Варнинского могильника (погр.157, 169, 191, 275 и др.) [Семёнов 1980, с.46].

Все *наконечники стрел* были, по-видимому, однотипными: железными, черешковыми, с плоским листовидным (подромбическим) пером, имевшим наибольшее расширение пера в пределах двух средних четвертей его длины, без упора при переходе к черенку (рис.7: 2-4). Место насадки черешка наконечника на заполированное деревянное древко (зафиксирован диаметр древка одной из стрел - 9-10 мм) дополнительно обматывалось (рис.7: 2, 5). В раннем средневековье железные плоские наконечники стрел с ромбическим или листовидным пером получили в Восточной Европе широкое распространение, в том числе и в Прикамье [Волков 1995]. Предполагается, что в восточноевропейских степях такие наконечники появились в 4-5 вв. с востока [Хазанов 1971, с.41; Засецкая 1983, с.78, 82]. Однако в Волго-Камье они известны с раннего железного века и встречались, например, в ананьинских [Патрушев 1984, рис.47: 86-89, 94-105] и гляденовских [Генинг 1988, рис.33: 5-7] комплексах. Таким образом, для точного хронологического определения варнинских экземпляров требуется дальнейший типологический анализ раннесредневековых наконечников стрел.

Из предметов конской упряжи в погребении найдены *железные удила* (рис.7: 10-12). Они были двусоставными, по-видимому, с прямыми стержневидными псалиями. Более точное его типологическое определение, вследствие очень плохой сохранности, невозможно.

Нож и железная “трубица” к **бытовым предметам** могут быть отнесены лишь условно. *Железный нож* из погр.552 достаточно крупный (общая длина 193 мм), с широким лезвием (рис.7: 1) и вполне мог использоваться в бою. Типологически он входит в группу ножей и однолезвийных кинжалов 5-8 вв. Варнинского могильника [Семёнов 1980, табл.XV: 1-5, XXIV: 2-6; рис.10: 29, 30] (см. также статью А.Г.Иванова в наст. сборнике). Нож носился в деревянных ножнах (на лезвии сохранились, кроме того, следы кости); рукоять также была изготовлена из дерева.

Неясной остается функциональное назначение *железной “трубицы”* (рис.7: 7), чему мешает и ее плохая сохранность. Можно видеть определенную схожесть данной “трубицы” так называемым железным игольникам (особенно экземплярам вытянутых пропорций, небольшого подквадратного или округлого сечения), известным в материалах раннесредневековых могильников Восточной Европы [Голдина 1985, с.62, табл. XXXIII: 35; Багаутдинов, Богачёв, Зубов 1998, с.130, рис.32: 1-5 и др.], в том числе и на Варнинском могильнике [Семёнов 1980, с.51]. Один из варнинских “игольников” имел округло-овальное поперечный профиль и ушко для подвешивания, т.е. те же признаки, что и характеризуемая “трубица” [Семёнов 1980, табл.III: 20]. Против однозначного определения варнинской

“трубицы” в качестве игольника (как впрочем и других предметов этого типа) - ее массивность, загнутость основы трубки, маленький диаметр отверстия и, наконец, находка ее в составе вполне мужского воинского погребального комплекса. Еще одним из вариантов интерпретации этого предмета может быть определение его в качестве “острия для развязывания узлов”, известного в раннесредневековых могильниках (правда, они изготовлены преимущественно из кости; см., например, [Гаврилова 1965, рис.6: 3; Багаутдинов, Богачёв, Зубов 1998, рис.32: 7]).

Антропологическая, социальная, культурная принадлежность погребенного

Перечисленные здесь характеристики пока могут быть определены в самом общем виде. Это вызвано, с одной стороны, неудовлетворительной сохранностью палеоантропологических материалов и, фактически, отсутствием каких-либо данных для выяснения антропологической принадлежности погребенного, и, с другой стороны, тем, что более развернутое социальное и культурное определение погребенного возможно лишь в контексте анализа всего могильника.

По заключению А.В.Шевченко, обследовавшему сохранившиеся зубы, погребенному было предположительно около 10 лет. На основании сопроводительных вещей он, со значительной степенью вероятности, может быть определен как мальчик.

В целом захоронение 552 мало чем отличается от других погребений Варнинского могильника этого времени. Оно не выделяется ни планиграфически, ни какими-либо специфическими элементами устройства могилы. Сопровождающий его инвентарь также в основном стандартен и, видимо, обычен для свободного общинника-воина. Данное захоронение выделяет, в первую очередь, наличие в нем меча, оружия не столь частого в погребениях этого времени, и боевого портупейного ремня, также отражающего социальный статус погребенного (о значении поясов как социально-престижных элементов костюма см. [Добжанский 1990; Мурашова 1993; Гавритухин, Обломский 1996, с.52], там же литература). Последнее тем более примечательно, учитывая детский возраст погребенного. Таким образом, помещение в могилу таких социально-престижных воинских вещей, как меч в ножнах и с украшенным портупейным ремнем отражает, скорее всего, достаточно высокий личный и “родовой” статус погребенного “мальчика”. В свою очередь, это еще раз подчеркивает высокий статус воинского “ремесла” в варнинской общине 6-7 вв.

В этнокультурном отношении захоронение 552 также вполне вписывается в круг погребений Варнинского могильника этого времени, как по

погребальному обряду, так и по в целом местному “прикамскому” материалу (исключениями и здесь могут быть, с некоторыми оговорками, меч и портупейный пояс). В частности, ориентировка погребенного головой на запад является типичной для захоронений 5-7 вв. Варнинского могильника [Иванов 1998, с.38, табл. I]. Определенная близость вещей из погр.552 материалам Петропавловского могильника на юге Удмуртии [Семёнов 1976], выявленная при типологическом анализе комплекса, может вполне определенно свидетельствовать о прямых связях варнинского (раннеполомского) населения с районами Нижнего Прикамья, что уже неоднократно отмечалось исследователями и по другим материалам ([Иванов 1998, с.39, 41-42, 83-85], см. там литературу).

К реконструкции костюма погребенного

Несмотря на плохую сохранность костяка и других органических материалов, исследованное погребение дает возможность реконструкции некоторых деталей одежды и амуниции. Следует отметить, что изыскания такого рода на раннесредневековых материалах Поволжья весьма отрывочны (одна из лучших работ принадлежит Р.Ф.Ворониной [1974]). Многие авторы, если и дают реконструкции внешнего облика представителей той или иной культуры, то, как правило, практически не сопровождают это соответствующими документацией и комментариями. Поэтому часто трудно оценить степень достоверности предложенных реконструкций и возможности альтернативных интерпретаций материала. Эти замечания касаются и изучения материалов более южных культур, где ситуация усугубляется тем, что многие погребения там нарушены, отсутствует или недоступна необходимая документация об их раскопках. Сказанное поясняет выборочность использованных аналогов.

В варнинском погребении 552 привлекает внимание сложенный вдвое портупейный пояс, положенный рядом с погребенным, а в ходе раскопок изученный *in situ*. Зафиксировано (рис.3: Б; фото 1), что слева (в надетом виде) от В-образной пряжки поверхность ремня покрывали 5 Ж-образных накладок, далее следовала “рогатая” двучастная накладка, за ней еще одна Ж-образная (рис.13: А, уч.1). Пряжка и накладки на этом участке расположены практически по одной линии, т.е. пояс здесь был положен довольно ровно, что делает возможным с большой степенью достоверности рассчитать расстояние между накладками: оно колебалось от 2-х до 4-х см, а общая длина участка от прорези пряжки до края 7-й накладки составляла около 32 (не выходя за рамки 30-35) см. Следующий, 2-й, участок - от 7-й накладки до сгиба ремня, - возможно, не был покрыт накладками (см.

ниже). Судя по всему, он лежал не ровно, но и искривлен был не сильно; его длина определяется в рамках 14-16 (около 15) см. Участок 3 - покрытая накладками часть ремня ниже сгиба (рис.3: Б; 13: А), похоже, был одним из наименее ровных. Это не мешает восстановить последовательность покрывавших его накладок и приблизительное соотношение расстояний между ними, но заставляет с большей осторожностью определять абсолютное значение длины. Тем не менее общая длина участка 3, покрытого 6-ю Ж-образными и 2-мя “рогатыми” накладками определима как не меньшая чем 25, но, похоже, приближающаяся к 30-35 см.

Непосредственно к участку 3 примыкала “рогатая” пластина. В типологической части нами были приведены аргументы в пользу того, что она, скорее всего, на застегнутом поясе противостояла пряжке. В итоге длину окружности застегнутого пояса можно определить как близкую 80-85 (никак не менее 75) см. От рогатой пластины до наконечника (4-й участок) ремень имел довольно большую длину, что позволяло различные вариации расположения этого участка пояса, после того, как он застегивался (на рис.13: Б дан лишь один из простейших вариантов). Определить длину уч.4 при отсутствии точных данных о его положении довольно трудно, однако она была не менее 35 см.

На большинстве известных геральдических гарнитур цельные двучастные накладки (особенно, когда их не много) крепились на места, где от основного ремня отходили дополнительные, подвесные ремешки, которые часто покрывались мелкими накладками и завершались малыми наконечниками или Т-образными накладками (см. прим.5). На рассматриваемом портупейном поясе находились 3 двучастные накладки, позволяющие предполагать три дополнительных ремешка. Если меч крепился к двум из них, то остается один свободный подвесной ремешок, однако наличие Т-образной накладки и дополнительного наконечника ремня подразумевает наличие еще двух подвесных ремешков. К сожалению, точное взаимоотношение последних двух деталей между собой и основным ремнем установить не удалось. Возможные же, судя по аналогиям, варианты их размещения представлены на рис. 13:А. По нахождению дополнительного наконечника *in situ* (рис.3: Б) можно предполагать, что он крепился к подвесному ремешку где-то на уч.1, скорее всего, в районе 4-й или 5-й Ж-образной накладки, хотя не исключено, что он мог размещаться и на уч.3.

При реконструкции портупейного ремня следует также иметь в виду несколько интерпретаций. Во-первых, для этого периода известны находки поясов, имевших два конца: один из них продевался сквозь пряжку, то есть был чисто функциональным, другой конец, как правило, бо-

лее длинный, имел декоративную функцию. Такая конструкция зафиксирована, например, по материалам Безводнинского могильника [Краснов 1980, рис.44, 45], правда там “функциональный” конец ремня не имел наконечника, а “декоративный” мог завершаться как наконечником, так и пряжкой. В Поволжье 7-го в. наличие внутреннего ремешка, судя по наличию двух наконечников, найденных в районе пряжки и не связанных с боковыми ремешками, можно предполагать на двух “геральдических” поясах, исследованных А.Гавриловым на могильниках Борок II и Куземкино (см. прим.5). Схожая конструкция, предполагавшая наличие “внутреннего” функционального ремешка, наряду с декоративным “внешним” концом пояса, условно названная “венгерской”, зафиксирована для ряда поясов конца 1 тыс. в Поволжье и салтовской культуре, а в последующее время получает распространение у венгров и на Руси, а через посредство последней попадает и в Швецию [Подвигина 1968; Jansson 1988, S.607-612; Мурашова 1997, там литература]. Наверное, если проделывать специальную работу, число подобных примеров будет увеличено, тогда можно будет ставить вопрос о происхождении, эволюции, ареалах и других аспектах понимания поясов “венгерской” конструкции.

Нельзя сбрасывать со счета и другие варианты. Например, подвесные ремешки могут крепиться к основному ремню не обязательно в тех местах, где расположены накладки. Для “геральдических” гарнитур расположение подвесных ремешков, завершавшихся малыми наконечниками и Т-образными накладками, в задней части пояса, а накладок, украшавших поверхность основного ремня, - в передней, известно по материалам погр.3 Цибилиум 1а [Воронов, Шенкао 1982, с.159]. Значение данного примера повышается, если учитывать хронологическую близость варнинского и цебельдинского комплексов и неоднократно отмеченные нами волжско-черноморские параллели в начальный период распространения геральдических стилей. На позднегеральдических “агафоновских” поясах, судя по материалам прикамских могильников, дополнительный ремешок с Т-образными накладками также располагался в задней части пояса [Голдина, Водолаго 1990, табл.XLIV: 2; XLV: 1], что повышает вероятность крепления подвесного ремешка с Т-образной и двумя четырехлепестковыми в районе уч.2 рассматриваемого варнинского пояса (рис. 13: А).

Наконец, в поволжских материалах известно использование Т-образной накладки в качестве украшения основного ремня, но такой пояс (погр.103 из Старого Бадиково - прим.5), относящийся к поздним периодам эволюции поокских геральдических гарнитур, не имел подвесных ремешков и должен рассматриваться как своеобразная локальная модифи-

кация. Тем не менее, возможность расположения Т-образной и четырехлепестковых накладок непосредственно на уч.2 основного ремня, в принципе, следует иметь в виду.

Рассматриваемый пояс найден рядом с мечом, а в комплекс входил еще один пояс, надетый на погребенного, что и позволяет предполагать назначение отдельно положенного пояса как боевого, портупейного, тем более, что этому есть много примеров в ряде раннесредневековых культур Евразии ([Гавритухин, Обломский 1996, с.52]; кроме указанной там литературы см. иллюстрации и литературу в [Аржанцева 1986 - диссертация; Добжанский 1990]). Встает вопрос: как и где меч крепился к портупее? Судя по изобразительным материалам, как правило, меч подвешивался у левого бока воина на довольно длинных ремешках, крепившихся к поясу. Но парные двучастные накладки в нашем случае расположены у правого бока (участок 3). Если ремешки меча крепились к ним, то, скорее всего, хозяин пояса должен быть левшой, но этому противоречит положение меча ручкой в сторону пряжки (если развернуть пояс) и то, что, судя по расположению ремешков на скобах (а ремешки всегда крепятся к оборотной стороне скоб), меч был предназначен для действия правой рукой.

Если же ремешок крепления меча отходил от двучастной накладки на левом боку, то судя по расчетам длин участков, подвешенный меч находился как бы за спиной воина. Такое расположение, в принципе, возможно и ему можно найти подтверждения на нескольких фигурах из росписей помещения 1 Афрасиаба. Отметим, что ношение меча сзади трудно связывать с культурной атрибуцией какой-то из групп послов, изображенных на этих росписях. Любопытно и то, что расположение меча сзади ни разу не зафиксировано на известных нам пенджикентских росписях. Очевидно, интерпретация отличий в способе ношения наклонно-подвесных мечей требует специального изучения.

Второй пояс из погребения 552 был одет на покойном. Он застегивался хоботковой пряжкой и в левой части имел подвешенные нож в деревянных ножнах и железную “трубицу”. Найденная тут же маленькая пряжка с прямоугольной рамкой принадлежала, скорее всего, системе крепления указанных или других подвесных аксессуаров.

Судя по материалам римского времени и начала эпохи великого переселения народов, традиционная прикамская обувь или не имела металлических креплений, или же ремешок, стягивающий мягкую обувь в районе щиколотки, застегивался пряжкой, мог иметь наконечник и украшаться металлическими накладками [Останина 1997, рис.68, 74; Генинг 1976]. Обувь, в конструкцию которой входили пряжки и наконечник, получает

широкое распространение в римское время у сармат и ряда связанных с ними народов [Вадаи, Кульчар 1984; Малашев - в печати]. К традициям римского времени восходят и раннесредневековые обувные наборы, включавшие пряжку, трехлепестковые разделители и другие металлические детали, известные как в Поволжье, так и Причерноморье [Шитов 1988, с.40, 57-58; Воронов, Шенкао 1982, с.159; Айбабин, Хайрединова 1996, с.87-88, 496, 502-503]. Наиболее систематично обувные конструкции с металлическими деталями изучены по материалам в основном женских погребений меровингского круга [Claus 1977; Schmauder 1991]. Уже из этих материалов видно, что наряду с короткой обувью, в раннем средневековье были широко распространены образцы, включавшие ремешки, стягивающие гетры или мягкие голенища у колен.

По материалам Правобережья Волги, у муромы и ее соседей кроме коротких мягких туфель фиксируется и устойчивая традиция крепления обуви обмотками, доходившими до колена [Воронина 1974, с.36-37]. По материалам культуры рязано-окских могильников известны конструкции, включающие пряжку с длинной обоймой и наконечники, стягивавшие обувь ниже колен; нередко верхняя часть такой обуви украшалась и рядом накладок с подвесными наконечниками [Альбом древностей ... 1941, рис.19; табл.ХХ: 9, 11, 15 и соответствующие комментарии; Ахмедов - см. прим.5]. Вероятно, именно с такой или близкой конструкцией обуви мы имеем дело в погр.552 Варнинского могильника. Ее появление, распространение и место в прикамских традициях требует специального исследования. Пока же отметим, что совершенно аналогичное крепление высокой обуви ниже колен ремешками с бронзовыми пряжками и наконечниками выявлено уже в одном из наиболее ранних захоронений Варнинского могильника - в погр.529, датированном рубежом 4-5 - 1-й половиной 5-го в. (статья А.Г.Иванова в наст. сборнике).

Колчан со стрелами, судя по среднеазиатской живописи, сибирским петроглифам, сасанидской торевтике и другим изображениям, носился справа, ниже пояса, что объяснимо как функциональным удобством, так и тем, что слева крепился меч или футляр для лука [Крыганов 1996]. Судя по условиям находок в погребении 552, стрелы укладывались в колчан наконечниками вверх. Возможность быстрой замены колчана в ряде случаев, как показала А.А.Гаврилова, обеспечивалась наличием специального "стрелкового" пояса, застегивающегося крючком [Распопова 1980, с.74]. Такая конструкция была весьма распространена и в Европе, судя по совместным находкам железных крючков и наконечников стрел, а пояс с крючком применялся для ношения патронташей, например, английской пехотой до 19 в. Хотя

крючки, связанные с креплением колчана, распространены очень широко, включая и Прикамье [Голдина, Водолаго 1990, табл.Л1: 34, 38-40, возможно, 36], в погр.552 Варнинского могильника таких вещей нет.

В ряде случаев по изображениям видно, что колчан не был связан с особым поясом, а подвешивался к поясам другого типа, однако система крепления в таких случаях по доступным нам источникам не ясна. Возможно, в публикуемом погребении, как и в ряде других случаев, колчан цеплялся к поясу с помощью Т-образных накладок на подвесных ремешках, учитывая возможность “набрасывания” на перекладину таких накладок веревочной или кожаной петли [Мацулевич 1927], связанной с колчаном. Наконец, нельзя исключать, что колчан носился на ремешке, одевавшимся через плечо, чему можно привести массу примеров, начиная от древнегреческих изображений. В двух последних случаях колчан мог не иметь металлических деталей, связанных с его креплением.

Комплекс погребения 552 и проблемы раннесредневековой истории Прикамья

Итак, рассмотрение вещей из погр. 552 Варнинского могильника показало, что датировки ближайших аналогов большинства деталей ременной гарнитуры этого комплекса укладывается в хронологические рамки, включающие конец 6 и 1-ю половину 7 в. (рис.12: А). Типологический анализ В-образной пряжки на фоне эволюции вещей этого круга указывает, что из этих рамок должен быть, скорее всего, исключен конец 6 в. При оценке хронологии ряда вариаций рассматриваемых вещей речь шла о середине 7 в. лишь учитывая типологическую связь с древностями более позднего времени (Ж-образные накладки; наконечники с площадками), жесткость верхней границы типа (пластины, противостоящие пряжке, с рифленным утолщением в передней части), случаи единичных “переживаний” типа (хоботковые пряжки). Безусловно, все это должно приниматься во внимание при определении хронологических рамок, в которых могла бытовать единичная находка. В варнинском же комплексе мы имеем целый набор вещей, пик бытования которых приходится на 6 (как правило, 2-ю половину) - начало 7 вв.

Сумма приведенных наблюдений позволяет датировать погр. 552 Варнинского могильника временем около начала (1-й трети?) 7 в. Предложенная дата соответствует и общестилистической характеристике поясной гарнитуры, относящейся к ранним образцам I периода эволюции геральдической гарнитуры Поволжья [Гавритухин, Обломский 1996, с.85, 87, 91, рис.89, 90]. Такой датировке близка и типологическая оценка меча, Р-об-

разные дужки которого выглядят наиболее архаично на фоне волго-уральских находок, а с другой стороны - он близок горизонту прототипов и типологически ранних образцов ряда европейских серий мечей конца 6 - середины 7 в. Этой дате погр.552 не противоречат и стратиграфические наблюдения, охарактеризованные в начале статьи.

Предложенное выше рассмотрение вещей из погр. 552 Варнинского могильника позволяет обратиться и к ряду вопросов культурной истории Прикамья. Типологический анализ деталей ременной гарнитуры показал, что для некоторых из них можно определить вполне отчетливый культурный контекст. Контекст наконечника коробочкой, прямогольнорамчатой и полых овальных пряжек, стрел, удил на современном уровне изучения этих вещей не может быть определен с желаемой степенью конкретности. Хоботовая и гитаровидная пряжки, ряд бытовых предметов (нож, железная “трубица”), напротив, слишком просты и принадлежат в интересующее нас время кругу локальных непрестижных изделий. Поэтому перечисленные в данном абзаце вещи для дальнейшего анализа не используются.

Контекст, названный нами “камский”, включает вещи, принадлежащие сериям, сформировавшимся в Прикамье в 6 в. (до распространения геральдических гарнитур) на базе поволжских же прототипов, хотя и не изолированных от явлений материальной культуры значительно более широкого круга культур, в основном - Кавказа и Причерноморья (Ж-образные накладки и наконечники с прямогольной площадкой). В свою очередь, эти вещи легли в основу так же локальных прикамских серий накладок и наконечников, типичных для ряда поясных гарнитур т.н. “неволинского” типа, но не известных на “агафоновских” поясах. К этому же контексту относится покрытие поверхности пояса сплошным рядом стандартных вытянутых накладок, лишь иногда прерывающимся для подвесок. С определенными оговорками к “камскому” контексту (вероятно, к отразившемуся в нем поокскому импульсу) тяготеет рогатая пластина, противостоящая пряжке и, возможно, конструкция обуви.

“Черноморско-волжский геральдический” контекст объединяет поволжские переработки образцов, типичных для ряда причерноморских гарнитур геральдического стиля (рассмотренные серии и варианты Т-образных и цельнолитых двучастных накладок, В-образных пряжек). Показательно, что хотя эти вещи принадлежат местным сериям, они не оказали никакого влияния на неволинские пояса. На агафоновских же поясах представлены детали, относящиеся к тем же группам, но довольно своеобразные, связанные с данным контекстом не напрямую, а отражающие дополнительный довольно весомый культурный импульс, объединяющий

поволжские находки не с Причерноморьем или поднепровскими типами, отражающими византийское влияние, а с Северо-Востоком Кавказа и Сибирью. С “черноморско-волжским” контекстом соотносится и варнинский меч с Р-образными скобами. Для контраста отметим, что ножны однолезвийного меча из погр.92 Агафоново 1 [Голдина, Королёва, Макаров 1980, табл. XVIII: 11] имеют полукруглые скобы, обычные на азиатских образцах, что ставит его в “агафоновский”, а не “черноморско-волжский” культурный контекст.

Четырехлепестковые накладки занимают как бы промежуточное и в тоже время особое положение на фоне обозначенных “контекстов”. Безусловно, район их основной концентрации - Поволжье. Появляются они в период, когда геральдические ременные гарнитуры на Волге еще не получили распространения, но встречаются чаще всего именно в гарнитурах с геральдическими накладками. Причем не с агафоновскими или неволинскими, а связанными с кругом вещей, сформировавшихся на базе “черноморско-волжского” контекста.

Такая атрибуция вещей заставляет еще раз вернуться к вопросу о соотношении “агафоновских” и “неволинских” поясных гарнитур. Напомним, что А.К.Амброз относил те и другие к финальному (4-ому) периоду эволюции геральдических гарнитур Евразии. При этом он привел ряд аргументов, показывающих, что элементы, характерные для этих поясов, не могут быть типологически выведены друг из друга, а завершают разные линии эволюции накладок геральдического типа, связанные с разной культурной средой. Доступные основания для датировки позволяли рассматривать указанные пояса как в основном синхронные [Амброз 1973; 1980, с.48-53]. Его основной оппонент в этом вопросе - Р.Д.Голдина - утверждает, что различие этих поясов - хронологическое, и если неволинские пояса должны синхронизироваться с “тюркскими”, характеризующимися бляхами-оправами, то агафоновские - с основным массивом евразийской геральдической гарнитуры. В Верхнем Прикамье и на Сылве оба типа поясов встречаются в довольно большом числе, что не позволяет считать их различие просто локальным (с весомостью этого аргумента согласился и А.К.Амброз). Есть случаи перекрывания могил с агафоновскими поясами погребениями с неволинскими гарнитурами, а их типологическая “нестыковка” объясняется сменой моды [Голдина 1985; Голдина, Водолаго 1990, с.92-94; там прочая литература].

Оценивая указанные точки зрения, И.О.Гавритухин считает перспективным оперировать более детальной типологией ременных гарнитур. В частности, пояса, что относятся Р.Д.Голдиной и многими другими архео-

логами к единому массиву “агафоновских”, подразделяются, как минимум, на две типологические линии и три периода, причем “собственно” агафоновские (соответствующие реконструкциям Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго [1990, табл.XLIV: 2; XLV: 1] или содержащие такие элементы) являются типологически наиболее поздними, что близко подходу А.К.Амброза. Среди неволинских же поясов следует различать, по крайней мере, “собственно” неволинские, характеризующиеся наличием элементов геральдических стилей и широкими подвесными ремешками - “лопастями” (типа [Голдина, Водолаго 1990, табл.XLIV: 4; XLV: 4]), от имеющих прорезные накладки и другие “тюркские - катандинские” черты [Гавритухин 1996; Гавритухин, Обломский 1996, с.84-87].

Отметим, что “собственно” агафоновские пояса типологически наиболее поздние на фоне основной линии эволюции поволжских геральдических гарнитур, а “собственно” неволинские - наиболее архаичны среди поясов неволинской стадии неволинской культуры и соответствующих периодов близких ей культур, в их числе полемской. Добавим к этому примеры сочетания вещей, характерных для неволинских и агафоновских гарнитур, в одних комплексах, что говорит о периоде их хотя бы частичного сосуществования [Амброз 1980, с.49; Гавритухин, Обломский 1996, с.86, 88]. Укажем на хронологическую близость элементов, сопоставимых с этими стилями, например, по материалам Крыма и Восточного Кавказа [Гавритухин, Обломский 1996, рис.68, варианты 163 и 139; 80]. В итоге, еще более разительной станет различие классических агафоновских поясов от неволинских как по структуре, так и по составу деталей.

Типологический анализ, приведший к выделению “камского” культурного контекста в данной работе, показывает, что ряд отличительных черт “собственно” неволинских поясов имеет местное происхождение и связан с прикамскими культурами еще “догеральдического” времени. Пряжки и литые наконечники основного ремня относятся, очевидно, к типам, распространенным к 8 в. очень широко (от Среднего Дуная до Центральной Азии). Ряд других деталей, обычных на неволинских поясах (рогатые и прорезные подвески на шнурах, бляхи-“тройчатки”), судя по всему, стадияльно-локальны. Прорезная орнаментация боковых ремешков и щитовидные накладки с прорезями, образующими комбинацию из “галочки”, сросшейся с горизонтальной линией, что напоминает “личины”, несомненно, отражают местные переработки образцов геральдических стилей, связанных, более всего, с Северным Кавказом и Приазовьем и лишь через прототипы или влияния последних с Причерноморьем и другими

территориями (особенно показательны щитовидные накладки: [Гавритухин, Обломский 1996, рис.68: 98, 157; 79: 34, 89; 80: 25-26; 82: 53, 66-68, 99; 87: 59, 66, 79; 90: ИС-19, 20]).

Особо следует остановиться на структуре рассматриваемых неволинских поясов. Столь частые и ритмично расположенные, стандартные, нередко широкие, обильно покрытые однообразными накладками подвесные ремешки, изредка дополняемые подвесками на шнурах, необычны для раннесредневековых наборных поясов Европы, Средней Азии и Сибири. Ближайшие ассоциации, которые они вызывают - пояса, изображенные на росписях Так-и-Бустана, выделенные И.О.Гавритухиным как “второй иранский” вариант структуры раннесредневековых поясов [Гавритухин, Обломский 1996, с.29, рис.42: 47-50; подбор иллюстраций и соответствующей литературы см. так же в: Добжанский 1990; Balint 1992]. Это наблюдение дает и репер, который должен учитываться при обсуждении хронологических рамок генезиса неволинских поясов.

Интересной представляется еще одна особенность бытования “собственно” неволинских поясов в Прикамье. Известные здесь “целые” ремни этого типа, со множеством широких подвесных ремешков, обильно украшенных накладками и наконечниками, с дополнительными низками из пронизок и привесок, являлись типичными женскими поясами [Иванов 1998, с.99-100; Голдина Р., Голдина Е. 1997, с.9-10, рис.5-7]. Тем самым, для Прикамья, в отличие от других территорий распространения “неволинской” ременной гарнитуры (Поочье, Верхнее Поволжье, Юго-Западная Финляндия), отмечается культурная специфика их использования (как элемент субкультуры). Данная проблема выходит за рамки статьи и, думается, требует самостоятельного анализа.

В понимании складывания комплекса, характеризующего агафоновские пояса, более всего сделано А.К.Амброзом. Его оценки псевдопряжек, Т-образных накладок и ряда других элементов, типичных для агафоновских поясов, как волго-сибирских дериватов в эволюции геральдических стилей [Амброз 1973] не противоречат новым материалам и уточнениям [Гавритухин 1996, с.122-126; Гавритухин, Обломский 1996, с.25-27, 32-34, 84-87]. Можно указать на аналоги деталям агафоновских гарнитур и за пределами “волго-уральской” зоны (речь идет не о единичных “импортах”). Узкие наконечники с выступами по бокам (“мечевидные”) имеют ближайшие параллели в кавказских традициях, а с “рогатой” верхней частью - известны в Сирии; непрорезные щитовидные и Т-образные накладки, принадлежащие разновидностям, ближайшим к агафоновским, как и двучастные накладки с резко выделенными “рогами”, известны на Севе-

ро-Востоке Кавказа [Гавритухин, Обломский 1996, с.32, 224, 262 - N 7, 9-10, 19; рис.82: 64]. Судя по всему, именно Северо-Восточный Кавказ был местом, где концентрируются узел прототипов и цепочки соответствий ряду элементов агафоновских гарнитур, наряду, конечно, с собственно волжскими и восточными (азиатскими) компонентами.

Еще один узел проблем, важных для понимания культурных контекстов публикуемого комплекса, связан с оценкой влияния образования Первого тюркского каганата и вызванных этим процессов на культурную ситуацию в Урало-Поволжье. Тем более, что эти вопросы особенно активно обсуждаются в последнее время [Казаков 1998; Брынина, Иванов 1998; Любчанский 1998; Боталов 1998; там литература]. Здесь нет возможности останавливаться на оценке динамики археологических культур и оставивших эти древности этносов (учитывая и спорность многих идентификаций) во всей полноте. Остановимся лишь на возможностях сопоставления указанных событий и некоторых компонентов “дружинной” моды, прежде всего - ременных гарнитур.

Публикуя интереснейшие во многих отношениях материалы Коминтерновского могильника, Е.П.Казаков [1998] выделяет т.н. “коминтерновский” комплекс “ранней геральдики”, маркирующий эпоху, когда под натиском тюрков (имеются в виду кочевые объединения во главе с тюркютами) в Урало-Поволжье продвигается население из района Приаралья. Отметим, что отдельные параллели Коминтерновского могильника и памятников этого круга с материалами джетыасарской культуры мало что проясняют. Во-первых, пока нет доказательств миграции собственно “джетыасарцев”, культура которых значительно более разнообразна, чем фиксируемые казанским ученым соответствия в Поволжье. Во-вторых, пока не создана достаточно дробная и надежная система джетыасарской хронологии и не картографированы обсуждаемые культурные компоненты, невозможно оценить ни характер, ни направление культурных связей и стоящих за ними процессов.

Если же обратиться к собственно “коминтерновскому раннегеральдическому” комплексу, обратим внимание на следующее. Во-первых, было бы не точным называть его “геральдическим”, ведь никаких специфических элементов геральдических стилей (см. образцы в [Амброз 1973]), за исключением обломка бляшки из подъемного материала [Казаков 1998, рис.3: 2], в коминтерновских комплексах нет. Более того, типичный для ряда из них набор металлических изделий в наибольшей степени соответствует характеристикам выделенной А.К.Амброзом т.н. “II степной” или “шиповской” группы древностей.

После работ А.К.Амброза и И.П.Засецкой совершенно очевидно, что характеризующий их состав вещей отражает культуру кочевников и связанных с ними оседлых народов, продолжавших в Восточной Европе традиции гуннского времени. В недавнее время был приведен ряд аргументов, показывающих, что шиповские стили - показатель не кратковременного явления; они складывались и постепенно эволюционировали со 2-й половины 5 в., а их отдельные компоненты встречаются и в комплексах 1-й половины 7 в. [Гавритухин 1996, с.121-122; Гавритухин, Малашев 1998, с.46-47, 53-54, 59, 67](см. также в приложении о В-образных пряжках).

Безусловно, полье пряжки из Коминтерновского могильника принадлежат отнюдь не архаичным образцам, но нет оснований датировать их “после 558 г.” (когда тюркютское войско двинулось вслед за аvaraми к западу от Семиречья и бассейна Сыр-Дарьи). Что же касается Коминтерновского могильника в целом, то, вероятно, он был основан в более раннее время, чем появление наборов с полыми пряжками: в юго-восточной части этого памятника можно указать на концентрацию комплексов (№№ 4, 7, 8), дату которых, скорее всего, следует определять в рамках 2-й половины 5 или 1-й половины 6 в. по “бантикообразным” фибулам [Лаптева 1996], хоботковым пряжкам с утолщенной впереди рамкой и язычком с отчетливым уступом сзади в сочетании с архаичными В-образными пряжками (см. в статье И.О.Гавритухина). Таким образом, вещевой комплекс Коминтерновского могильника имеет восточноевропейский “степной”, а в ряде случаев, несомненно прикамский, контекст, что конечно же, не отменяет необходимость более детального изучения этого памятника в связи с политическими событиями, начало чему положено, безусловно, интересными статьями Е.П.Казакова.

В заключение позволим себе предложить для обсуждения эскизные наблюдения об эволюции некоторых типов раннесредневековых прикамских ременных гарнитур в связи с известными событиями военно-политической и культурной истории Евразии.

Время, когда сформировался ряд особенностей, определяющих облик ременных гарнитур из погр.552 Варнинского могильника - 6 в. В основе этих вещей, большая часть которых принадлежит вполне выразительным локальным сериям, лежит эволюция поволжских (часто, несомненно, прикамских) образцов, имеющих пока однозначно не объяснимые соответствия в материалах ряда восточноевропейских культур позднего римского времени и начала эпохи переселения народов (камский контекст). Кроме внутреннего потенциала, на развитие этих древностей оказывают вполне ощутимое влияние связи с Правобережьем Волги (рога-

тая накладка) и миром восточноевропейской степи (“шиповский компонент”). Ритм этих явлений и конкретная связь с историческими событиями пока остается не ясной.

Примерно в это же время в Приуралье появляются пояса с крупными V-образными тонкими пряжками и деталями, часто украшенными обильной зернью (верх-саинская стадия неволинской культуры, памятники типа Харино - Мертвые Соли). Характерно, что на рассматриваемом здесь Варнинском могильнике подобные пояса широко представлены как среди уже опубликованных материалов [Семенов 1980, табл.Х: 4, 5; XIII: 47, 48], так и в погребениях, изученных в последнее время. Стратиграфически захоронения с такими поясами коррелируются с погребением 552: например, могила 553, расположенная рядом в одном ряду с публикуемым захоронением и в свою очередь перекрытая несколькими погребениями (рис. 1: А), принадлежала, по-видимому, тому же или близкому хронологическому горизонту, что и погр.552. Стилистика этих вещей сопоставима с полихромными изделиями, известными по материалам из курганов с усами типа Солончанка [Любчанский 1998] и древностями круга Варна - Кара-агач. Отметим, что пока нет убедительных узких датировок и сопоставительного анализа этих, скорее всего, азиатских по происхождению, культурных контекстов. Соответственно, преждевременно связывать их с событиями, отражающими гуннскую, эфталитскую, тюркютскую или другую историю.

Новый осязаемый культурный импульс, охвативший Поволжье до Оки и Камы включительно, фиксируется “черноморско-волжским геральдическим контекстом”. Кроме несомненного воздействия причерноморско-византийских традиций (I период эволюции поволжских геральдических гарнитур), на облик комплексов этого круга оказали влияние компоненты азиатского происхождения (псевдопряжки, наклонно-подвесное оружие). Важно отметить, что этот импульс был отнюдь не кратковременным и выразился во многих культурных феноменах, отражавших переработку новых образцов с учетом особенностей местных традиций. Кроме Поволжья, влияние схожих процессов фиксируется от Карпатской котловины до Алтая.

Эти явления объяснимы, если принять во внимание особенности византийской внешней политики по отношению к варварам, периодические обострения византийско-иранских взаимоотношений, появление новых сил в Евразийской степи в связи со становлением Первого тюркского каганата и все более постоянное и активное включение многих, порой весьма далеких варварских группировок в военные коалиции и геополитические комбинации. Судя по всему, эта эпоха отражена и публикуемым комплексом.

В связи с распадом Первого тюркского каганата и смутами в Византии, вызванными узурпацией Фоки, интенсивность влияния на Восточную Европу культур, связанных с этими политическими образованиями, ослабевает. При этом результаты полученного импульса закрепляются в становлении ряда локальных ремесленных школ и сфер культурных контактов. Возможно, в это же время или в эпоху успехов Хосрова II в борьбе с Византией у ряда варварских группировок распространяются и компоненты, связанные напрямую с иранской культурой.

Контрнаступление Ираклия на Иран и в дальнейшем - противоборство арабскому натиску приводит к формированию новой конфигурации зон политических союзов. Тыл византийцев обеспечивают Великая Болгария и объединения, сложившиеся в Поднепровье [Гавритухин, Обломский 1996], в зону этого влияния попадает и большинство населения бассейна Оки и Суры. Более восточные же группировки, судя по всему, ориентируются на хазар, доминировавших на Северо-Восточном Кавказе и тюркские группы в Средней Азии. Последнее вполне может объяснить политическую и культурную среду становления “агафоновского” контекста, “оттеснившего” на некоторое время традиционные локальные стили.

В конце 7 в., наряду с экспансией хазар на запад и рядом миграций, охвативших Восточную Европу, в частности, продвижением болгар на Волгу, в Средней и Центральной Азии усиливается Второй восточнотюркский и Тюркешский каганаты. Их влияние в Поволжье определяет новую ориентацию культурных связей, вызвавшую “возрождение” традиционной моды, “заглушенной” агафоновским контекстом, и новую волну азиатских влияний, что и объясняет особенности неволинских поясов.

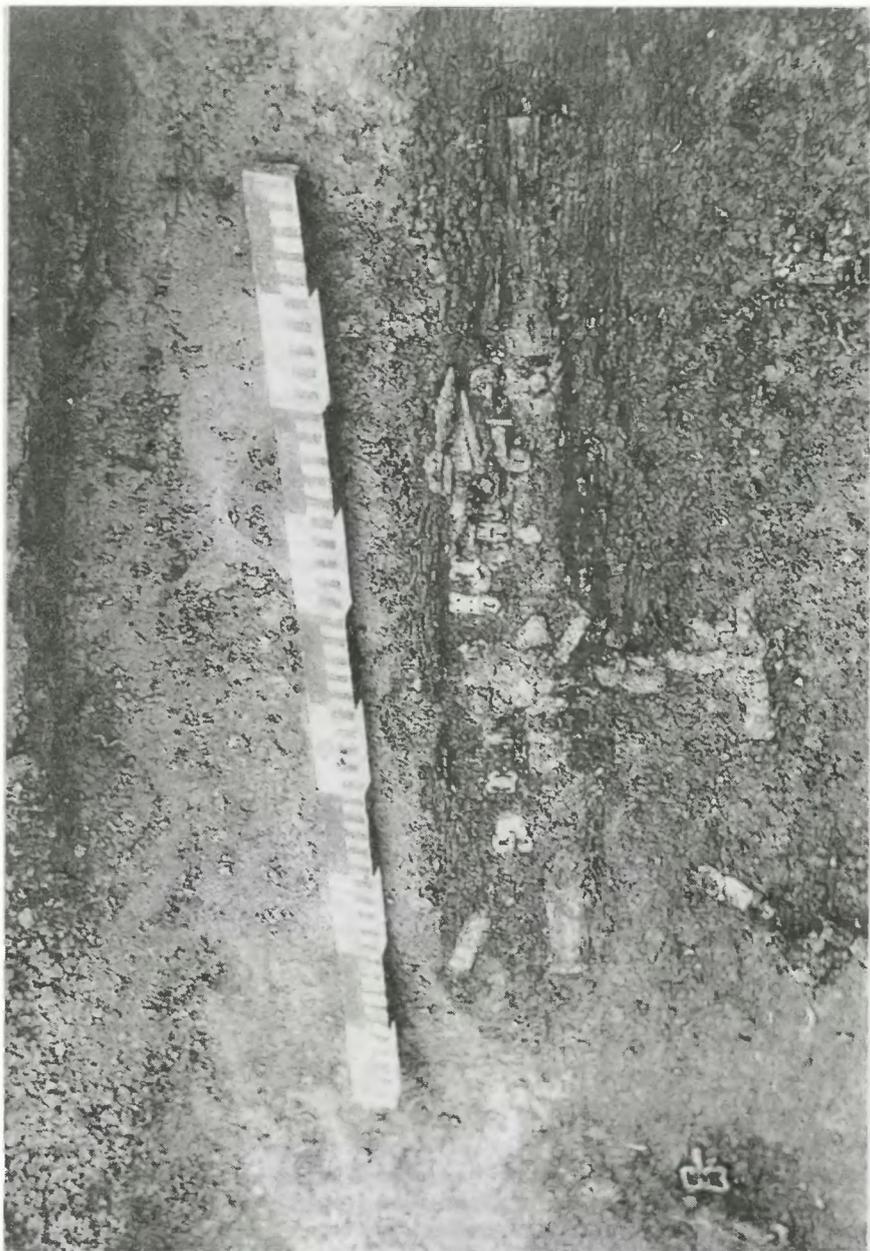

Фото 1. Деталь погребения 552 с мечом и портупеей.

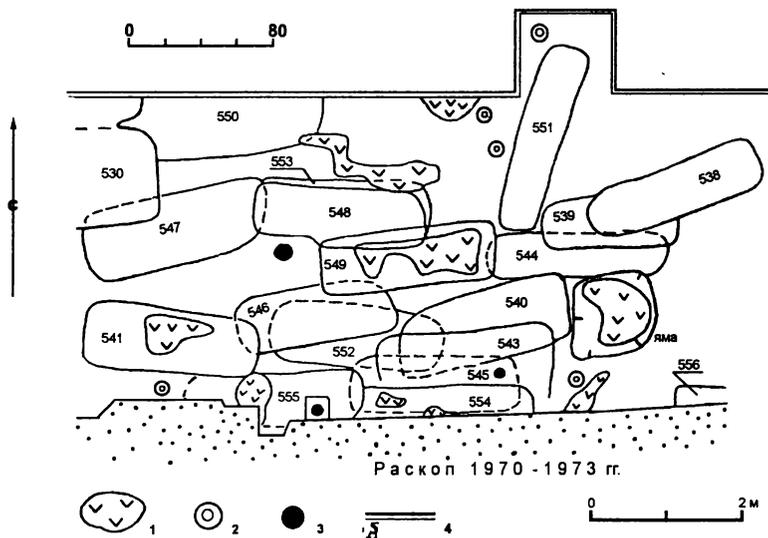
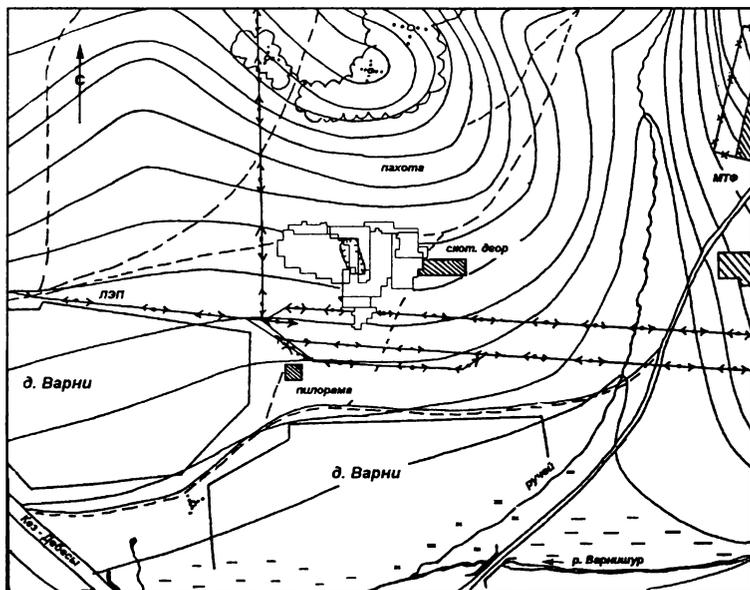

Рис.1. Варнинский могильник. А - топографический план могильника с указанием раскопов различных лет (сечение горизонталями через 2 м); Б - местоположение погребения 552 на фрагменте плана раскопа 1996 г.

Условные знаки: 1 - углистое пятно, 2 - керамический сосуд, 3 - столбовая ямка, 4 - граница раскопа 1996 г.

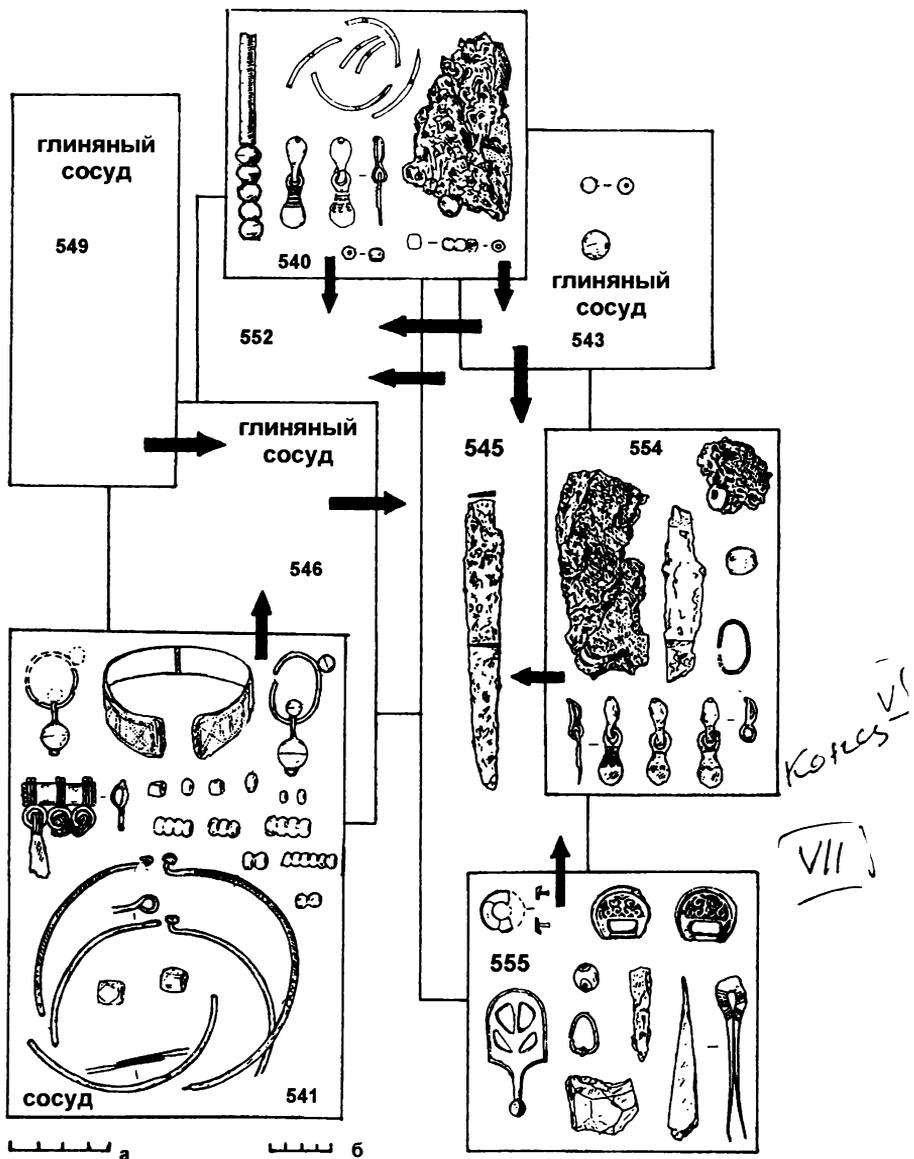

Рис.2. Стратиграфическое соотношение захоронений Варнинского могильника в районе местонахождения погребения 552. Стрелка указывает перекрытие одним погребением другого. Цифрами указаны номера погребений. Масштаб б - для шейных гривен (погр.541) и ножа (погр.545); масштаб а - для всех остальных вещей.

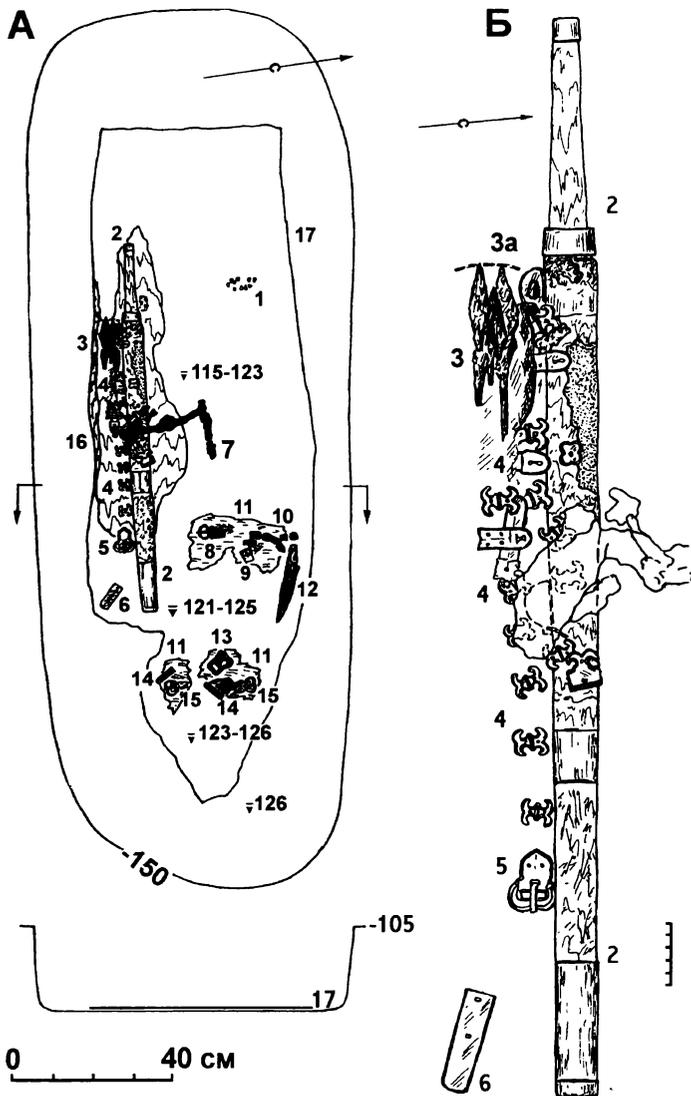

Рис.3. А - план погребения 552 Варнинского могильника; Б - деталь погребения 552 in situ: португеза и меч в ножнах. 1 - зубы, 2 - меч в ножнах, 3 - железные наконечники стрел, 3а - след бронзовой окантовки устья колчана, 4 - бронзовые накладки португезы, 5 - бронзовая пряжка, 6 - наконечник ремня, 7 - удила, 8, 9 - бронзовые поясные пряжки, 10 - железная "трубица", 11 - береста, 12 - нож, 13 - бронзовая "гитаровидная" пряжка, 14 - наконечники ремней, 15 - бронзовые обувные пряжки, 16 - фрагмент дерева, 17 - темный органический тлен на дне могилы.

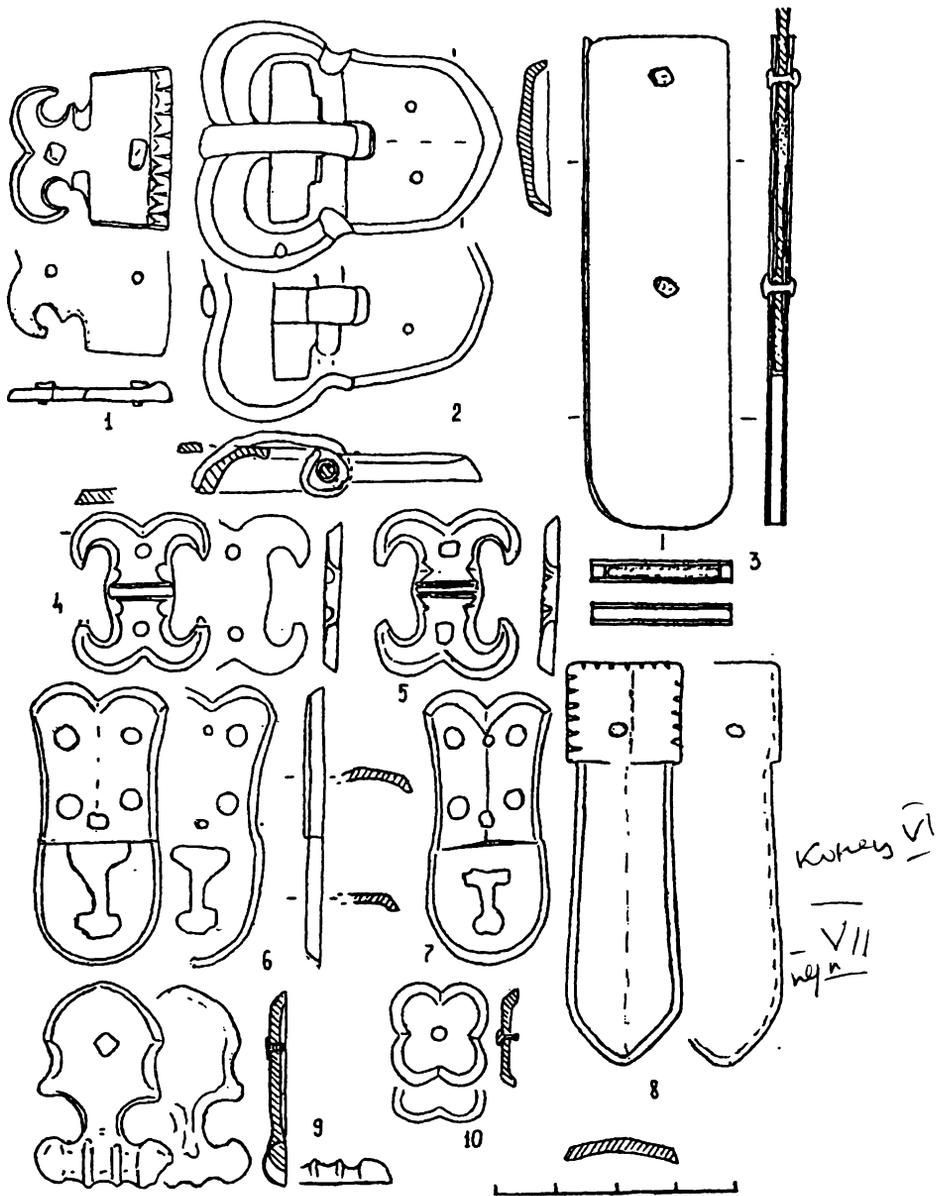

Рис.4. Детали ремной гарнитуры от портупей из погребения 552 Варнинского могильника: 1, 4-7, 9, 10 - накладки; 2 - пряжка, 3, 8 - наконечники ремней; все - бронза.

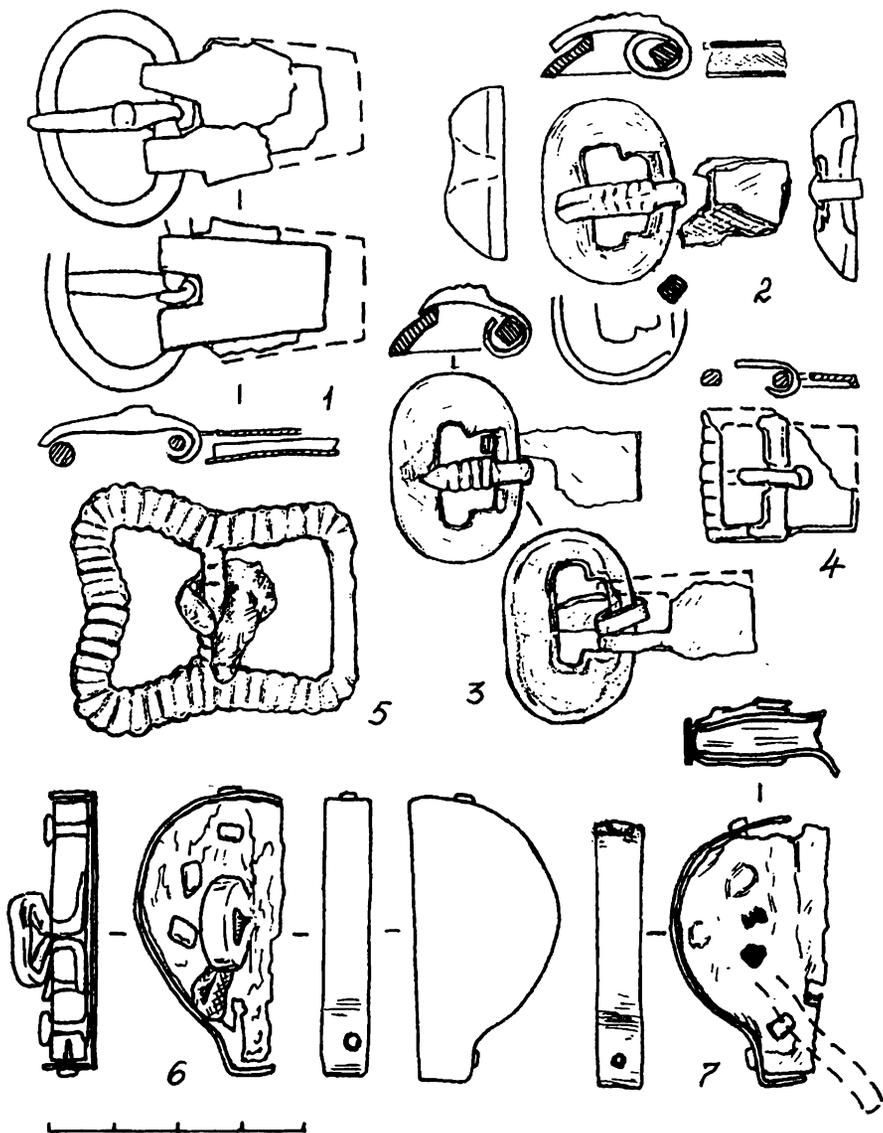

Рис.5. Детали ременной гарнитуры от пояса (1, 4), обуви (2, 3) и конской сбруи? (5); Р-образные скобы ножен меча (6, 7). 1-4 - бронза; 5 - бронза, железо; 6, 7 - бронза, серебрение, дерево, кожа.

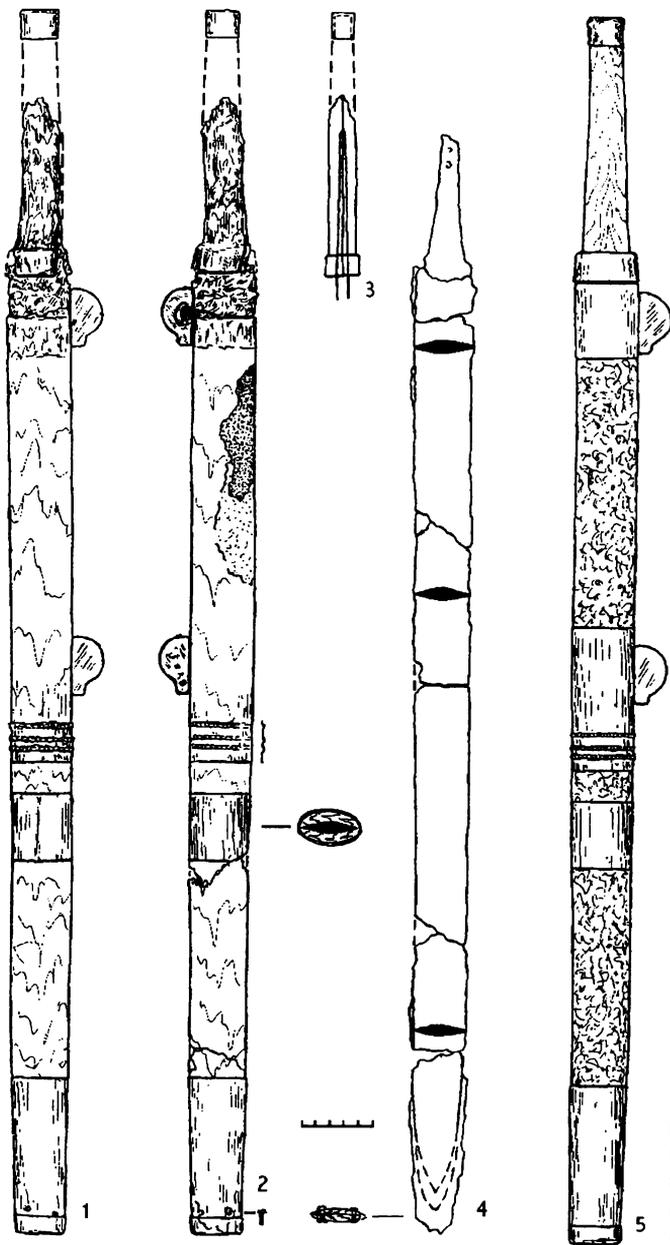

Рис.6. Меч с ножнами из погребения 552 Варнинского могильника: 1, 2 - камеральные прорисовки лицевой (1) и тыльной (2, in situ в погребении) сторон меча в ножнах; 3 - прорисовка рукоятки меча сбоку; 4 - меч; 5 - реконструкция.

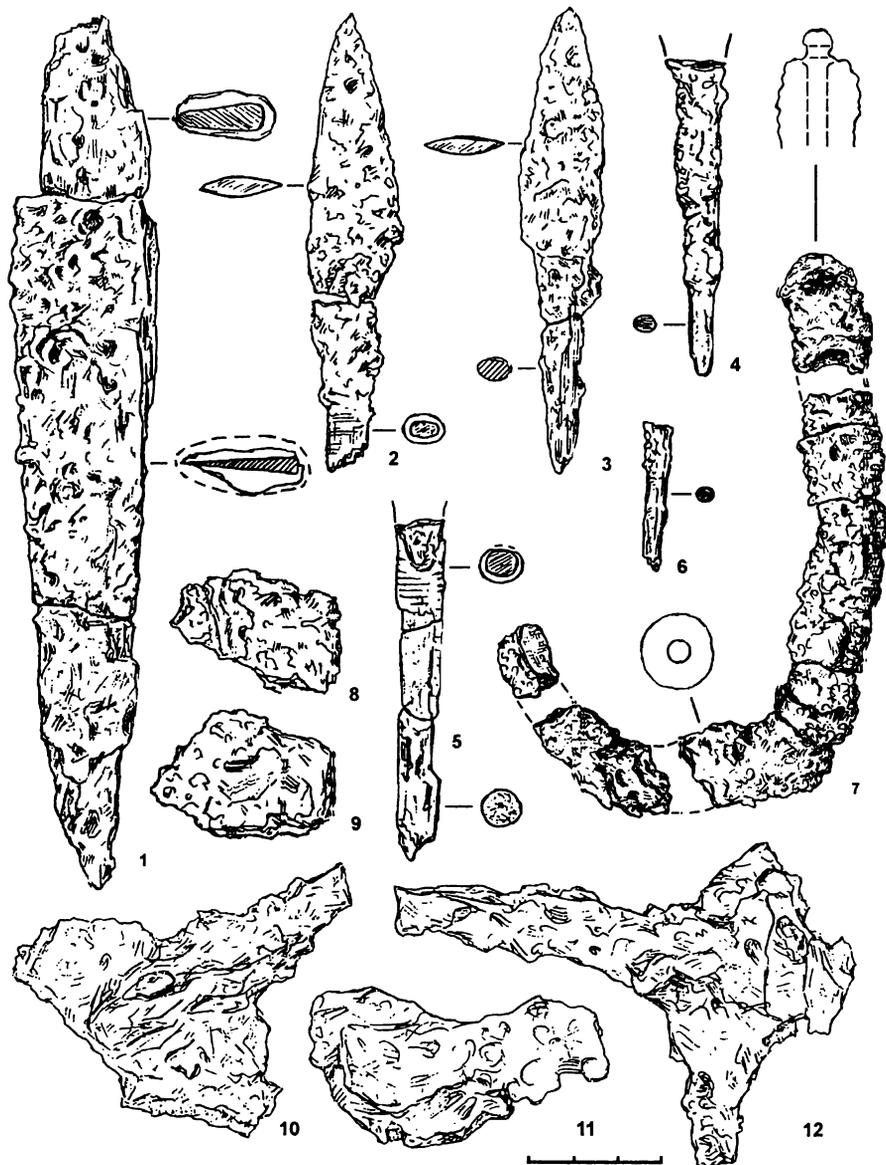
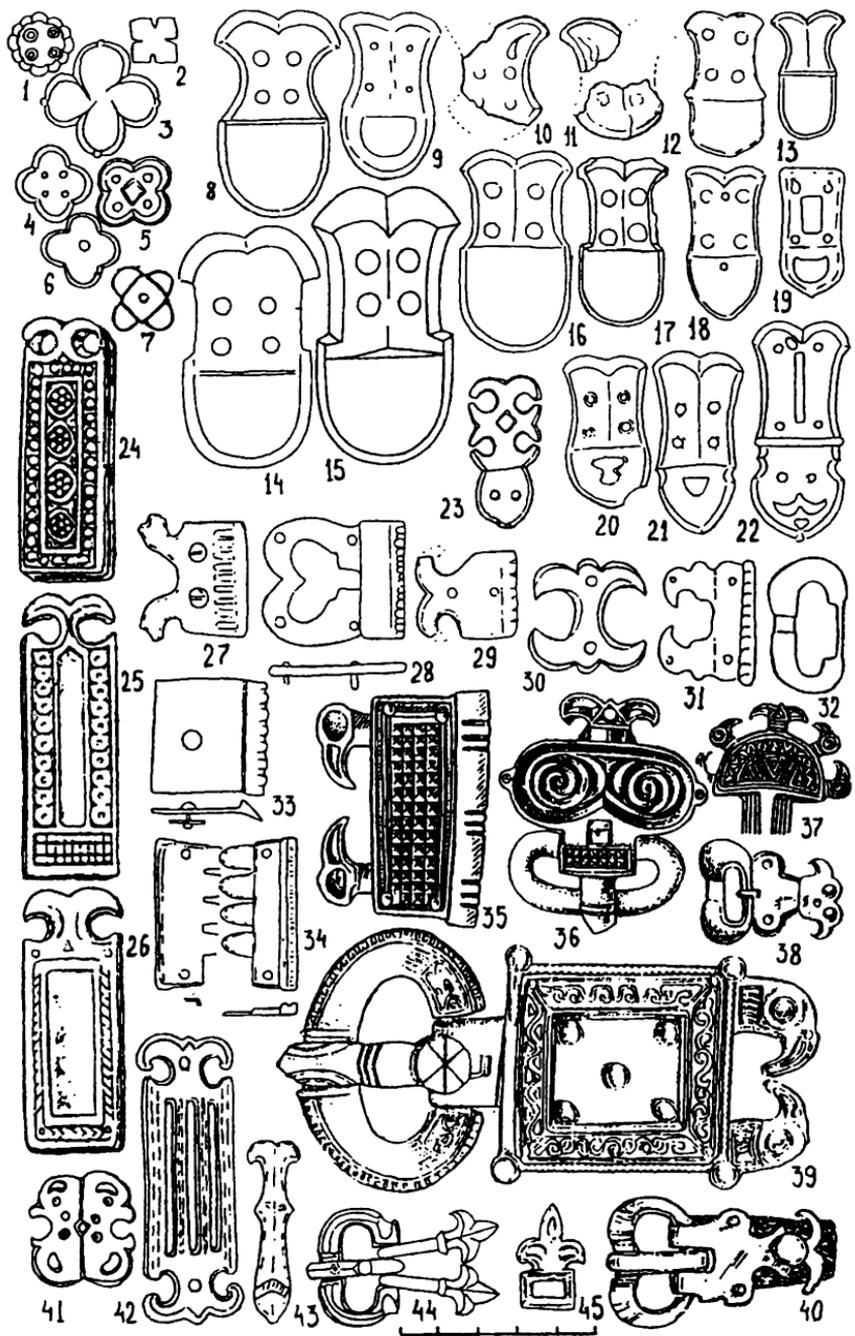

Рис.7. Оружие и конское снаряжение из погребения 552 Варнинского могильника:
 1 - нож; 2-6 - наконечники стрел; 7 - "трубица"; 8, 9 - фрагменты вещей (?); 10-12 - фрагменты удил. 1 - железо, дерево, кость?; 2, 3, 5 - железо, дерево; 4, 6-12 - железо.

K VI - by n VII

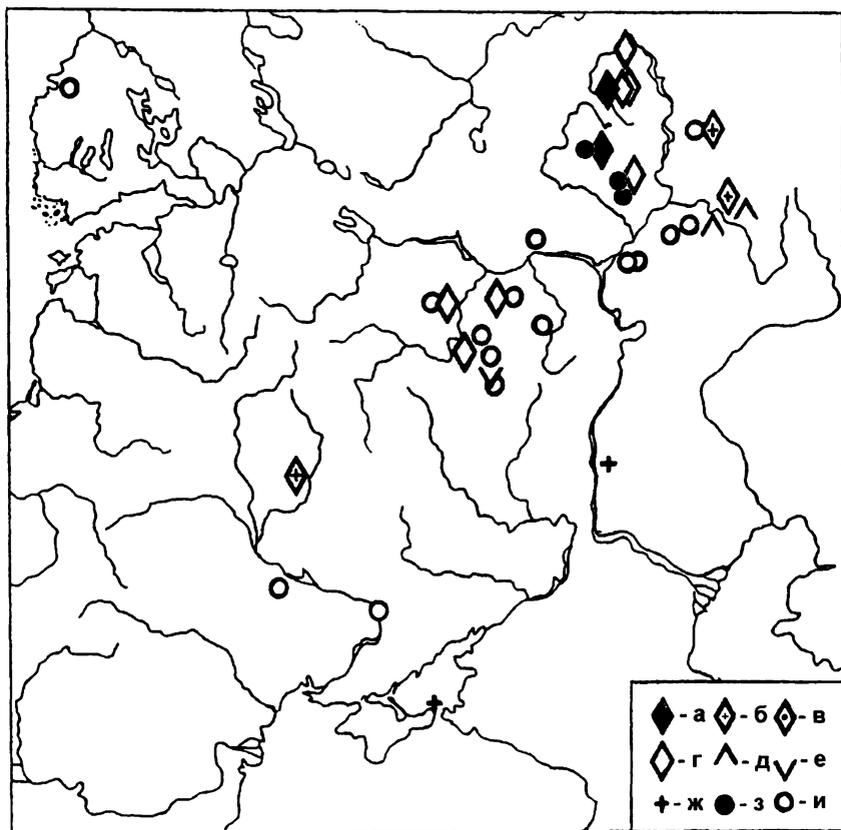
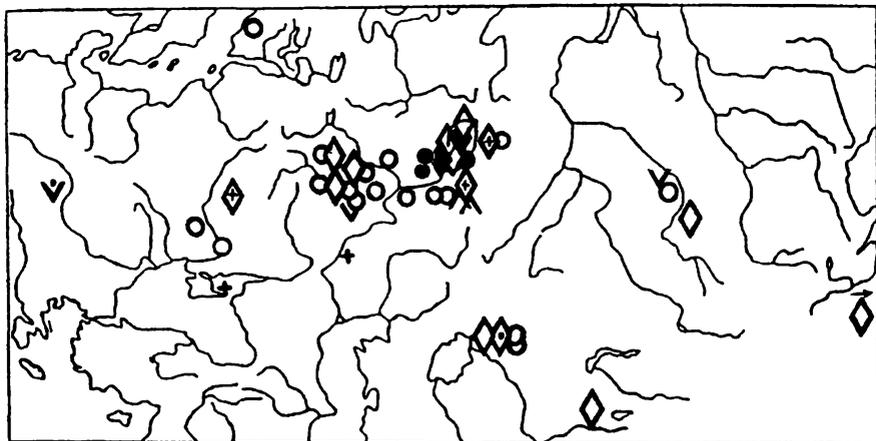
Рис.8 (с. 151). Типологический контекст некоторых накладок из погр.552 Варнинского могильника. 1 - Вильховчик; 2 - Суук-Су; 3 - Мартыновка; 4, 9 - Алтын-асар 4, кург.394, 291; 5 - Хацки; 6 - Петропавловский, погр.4; 7 - Мокрая Балка, кат.25 (Ковалевской); 8 - Борижары; 10-11 - Кернье, погр.151; 12 - Маняк р.1, погр.9; 13, 29- Петропавловский, погр.17, 4; 14 - Окунево, погр.3; 15 - Волчиха, погр.70; 16 - Курман, погр.?.; 17 - Подболотье, погр.220; 18 - Кушнаренково, погр.17; 19 - Керчь(?), из Британского музея; 20 - Аверино, погр.100; 21, 25, 26- Верх-саинский, погр.2 из кург.15, погр.68, 2; 22 - Трубчевский клад; 23 - Козиевка; 24 - Неволино, погр.2; 27 - Большая Поляна (верховья Суры); 28 - Кораблино, погр.81; 30-32 - Армиево, погр.226; 33 - Рождественский; 34 - Шатрище, погр.69; 35 - Борки; 36 - Демидовка; 37 - Монсо-ле-Неф; 38 - Чегем; 39 - Кранье, погр.L; 40 - Конец, погр.30; 41- Пальмира; 43-45 - район Дайламана.

Рис.9 (с. 153). Распространение рогатых двучастных накладок волчихинской серии и четырехлепестковых накладок типа 2.

а-е - накладки волчихинской серии: *а* - варнинского подварианта 2-го варианта (Варнинский, погр.552; Аверинский, погр.100; Бахмутинский); *б* - 2-го ("переходного") варианта, кроме обозначенных "*а*" (Верх-саинский, погр.2 из кург.15; Бахмутинский; Трубчевский клад); *в* - орнаментированные, производные от варианта 1 (Алтын-асар 4, кург.291; Кернье, погр.151 - см. "*е*"; *г* - 1-го ("основного") варианта (Волчиха, погр.70, Подболотье, погр.220; Курман, погр.?.; Урьинский клад; Аверино, погр.73, 84, 96а; Петропавловский, погр.17; Окунево, погр.3; Аймак-тев; Алтын-асар 4, кург.17; Борижары); *д* - синкретичные формы (Кушнаренково, погр.17), в том числе имеющие черты агафоновской серии (Маняк р.1, погр.9); *е* - сохранившиеся частично (Старое Бадиково, погр.21; Релка, погр.1 из кург.7; Кернье, погр.151 - см. "*в*");

ж - цельные двучастные накладки с прямыми боками, наиболее близкие образцам волчихинской серии (Керчь, кол. Британского музея; Бережновка);

з - петропавловский вариант четырехлепестковых накладок 2-го типа (Варни, погр.552;

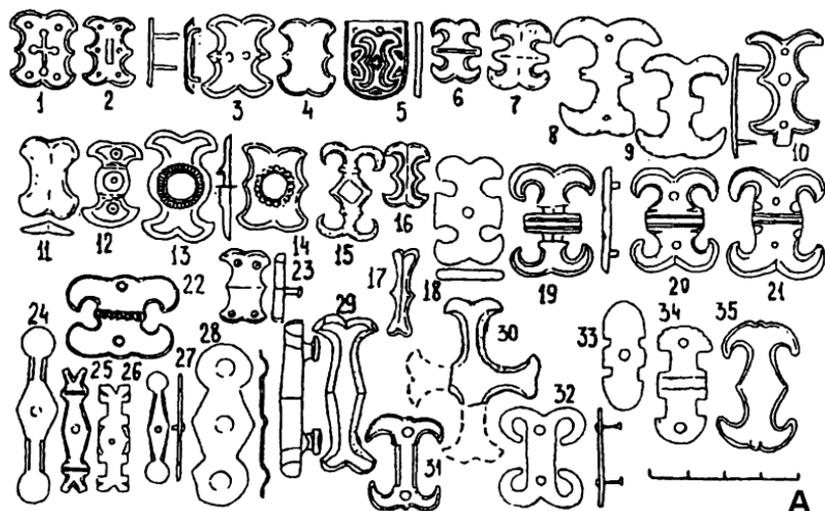
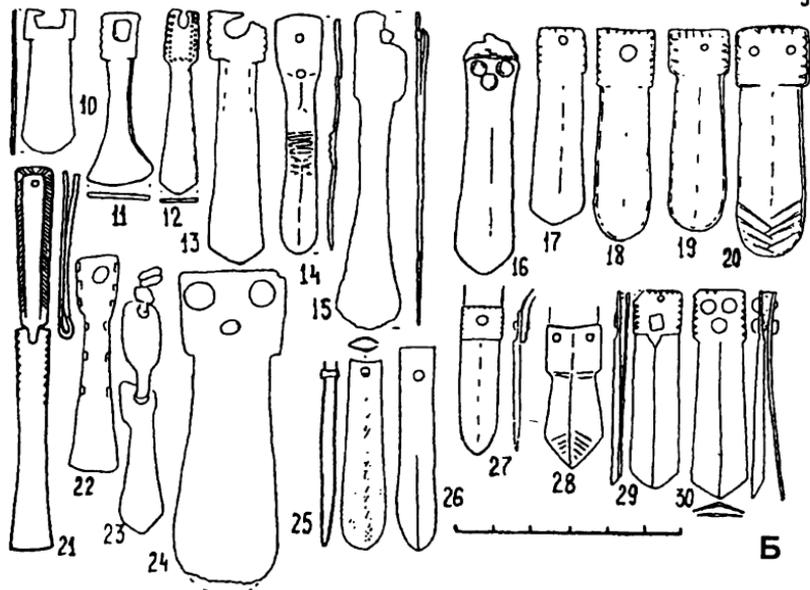
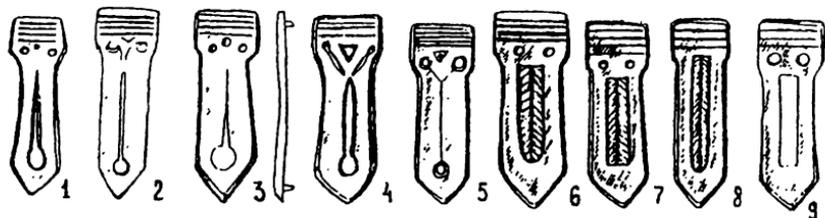
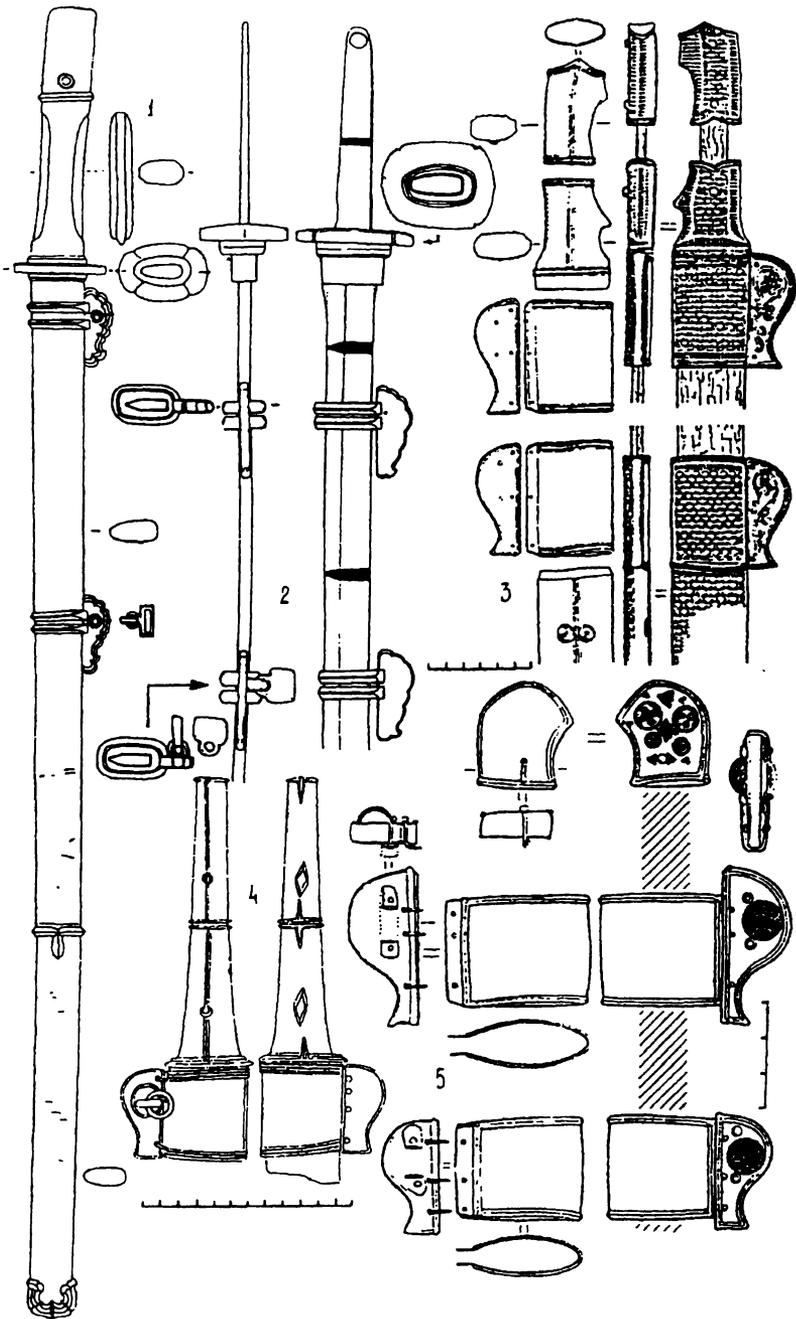

Рис.10 (с.154). Типологический контекст “протоневалинских” компонентов ременной гарнитуры: А - Ж-образных накладок, Б - наконечников с площадками в верхней части.

А: 1 - Чми, кат.12; 2, 12, 13, 14 - Мокрая Балка, кат.1, 4 (Ковалевской), 89, 2 (Афанасьева); 3 - Старое Бадиково, погр.83; 4 - Алтын-асар 4, кург.369; 5 - Озора-Тотипуста; 6,7 - Неволينو, погр.28, 71; 8,9 - Дай, погр.4; 10 - Хусаиновский курган 3, погр.4; 11 - Клин Яр, кат.17/1984; 15, 16 - Северная Сирия; 17 - Сирия(?); 18 - Пашковский, погр.14/1949; 19, 34-35 - Бирск, погр.134, 197; 20, 33 - Петропавловский, погр.4, 17; 21 - Аверино, погр.72; 22, 25, 26- Борки, погр.5, 5 (Зубова), 107; 23 - Мингечаур, кв.13/1950; 24 - Суворовский, погр.15; 27 - Цибилум, погр.(?) «под завалом стен»; 28 - Рождественский; 29, 30 - Големаново-кале; 31 - Борок 2, погр.(?) КО-124; 32 - Цебельда, Церковный холм, погр.7.

Б: 1, 3 - Броды, погр.64, 2; 2 - Верх-Саинский, сборы; 4, 6, 7, 8 - Неволينو, погр.34, 65, 20, 94; 5, 9 - Горбунята, сборы; 10 - Белград; 11, 12, 13, 21 - Щербинское городище; 14 - Жуковское селище; 15 - Дьяково городище; 16, 17, 18 - Верх-Саинский, кург.7, погр.1, кург.15, погр.2, кург.17, погр.1; 19, 20 - Петропавловский, погр.16, 4; 22 - Троицкое городище; 23 - Абрамовский; 24 - Кузьминский, погр.19; 25 - Броды, кург.16, погр.1; 26, 29, 30 - Бирск, погр.75, 137, 89; 27 - Борок 2; 28 - Безводное, погр.134.

Рис.11 (с.156). Образцы деталей наклонно-подвесного оружия с Р-образными скобами ножен: 1 - Сесоин; 2 - Усинива; 3, 5- Иран, из музея Тенри Санкокан; 4 - Тепе Шерах Али; 6 - Тамань (?), из коллекции Диргардта; 7, 8- Керчь, из ГЭ; 9 - Мойград; 10, 16 - Глоссы; 11, 15 - Перещепина; 12 - Маняк, погр.1; 13 - Замбок; 14 - Борисово, погр.62; 17 - Боровое; 18 - Кафель Трозино, погр.Ф; 19 - Армиево, погр.177; 20-21 - Виноградное; 22 - Чми, погр.11; 23 - Иловатка; 24 - Чапаевский; 25 - Афрасиаб (роспись в помещении 1; масштаб приблизительный); 26 - Ночера Умбра, погр.6; 27 - Пышта; 28, 29- Мартыновка; 30 - Уч-тепе; 31 - Армиево, погр.177.

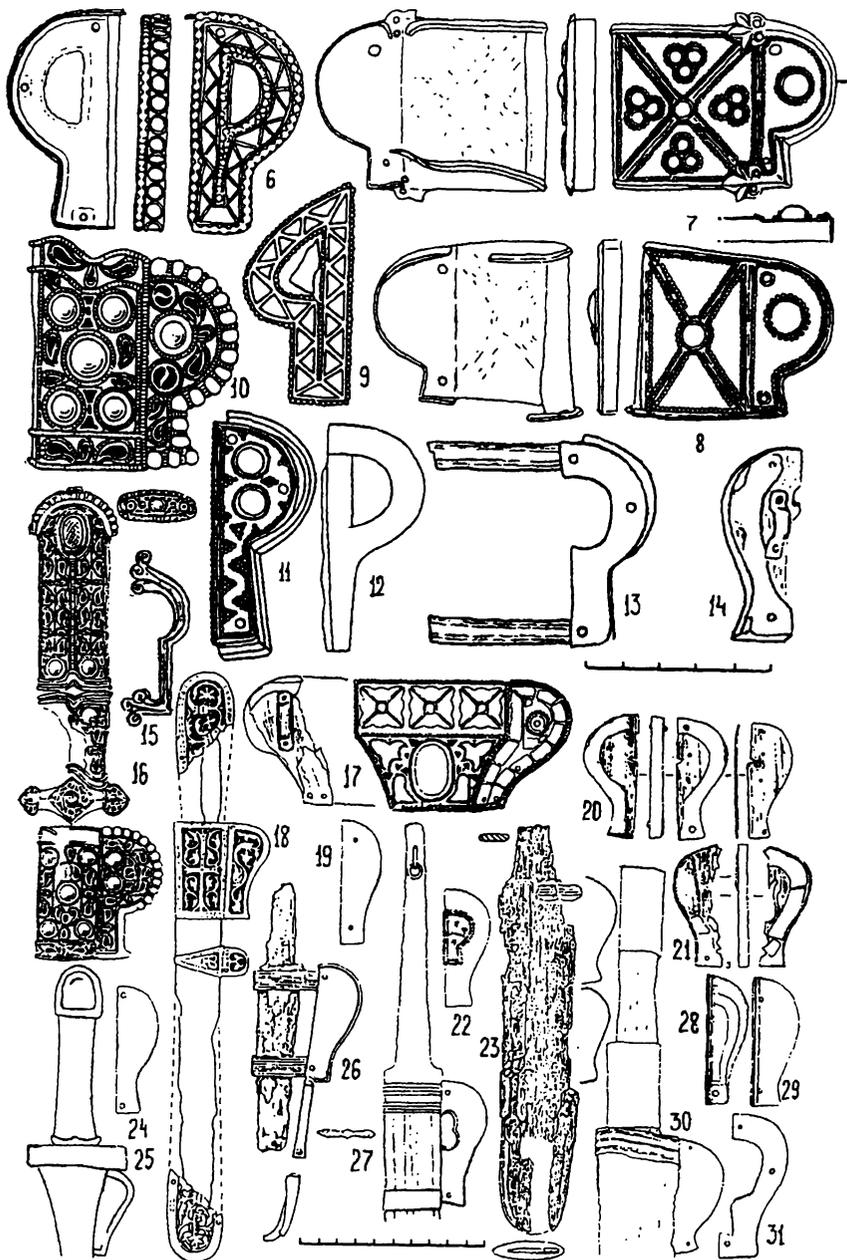

Рис.11 (продолжение).

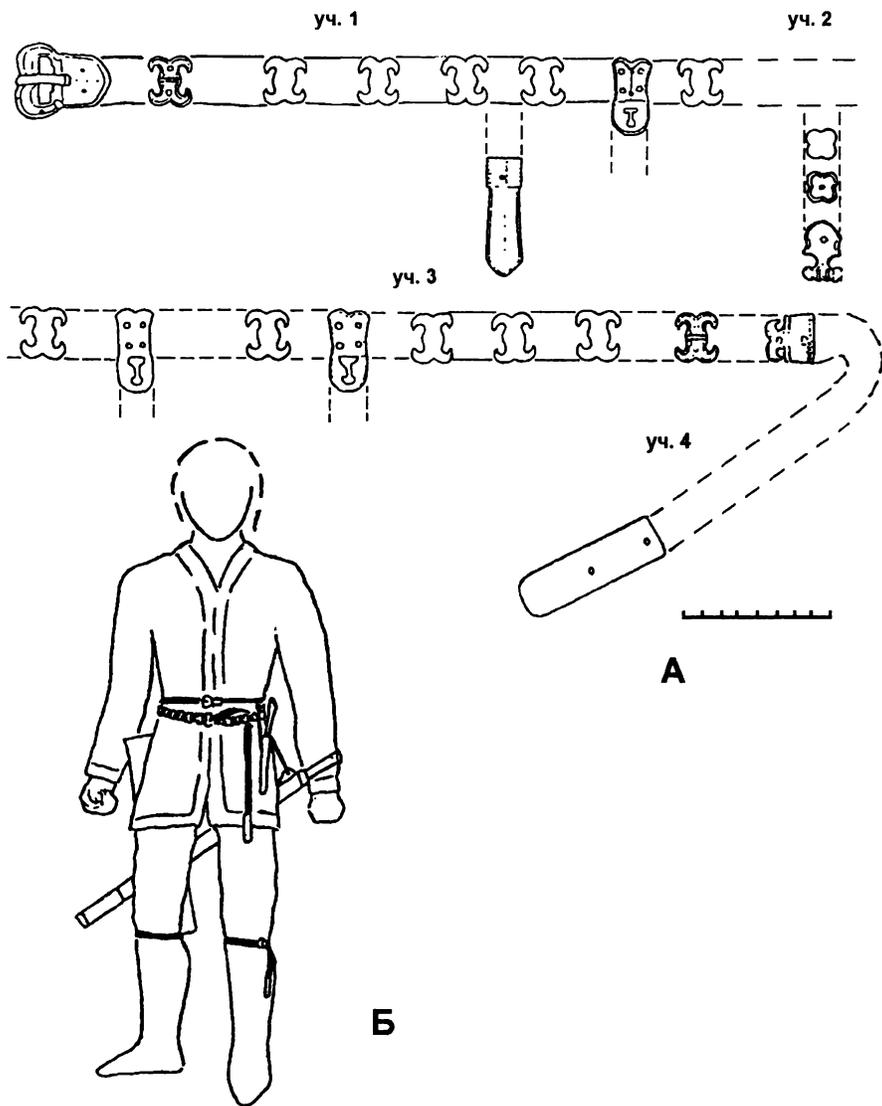

Рис.13. К реконструкции облика погребенного в могиле 552 Варнинского некрополя: А - реконструкция португейного пояса; Б - вариант реконструкции костюмного комплекса погребенного с вооружением.

И.О. Гавритухин

В - образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой

Цельнолитные В-образные пряжки со щитовидной обоймой в эпоху раннего средневековья наиболее распространены на юге и востоке Восточной Европы: в Причерноморье, на Кавказе, в Поволжье (см. карты на рис. 2, 4, 6). Наиболее представительный свод пряжек, охватывающий перечисленные и ряд других территорий, представлен в работе В.Б.Ковалевской [1979]. Более полно и детально крымские образцы на фоне многих аналогий рассматривались А.И.Айбабиным [1990], а найденные на территории Румынии - Г.Дан Теодором [1991]. Средневожские находки учтены в работе А.В.Богачёва [1992], нижекубанские - А.Г.Атавина [1995], прикамские - в книгах Р.Д.Голдиной и ее соавторов [Голдина 1985; Голдина, Кананин 1989; Голдина, Водолага 1990]. Есть довольно много сводок и обзоров для еще более компактных территорий или отдельных памятников. Каталог и анализ ряда категорий находок 6-7 вв., известных в бассейне Оки и Суры, включая и интересующие нас пряжки, подготовлен коллективом авторов из Москвы и Поволжья (см. прим.5 к статье).

Сводом В.Б.Ковалевской довольно часто пользуются для начальной оценки распространенности того или иного типа или образца на фоне 1,5 тысячной выборки пряжек с территории СССР.¹ Типология пряжек, предложенная В.Б.Ковалевской базируется на формальных списках вариаций основных характеристик пряжек, но в итоге учтенные находки подразделены на “отделы” в соответствии с обобщенными характеристиками

¹ К сожалению, при реализации этого замечательного и до сих пор не превзойденного проекта допущен ряд неточностей в каталоге, а приведенные рисунки довольно схематичны, что отмечалось в печати [Айбабин, 1990; Айбабин, Веймарн 1993, с.4] и в чем могли неоднократно убедиться, ср., например, рис. 1: 31 и [Ковалевская 1979, табл. XIX: 3] - по нашей типологии здесь изображены вещи разных серий, хотя речь идет об одной и той же пряжке. Сказанное, конечно же, не отменяет несомненной пользы работы В.Б.Ковалевской в качестве исходного справочника местонахождений, который был нами по мере сил проверен по оригиналам, фотографиям, рисункам из других публикаций и дополнен. Часть вещей, фигурирующих в каталоге В.Б.Ковалевской, по нашему мнению, не соответствует даже формальному коду, лежащему в его основе, поэтому в нашем списке отсутствуют несколько находок, которые должны бы быть, следуя описанию в своде В.Б.Ковалевской. Некоторые сведения мы проверить не смогли.

контура рамки (отдел V, например, объединяет пряжки с В-образными рамками); отделы членятся на “типы” по обобщенной характеристике контура обоймы (“щитка”); иногда выделяются и “подтипы” на основе произвольно введенного дополнительного признака. В соответствии с полученными таким образом типологическими конструктами распределяется весь массив образцов. Для каждого из подразделений приводятся сведения о количестве, зоне распространения и наличии на массиве учтенных образцов ряда признаков, перечисленных в формальных списках. Приводится и хронология образцов (по периодам: 4-5, 6-7, 8-9 вв.) без обсуждения оснований датировки. Как типологическая система этот труд в свое время оказало существенное внимание на ряд специалистов (А.В. Богачёв, Е.Л. Гороховский), но непосредственно в работе он практически не используется, поскольку важные исследователю характеристики конкретного материала фигурируют у В.Б. Ковалевской не как выделяющие подразделения, а как дополнительные сведения, значение которых не понятно. Типы же и отделы слишком общи и формальны для анализа конкретной вещи. Не проясненной остается локальное, культурное, хронологическое значение подразделений, то есть то, что в первую очередь хотели бы получить археологи.

Большая часть исследователей локальных массивов пряжек так же опираются на формализованную (“парадную”, по выражению А.К. Амброза) типологию. За счет компактности выборки полученные подразделения довольно часто оказываются вполне выразительны и привлекаются, как правило, в качестве инструмента сопоставления с различными хронологическими шкалами или подбором аналогий для определения датировок. Эти, выделенные разными авторами, дискретные типы не всегда сопоставимы между собой и практически не используются для изучения локальных или культурных вариаций, что требует систематического рассмотрения более широкого контекста вещей, чем тот, что чаще всего привлекается в работах с локальной выборкой.

Значительно более редки в российской, да и мировой, типологической практике работы, выполненные в традициях О.Альмгрена, Й.Вернера, А.К.Амброза и ряда других ученых, что подразумевает достаточно представительный и отражающий историческую реальность массив - выборку вещей, в котором выделяются варианты по устойчивой повторяемости ведущих характеристик, взаимосвязанные варианты объединяются в типы (серии), взаимосвязанные же серии образуют подгруппы и группы, отражающие эволюционно-типологическую характеристику вещей в рамках достаточно масштабного культурного или исторического феномена,

что дает точку отчета в интерпретации серий и вариантов [Амброз 1966, с.7-9]. К сожалению, работы такого рода в отношении восточноевропейских раннесредневековых пряжек пока не создано. Нет возможности предложить такую работу и для данного исследования, что и заставляет следовать следующим принципам.

В соответствии с темой данной работы приходится несколько искусственно выделять массив “В-образных пряжек, изготовленных вместе с щитовидной обоймой”. До обработки всех раннесредневековых пряжек на базе соответствующего современным требованиям свода и необходимых аналитических изысканий остается открытым вопрос о том, насколько данные границы не формально-искусственны, то есть отражают реальную группу или подгруппу пряжек.

По наблюдениям А.К.Амброза, пряжки “геральдического” круга с В-образной рамкой, часто с площадками в задней части, формируются в рамках позднеантичной (провинциально-римской) традиции [Амброз 1980, с.11]. Причем, на разных этапах образцы этой линии развития имеют близкие соответствия среди пряжек с рамками другой формы (например, некоторые В-образные пряжки близки образцам типа “Сучидава” с прямоугольной рамкой [Амброз 1971, с.118]; ряд других примеров и наблюдений см. ниже). С другой стороны, особые линии развития пряжек с В-образными рамками отражают типы, украшенные рифлением [Бажан, Каргопольцев 1989; Гавритухин, Малашев 1998, с.54-56], отдельного анализа требуют полые пряжки из комплексов т.н. “шиповского” круга (см. ниже и [Гавритухин 1996, с.122; Гавритухин, Малашев 1998, с.52-54]) или крупные пряжки с В-образными рамками из узкого стержня на поясах круга Харино - Мертвые Соли - верх-саинский этап неволинской культуры [Голдина 1985, Голдина, Водолаго 1990; Гавритухин 1996].

Можно привести множество примеров разнообразия форм щитков у пряжек с очень близкими по всем показателям В-образными рамками и наоборот, когда щиток устойчивой, стандартной формы сочетается с рамками разных очертаний, наконец, некоторые цельнолитые пряжки очень близки тем, у которых рамка подвижно соединена с обоймой (чтобы убедиться в сказанном достаточно, например, внимательно просмотреть свод В.Б.Ковалевской [1979]; некоторые наблюдения приведены ниже). Лишь после сведения подобных примеров в единую картину и ее осмысления можно будет говорить о действительных группах и подгруппах восточноевропейских пряжек, а не априорно назначенных и формально очерченных “отделах”. Сейчас же, приходится ограничиться рассмотрением образцов в указанных названием рамках, но помня как их условность, так и

необходимость постоянного сопоставления с нерассматриваемыми специально, но близкими по ряду признаков другими пряжками.

Кроме определения границ рассматриваемого материала, следует сказать несколько слов и о употребляемой ниже терминологии. О значении терминов “вариант”, “серия”, “группа” говорилось выше, при характеристике типологического направления О.Альмгрена. Если за объединением вариантов не выделяется более-менее отчетливая культурно-историческая реальность, то варианты, объединяемые лишь внешне, предварительно, по сочетанию нескольких выразительных признаков, называются “тип” и его “разновидности”, “круг вещей с такими-то признаками” и т.п.

Тип “В-образные с площадками и выступами в задней части рамки, изготовленные вместе со щитовидной непрорезной обоймой”

Для выделения серий и подразделений внутри них показательна стилистика решения рамки и некоторых других деталей изделия. Безусловно, границы между сериями не жесткие, что объяснимо близостью прототипов, внутренней эволюцией и вариативностью внутри серий, взаимовлияниями серий или их вариаций между собой и с другими типами. С указанными факторами связано и наличие дериватов, восходящих к традициям одной из перечисленных серий, но отражающих и влияние других образцов или особенности определенной локальной среды.

Кавказская серия.

Объединяет довольно представительный набор пряжек с резко очерченным выступом в задней части рамки, сравнительно “зауженным” отверстием для продевания ремня и, как правило, внешне массивной передней частью рамки (рис. 1: 1-14). Несмотря на вариации в деталях, вероятно, за этим сходством лежит, по крайней мере, единство прототипов и стилистическая близость их осмысления. Наряду с относительно крупными образцами, входящих, как правило, в поясные наборы, выделяется и ряд сравнительно небольших изделий, принадлежащих обувным, сбруйным или дополнительным подвесным ремненным гарнитурам. Для большинства рамок у пряжек кавказской серии характерен, как было отмечено, зауженный подпрямоугольный вырез, но известны и вариации, вырез рамки которых имеет фигурные, очертания, напоминающие цифру 8 (рис. 1: 20-21). Пряжки, сделанные без вырезов, но с довольно отчетливыми уступами (рис. 1: 15-18) являются, судя по всему, ближайшими дериватам кавказской серии.

Очевидно, вариации с едва намеченными вырезами и “укороченными” выступами могут получиться как на основе черноморско-волжской, так и кавказской серий (рис. 1: 22-28), хотя на приведенных образцах очевидно

большее типологическое “тяготение” к кавказской серии. Последнее видно, если обратиться к находке на территории могильника Серповое (рис.1: 2), занимающей как бы среднюю позицию между пряжками типичными для кавказской серии и указанными дериватами. Верх-саинская пряжка (рис.1: 24), похоже, является хоть и более отдаленным, но дериватом той же серии, а зауженность вырезов в задней части рамки может быть здесь как результатом влиянием образцов типа рис.1: 2 или 1: 27-28, так и связана с самостоятельными, скорее всего местными, видоизменениями прототипов. Например, сужение щитка и меньшую ширину вырезов совсем не обязательно объяснять непосредственным влиянием других серий или синтезом традиций. То же можно сказать и о находке из погр.181 Борисовского могильника (рис.1: 26). Прогнутые бока обоймы пряжки из Алтын-асара (рис.1: 28) имеют соответствия на поволжских образцах, дериватах черноморско-волжской серии (рис.1: 33) или близких ей (рис.1: 39).

Находки пряжек кавказской серии:

Основные вариации (рис.2: с-1):

Арцибашево (рис.1: 9);

Борисово, погр.15 (рис.1: 8);

Борисово, погр.31 (рис.1: 10);

Гижгид, склеп(?) 11.1928 г. (рис.1: 1);

Замок, кат.4 (неопубликовано; известна, как и ряд других находок из Кисловодской котловины, благодаря информации С.Н.Савенко, которому я приношу благодарность, и по музейным коллекциям);

Квемо Алеви, погр.23 (рис.1: 7);

Клин-яр IV, катакомба 8 (неопубликовано, известна, как и другие упоминаемые ниже вещи из этого памятника благодаря информации А.Белинского и Г.Храке, которых я за это благодарю);

Крупской хутор, погр. (рис.1: 6);

Мокрая Балка, кат.89 (рис.1: 3);

Мукулан, комплекс -? [Иессен 1941, табл.VI: 8];

Селекса, погр.38 (рис.1: 4);

Суук-Су, мог.1 (рис.1: 5);

Такталачук, погр.351 [Археологические ... 1989, рис.9: 3];

Тырнауз, катакомба “1956 г.” (сохранился обломок, принадлежность которого образцу рассматриваемой серии наиболее вероятна, неопубликовано, схематический рисунок есть в архиве А.К.Амброза);

Чми, кат.11(Самоквасова) (рис.1: 13);

Уч-тепе, погр. (рис.1: 12);

Точное место не известно, долина Баксана или Чегема, из коллекции Владимира [Posta 1905].

Вариант «Серповое» и вариации с 8-образной прорезью (рис.2: с-2):

Серповое, находка (рис.1: 2);

Херсонес (рис.1: 14);

Борок II, сборы 1990 г. (рис.1: 21);

Самтавро, погр.120/1938 (рис.1:20).

Находки ближайших дериватов кавказской серии:

(рис.2: f-1):

Кугуль, склеп 3 (рис.1: 16);

Мачты, кат.3 - неопубликована, благодарю С.Н.Савенко за информацию;

Мирный, кат.3 (рис.1: 15);

(рис.2: f-2):

Мокрая Балка, кат.1 (рис.1: 17);

Самтавро, погр.1/1939 (рис.1: 18).

Находки вероятных дериватов кавказской серии:

(рис.2: i-1):

Суук-Су, мог.120 (рис.1: 22);

Уфа Новиковка (рис.1: 23);

(рис.2: i-2):

Алтын-асар 4, кург.19 (рис.1: 28);

Бахмутинский могильник [Смирнов 1957, табл.VI: 10];

Куземкино (рис.1: 27);

(рис.2: i-3):

Борисово, погр.181 (рис.1: 26);

(рис.2: b-5):

Верх-Саинский, погр.117 (рис.1: 24);

Алтын-асар, городище “Большой дом” [Левина 1996, рис.127: 7].

Основания для датировки пряжек, отнесенных к кавказской серии, следующие. Погребение 89 Мокрой Балки принадлежит периоду IIб (около 2-й четверти - середины 7 в.) по шкале древностей Кисловодской котловины [Гавритухин, Малашев 1989, с.58-60, 67, таблица сериации]. Аналогичен состав ременных накладок из погребения 4 могильника Замок, так же расположенного в Кисловодской котловине. Катакомба 8 из могильника Клинь-яр IV относится к периоду IIIб той же системы, датированного 2-й половиной 7 в. Погребение 23 в Квемо Алеви относится к периоду 3 этого памятника, соотносимому с фазой IIа (около 1-й половины 7 в.) эволюции восточногрузинских древностей, как и погребение 120/1938 из Самтавро [Гавритухин, Обломский 1996, с.77-79, 259-261, 274-275].

В погребении 15 могильника в Борисово [Саханев 1914] найдена щитовидная накладка с прорезями в виде “галочки” с круглыми отверсти-

ями под крыльями, датируемая по соответствиям из Крыма с конца 6 или начала 7 в., но в Кисловодской котловине такие накладки известны в периоде II б, а в катакомбе 17 (Самоквасова) из Чми - с накладкой 1-й половины 7 в., при этом, там есть и вещи, исключаяющие раннюю дату (пряжка с “губами”, накладки “круг + щиток”) [Гавритухин, Обломский 1996, рис.82: 63-80]. В итоге, можно синхронизировать борисовское погребение с указанными северокавказскими, но не исключать и более раннюю дату, учитывая крымские материалы. Дата погребения 31 Борисово до специальных разработок не может быть сужена в рамках от 1-й до 3-й четвертей 7 в. по наконечнику “коробочкой” с вставкой, украшенной зернеными треугольниками, круглым накладкам с насечками, пряжкой с вырезами на щитке.

В катакомбе 11 (Самоквасова) из Чми [Гавритухин, Обломский 1996, рис.82: 97-114; далее ссылки на это издание] присутствуют: довольно архаичная “рогатая” накладка с прорезью “бантиком”, как известные в южнокрымских комплексах фазы IIб (конец 6 - 1-я треть 7 в.) и на Кавказе - с материалами 1-й половины 7 в. [рис.82: 105; с.89-91, 274-275 - ИС-7]; горизонтально-симметричная накладка варианта 1б, дата которых не выходит за рамки 7 в. [рис.82: 103, с.27, 28], накладки в виде птичьей головы и щитовидная с “крючком”, конец которого оформлен в виде звериной головы, показательные для комплексов периода IIIа Кисловодской котловины и горизонта кавказско-днепровско-дунайских соответствий круга Боча - Перещепино - Гудермес, датируемых около середины 7 в. [рис.82: 101/102, 108; Гавритухин, Малашев 1998, с.60-61, 67]; Т-образная накладка с треугольником по центру перекладки, как в днепровских кладках группы I и Крыму [рис.82: 101; 37: 7, 19] - А.И.Айбабин справедливо сопоставляет их с перещепинскими [Айбабин 1990, с.53-54]. Сочетание указанных индикаторов позволяет датировать катакомбу 11 из Чми около 2-й четверти - середины 7 в.

В склепе 1928 г. из Гижгида [Амброз 1989, с.115] присутствуют как вещи, встречаемые в 6 в., так и обычные по крайней мере для 1-й половины и середины 7 в. Погребение из Арцибашево датируется в рамках 2-й - 3-й четверти 7 в. по аналогиям днепровским кладкам группы I [Гавритухин, Обломский 1996]. 1-й половиной 7 в. датирует А.Г.Атавин [1996] погребение у хутора Крупской и нет оснований оспаривать это. Стиль вещей из этого погребения близок деталям ременных гарнитур из Уч-тепе и следует согласиться с А.Г.Атавиным [1996, с.223-224] синхронизирующим эти комплексы, хотя аналогии из Арцибашева позволяет предполагать и несколько более позднюю дату существования стиля. Опубликованные

Е.П.Казаковым вещи из погребения 351 Такталачук [Археологические ... 1989, с.90] указывают на возможность соотнесения с поздними находками периода I или с образцами периода II эволюции поволжской геральдической гарнитуры, что и дает хронологические рамки, включающие 1-ю и 2-ю трети 7 в., так же датируются и находки из Уфы, в районе Новиковки [Гавритухин 1996].

Таким образом, «узкая» дата кавказской серии приходится в основном на 2-ю четверть - середину 7 в., появиться такие вещи могли несколько раньше, а в 3-й четверти 7 в. или чуть позже они выходят из употребления. Дериваты кавказской серии встречены в комплексах периода IIб (Мирный, катакомба 3) и IIIа (Мокрая Балка, катакомба 1) древностей Кисловодской котловины, что соответствует датам основных вариаций серии. В катакомбе 3 из Мачт и Кугульского склепа 3 так же присутствуют накладки, обычные для комплексов этих периодов [Гавритухин, Малашев 1998, с.59-61]. Дериваты кавказской и черноморско-волжской серии встречены либо вне комплексов, либо с вещами, не выразительным на современном уровне исследования для точной датировки, но не противоречащих указанным датам.

Черноморско - волжская серия.

Эти образцы (рис.1: 29-32, 34-38, 42), в целом, близки представителям кавказской серии, отличаясь тем, что имеют, как правило, довольно широкий и отчетливо очерченный вырез в задней части рамки, а при переходе рамки в обойму выступ не резок, что сближает такие вещи с рядом образцов В-образных пряжек без площадки в задней части рамки. Как и для кавказской серии, наряду с крупными пряжками, входившими в поясную гарнитуру, в рамках рассматриваемой серии есть мелкие экземпляры, связанные, как правило, с дополнительными ремешками или гарнитурами ремней другого назначения. Наряду с образцами, имеющими подпрямоугольный вырез рамки, можно указать и вариации, имеющие овальный или фигурный вырез.

Интересны находки, связанные с уздечным набором из погребения КО-178 могильника Борок II: наряду с пряжкой, обычной для рассматриваемой серии (рис.1: 34), здесь известны и два образца, внутренний контур рамки которых имеет глубокий выступ (рис.1: 37), что напоминает ряд восточноевропейских псевдопряжек [Гавритухин, Обломский 1996, с.34, тип 5]. В пользу атрибуции этих изделий именно в качестве псевдопряжек говорит как их количество, так и исполнение прессовкой из тонкой пластины, что указывает скорее на декоративную, чем функциональную роль. Псевдопряжки, как правило, не украшали узду, хотя такие

случаи изредка и встречаются, например, в могиле 8 из Кудыргэ [Гаврилова 1965, с.23-24, табл. XIV: 9-10].

Находка из погребения 52 Агафоново (рис.1: 40) без сомнения относится к переработкам образцов черноморско-волжской серии. С особенностями поволжских мастерских следует связывать и пряжки рассматриваемой или других серий, обойма которых имеет ребро по оси симметрии (рис.1: 29, 21, 39). К особой линии переработок черноморско-волжской серии относятся находки из Кудыргэ, Безводного, Ишимбая, вероятно и из Калининской (рис.1: 45-46, 52). Им близка и пряжка из Ново-Турбаслы (рис.3 В: 3), имеющая, правда, вырезы на обойме, что сближает ее с пряжками другого типа (см. ниже о мелких пряжках с вырезами на обойме). Экземпляр из погребения 52 в Агафоново (рис.1: 53), похоже, производный от образцов упомянутой эволюционной линии. Вероятнее всего с переработками образцов “безводнинской” линии эволюции связаны находки из Бартыма, Хачек и, возможно, Неволино (рис.1: 54-56; подробнее они охарактеризованы в части 3). Ряд, похоже, локальных дериватов черноморско-волжской серии распространен на памятниках Кавказа и южно-русской степи.

Находки пряжек черноморско-волжской серии:

основные вариации (рис.2: а-1):

Борисово, погр.191 (рис.1: 31);

Борок II, погр.КО-178 (рис.1: 34);

Варни, погр.552 (рис.1: 29);

Верх-Саинский, кург.4, погр.1 (рис.1: 38);

Дюрсо, погр.415 (рис.1: 35);

Кернье, погр.106 (рис.1: 30);

Никольское (рис.1: 36);

Селекса, погр.19 (неопубликована, утрачена часть щитка, но принадлежность данному типу и серии наиболее вероятна):

Суук-Су, мог.90 (рис.1: 32);

Такталачук, сборы [Археологические ... 1989, с.9: 5];

Шокша, погр.252 (рис.1: 42);

псевдопряжки (рис.2: а-2):

Борок II, погр.КО-178 (рис.1: 37).

Находки дериватов черноморско-волжской серии:

“безводнинского” эволюционного ряда (рис.2: b-1):

Агафоново, погр.52 (рис.1: 53);

Безводное, погр.111 (рис.1: 46);

Ишимбай, погр. [Викторова 1962, рис.72: 5];

- Калининская, погр.3 из кург.30 (рис.1: 52);
 Кудырге, погр.11 (рис.1: 45);
 Ново-Турбаслы, погр.1 из кург.10 (рис.3 В: 3);
 (рис.2: б-2): Агафоново, погр.47 (рис.1: 40);
 степные и кавказские вариации (рис.2: б-3):
 Виноградное, погр. (рис.1: 44);
 Нижний Джулат, погр.55 (рис.1: 41);
 Самтавро, погр.1/1939 (рис.1: 43);
 Чми, кат.Е(?) (рис.1: 51);
 (рис.2: б-4):
 Верх-Саинский, погр.1 из кург. 79 (рис.1: 33);
 вариации “Бартым - Хачки”
 (рис.2: j):
 Бартым, погр.19Е (рис.1: 55);
 Хачки (рис.2: 56).

Датировка черноморско-волжской серии имеет следующие основания. В могиле 90 Суук-Су находилось два костяка; рядом с мужским погребением, где были интересующая нас пряжка и ножик, располагалось женское, содержащее типичный “крымско-готский” набор украшений группы “д”, что определяет принадлежность могилы к фазе 2б памятников типа нижнего слоя Суук-Су, датируемой в рамках конца 6 - 1-й трети 7 в. [Репников 1906, с.27; Айбабин 1990, рис. 39:22; 27:4; Гавритухин, Обломский 1996, с.65, 68, 91, 246-247, 254, 264-265]. Погребение 252 Шокшинского могильника (неопубликованные раскопки В.Н.Шитова; кроме пряжки, приведенной на рис.1: 42, содержало крупную пряжку близкой серии, но со щитком, имеющим скупую прорезную орнаментацию (рис.3 А:16; текст см. ниже), и обломки накладок геральдического стиля, сопоставимых с периодом II эволюции поволжских геральдических гарнитур; прочие вещи из этой могилы по разработкам И.Р.Ахмедова указывают на довольно ранний (но не начальный) состав поокских находок, встречаемых в комплексах с геральдическими наборами, что и определяет датировку в рамках первых десятилетий (не исключено, что и всей 1-й половины) 7 в. Состав находок из погребения КО-178 Борка II позволяет схожую датировку.

Комплекс погребения 415 из Дюрсо известен по перечислению типов вещей, учтенных А.В.Дмитриевым в таблице сериации [Дмитриев 1982, с.96-97]; такой набор (фибула с трубчатым приемником, наконечник “коробочкой”, крупные полиэдрические серьги, пряжки с намеченными “губами”) позволяет предлагать хронологические рамки, включающие 1-ю половину 7 в., или даже более широкие. Уточнение или корректировка даты

требует полной публикации памятника и детальной разработки шкалы эволюции древностей черноморского побережья Кавказа. В погребении 106 из Кернье кроме находки, важной для нашей темы, была и пряжка с коробчатой петлей типа Салона-Истрия, датируемая не ранее 7 в. [Гавритухин 1994], а в данном случае - и едва ли позже середины этого столетия, поскольку могильник в Кернье прекратил существование до того как получили распространение стили, маркирующие 2-й среднеаварский период [Гавритухин 1990; Гавритухин, Обломский 1996, с.76, 274-275]. Прочие доступные нам находки пряжек черноморско-волжской серии имеют еще менее отчетливые основания для датировок.

Дериваты черноморско-волжской серии из погребения 47 в Агафоново 1, погребения 111 Безводного принадлежат ременным наборам агафоновского типа, что определяет дату в рамках середины - 2-й половины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.86-89, 90-92, 272-275]. К агафоновскому типу относятся и все определимые гарнитуры погребений из коллективной могилы 19 Бартыма [Голдина, Водолаго 1984]. Геральдический набор из Верх-Саинского погр.1 в кург.79 (я благодарен Н.В.Водолаго за информацию и разрешение поместить прорисовку пряжки с фотографии из отчета) сопоставим с образцами, принадлежащим не началу I и не финалу II периода эволюции поволжских ременных гарнитур, что позволяет датировку в рамках 1-й половины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.85-87, 273-275]. Комплекс из погребения 1 кургана 10 в Ново-Турбаслы принадлежит II периоду эволюции ременной гарнитуры Поволжья (1-я половина - середина 7 в.).

Погребение 11 из Кудыргэ принадлежат кудыргинской стадии эволюции материальной культуры ряда памятников Алтая и других территорий в Центральной Азии. Их меняют памятники катандинской стадии, имеющей надежные хронологические реперы в 8 в., не исключая и конец 7-го столетия [Гавритухин, Обломский 1996, с.88], а ряд черт этих древностей связывают с особенностями культуры Второго Восточнотюркского каганата. Очевидно, что смена моды не могла произойти мгновенно, да и сопоставление политических событий с изменениями материальной культуры далеко не всегда могут с точностью совпадать, поэтому дата ок.680 г. является границей указанных стадий весьма условно. Время начала кудыргинской стадии неясно, что связано как со спорностью ряда культурно-исторических определений и сопоставлений, так и с отсутствием надежных реперов для выделения материалов 6 в. в азиатских культурах (см. так же ниже, о датировке пряжек центральноазиатской серии).

Погребение 55 из Нижнего Джулата датируется накладками с тремя профилированными геральдическими щитками, очень близким находкам из погребений 1 и 18 того же могильника [Абрамова 1972], что и определяет дату, едва ли выходящую за рамки 1-й половины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.90-91, 274-275 - ИС-9]. Погребение у с. Виноградное [Орлов, Рассамакин 1996] по деталям ременных гарнитур сопоставима с крымскими группами 3-6, характерными для фаз 2б и 3 южнокрымской шкалы, то есть 1-й половины - середины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.65-66, 68-69, 248, 254, 274-275,], сказанное лишь несколько расширяет верхнюю границу даты, предложенной авторами публикации. Погребение 3 из кургана 30 у станицы Калининской [Атавин 1996] содержит набор вещей, типичных для периода IIIа эволюции древностей Кисловодской котловины и горизонта Боча - Перещепино, датируемых около середины 7 в. или даже чуть позже [Гавритухин, Малашев 1998, с.60-61; 67], что не противоречит по существу датировкам, предложенным А.Г.Атавиным. С периодом III кисловодских раннесредневековых древностей сопоставимо и погребение, доследованное около Ишимбая [Викторова 1962]. Прочие находки дериватов черноморско-волжской серии В-образных пряжек не имеют оснований для уточнения приведенных дат.

Таким образом, датировка пряжек черноморско-волжской серии укладывается в рамки от конца 6 до середины 7 в., а время существования ее дериватов по приведенным материалам может охватывать весь 7 в.

Дунайская серия.

Эти изделия характеризуются сравнительно более узкой рамкой и небольшой площадкой в ее задней части, уступ в задней части их рамки довольно отчетлив, но вырез лишь слегка намечен, отчего уступ выглядит не столь резким как, например, у вещей кавказской серии (рис. 1: 57-58, 64-66). В рамках серии выделяются две вариации: "аварская" и "византийская". Поскольку процессы сложения и взаимоотношения вариаций дунайской серии пряжек во многом гипотетичны (см. ниже), указанное различие пока можно рассматривать как связанное с разницей ремесленных традиций, в которых изготавливались изделия по схожим образцам.

Находки, сделанные на могильниках в рамках Аварского каганата, имеют обычное для этих памятников крепление с помощью шпеньков (как на рис. 1: 57-58). Все известные образцы связаны, судя по всему, с поясными наборами. Экземпляры, найденные на территории Византийской империи, крепились к ремню, как и многие другие пряжки византийской традиции, с помощью пластин с отверстием, отлитых на обороте рамки (как рис. 1: 66). Контекст таких находок не позволяет дать их однозначное функ-

циональное определение. Одна из находок в Кернье (рис.2: 50) и экземпляр из Бутапешта Факашрет (рис.1: 59) связаны с местными пряжками как черноморско-волжской, так и дунайской серий. Очевидно, логичнее рассматривать их как дериваты последней.

Находки пряжек дунайской серии:

- (рис.2: g-1): Кернье, погр.61 (рис.1: 57); Кернье, погр.82 (рис.1: 58);
- (рис.2: g-2): Мор Акастодомб, погр.21 (рис.1: 65);
- (рис.2: g-3): Констанца (рис.1: 64);
- (рис.2: g-4): Белград (рис.1: 66).

Находки дериватов дунайской и черноморско-волжской серий:
(рис.2: h):

Кернье, погр.140 (рис.1: 50);

Будапешт Факашрет, погр.1890 г. (рис.1: 59.).

Основания для датировки образцов дунайской серии следующие. Белградская находка сделана вне комплекса (Музей града Белграда, инв.№ 1877, благодарю М.Янкович за возможность работать с находкой и опубликовать ее). Не ясен из доступных нам публикаций и контекст пряжки из Констанцы (Том) [Teodor 1991, p.131,136; там литература]. Поэтому разновидности дунайской серии, сделанные в византийской традиции, пока можно датировать лишь ориентируясь на материалы из могильников Аварского каганата и ряд балканских находок (см. ниже).

В погребении 61 из Кернье найден большой и малый наконечники “коробочкой” средних пропорций, что позволяет датировку раннеаварским временем, но не исключает и 1-й части среднеаварского [Гавритухин 1990]. В погребении 82 из Кернье есть круглые накладки довольно архаичного облика, как в погребении Сегвар-Шаполдау, одном из опорных для выделения раннеаварского периода и содержащего монету Маврикия Тиберия (582-602), но верхняя граница бытования этого варианта накладок во многом не ясна; в том же Кернье такие накладки встречены с псевдопряжками, датируемыми 1-м среднеаварским периодом. Прямоугольная накладка из погребения 82 Кернье сопоставима с вещами, обычными для средне- и позднеаварских комплексов [Гавритухин 1997, с.46, 57; Zaboјnik 1991, тип 187; Kovrig 1963, S.128-129, 131-132]. Погребение 21 из Мор Акастодомб относится к среднеаварскому времени [Гавритухин, Обломский 1996, с.73]. Таким образом, пряжки дунайской серии несомненно были в ходу в 1-м среднеаварском периоде (середина 7 в. [Гавритухин, Обломский, с.69-76, 274-275].), хотя появились, наверное, раньше.

Образец из погребения 1890 г. в Будапеште, район Факашрет, принадлежит комплексу, эпонимному для группы древностей “типа Факаш-

рет-Юташ”, относящихся к среднеаварскому времени (620/630 - ок.700 гг. [Гавритухин, Обломский 1996, с.73, 76, 274-275]. Прессованные накладки из погребения 140 Кернье несут изображение райских птиц у дерева жизни. Нередко такие гарнитуры считают типичными для относительно ранних погребений аварского круга, но следует отметить, что в погребении 53 Кишкереш-Похибуй-Мачко-Дюле такие же накладки были найдены вместе с двумя серебряными имитациями монет, позднейшая из которых воспроизводит штампы Константа II и Константина IV, последний - 669-674 гг. [Somogyi 1997, № 35]. Столь поздняя датировка не может быть механически перенесена на интересующий нас комплекс: во-первых, поскольку прессованные гарнитуры с мотивом райских птиц и дерева жизни несомненно появились раньше последней трети 7 в., во-вторых, учитывая общую дату могильника Кернье (см. выше). Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемая “синтезная” вариация интересующих нас пряжек несомненно существовала в рамках 1-го среднеаварского периода (620/630 - 650/670), но не исключая и несколько более широкие хронологические рамки.

Центральноазиатская серия.

Объединяет пряжки (рис.2: 61-63; 67-69), имеющих рельефный валик при переходе рамки в обойму, некоторые образцы отличает и внутренние очертание рамки, “усложненные” как бы дополнительным прямоугольным вырезом (как на рис.1: 67-68), что имеет соответствие на ряде образцов с подвижной обоймой, специфика которых была отмечена В.Б.Ковалевской [1979, с.40]. Самаркандский экземпляр (рис.1: 69) близок как кудыргинским дериватам черноморско-волжской серии, так и пряжкам центральноазиатской серии. Поскольку все его особенности имеют прототипы среди азиатских образцов, наверное, правильнее рассматривать его как вариацию в рамках центральноазиатской серии.

Находки пряжек центральноазиатской серии:

(рис.2: d-1):

Алтын-асар 4, кург.49 (рис.1: 68);

Изыхский чаатас, скл.1 (рис.1: 67);

(рис.2: d-2):

Алтын-асар 4, кург.352 [Левина 1996, рис.127: 6]

Кудыргэ, погр.9 (рис.1: 61);

Ломы, погр.1 (рис.1: 62, 63);

(рис.2: d-3):

Самарканд, погр. “у обсерватории Улукбека” (рис.1: 69).

Оснований для датировки центральноазиатских находок не много (см. так же о черноморско-волжской серии). Кудыргинская пряжка найдена в

комплексе кудыргинского этапа ряда центральноазиатских памятников, обычно датируемых в рамках 2-й половины 6 - 7 вв. По составу этому погребению близок и комплекс из Самарканда, а найденные в них накладки имеют аналогии в Пенджикенте, в слое 6-7 вв. [Расопова 1980, рис.64: 4]. Следует отметить, что возможность соотносить эти древности с эпохой Первого тюркского каганата пока чисто гипотетическая, в европейских же памятниках вещи, выполненные в близких стилях, датируются не ранее 7 в., а в ряде случаев - его второй половиной [Гавритухин, Обломский 1996, рис.89; Голдина, Водолаго 1984, табл.4: 33]. С этой же эпохой, не исключая и следующий, катандинский этап соотносится и комплекс из Ломов, хоть и найденный в Забайкалье, соотносимый с тюркским влиянием и, вероятно, даже проникновением тюрок на эту территорию [Асеев, Кириллов, Ковычев 1984]. Следует учитывать не признанную, но и не опровергнутую специалистами точку зрения А.К.Амброза о синхронизации рассматриваемых здесь поясных наборов с древностями 8 и даже 9 в. [Амброз 1971]. Наконец, в пользу сравнительно поздней даты свидетельствует сходство пряжек из Кудыргэ и Ломов с образцами 8 в. [Расопова 1980, с.87-92].

Наиболее архаичным на фоне находок центральноазиатской серии выглядит экземпляр из Изыха (рис.1: 67). Внутренний контур рамки этой пряжки напоминает архаичные образцы восточноевропейских псевдопряжек конца 6 - начала (1-й половины?) 7 в. (рис.1: 37 и [Гавритухин, Малашев 1998, с.57-58]). Вторая пряжка восточноевропейского облика и пряжки, обычные для материалов таштыкской культуры, встреченные в том же изыхском комплексе, не позволяют на современном уровне исследований сузить или откорректировать эту дату. Алтын-асарские находки происходят из комплексов, подробно не описанных в доступных мне публикациях [Левина 1996, там литература], очевидно, важные для нашей темы курганы были разграблены в древности или маловыразительны.

Итак, пряжки центральноазиатской серии на основании доступных данных пока следует датировать в рамках 7 в., не исключая продолжение их существования в 8 в. и, в принципе, возможность формирования в конце или 2-й половине 6 в.

Д жу л а т с к а я с е р и я .

Включает несколько пряжек с внешне подчеркнута массивной передней частью рамки и зауженной, часто вытянутой, обоймой (рис.1: 47-49). Они напоминают ряд цельнолитых В-образных пряжек без площадок в задней части, связанных, в основном, с северокавказскими или степными традициями. Большая часть учтенных образцов принадлежат северокавказской вариации, по сумме признаков довольно близкой кавказской се-

рии. находка из Алтын-асара (рис.1: 49) должна быть выделена в особую вариацию, близкую центральноазиатской серии. Очевидно, что строго говоря, выделение джулатской серии несколько искусственно, а отнесенные к ней образцы можно “распределить” по более представительным кавказской и центральноазиатской сериям, хотя весомы и отмеченные выше наблюдения стилистического и, по-видимому, генетического плана. Впрочем, этот вопрос, скорее терминологический.

Находки пряжек джулатской серии:

(рис.2: е-1):

Алтын-асар 4, курган 149 (рис.1: 49);

(рис.2: е-2):

Нижний Джулат, погр.1 (рис.1: 48);

(рис.2: е-3):

Верх-Саинский, курган 10, погр.1 (рис.1: 47).

Основания для датировки указанных образцов такие. Погребение 1 из Нижнего Джулата, как было отмечено ранее, датируется 1-й половиной 7 в. Пряжку из погребения 1 Верх-Саинского кургана 10 Р.Д.Голдина и Н.В.Водолаго относят к бартымской стадии неволинской культуры (конец 6 - 7 вв.). Кроме подвески из персидской монеты 545 г. чеканки, в том же кургане найден нож с серебряными обкладками, что обычно для предшествующей, верх-саинской стадии неволинской культуры. Очевидно, рассматриваемый комплекс должен датироваться концом 6 или началом 7 вв. [Голдина, Водолаго 1990, с.24, 92, 163-164]. Детальная хронология джетыасарских комплексов пока не разработана, выше были отмечены и трудности датирования азиатских раннесредневековых древностей, что и заставляет принимать для алтын-асарских находок европейские датировки.

О с о б ы е ф о р м ы .

Пряжка из погребения 5/1948 Пашковского могильника (рис.1: 19) имеет признаки, объединяющие ее с кавказской, дунайской и джулатской сериями. Рассматриваемая вещь происходит из комплекса, относящегося к рубежу 1-й и 2-й фаз эволюции этого памятника, то есть может датироваться около середины - 2-й половины 6 в., впрочем не исключая и некоторые сдвиги по мере разработки более детальной хронологии древностей Черноморского побережья Кавказа [Гавритухин, Ковалевская и др. 1996]. Очевидно, что это одна из наиболее рано датированных вещей рассматриваемого типа. Вероятно, ее своеобразие объясняется тем, что она изготовлена в эпоху становления типа, еще единичных образцов, а не устойчивых серий.

Своеобразна по сочетанию деталей, свойственных образцам ряда серий, и напоминает пашковский экземпляр, хоть и выполнена в ином стиле, пряжка, местонахождение которой установить не удалось (рис. 1: 60 - прорисовка И.Р.Ахмедова). Сейчас она хранится на кафедре археологии Московского университета, а поступила туда из коллекции Анучина.

Пряжка из погребения 103 в Старом Бадикове (рис. 1: 39) вместо площадки и вырезов в задней части рамки имеет тонкий «валик», что сближает ее с находками центральноазиатской серии. Прочие же детали этого изделия, да и вся ременная гарнитура, которой оно принадлежит, имеют признаки, характерные для поволжских находок. До получения новых материалов и специальных исследований едва ли можно отчетливо и доказательно объяснить такое сочетание. По характеру ременного набора, соответствующего III периоду эволюции геральдических гарнитур Поволжья, комплекс погребения 103 в Старом Бадикове датируется около 2-й половины 7 в., что, по наблюдениям И.Р.Ахмедова, не противоречит датировкам и других находок из его состава.

Тип “В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной прорезной обоймой”.

Варнинская пряжка не имеет декоративных прорезей на обойме, тем не менее, рассмотрение прорезных образцов важно для получения полноты картины эволюции пряжек рассматриваемой совокупности. Часть прорезных пряжек принадлежит достаточно своеобразным и выразительным самостоятельным сериям. Другие - близки непрорезным находкам, как рассматриваемым в данной работе, так и нет. Наконец, третьи - находят наибольшие соответствия среди пряжек, имеющих не В-образную рамку. Все это и определяет предложенное ниже подразделение материала.

Серия “Неа Анхеалос - Артек”.

Объединяет пряжки средних размеров (длиной 3-4 см) с полукруглыми вырезами по краям обоймы, расположенным ближе к рамке (рис. 3 А: 17-21, 27) и прорезями в форме цифры 8 с вырезом у перехвата (как на рис. 3 А: 21), галочки (как рис. 3 А: 18) или подобными им и парой мелких округлых прорезей. Дж. Янкович в неопубликованной диссертации (приношу благодарность Дж. Янковичу за возможность ознакомиться с рукописью его работы, хранящейся на философском факультете Белградского университета) отнес их к типу “Цареград - Неа Анхиалос”. Мне кажется целесообразным выделять в качестве особой серии только пряжки с В-образной и близкой им рамкой, изготовленной вместе с обоймой, что соответствует и замечаниям в тексте Дж. Янковича, а ряд причерноморских находок заставляет включить в наименование серии крымское название.

Находки серии “Неа Анхеалос - Артек” (рис.4: b-1):

Артек, сборы (рис.3 А: 20);

Дебело Брдо [Fiala 1896];

Константинополь, покупка [Csallany 1962, Т.1: 1-2];

Петропавловское, погр.24 (рис.3 А: 18);

Пятра Фрекацей, погр.В.45 (рис.3 А: 17);

Сарды, перемешанный слой [Waldbaum 1983, № 693];

Сарды, византийская мастерская W3 [Waldbaum 1983, № 695];

Суук-Су, погр.2 в склепе 169 [Репников 1907, табл.Х: 11];

Среднее Поднепровье, точное место -? (рис.3 А: 21);

Фасос [Donaut 1952, p.272];

Херсонес, комплекс -? (неопубликовано, обломок, коллекция МЗХТ, № 4046/?);

Херсонес, VIII квартал Северного района, заполнение цистерны в помещении 9а, раскопки С.Г.Рыжова в 1985 г. (приношу ему благодарность за возможность опубликовать находку), (рис.3 А: 27);

Чанад Бекень, погр.4 (рис.3 А: 19).

Основания для датировки рассматриваемой серии следующие. В комплексе погребения В.45 в Пятра Фрекацей [Petre 1987, Pl.126] входили пряжки типа “Сучидава” простейшей формы и накладки, выполненные в стилях, характерных для подунайских памятников, функционировавших от эпохи Юстиниана до разгрома лимеса, то есть в середине - 2-й половине 6 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.62, 243-245, 274]. Около этого времени датирует Д.Чалань погребение в Чанад Бекень и горизонт близких древностей, правда очерченных довольно расплывчато [Csallany 1962]. Дж.Янкович отмечает сходство рассматриваемых вещей как с пряжками типа “Сучидава”, так и образцами 7 в., а в итоге, опираясь на свою периодизацию эволюции материальной культуры Балканского Подунавья, предлагает для рассматриваемых пряжек широкие хронологические рамки: от середины 6 в. до эпохи “раннего” Ираклия. Находка из византийской мастерской в Сардах подразумевает 616 г. (дата завоевания города по письменным источникам) в качестве *terminus ante quem*, правда, следует помнить и об осторожности датировки археологических реалий на основе сопоставлений с политическими и военными событиями.

В склепе 169 из Суук-Су находилось три погребения: женское, детское и мужское [Репников 1907, с.121-122]. Для датировки наиболее показателен комплекс из женского погребения 1 (его формальная характеристика, данная А.К.Амброзом и воспроизведенная в других работах, например [Гавритухин, Обломский 1996, с.67], нуждается в уточнении). Кро-

ме малопоказательных для датировки, на современном уровне изученности, серег, бус, перстней, погребение I склепа 169 содержало крупную пряжку с прямоугольной обоймой и рамкой, украшенной изображениями птичьих голов, варианта 3-3 по А.И.Айбабину [1990, с.30-31], а так же двухпластинчатые фибулы варианта Пв-2 [Айбабин 1990, с.19]. Упомянутая пряжка принадлежит южнокрымским подражаниям остготским образцам, бытовавшим, как показано А.К.Амброзом и А.И.Айбабиным до 1-й половины 7 в. Двухпластинчатые же фибулы варианта Пв-2 характерны для фазы 2 древностей типа Суук-Су [Гавритухин, Обломский 1996, с.65, 67 (горизонт Б), 68-69, 246-247 (признак 4-5), 250 (рис.69: 26), 254, 274-275]. Новые материалы, полученные А.Филеппенко (я благодарю его за информацию) позволяют считать, что такие фибулы могли появиться и несколько ранее. Сказанное и определяет дату комплекса в рамках 2-й половины 6 - 1-й трети 7 вв., чему не противоречат и прочие находки из склепа 169.

В погребении 24 Петропавловского могильника [Семенов 1976], кроме пряжки и Ж-образной накладки, имеющей довольно широкую дату, найдена Т-образная накладка, типичная для II горизонта геральдической гарнитуры Поволжья, что и определяет дату комплекса в рамках 1-й половины - середины 7 в. Наиболее поздние материалы из цистерны в помещении 9а VIII квартала Северного района Херсонеса по разработкам Л.А.Голофаст [1998] относятся к концу 7 в. В этом же комплексе присутствуют и более ранние материалы, вероятно, с ними связан и обломок пряжки рассматриваемой серии. Таким образом, существующие материалы позволяют определить дату пряжек серии “Неа Анхиалос - Артек” от середины 6 до середины 7 вв., не исключая возможности сужения даты отдельных вариантов (экземпляр из Петропавловского, очевидно, носит следы значительной, возможно местной, переработки “стильных” образцов) и даже серии в целом, по крайней мере до рамок предложенных Дж.Янковичем, то есть около 550-620 гг.

Средиземноморские и балканские серии.

Материалов, происходящих с территории Восточноримской (Византийской) империи, явно не достаточно чтобы даже приблизительно представить действительный состав и характеристику стилей и школ, связанных с изготовлением ременных гарнитур, особенно учитывая выдающуюся культурную и политическую роль сохранившихся частей Империи в жизни раннесредневековой Европы, да и соседних континентов. Для нашей темы особенно важно, что именно с провинциальноримскими традициями связывают многие авторы появление В-образных пряжек и исток многих их модификаций.

Одной из наиболее изученных модификаций пряжек византийской традиции, типа “Сучидава”, близки некоторые образцы, имеющие не обычную для таких изделий прямоугольную, а В-образную рамку. Несмотря на очевидное разнообразие и большое число находок, детальной типологии, отражающей локальные и хронологические вариации пряжек типа “Сучидава” пока не создано. В качестве модификации ряда “классических” разновидностей пряжек типа “Сучидава”, следует рассматривать находку из Пятра Фрекацей (рис.3 А: 29) имеющую прорезь схемы “крест + дуга” и из Нов и Фасоса, с прорезью в виде креста. Некоторые находки, очевидно, соотносятся с образцами, имеющими более упрощенные очертания и схему прорезей (рис.3 А: 15).

Ряд находок интересующего нас типа известно с территории Сирии. Часть из них, несмотря на разнообразие деталей, имеют очевидное стилистическое сходство (рис.3 А: 23-24) и принадлежат, судя по всему, локальной местной серии, включающей кроме интересующих нас образцов с В-образной рамкой и пряжки с рамками других форм. Некоторые сирийские находки (рис.3 А: 14, 26) весьма своеобразны, их детальное типологическое определение - предмет особого исследования, для данной работы, не обязательного, здесь же достаточно их атрибуции как принадлежащих кругу византийских школ. Детальное исследование византийских пряжек из Сирии готовится М.Казанским, которому я признателен за предоставление ряда рисунков находок из сирийских музеев и готовящейся к печати рукописи.

С производственными центрами, работавшими в византийских традициях, несомненно связаны и образцы, однозначное определение серии которых затруднено малочисленностью находок (как на рис.4: А.25, 30 и др.). В особую вариацию “Цариград - Прахово” объединяет Дж.Янкович в неопубликованной докторской диссертации образцы средних размеров с фигурным щитком, как на рис.3 А: 28 и прорезями различной формы. Им близки находки из Суук-Су и Артека (рис.3 А: 22).

Находки разновидностей типа “Сучидава” с В-образной рамкой:
(рис.4: а-1):

Новы, восточный сектор, 1962 г. [Димитров и др. 1964, рис.15: 2];

Пятра Фрекацей, погр.В.92 (рис.3 А: 29);

Фасос [Donaut 1956, p.425];

(рис.4: а-2):

Суук-Су, погр.3 в склепе 153 (рис.3 А: 15).

Находки сирийской серии (рис.4: а-3):

Северная Сирия (рис.3 А: 23);

Южная Сирия (рис.3 А: 24).

Находки вариаций круга “Цариград - Прахово” (рис.4: а-4):

Артек, вне комплекса [Репников 1906, табл.Х: 20];

Константинополь (рис.3 А: 28);

Прахово, находка [Янковић 1981, табл.ХVII: 10];

Суук-Су, погр.3 в склепе 72 (рис.3 А: 22).

Единичные формы (рис.4: а-5):

Керчь, погр.7 склепа 180/1904 (рис.3 А: 30);

Северная Сирия (рис.3 А: 26);

Пальмира (рис.3 А: 14);

Пальмира [Syrien. ..., № 24]

Пятра Фрекцей, погр.А.425 (рис.3 А: 25).

Большинство рассматриваемых здесь находок найдены вне комплексов или в контексте, не позволяющем узкую датировку, тем не менее, можно привести ряд оснований для хронологической оценки некоторых образцов. Датировки “классических” вариаций пряжек типа Сучидава и их модификаций с В-образными рамками, судя по всему, существенно не отличаются. Как было отмечено выше, их хронология на Балканах определяется в рамках середины - 2-й половины 6 в. В склепе 153 из Суук-Су находились три погребения [Репников 1907, с.116-117]. Наиболее показательна для датировки - пряжка с изображением льва на обойме, характерная для фазы 2 древностей типа нижнего горизонта Суук-Су, приходящейся на конец 6 - 1-ую треть 7 вв. [Гавритухин, Обломский 1996, с.65 (группа “г” и “д”, 67 (горизонт Б), 68-69, 246-247 (признак 11), 250 (рис.69: 24), 254, 274-275]. Прочие находки из этого склепа, в том числе из погребения 3, не противоречат указанной дате. В целом схожие датировки (от середины 6 до начала 7 в.) для пряжек типа “Сучидава” и их модификаций предлагает А.И.Айбабин и ряд других авторов [Айбабин 1990, с.48, там литература].

Пряжки круга “Цариград - Прахово” найдены случайно или в контексте, позволяющим довольно широкую датировку: от середины 6 до середины 7 в. Отметим, что пряжка близкой схемы, но с овальной рамкой и выступами для фиксации язычка, найдена в 1908 г. в яме помещения N квартала I Северо-восточного района Херсонеса (неопубликована, собрание МЗХТ, № 3351/68; благодарю сотрудников музея за возможность работать с находкой). Не смотря на то, что большая часть этого комплекса утрачена, сохранившиеся материалы и сведения дают возможность оценить его дату. Особенно показательны блюдо, датируемое Л.А.Голофаст по системе Дж.Хейса около 550-625 г. (форма 104 типа С) и три монеты, позднейшая из которых Юстиниана I [Голофаст 1996, с.81]. В личной беседе Л.А.Голофаст отметила, что сведения об этом комплексе указывают

скорее на 2-ю половину 6 в. и лишь дата пряжки может явиться основанием для омоложения комплекса, предложенного в публикации. По моему мнению, все признаки этой пряжки (выступы для фиксации язычка обычны на пряжках типа “Сучидава” и известны с финала римского времени) не исключают датировку 6 веком. Очевидно, что нет оснований для предположения о хронологической разнице пряжек той же схемы с В-образной рамкой. Сказанное позволяет до получения новых материалов датировать пряжки рассматриваемого круга около 550-625 гг.

Датировка погребения 7 в склепе 180/1904 из Керчи [Засецкая 1998, табл. XIX] определяется геральдическими накладками, соответствующими группе 5 в серии крымской раннесредневековой ременной гарнитуры. Такие наборы типичны для фаз 2б и 3а древностей типа Суук-Су. В оценке керченских находок следует учесть и кавказские материалы, где такие вещи могли появиться и несколько раньше. В любом случае дата интересующего нас комплекта не выходит за рамки 1-й половины - середины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с. 250-251, 254, 274-275; Гавритухин, Малашев 1998, с. 58, 67]. К финальному периоду боспорских склепов относит интересующий нас комплекс И.П. Засецкая [1998, с. 433], определяя его дату в рамках 2-й половины 6 - начала 7 в., опираясь прежде всего на датировку фибул, восходящих к образцам типа Удина-Планис 2-й половины (конца ?) 5 - 1-й трети (середины ?) 6 вв. Важно, что образцы из рассматриваемого погребения относятся к местной серии, верхняя граница бытования которой может отличаться от находок остготского круга. Р.С. Минасяном [1998] отмечено, что фибулы из склепа 180 подготовлены к погребению в той же манере, что застежка из погребения 8 склепа 78/1907. Дата последнего едва ли значительно выходит за рамки 6 в. Сумма приведенных наблюдений делает наиболее вероятной датировку погребения 7 склепа 180/1904 из Керчи началом (около 1-й трети ?) 7 в., лишь в принципе не исключая и финал 6 в.

Основания для узкой датировки важных для нашей темы пряжек византийского круга, как показал анализ, близки. Достаточно очевидна и стилистическая переключка рассматриваемых образцов. Все это позволяет до появления новых находок и исследований принять дату “около середины 6 - 1-й трети 7 в.” и для серий, не имеющих достаточных оснований для узкой датировки. В пользу такой хронологической оценки свидетельствует и то, что в 7 в., несмотря на сохранения ряда особенностей школ, меняются многие стилистические особенности византийских пряжек: получают распространение типы с обоймами, украшенными крупными прорезами, тиражируются образцы, украшенные рельефной орнаментацией,

прессованные имитации дорогих паяных экземпляров и т.д. Рамки этих изделий в подавляющем большинстве имеют овальную форму, а немногие известные нам образцы с В-образной или похожей рамкой принадлежат типам, которые здесь не рассматриваются (как на рис.3 А: 6, 8 и др.).

Восточноевропейские серии.

Характер прорезей некоторых кавказских находок (рис.3 А: 11-12) удивительно напоминает образцы серии “Неа Анхиалос - Артек”, хотя, судя по характеру решения деталей, пред нами типичные восточноевропейские изделия. Другим восточноевропейским прорезным пряжкам рассматриваемого типа (рис.3 А: 5, 9, 14, 16) можно указать лишь частичные соответствия на вещах византийского круга. Возможно, в данном случае мы имеем примеры влияния византийских стилей на местные традиции. Впрочем, нельзя исключить, что прорезная орнаментация упомянутых пряжек, как и находок других типов с близкой структурой прорезей, складывалась и под влиянием прорезных накладок геральдического круга. Последнее показывает ряд пряжек (рис.3 А: 1-4, 10), аналогии рисунка прорезей которых близки скорее восточноевропейским находкам геральдического круга, а не византийским образцам. Синтезным характером рассматриваемых изделий объясняется то, что их “узкие” варианты представлены малочисленными или единичными находкам, а выделяемые вариации находят соответствия на довольно пестром составе вещей.

Вариант “Кучур-оба” представлен кавказскими находками (рис.3 А: 11-12; 4: с-1), сложившимися на базе “южных” дериватов черноморско-волжской или кавказской серии непрорезных пряжек (типа рис.1: 43-44, 26) под влиянием образцов, связанных со стилистикой пряжек серии “Неа Анхиалос - Артек”. В отношении экземпляра из Бежты (рис.3 А: 13), в основе решения которого лежат пряжки без выступов в задней части рамки, если и можно говорить о вероятных византийских прототипах, то, несомненно, опосредованных рядом местных образцов. Это касается и псевдопряжки из Камунты (рис.3 А: 5), близкой находкам кавказской серии.

Решения деталей пряжки из Лучистого сближают ее с образцами кавказской серии, а характер прорези напоминает многочисленные ременные наконечники (один из ближайших аналогов известен в Днепровском Надпорожье [Гавритухин, Обломский 1996, рис.46: 24; в этом издании представлены и многочисленны примеры более общих соответствий]). Среди пряжек византийского круга схожая прорезь известна мне лишь на находке из Прахово, и здесь, вероятно, связанная со стилями наконечников и накладок (например, [Petre 1987, pl.130 bis: 207.d-12]). Непрорезным пряжкам черноморско-волжской серии близки находки из Шокши, Уфы, Ска-

листоного (рис.3 А: 16, 10, 1). Если в прорезях первой еще можно увидеть упрощение мотивов, встреченных на византийских пряжках типа “Сучидава” и других, но известных и на многих геральдических гарнитурах, то вторая явно соотносится именно со стилями восточноевропейских геральдических наборов, в том числе и уфимских [Гавритухин, Обломский 1996, рис.89: 95] (см. и ниже). Прорези пряжки из Скалистого характерны для особого круга вещей, связанных с кругом древностей, отражающих расцвет Великой Болгарии или близких им [Гавритухин, Малашев 1998, с.59, 61, 67].

Своеобразна находка из Лагереве (рис.3 А: 7), близкая образцам “безводнинской” линии эволюции дериватов черноморско-волжской серии непрорезных пряжек. Прорези же этого экземпляра напоминают стилистику византийских пряжек, восточноевропейские дериваты которых распространяются со 2-й половины 7 в. (см. ниже, о дате находок из Чми). На основе непрорезных пряжек без выступов в задней части рамки, довольно многочисленных на Кавказе (см. ниже), сложился вариант “Едыс - Гавази”, встречающийся на компактной территории - в Осетии и Восточной Грузии (рис.3 А: 2-4; 4: d). Крупные “арочные” прорези - не редкость для ряда типов геральдических накладок и наконечников, известных и на Кавказе, включая указанный район (например, [Гавритухин, Обломский 1996, рис.79: 52, 92; 82: 65, 81, 101]).

Находки восточноевропейских прорезных пряжек:
варианта “Кучур-оба” (рис.4: с-1):

Кучур-оба, погребение (рис.3 А: 11);

Цибилум, погр.3/1984 (рис.3 А: 12);

(рис.4: с-2):

Бежта (рис.3 А: 13);

псевдопряжки (рис.4: с-3):

Камунта (рис.3 А: 5);

варианта «Едыс - Гавази» (рис.4: d):

Гавази (рис.3 А: 4);

Едыс, погр.5 (рис.3 А: 3);

Чми, катакомба Г(Хегера) (рис.3 А: 2);

черноморско-волжской серии (рис.4: е-1,2,3):

Скалистое, склепа 430 (рис.3 А: 1);

Уфа Новиковка (рис.3 А: 10);

Шокша, погр.252 (рис.3 А: 16);

кавказкой серии (рис.4: е-4):

Лучистое, слой 2 склепа 46 (рис.3 А: 9);

(рис.4: f):

Лагереве, погр.2 кургана 46 (рис.3 А: 7).

Для датировки рассмотренных пряжек имеются следующие основания. Погребение 3/1984 в Цебельде датирует ременная гарнитура, включающая дериваты группы 2 крымских ременных наборов [Воронов и др. 1989, рис.4:12, 17], имеющие соответствия в гарнитурах периода IIб из Кисловодской котловины и фазы IIб эволюции древностей Восточной Грузии и Т-образные накладки, с треугольником по центру перекладины [Воронов и др. 1989, рис.4: 16,], характерные для ряда комплексов в Поднепровье и на Кавказе (см. выше, о дате пряжки из катакомбы 11 в Чми), а в Крыму известную в наборах группы 8. Сказанное определяет дату цебельдинского погребения в рамках 2-й четверти - середины (3-й четверти ?) 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.248-249, 254, 260-261, 264-265, 274-275; Гавритухин, Малашев 1998, с.59, 67]. Такой дате не противоречит и комплекс из Кучур-обы [Balint 1992, Taf.41: 14-28], что определяет датировку одноименного варианта.

В катакомбе Г из приобретений Ф.Хегера в Чми [Хайнрих 1995] для датировки наиболее показательны накладки ременной гарнитуры и набор пряжек. Щитовидные накладки принадлежат вариациям, стилистически сравнимым с теми, что характерны для гарнитур неволинского круга, сформировавшихся к концу 7 в., а двучастные с килевидным верхом, весьма своеобразные, явно не относятся к кругу ранних. Обломки трех пряжек принадлежат кавказским сериям, сложившимся на основе византийских образцов не ранее 2-й половины 7 в. и бытовавших в 8 в. Для кавказских древностей 2-й половины 7 в. характерна и лировидная пряжка с вытянутой задней частью. Литая накладка с растительным орнаментом принадлежит стилям, которые, несмотря на наличие ряда локальных школ, нигде, от Средней Азии и Прикамья до Карпатской котловины и Крыма, не датируется ранее чем 8 в. Перечисленные реперы заставляют считать, что захоронения (их число не известно), совершенные в катакомбе Г из Чми совершались в конце (не ранее 2-й половины) 7 и на протяжении какой-то части 8 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.264-265, 270-271, 274-275; Гавритухин, Малашев 1998, с.61-64, 67].

Для узкой датировки погребения 5 из Едыс [Дзаттиаты 1986] оснований не много: серьги с полиэдрической бусиной бытовали на Кавказе по крайней мере до конца 7 в., геммы могли использоваться столетиями позднее времени их изготовления, хронология кавказских фибул во многом не разработана. Учитывая типологическую близость пряжек варианта "Едыс - Гвази" представляется маловероятным существенный разброс в их датировке. Приведенные факты позволяют считать, что бытование рассматриваемого варианта приходится, скорее всего, на 2-ю половину 7 в.

Комплекс из склепа 430 в Скалистом, кроме интересующей нас пряжки, содержит перстни и керамику, малопригодные для узкой датировки на современном уровне изучения этих древностей [Веймарн, Айбабин 1993]. Показательно отмеченное выше стилистическое своеобразие прорезей пряжки, типичных для эпохи расцвета Великой Болгарии, что и позволяет датировать комплекс около 630-680 гг. [Гавритухин, Малашев 1998, с.59, 61, 67]. Датировка комплекса из погребения 252 в Шокше рассмотрена ранее и определена первыми десятилетиями (не исключая всю 1-ю половину) 7 в. (см. о находках черноморско-волжской серии). Слой 2 склепа 46 в Лучистом, по предложенной И.О.Гавритухиным периодизации, этого памятника относится к горизонту В, отложившемуся в период от конца фазы 2б до начала фазы 3б в эволюции древностей типа нижнего слоя Суук-Су, то есть около 2-й четверти - середины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.66-69, 250-251, 254, 274-275].

Ременная гарнитура из кургана 46 в Лагерево относится к группе “агафоновских”, принадлежащих периоду III эволюции наборов геральдического стиля в Поволжье, что, наряду с отмеченными особенностями пряжки, определяет дату комплекса в рамках 2-й половины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.273 (рис.89: 26-32), 274-275]. Состав находок из Уфы в районе Новиковки типичен для II периода эволюции геральдических стилей Поволжья, то есть датируется от начала до середины 7 в. (см. о кавказской серии).

Тип “Маленькие пряжки с боковыми вырезами на обойме”.

Особому типу принадлежат маленькие (длиной до 3 см), имеющие вырезы по бокам непрорезной (или, изредка, имеющей скупые прорези) щитовидной обоймы (рис.3: В). В тех случаях, когда возможно установить положение находок на костяках, такие вещи часто находят в районе нижней части ног, что позволяет связывать эти пряжки с конструкцией обуви. Есть случаи, когда вещи рассматриваемого типа связаны с дополнительными ремешками, крепящими оружие или какие-то аксессуары к основному поясу. Другие варианты использования малых пряжек единичны и не поддаются однозначной функциональной интерпретации без специальных исследований. Здесь, в соответствии с формальными ограничениями, оговоренными выше, рассматриваются лишь подтип с В-образной или близкой ей по очертаниям рамкой, хотя несомненна их близость таким же изделиям, но с прямоугольной или трапециевидной рамкой.

К “основной” серии относятся образцы с довольно четко очерченными подпрямоугольными вырезами, расположенными на некотором отда-

лении от рамки. По форме щитка выделяются варианты: 1 - со щитком без выступа (рис.3 В: 11-13); 2 - со щитком, имеющим в задней части четко очерченный выступ (рис.3 В: 9); 3 - со щитком, имеющим выступ в задней части, плавно переходящий в бока рамки (рис.3 В: 4-8). Поволжской серии принадлежат сравнительно крупные пряжки с относительно вытянутой подтреугольной обоймой и довольно крупными округлыми вырезами (рис.3 В: 16-17). В данном случае наряду с экземпляром, имеющим В-образную рамку, мы приводим и до деталей близкие ему находки с овальной рамкой, поскольку очень уж очевидно стилистическое и культурное единство этих вещей. К особой серии (точнее - сериям), относятся изделия с фигурной обоймой, стилистически, очевидно, связанные с позднеантичными традициями (рис.3 В: 14, 15).

Некоторые находки имеют вырезы, расположенные непосредственно около рамки, имеющей выступы в задней части (рис.3 В: 2, 3). Их, судя по всему, следует рассматривать в качестве дериватов рассматриваемого типа и пряжек, рассмотренных ранее (черноморско-волжской или кавказской серий), хотя нельзя исключить, что они связаны с образцами, как на рис.5 и из Коминтерновского могильника [Казаков 1998] или с пряжками, имеющими обойму в форме полумесяца, которые М.М.Казанский предложил расценивать как принадлежащие "иранской" традиции. Наконец, некоторые вещи (рис.3 В: 1) трудно оценить: они либо являются дериватами основной серии, либо невнятно прорисованы в публикации.

Находки «основной серии»:

варианта 1 (рис.4: g-1):

Немеди (рис.3 В: 11):

Унтерлаухринген (рис.3 В: 12);

Скалистое, "Баклинский овраг", склеп 23 (рис.3 В: 13);

варианта 2 (рис.4: g-2):

Каллатис, погр.132 (рис.3 В: 9);

варианта 3 (рис.4: g-3):

Владикавказ, могилы, разрушенные 15.04.1904г. (рис.3 В: 6);

Дымковка, погр.2 в кургане XIV (рис.3 В: 4);

Навсадени, 2 экземпляра из раскопок Ломтатидзе, известны мне по схематичному рисунку из архива А.К.Амброза;

Скалистое, склеп 422 (рис.3 В: 5);

Херсонес, 3-е слева погребение в склепе 2126/1905 (рис.3 В: 7-8).

Находки волжской серии (рис.4: g-4):

Борки, погр.28 (рис.3 В: 16);

Верх-Саинский, погр.3 в кургане 9 [Голдина, Водолаго 1990, табл. XXVII: 32];

Коминтерновский II, погр.5 (рис.3 В: 17).

Находки византийских серий (рис.4: g-5, 6):

Арчисса, погр.5 (рис.3 В: 14);

Цибилум 1а, погр.3 (рис.3 В: 15).

Находки дериватов перечисленных и других серий (рис.4: h-1):

Ново-Турбаслы, погр.1 из кургана 10 (рис.3 В: 3);

Суук-Су, могила 84 (рис.3 В: 2);

(рис.4: h-2):

Маклашеевка, погр.52 (рис.3 В: 1).

Состав находок из Немеди [Fettich 1937, Taf.CXXXVIII: 3-19] позволяет датировку как в рамках раннеаварского, так и ранних фаз среднеаварского времени, то есть от последней трети 6 до середины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.69-76]. В склепе 23 могильника “Баклинский овраг” в Скалистом опорными для датировки являются ременные накладки и наконечники [Айбабин, Юрочкин 1995, рис.29], типичные для групп 5 и 6 крымских ременных гарнитур, что дает хронологические рамки около 2-й и 3-й четвертей 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.248-249, 254, 274-275].

В погребении 132 из Каллатиса [Preda 1980, Pl.XXXIV.1-3], кроме найденного у пояса комплекта из пряжки и наконечника, типичного для наборов “геральдического” стиля или близких им, были монета Юстиниана Великого (527-565) и перстень с монограммой, что позволяет определить нижнюю границу хронологических рамок погребения в районе середины 6 в., но не дает жестких оснований для определения верхней границы даты.

В склепе 422 из Скалистого [Веймарн, Айбабин 1993, 75: 1-21], кроме интересующей нас пряжки и пряжки того же типа, но с прямоугольной рамкой (вероятно, они составляли один комплект), найдены накладки геральдического стиля, характерные для группы 4 крымских ременных гарнитур, характерных для не самых ранних комплексов фазы 2 эволюции древностей типа Суук-Су, то есть датируемых около 1-й половины (трети ?) 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.248-249 (в таблице опечатка: вместо комплекса С-42 должно быть С-422, С-40 - С-403; С-48 - С-486), 254, 274-275]. Рассмотренному набору близок состав вещей, дошедших из погребений, разрушенных во Владикавказе в 1904 г. [Кузнецов 1980, с.56-58].

Для датировки вещей из погребения 2 кургана XIV в Дымковке [Айбабин 1985, с.197-198] показательны пряжки, отлитые с обоймой в виде пары соколиных голов. Судя по стилистическим особенностям и характеру комплексов, они сопоставимы с не раз упоминавшимся ранее горизонтом ирано-кавказско-днепро-дунайской дуги соответствий, приходящихся в основном на 2-ю и 3-ю четверти 7 в. [Гавритухин, Малашев 1998, с.59, 61, 67]. Близкую датировку может иметь и интересующее нас погребение в

склепе 2126 из Херсонеса [ИАК. Вып.25 (1905). 1907, с.127-128], если принять предложенное А.И.Айбабиным [1985, с.199-200] сопоставление найденных там серебряных накладок с синими и коричневыми стеклами (эмалью -?) в золотой оправе с византийскими изделиями круга Перещепино - Кунбабонь. Впрочем, изделия с коричневыми и синими вставками встречаются и в более ранних комплексах (Варнинский клад, Морской Чулек и др.), а дополнительную информацию о “пружинных” фибулах, упомянутых при описании рассматриваемого погребения из Херсонеса, нам получить не удалось.

Мужское погребение 3 из Цибилума 1а сделано в одной яме с женским погребением 4 [Воронов, Шенкао 1982, рис.22]. Погребение 3 содержало поясной набор с накладками, типичными для 1 и 2 групп геральдических гарнитур южного Крыма (около 2-й половины 6 - начала 7 вв.) и обувной комплект с трехлепестковыми накладками, распространенными в Крыму в составе наборов группы 4 (около 1-й половины 7 в.) [Гавритухин, Обломский 1996, с.248-249, 254, 274-275]. Аналогичный разброс дат получается, если оценивать рассматриваемое погребение и по кавказским материалам [Гавритухин, Обломский 1996, с.90-91, 274-275 (ИС-9); Гавритухин, Малашев 1998, рис.4: 2, 21, 13; 5: 15, 6:23, с.59]. В погребении 4, близком, если не тождественным по датировке рассматриваемому, встречается фибула, характерная для цебельдинских комплексов с византийскими пряжками со вставками, датируемых не позднее 6 в. [Бажан, Гей 1997, период 9-11 цебельдинской культуры; о датировке - см.: Гавритухин, Малашев 1998, с.49-51]. Очевидно, интересующий нас комплекс приходится на время около конца 6 или начала 7 в.

Погребение 5 из Арчиссы традиционно относится к кругу наиболее архаичных лангобардских комплексов в Италии [Hessen 1971]. В принципе нет жестких оснований для того, чтобы оспаривать это, тем более, что наконечники из этого погребения близки найденным в Садовце, а накладки из Мартыновки и других комплексов 7 в. явно [Pekarsaja, Kidd 1994, S.35] типологически производны от рассматриваемых. Приняв 568 г. (появление лангобардов в Италии) в качестве *terminus post quem* наиболее вероятной датой для погребения 5 в Арчиссе следует признать последнюю треть 6 в., не исключая, в принципе, и начало 7 в.

В погребении 28 из Борок [Альбом ... 1941] кроме интересующей нас пряжки, находилась Т-образная накладка с пламенивидной пластиной, имеющей крупный вырез, обычная для комплексов II горизонта эволюции геральдической ременной гарнитуры Поволжья, приходящегося на 1-ю половину - середину 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.273-275]. Погребение

ние 3 из Верх-Саинского кургана 9 относится к не самому позднему и не самому раннему (судя по стратиграфии курганов) комплексу верх-саинской стадии неволинской культуры, датируемой Р.Д.Голдиной около 6 в., что на современном уровне исследования не вызывает серьезных возражений, принимая во внимание, что случаи встречаемости рассматриваемых вещей с геральдической garniturой к данному комплексу не относятся, а аргументов, позволяющих бесспорно уточнить дату формирования набора верх-саинской стадии в рамках конца 5 - 1-й половины 6 в. не достаточно [Гавритухин 1996, с.120-122, 131, 133]. Близкую датировку имеет, судя по составу комплекса и характеру могильника в целом погребение 5 Коминтерновского II могильника [Казаков 1998].

Комплекс погребения 1 кургана 10 из Ново-Турбаслы не очень выразителен, но, очевидно, находит наибольшее соответствие в материалах II периода эволюции ременной garniturы Поволжья, датируемого около 1-й половины - середины 7 в. [Гавритухин, Обломский 1996, с.273-275]. В могиле 84 из Суук-Су, кроме интересующей нас пряжки, найдены бусы, браслеты, перстни [Репников 1906, с.24], что не позволяет на современном уровне изучения этих древностей предложить надежную узкую дату. В погребении 52 из Маклашевки рассматриваемая пряжка является единственной узко датируемой находкой [Старостин, Чижевский 1993]. Погребение 52 находится на периферии этого памятника именьковской культуры, датировку которого авторами исследований в рамках 6 - 1-й половины 7 в., хоть трудно обосновать с желаемой степенью жесткости, нет оснований и оспаривать.

Таким образом, наиболее ранние образцы рассматриваемых пряжек принадлежат вариациям, выполненным в позднеантичной традиции, датируемым около 3-й трети 6 - начала 7 в., и волжской серии, датируемой в рамках от середины 6 до середины 7 в. Учитывая же отмеченную выше очевидную типологическую компактность и немногочисленность волжской серии, очевидно, что она едва ли существовала целое столетие, поэтому вполне вероятно и не противоречит приведенным материалам, что дата волжской серии близка позднеантичным вариациям. Хронология находок основной серии и производных вариаций укладывается в рамки от начала до середины 7 в., хотя и не исключает некоторого удреждения даты появления основной серии и, соответственно, ее отдельных образцов.

Тип “В-образные пряжки без площадок в задней части рамки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой”.

Пряжки указанной формы наиболее просты на фоне рассматриваемых в этой работе и относительно не многочисленны. Сравнительно небольшое число выразительных и специфичных признаков затрудняет сис-

тематический последовательный анализ, направленный на выделение более-менее четко очерченных серий и вариаций, связанных с достаточно определенным культурно-хронологическим контекстом. Тем не менее, некоторые наблюдения в этой области вполне можно предложить для дальнейшего обсуждения по мере накопления материала и появления дополнительных аналитических разработок.

Во-первых, выделяется набор пряжек (рис.5: 15-19) с резко зауженной прорезью, производящих впечатление довольно массивных, но они полые и изготовлены из довольно тонкой металлической пластины, нередко прессовкой, хотя есть и литые образцы. Эти изделия принадлежат массиву пряжек так называемого “шиповского” круга, внимание на которые было обращено в ряде работ А.К.Амброза, а в настоящее время такие пряжки с той или иной степенью отчетливости выделяются практически всеми специалистами. Наряду с рассматриваемыми здесь неорнаментированными образцами, имеющими В-образную рамку и обойму щитовидной или близкой формы, “шиповские” пряжки могут иметь подпрямоугольную, подтреугольную или другую обойму, иногда их рамка близка по форме, скорее, овалу. Причем, жесткие границы между этими и рассматриваемыми в данной работе вариациями провести довольно трудно: приходится искусственно-формально членить фактически единый массив. Наиболее богатые шиповские образцы тех же форм покрывались позолотой или тонким золотым листом, украшались вставками, могли иметь рифленую рамку и другие украшения.

Ареал рассматриваемых пряжек (рис.6: а), как и вообще древностей шиповского круга, охватывает, в основном, ряд районов Поволжья и Северного Кавказа. Здесь же найдены наиболее архаичные и выразительные образцы таких древностей. Зона же шиповского влияния включает практически полностью полосу южнорусских степей: от Южного Урала до Поднепровья; реже встречаются такие древности и на соседних территориях: в Приаралье, в Южном Крыму, на Среднем Днепре. К пряжкам, судя по всему, производным от шиповских (рис.6: б), следует относить находки, связываемые с нижнекубанской болгарской группировкой 7 в. [Атавин 1996] из хутора Чапаевского, станицы Калининской и “Царского” кургана (рис.5: 11, 13), а так же ряд других вещей (рис.5: 10, 12, вероятно, и 14).

Другая, довольно типологически компактная вариация рассматриваемых пряжек (рис.5: 27-31) представлена литыми образцами, хоть и имеющими полую рамку, но довольно массивными, с четкими гранями на рамке и, как правило, довольно крупным язычком сложной конфигурации. Представительная подборка таких вещей происходит с могильника Ска-

листое в горном Крыму, что и дало название серии, хотя ее образцы распространены шире: до Поволжья, а дериваты - до Кавказа (рис.6: с, d). На первый взгляд пряжки скалистинской серии довольно близки изделиям шиповского круга и нет жестких оснований отрицать полностью влияние каких-то из них на другие, но представляется, что формирование скалистинской серии в значительной степени объяснимо местным творчеством на основе массивных В-образных пряжек, изготовленных отдельно от обоймы (о балканских и черноморских образцах см.: [Гавритухин, Малашев 1998, с.54-56]).

К кругу дериватов скалистинской серии относится находка из Манто-фонтана (рис.5: 25), хоть и изготовленная из тонкой пластины, как многие шиповские пряжки, но морфологически, скорее, более близкая образцам скалистинской серии. К этому же кругу тяготеют и экземпляры из Закавказья (рис.5: 23, 24). Пряжки из Херсонеса и катакомбы 5 могильника Клин-яр IV (рис.5: 26), хоть и формально близки дериватам шиповских (как на рис.5: 10), но вполне могут рассматриваться и как производные от южнокрымских (как рис.5: 26-28), в пользу чего свидетельствует довольно большая толщина этих изделий, что характерно для ряда крымских образцов. Возможно, что и армиевскую находку (рис.5: 14) следует связывать со скалистинской серией, а не изделиями шиповского круга.

Некоторые из рассматриваемых пряжек (рис.5: 7-9), со сравнительно широкой прорезью рамки могут быть как производными от вышеописанных, так и связанными с упрощением или другой модификацией образцов иных серий или типов. Сказанное касается и мелких пряжек с узкой рамкой (рис.5: 1-5), а также своеобразного экземпляра, найденного у санатория имени С. Орджоникидзе в Кисловодске (рис.5: 22). Пока не ясно, стоит ли за сходством некоторых из упомянутых образцов некоторое реальное единство среды или их близость объяснима конвергентным развитием в рамках различных традиций. Высказанная оценка вполне может относиться и к находке из Хачек. Более детальное определение таких вещей, очевидно, не может ограничиваться уровнем последовательной типологии, а требует детального анализа каждого признака и оценки их культурного контекста, что в данной работе сделать не возможно.

Находки пряжек шиповского круга (рис.6: а):

Бердуть, погр.4 (рис.5: 16, 17);

Буйнакский курган, могила 15 [Абрамова 1980, рис.VII: 4];

Клин-яр III, погр.381 - неопубликовано, известна по информации авторов раскопок А.Белинского и Г.Харке (кроме почти полностью сохранившегося образца этому же типу принадлежат, вероятно, и некоторые обломки других пряжек из этого же комплекса);

Коминтерновский II, погр.5 (рис.5: 15);
Коминтерновский II, погр.11 (рис.5: 18);
Коминтерновский II, погр.42 [Казаков 1998, рис.30:3];
Коминтерновский II, погр.46 [Казаков 1998, рис.36:20];
Тырнауз, катакомба «1956 г.» (рис.5: 19).

Находки дериватов пряжек шиповского круга (рис.6: b):

Калининская, погр.3 в кургане 30 [Атавин 1996, табл.13: 4];
Лермонтовская скала 2, катакомба 16 (рис.5: 12);
Царский, комплекс 73 (рис.5: 13);
Чапаевский, погребение (рис.5: 11);
Чир-юрт, погр.5/1957.

Находки пряжек скалистинской серии (рис.6: c):

Безводное, погр.1, вторичное захоронение (рис.5: 29);
Скалистое, склеп 413 (рис.5: 31);
Скалистое, склеп 449 (рис.5: 30);
Скалистое, на территории могильника (рис.5: 27);
Старый Кадом, погр.53 (рис.5: 28).

Находки дериватов скалистинской серии (рис.6: d):

Восточная Грузия (рис.5: 24);
Едыс, погр.12 (рис.5: 23);
Клин-яр IV, катакомба 5 (не опубликована, известна по информации
А.Белинского и Г.Харке);
Манто-фонтан, погр.1 (публикуется по любезному разрешению А.Филиппенко, которому я приношу благодарность, - рис.5: 25);
Херсонес (рис.5: 26).

Пряжки, относящиеся к дериватам как скалистинской серии, так и шиповского круга (рис.6: e):

Армиево, погр. 236 (рис.5: 14).

Пряжки с широким внутренним контуром рамки (рис.6: f):

Кернье, погр.135 (рис.5: 8);
Клин-яр III, катакомба 360 (не опубликована, известна по информации
А.Белинского и Г.Харке);
Осиповка (рис.5: 7);
Сынгыштамак, курган 10 (рис.5: 9);

(рис.6: g):

Кисловодск, погребения, разрушенные у санатория имени С.Орджоникидзе (рис.5: 22).

Пряжки с узкой рамкой (рис.6: h, i):

Виноградное (рис.5: 1);

Пенджикент, вне комплекса (рис.5: 5);

Самтавро, из погребений, разрушенных в 1940 г. (рис.5: 4);

Уфа Новиковка (рис.5: 3);

Хачки (рис.5: 6);

Чми, катакомба Г(Хегера) (рис.5: 2).

Датировка древностей шиповского круга является предметом дискуссии. Впервые выделивший их А.К.Амброз указывал на примеры совстречаемости таких вещей с материалами 7 в., хотя не отрицал в принципе возможность формирования шиповских комплексов в более раннее время - где-то в рамках 6 в. И.П.Засецкая, напротив, обращала внимание на близость ряда элементов шиповских стилей древностям гуннской эпохи, что и определяло дату в рамках 2-й половины 5 - начала (1-й половины?) 6 в. Ряд других специалистов примыкали к указанным точкам зрения или пытались их как-то комбинировать. Лишь в недавнее время появились дополнительные аргументы для рассмотрения этой проблемы.

Предложенная И.О.Гавритухиным новая серияция материалов Бирского могильника (одного из опорных памятников в системе А.К.Амброза) показала, что наибольшее распространение пряжек и наконечников шиповского круга приходится на эпоху, более раннюю, чем распространение в Поволжье гарнитур геральдического стиля и эти древности лишь частично синхронны наиболее архаичным геральдическим гарнитурам Поволжья, сменяют же они длительную эпоху господства пряжек, сформировавшихся в гуннское время (хотя модификации последних продолжают существовать до 7 в.). Это соответствует ряду материалов и наблюдений специалистов по раннесредневековой археологии Поволжья: Р.Д.Голдиной, А.В.Богачёва, Н.А.Лещинской, Е.П.Казакова и других [Гавритухин 1996; Гавритухин, Обломский 1996, с.86-87; Казаков 1998; там литература].

Работа над хронологией раннесредневековых древностей Кисловодской котловины, основанная на серияции керамики, показала схожую картину: формирование ряда особенностей шиповских стилей относится ко 2-й половине 5 в., в 6 в. происходит их распространение, причем, наиболее выразительные находки приходится на время около середины и 2-й половины 6 в., а в 1-й половине 7 в. эти стили, хоть и встречаются, вытесняются новыми [Гавритухин, Малашев 1998]. Пряжки, рассматриваемые в данной работе, явно не относятся к ранним на фоне шиповских комплексов и связаны, в основном, с эпохой расцвета стиля, то есть датируются в рамках 6 в. или (вероятнее) от середины 6 до начала 7 в. Более узкую датировку на современном уровне наших знаний можно получить лишь для единичных комплексов.

Катакомба 16 из могильника 2 у Лермонтовской скалы по составу керамики принадлежит периоду IIa, а катакомба 381 могильника Клинь-яр III - периоду Id Кисловодской хронологической шкалы, то есть первая датируется около 1-й трети 7 в., а вторая - около 3-й трети 6 - начала 7 вв. [Гавритухин, Малашев 1998]. В катакомбе, исследованной в Тырнаузе в 1956 г., есть обломок Т-образной накладки, что не позволяет опускать дату комплекса ниже 2-й половины 6 в. и, наряду с обломком пряжки, обычной для гарнитур геральдического стиля (см. выше, о пряжках кавказской серии) делает вполне вероятной датировку 1-й половиной - серединой (или 2-й - 3-й четвертью) 7 в. Обломок, судя по всему, довольно архаичной геральдической «рогатой» накладки есть в погребении 4 из Бердуть [Мамаев 1986]. Геральдическая двучастная накладка, с довольно резко выраженными «рогами» найдена и в могиле 15 Буйнакского кургана, что указывает на датировку комплекса в рамках 7 в., скорее, ближе к середине этого столетия.

Погребения в низовьях Кубани рассматривались А.Г.Атавиным. Он относит к наиболее раннему горизонту погребение у хутора Чапаевский (1-я половина 7 в.), погребение из кургана 30 у станицы Калининской относится им к следующему горизонту (2-я - 3-я четверти 7 в.), а самым поздним (конец 7 - 1-я половина 8 вв.) считается комплекс из кургана «Царский» [Атавин 1996]. Если первые две датировки не вызывают возражений и соответствуют разработкам, на которых базируется и данная работа, то хронологию комплекса из Царского кургана представляется явно омоложенной. Поздняя дата, предложенная А.Г.Атавиным основана на оценке пяти вещей из этого комплекса, который, учитывая очевидно более ранние даты некоторых предметов, он склонен интерпретировать как клад [Атавин 1986, с.229, 231]. Из пяти вещей, привлекаемых для обоснования поздней даты, две имеют широкую хронологию даже по материалам, привлеченным А.Г.Атавиным. Три другие вещи (пряжки типов 4 и 8 и бляшка типа 13 по типологии этого автора) датируются на основе единичных и не прямых соответствий. По нашему мнению, этот комплекс вполне гомогенен по составу и его наиболее характерные элементы близки материалам из курганов у станицы Калининской, принадлежащим горизонту «кавказско-днепро-дунайских» соответствий, датируемых около середины 7 в. или 630-680 гг. (см. выше, о пряжках кавказской, черноморско-волжской и др. серий и [Гавритухин, Малашев 1998, с.60-61]).

Таким образом, рассмотренные узкие датировки В-образных пряжек шиповского круга укладываются в рамки от 2-й половины 6 до середины 7 вв., а их дериваты не старше 7 в. и выходят из употребления во 2-й

половине (3-й четверти ?) этого столетия. Тем не менее, для круга таких пряжек в целом пока нельзя однозначно исключить из хронологических границ и 1-ю половину 6 в., учитывая оценку эволюции шиповских древностей и наличие стилистически близких вещей, датируемых в рамках конца 5 - 1-й половины 6 вв. [Гавритухин, Малашев 1998, с. 43 (оценка комплекса) и далее (об абсолютных датах)].

Склеп 449 в Скалистом содержал довольно много разрушенных погребений, а сам он нарушал могилу 480, найденные в беспорядке вещи имеют довольно широкий хронологический разброс: от 6 до середины 7 в. [Веймарн, Айбабин 1993, с.111-112; 197]. Пряжка из скалистинского склепа 413 датируется второй пряжкой из этого комплекса [Веймарн, Айбабин 1993, с.95], имеющей язычок близкий по структуре, но более схематизированный, в сравнении с В-образными пряжками типа 1, отнесенными А.И.Айбабиным [1990, с.37] к 1-й половине 6 в. В погребении 53 из Старого Кадома [Шитов 1988, табл.ХII-ХIII] находилась ременная гарнитура, характерная для I горизонта поволжских геральдических стилей, то есть 3-й трети 6 - начала 7 вв. В рамках с середины 6 до середины 7 в. датируется и экземпляр из Безводного, судя по месту погребения 1 в структуре могильника, что, в целом, не противоречит оценкам Н.А.Краснова, хоть и несколько сдвигает предложенные им абсолютные даты периодов эволюции памятника [Гавритухин 1996; Краснов 1980].

Состав украшений из катакомбы 5 могильника Клинь-яр IV наиболее близок набору, характерному для периодов IIб и IIIа эволюции раннесредневековых древностей Кисловодской котловины, что и определяет дату - около 2-й четверти - середины 7 в. [Гавритухин, Малашев 1998]. Погребение 12 из Едыса датируется ременной гарнитурой геральдического стиля [Дзатиаты 1995], включающей и накладку в виде головы птицы, типичную для горизонта кавказско-днепро-дунайских соответствий середины 7 в. (см. выше о датировке дериватов пряжек шиповского круга), что подтверждает и наличие серьги с пирамидальной подвеской, распространяющихся по шкале Кисловодской котловины с периода IIIа. Таким образом, если распространение пряжек скалистинской серии приходится в основном на 6-й и, вероятно, начало 7 вв., то их дериваты существуют по крайней мере до середины 7 в.

Образцы с широкими внутренним контуром рамки и узкой рамкой имеют следующие основания для датировки. Комплекс из погребения 135 в Кернье маловыразителен для сужения даты в хронологических рамках памятника в целом, то есть от конца 6 - до середины 7 вв. [Гавритухин 1990; 1994, с.204-205]. Состав находок из погребения в кургане 10 Сын-

тыштамака и из Уфы, в районе Новиковки, характерны для II периода эволюции поволжской ременной гарнитуры, то есть датируются в рамках от начала до середины 7 в. (многочисленные ссылки даны выше). Так же датируется погребение у села Виноградное (часть 2.2.2). Катакомба Г из приобретений Ф.Хегера в Чми [Хайнрих 1995, табл.XV-XVIII] датируется в рамках 2-й половины (конца ?) 7 - и какой-то части 8 в. (см. выше). Катакомба 360 могильника Клин-яр III принадлежит периоду IIIа хронологической шкалы Кисловодской котловины (середина 7 в.).

Итак, типологический и хронологический анализ позволяет представить следующую картину эволюции В-образных пряжек, изготовленных вместе со щитовидной обоймой. Довольно ранние образцы данного типа появились, судя по всему, в 6-м веке. Часть из них связана с локальной переработкой в горном Крыму балкано-черноморских В-образных пряжек, изготовленных отдельно от обоймы. Другой “очаг” появления таких изделий связан с эволюцией восточноевропейских древностей круга Шипово. Последние имели собственную линию развития, судя по всему не оказавшую значительного влияния на весь массив В-образных пряжек: среди вариаций с выступами в задней части рамки влияние шиповских традиций можно увидеть в своеобразной находке из погребения 5/1948 Пашковского могильника и малочисленной джулатской серии, а среди пряжек с прорезями по бокам - лишь в компактной волжской серии. Но не стоит эти древности и недооценивать: традиции, сложившиеся в “шиповскую” эпоху восточноевропейской истории, несомненно сказывались на развитии более поздних стилей в переработанном виде.

Около 2-й половины 6 в. фиксируется расцвет различных пряжек византийских традиций, изготовленных вместе с прорезной щитовидной обоймой. Наряду с рассмотренными В-образными, многие образцы близких серий имеют подпрямоугольную или овальную рамку. Очевидно, этот расцвет произошел не на пустом месте и дальнейшие изыскания помогут выделить круг прототипов рассмотренных серий в древностях 1-й половины 6 в., а вероятно, и более раннего времени. По-видимому, в начале 7 в. производство большей части таких изделий затухает, а в византийских провинциях и зоне их влияния распространяются вещи новых форм и стилей, хотя некоторые образцы и серии, связанные с переработкой традиций византийских прорезных пряжек существуют значительно дольше основного массива таких вещей (например, пряжки с вырезами по бокам “основной” серии и другие).

Во 2-й половине 6 в. В-образные пряжки, часто с выступами в задней части рамки (восходящие, как было отмечено, к образцам 4-5 вв.), фиксируются на ременных гарнитурах с накладками геральдического круга. Со временем для этих пряжек начинают изготавливаться обоймы щитовидной формы, стилистически связанные с формой накладок. К концу 6 в. появляются и образцы В-образных пряжек, изготовленных вместе с обоймой. На территории Византии они не получили распространения, зато легли в основу ряда представительных серий, имеющих собственные дериваты в Причерноморье и Поволжье, на Кавказе. С ними связана и особая линия развития В-образных пряжек в Азии.

В Карпатской котловине В-образные пряжки так же образуют локальную серию, правда не получившую широкого распространения. В этом отношении показателен, например свод ременной гарнитуры северной зоны аварских могильников [Zábojník 1991]. Сравнительно редки находки В-образных пряжек и в зоне культур меровингского круга, а В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой, среди меровингских древностей 6-7 вв. мне не известны. В Восточной же Европе пик моды на В-образные пряжки с выступами в задней части рамки приходится на 1-ю половину - середину 7 в., а во 2-й половине 7 в. они представлены по преимуществу локальными дериватами, вытесняемыми пряжками других форм, связанных с новыми культурными импульсами.

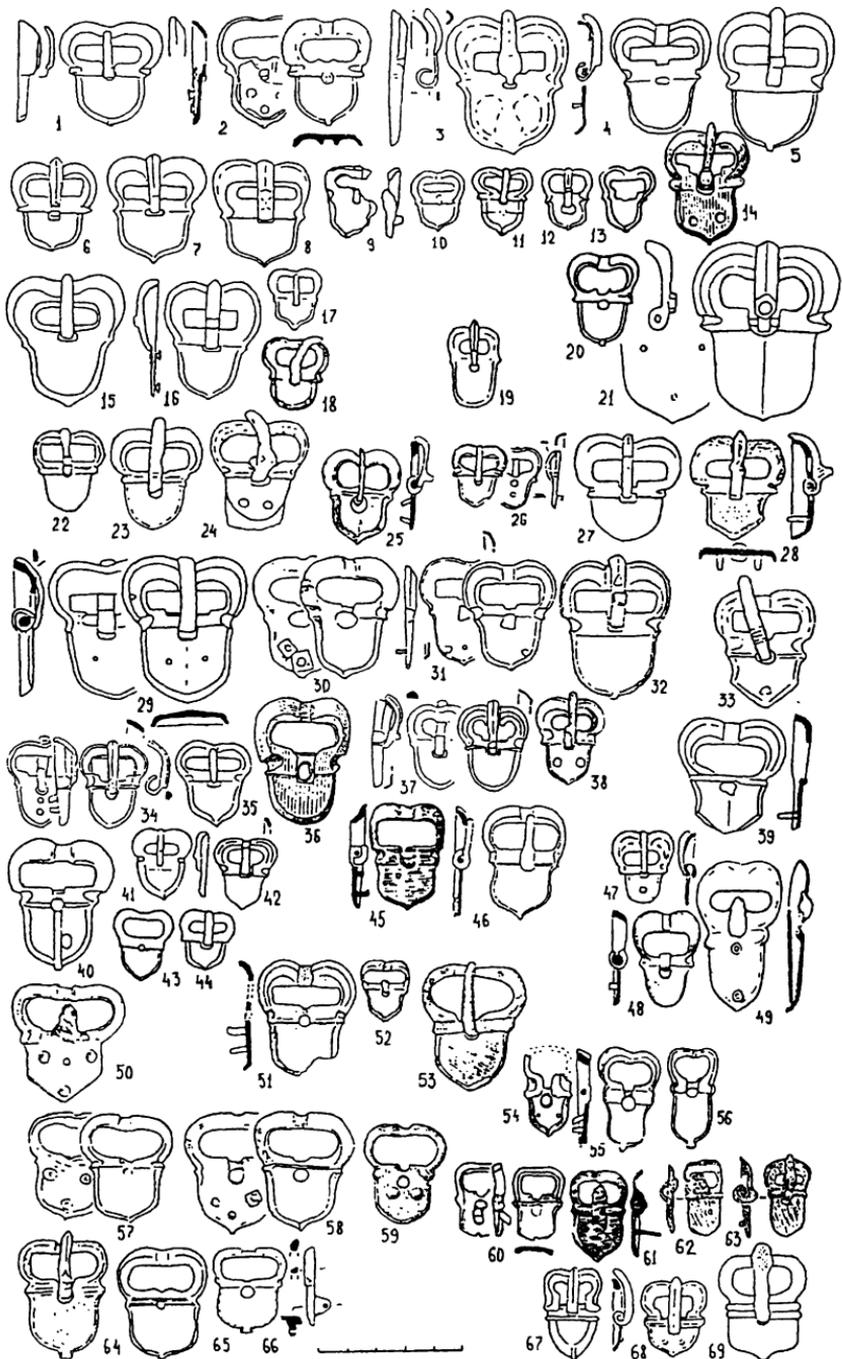
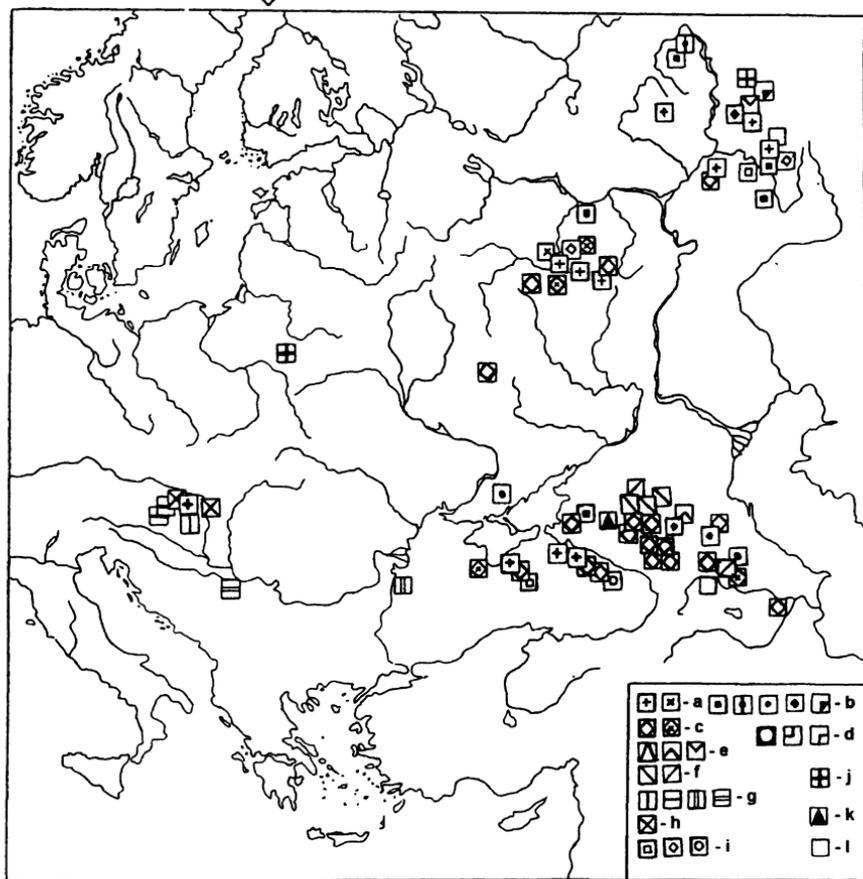
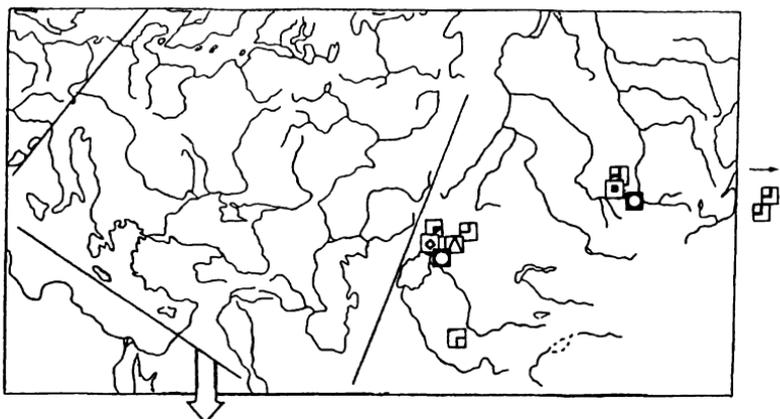

Рис.1 (с.198). В-образные пряжки с площадкой и вырезами в задней части рамки, изготовленные вместе с обоймой “щитовидной” формы:

1 - Гижгид, склеп(?) 11 (1928); 2 - Серповое; 3, 17 - Мокрая Балка, кат.89, 1; 4 - Селекса, погр.38; 5, 22, 32 - Суук-Су, мог.1, 120, 90; 6 - хут.Крупской; 7 - Квемо Алеви, погр.23; 8, 10, 26, 31 - Борисово, погр.15, 31, 181, 191; 9 - Арцибашево; 11 - Моква; 12 - Уч-тепе; 13, 51 - Чми, кат. 11 (Самоквасова), Е (?), Хегера); 14 - Херсонес; 15 - Мирный, кат.3; 16 - Кугульский, склеп 3; 18 и 43, 20 - Самтавро, погр.1/1939, 120/1938; 19 - Пашковский, погр.5/1949; 21, 34, 37 - Борок II, сборы, погр.КО-178; 23 - Уфа Новиковка; 24, 33, 38, 48 - Верх-Саинский, погр.117, погр.1 из кург.79, погр.1 из кург.4; кург.10; 25, 54 - Неволино, участок С/8, погр.141; 27 - Куземкино, сборы; 28, 49, 68 - Алтын-асар 4, кург.19, 149, 49; 29 - Варни, погр.552; 30, 50, 57, 58 - Кернье, погр.106, 140, 82, 61; 35 - Дюрсо, погр.415; 36 - Никольское; 39 - Ст.Бадиково, погр.103; 40, 53 - Агафоново 1, погр.47, 52; 41, 47 - Нижний Джулат, погр.1, 55; 42 - Шокша, погр.252; 44 - Виноградное; 45, 61 - Кудыргз, погр.11, 9; 46 - Безводное, погр.111; 52 - Калининская, погр.3 из кург.30; 55 - Бартым погр.19Е; 56 - Хачки, слой; 59 - Будапешт Факашерт, погр.1890 г.; 60 - место -?, коллекция Анучина; 62, 63 - Ломы, погр.1; 64 - Констанца; 65 - Мор Акастодомб, погр.21; 66 - Белград; 67 - Изых, скл.1; 69 - Самарканд, погр. “у обсерватории Улукбека”.

Рис.2 (с.200). Распространение вариаций В-образных пряжек с выступами и вырезами в задней части рамки, изготовленных вместе с обоймой щитовидной формы:

a - черноморско-волжской серии (1 - основных вариаций, 2 - псевдопряжки); *b* (1-4) - дериватов черноморско-волжской серии (1 - “безводненской” эволюционной линии, 3 - степные и кавказские вариации); *b* (5) - вероятный дериват кавказской серии; *c* - кавказской серии (1 - основные вариации, 2 - вариант “Серповое” и вариации в 8-образной прорезью рамки); *d* - центральноазиатской серии; *e* - джулатской серии; *f* - ближайшие дериваты кавказской серии; *g* - дунайской серии (1, 2 - среднедунайской традиции; 3, 4- византийской традиции); *h* - среднедунайские дериваты дунайской и черноморско-волжской серии; *i* - вероятные дериваты кавказской серии; *j* - вариации “Бартым - Хачки”; *k* - пашковский образец; *l* - неизвестной вариации.

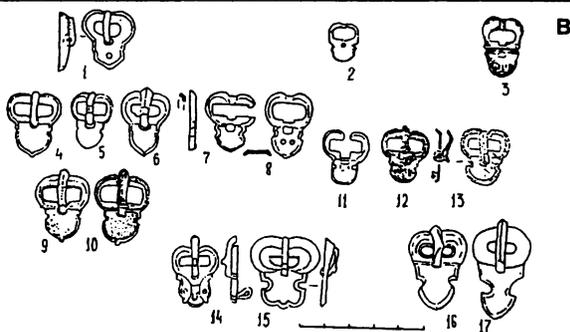
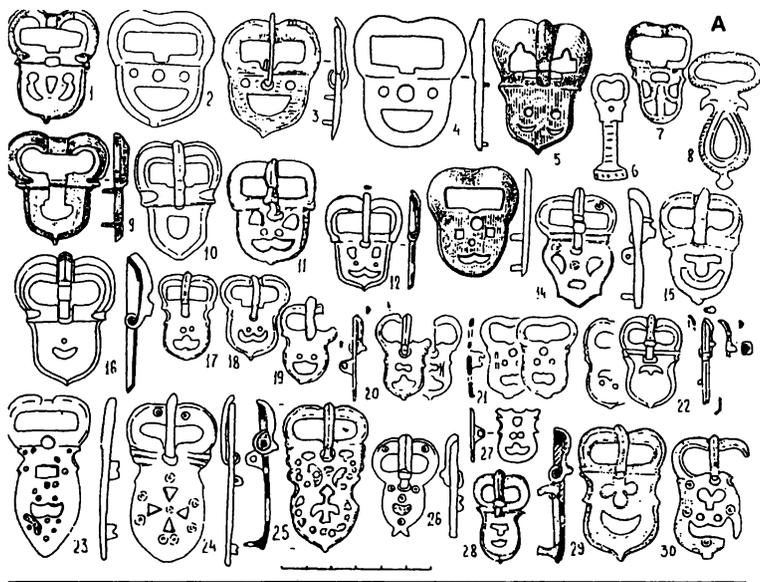

Рис.3. В-образные и близкие им пряжки:

А. С прорезной обоймой: 1 - Скалистое, скл.430; 2 - Чми, катакомба Г (Хегера); 3 - Едыс, погр.5; 4 - Гавази; 5 - Камунта; 6 - Оршова; 7 - Лагерево, погр.2 в кург.46; 8 - Радван над Дунаем, погр.88; 9 - Лучистое, слой 2 скл.46; 10 - Уфа Новиковка; 11 - Кучур-оба; 12 - Цибилум, погр.3/1984; 13 - Бежта; 14 - Пальмира; 15, 22 - Суук-Су, погр.3 в скл.153, погр. 3 в скл.72; 16 - Шокша, погр.252; 17, 25 - Пьятра Фрекацей, погр.В.45, А.425; 18 - Петропавловское, погр.24; 19 - Чанад Бекень, погр.4; 20 - Артек; 21 - Среднее Поднепровье, точнее ?; 23, 26 - Северная Сирия; 24 - Южная Сирия; 27 - Херсонес, VIII квартал, Северного района цистерна в помещении 9а; 28 - Константинополь; 30 - Керчь погр.7 в скл.180/1907.

В. С обоймой, имеющей вырезы по бокам: 1 - Маклашеевка, погр.52; 2 - Суук-Су, могила 84; 3 - Ново-Турбаслы, погр.1 из кургана 10; 4 - Дымковка, погр.2; 5 - Скалистое, склеп 422; 6 - Владикавказ, погр.15.04.1904г.; 7, 8 - Херсонес, склеп 2126/1905; 9 - Каллатис, погр.132; 11 - Немеди; 12 - Унтерлаухринген; 13 - Скалистое, "Баклинский овраг", склеп 23; 14 - Арчисса, погр.5; 15 - Цибилум 1а, погр.3; 16 - Борки, погр.28; 17 - Коминтерновский II, погр.5.

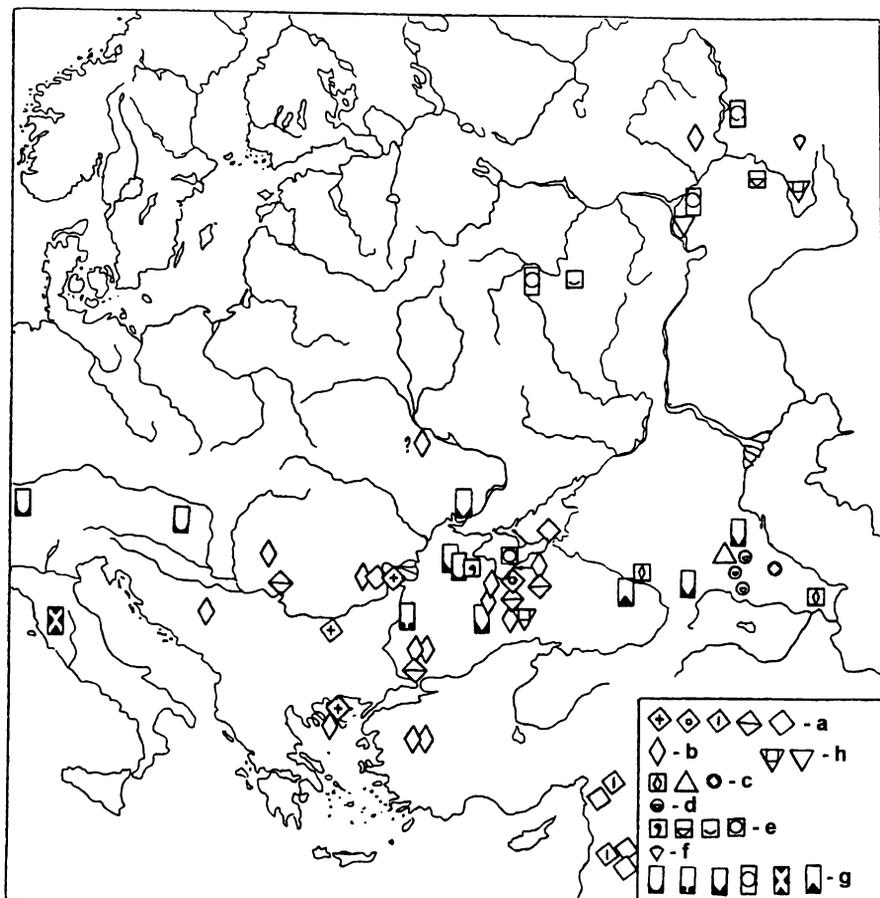

Рис.4. Распространение В-образных пряжек, изготовленных вместе с прорезной облоймой:

a - средиземноморских и балканских серий (1, 2- разновидности типа Сучидава, 3 - сирийской серии, 4 - круга "Цариград - Прахово"); *b* - серии "Неа Анхиалос - Артек"; *c* - восточноевропейских серий (1 - варианта "Кучур-оба", 3 - псевдопряжка); *d* - вариант "Едыс - Гавази"; *e* - вариации с прорезами восточноевропейских серий (1-3 - черноморско-волжской; 4 - кавказской); *f* - лагереевский образец; *g* - маленькие с вырезами по бокам непрорезной облоймы (1-3 - основной серии, соответственно вариантов 1, 2, 3; 4 - волжской серии; 5, 6 - византийских серий); *h* (1) - дериваты пряжек с вырезами по бокам и других типов; *h* (2) - неясной характеристики.

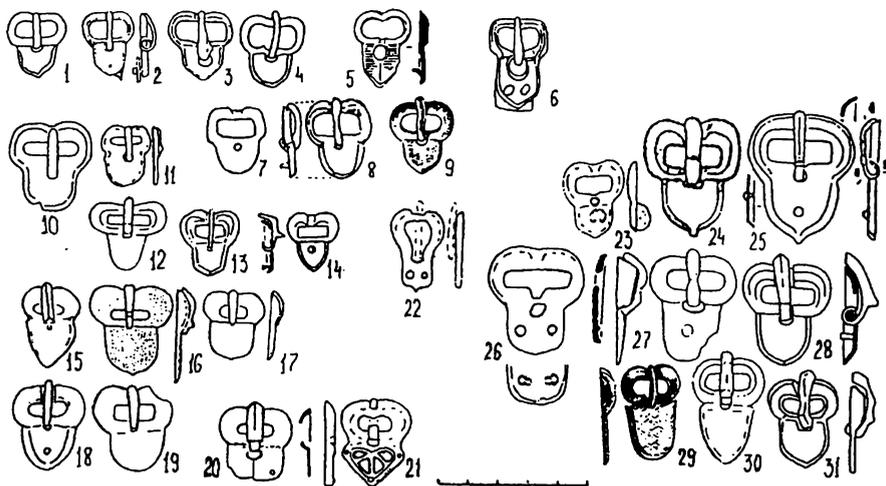

Рис.5. В-образные пряжки без площадок в задней части рамки и прорезей на обойме.

1 - Виноградное; 2 - Чми, катакомба (Хагера); 3 - Уфа Новиковка; 4 - Самтавро, из погребений 1940 г.; 5 - Пенджикент; 6 - Хачки; 7 - Осиповка; 8 - Кернье, погр.135; 9 - Сынтыштамак, курган 10; 10 - Чир-юрт, погр.5/1957; 11 - Чапаевский; 12, 21 - Лермонтовская скала 2, катакомба 16, 10; 13 - Царский, комплекс 73; 14 - Армиево, погр.236; 15, 18 - Коминтерновский II, погр.5, 11; 16, 17 - Бердуть, погр.4; 19 - Тырнауз, катакомба 1956 г.; 20 - Верхне Погромное I, погр.3 в кургане 4; 22 - Санторий им.Орджоникидзе в Кисловодске; 23 - Едыс, погр.12; 24 - Восточная Грузия; 25 - Мантофонтан; 26 - Херсонес; 27, 30, 31 - Скалистое, с территории могильника и из склепов 449, 413; 28 - Старый Кадом, погр.53; 29 - Безводное, погр.1.

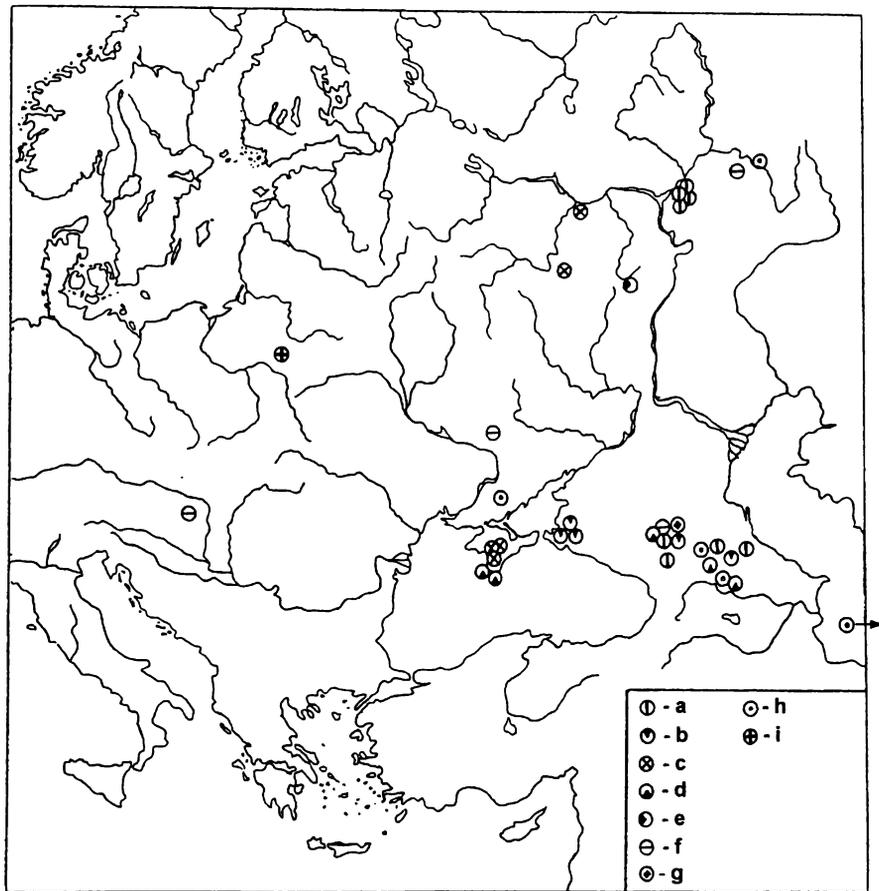

Рис.6. Распространение В-образных пряжек без площадок в задней части рамки, изготовленных вместе со щитовидной обоймой:

a - шиповского круга; *b* - дериватов шиповского круга; *c* - скалистинской серии; *d* - дериватов скалистинской серии; *e* - дериватов шиповского круга или скалистинской серии; *f* - с широким внутренним контуром рамки; *g* - образец из Кисловодска, у санатория им. С.Орджоникидзе; *h* - с узкой рамкой; *i* - находка из Хачек.

Литература

- Абрамова М.П.* 1972. Нижне-Джудатский могильник. Нальчик.
- Айбабин А.И.* 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3.
- Айбабин А.И.* 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1.
- Айбабин А.И., Хайрединова З.А.* 1996. Новый комплекс с пальчатými фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. Вып. V.
- Айбабин А.И., Хайрединова З.А.* 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI.
- Айбабин А.И., Юрочкин Ю.В.* 1995. Могильник "Баклинский овраг": (по материалам раскопок 1992-1993 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.
- Альбом древностей мордовского народа. 1941. Саранск.
- Амброз А.К.* 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. - IV в. н.э. М. (САИ. Д1-30).
- Амброз А.К.* 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. М. (МИА. 176).
- Амброз А.К.* 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II // СА. № 3.
- Амброз А.К.* 1973. Рец. на: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W., Das Gräberfeld von Nevolino. Вр., 1969 // СА. № 2.
- Амброз А.К.* 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.
- Амброз А.К.* 1986. Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. № 4
- Амброз А.К.* 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.
- Аржанцева И.А.* 1986. Вооружение раннесредневековой Средней Азии (по изобразительным данным). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М. (и рукопись диссертации - храниться на кафедре археологии МГУ).
- Аржанцева И.А.* 1987. Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли // Древний и средневековый Восток. М.
- Археологические памятники Восточного Закавказья. 1989. Казань.
- Атавин А.Г.* 1996. Погребения VII - начала VIII вв. из Восточного Приазовья // КЕС.
- Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э.* 1998. Праболгары на Средней Волге: (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю.* 1989. В-образные рифленные пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. № 198.
- Барынина Т.В., Иванов В.А.* 1998. Военно-политическая история Евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала I тыс. н.э. // КЕС.
- Богачёв А.В.* 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования: (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.
- Боталов С.Г.* 1998. Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей // КЕС.
- Вадаи Х., Кулчар В.* 1984. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // ААН. XXXVI. Вр.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Викторова В.Д. 1962. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. Вып. 4.

Ворошина Р.Ф. 1974. О некоторых деталях одежды среднеэцнинской мордвы VIII-XI вв. // КСИА. Вып.140.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., Шенкао Н.К., Логинов В.А. 1989. Исследования крепостей и могильников в Цебельде // Археологические открытия в Абхазии в 1984 г. Тбилиси.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. 1982. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М.

Гаврилова А.А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.- Л.

Гавритухин И.О. 1990. К изучению изменений в материальной культуре севера Карпатской котловины в конце VI - начале VIII вв. н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Гавритухин И.О. 1994. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский сборник. Вып.4. М.

Гавритухин И.О. 1994а. Пряжки с коробчатой петлей // МАИЭТ. Вып. IV.

Гавритухин И.О. 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв. // КЕС.

Гавритухин И.О. 1997. Маленькие трапецевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. 12. Мінск.

Гавритухин И.О. - в печати. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Späten römische Keiserzeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz.

Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. 1996. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Соросовские лауреаты. М.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи "готских походов": (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Генинг В.Ф. 1976. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань.

Генинг В.Ф. 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: пьяноборская эпоха III в. до н.э. - II в.н.э. М.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып.12. Свердловск.

Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Водолога Н.В. 1984. Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камко-Вятского междуречья. Ижевск.

Голдина Р.Д., Водолога Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Голдина Е.В. 1997. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Материалы научного симпозиума. Киров.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голдина Р.Д., Королёва О.П., Макаров Л.Д. 1980. Агафоновский могильник -

памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск.

Голдина Р.Д., Королёва О.П. 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.

Голофаст Л.А. 1996. Штампы V-VII вв. на посуде группы "Африканской краснолаковой" из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. Вып. V.

Голофаст Л.А. 1998. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Автореферат и рукопись диссертации кандидата ист. наук. М.

Дзаттиаты Р.Г. 1986. Раннесредневековый могильник в селении Едыс // СА. № 2.

Дзаттиаты Р.Г. 1995. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника // Аланы: история и культура. III. Владикавказ.

Димитров Д. и др. 1964. Археологические раскопки в восточном секторе Нове в 1962 году // Известия на археологический институт. XXVII. София.

Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи переселения народов V-VIII веков. М.

Добжанский В.Н. 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.

Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонарева Н.А. 1997. Сокровища хана Кубрата. СПб.

Засецкая И.П. 1983. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV-V вв. н.э.) // История и культура сарматов. Саратов.

Засецкая И.П. 1993. Материалы боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III.

Засецкая И.П. 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского раннесредневекового некрополя // МАИЭТ. Вып. VI.

Иванов А.Г. 1996. Отчет об охранных раскопках Варнинского могильника в Удмуртской Республике в 1996 г. Ижевск, 1998 // Архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, РФ, оп. 1н.

Иванов А.Г. 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V - первая половина XIII в.). Ижевск.

Иессен А.А. 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 3.

Казаков Е.П. 1996. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках // КЕС.

Казаков Е.П. 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // КЕС

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. М. (САИ. Вып. E1-2).

Краснов Ю.А. 1980. Безводнинский могильник: (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.

Крыганов А.В. 1996. Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии // КЕС.

Кузнецов В.А. 1980. Археологические памятники на южной окраине г.Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе.

Лантева Т.А. 1996. Бронзовые фибулы Прикамья // Historia Fenno-Ugrica. I. 1. Oulu.

Лещинская Н.А. 1995. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы, Ижевск.

Любчанский И.Э. 1998. Хронологические аспекты комплексов "курганов с усамы" Евразийской степи // КЕС.

Мацулевич Л.А. 1927. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки // Seminarium Kondakovianum. I.

Минасян Р.С. 1998. Данные о способах изготовления крымских пальчатых фибул // МАИЭТ. Вып. VI.

Мотов Ю.А. 1998а. Кинжалы и ножи кочевников раннего средневековья // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы - М.

Мотов Ю.А. 1998б. О датировке мечей с настенных росписей раннесредневековых городов Средней Азии // КЕС.

Мурашева В.В. 1993. Семиотический статус пояса в средневековой Руси // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Труды ГИМ. Вып. 82).

Мурашева В.В. 1997. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X-XI вв. (по материалам «дружинных» курганов) // Археологический сборник. Погребальный обряд. (Труды ГИМ. Вып. 93).

Орлов Р.С., Рассмакин Ю.Я. 1996. Новые памятники VI-VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Останина Т.И. 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск.

Останина Т.И. - в печати. Кузбаевское городище. IV-V, VII вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск.

Патрушев В.С. 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола.

Подвигина Н.Л. 1968. Из истории поясных наборов I тыс. н.э. на территории нашей страны // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях.

Распопова В.И. 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.

Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники области крымских готв // ИАК. Вып. 19.

Репников Н.И. 1907. Некоторые могильники области крымских готв. Ч. II // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. Вып. XXVII.

Рыков П. 1930. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов.

Саханов В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. Вып. 56.

Семёнов В.А. 1976. Петропавловский могильник VI-VII вв. в Южной Удмуртии // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.

Семёнов В.А. 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск.

Смирнов А.П. 1957. Железный век Башкирии // МИА. 58.

Старостин П.Н., Чижевский А.А. 1993. Маклашевский V могильник // Древние памятники Приустьевого Закамья. Казань.

Степи Евразии 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР)

Трапи М.М. 1973. Культура цебельдинских некрополей // Труды в 4-х томах. Т. 3. Тбилиси.

Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Хайрих А. 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. III. Владикавказ.

Шитов В.Н. 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Саранск.

Anazava, Manome 1971. The gold fitted sasanian sword in the collection of the Tenri Sankokan Museum // Ори энто. 1971-2. (на япон. яз. с англ. резюме).

Anazava, Manome 1979. Imbrication patterns on the ancient swords from Japan and orea // Бушицу Бука (Material Culture). 33. (на япон. яз. с англ. резюме).

Bálint Cs. 1992. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Üç Tepe (Sowj. Azerbajdžan) // *Awarenforschungen*. I. Wien.

Bóna I. 1982. A XIX század nagy avar leletei // *Szolnok Megyei Múzeumok év könyve*. 1982.

Csallány D. 1962. Byzantinische Schnallen und Gürtelbeschläge mit Maskenmuster // *Acta Antiqua*. X. Bp.

Claus G. 1977. Strumpfbander: Ein Beitrag zur Frauentracht des 6. und 7. Jahrhunderts n. Chr. // *Festschrift Hundt*. T.3. Jb.d.RGZM. 23.-24. 1976/1977.

Dunaut C. 1952. Chroniques des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1955. Thasos // *Bulletin de Correspondance Hellenique*. LXXVI. P.

Dunaut C. 1956. Chroniques des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1955. Thasos // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. LXXX. P.

Fettich N. 1937. Die Metalkunst der landnehmenden Ungarn. Bp.

Fiala F. 1896. Die prähistorische Ansiedlung auf dem Debelo brdo bei Sarajevo // *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegovina*. IV. Sarajevo.

Garam É. 1990. Bemerkungen zum ältesten Fundmaterial der Awarenzeit // *Typen der Enhnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern*. 2. Wien.

Garam É. 1993. A Tiszakécske-öbögi avarkori sírok: Adatok az avarkori szablyákhoz és az egyenes, egyélű kardokhoz // *CAH*. 1991. Bp.

Ghirchman R. 1963. Notes iraniennes XIII. Trois epees sassanics // *Artibus Asiae*. 24. Nr.3-4.

Hessen O. 1971. Primo contributo alla archeologia Longobarda in Toscana. *Accademia Toscana de scienze e lettere «La Colombria»*, Studi XVIII. Firenze.

Јанковић Ђ. 1981. Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. Београд.

Jansson I. 1988. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd.69. Mainz am Rhein.

Kazanski M. 1995. Рец. на: Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec. Munich, 1992 // *Revue archeologique*. 1.

Kivikoski E. 1973. Die Eisenzeit Finlands. Helsinki.

Kovrig I. 1957. Korai avarkori sírok Törökbálintról // *Folia Archaeologica*. 9. Bp.

Kovrig I. 1963. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Bp.

Pekarskaja L. V., Kidd D. 1994. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck.

Petre A. 1987. La romanité in Scythie mineure (IIe-VIIe siècles de notre ère). *Recherches archéologiques*. Bucureşti.

Pósta B. 1905. Archäologische Studien auf russischem Boden. Bp. - Leipzig.

Preda C. 1980. Callatis. Necropola romano-buzantina. Bucureşti.

Salamon A., Erdelyi I. 1971. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Kornye. Bp.

Schmauder M. 1991. Tracht, Schmuck und Bewaffung // *Spätantike und frühes Mittelalter*. Ausgewählte Dänkmaler im Rheinischen Landesmuseum Bonn. Köln - Bonn.

Simon L. 1983. Nagykorös és környéke avar kori topográfiája. A nagykorösi avar fejedelmi kard. Nagykorös.

Simon L. 1991. Korai avar kardok // *A régészeti tanulmányok megyéből*. Studia Comitatus. 22. Szentendere.

Somogyi P. 1997. Byzantinische Fundmünzen der Awarenzeit. Innsbruck.

Syrien. 1993. Syrien: Von den Apostolen zu den Kalifen. Linz.

Teodor Dan Gh. 1991. Piese vestimentare bizantine din secolele VI-VIII în spațiul Carpatodunareano-Pontic. A.Catarama cu placa fixa // *Arheologia Moldovei*. XIV.

Zábojník J. 1991. Seriation von Gürtelbeschlagmaturen aus dem Gebiet der Slowakei und Österreichs (Beitrag zur Chronologie der Zeit des awarischen Kaganats) // *K problematike osídlenia Stredodunajskej oblasti vo včasnóm stredoveku*. Nitra.

Женская одежда средневекового населения бассейна Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990 – 1991 гг.)

Варнинский могильник V – X вв. н. э. занимает площадку подошвенной части высокого мыса, образованного реками Каршур и Варнишур, небольшими правыми притоками Чепцы на северной окраине д. Варни Дебесского района Удмуртской Республики. Памятник был открыт в 1976 г. В. А. Семёновым, им же проводились раскопки могильника в 1970–73 и 1984 гг. Всего было изучено 345 захоронений, часть полученных материалов была опубликована автором раскопок в 1980 г. [Семёнов 1980]. В 1990–91 гг. археологические исследования на памятнике проводились В. А. Семёновым и Н. И. Шутовой при участии А. Г. Иванова [Семёнов 1990; Шутова 1991; Семёнов, Шутова, Иванов 1991, с. 74–75]. Было вскрыто еще 101 погребение, которые содержали богатейшие материалы, позволяющие дать описание женской одежды и украшений местного средневекового населения, а также выполнить варианты реконструкций костюмов на основании размещения вещей относительно костяка погребенного. Характеристике этих данных и посвящена настоящая статья.

На основании антропологических определений и особенностей сопровождающего инвентаря из 101 погребальных комплексов выделено 39 женских захоронений, среди которых абсолютно отсутствовали безынвентарные погребения. 14 комплексов (пп. 346А, 352Б, 357, 360, 361, 365Б, 378, 385, 409В, 421, 429А и Б, 435, 441, 448) с захоронениями женщин молодого, зрелого и старческого возраста, оказались разрушенными, поэтому в них кости скелета, а также остатки одежды и украшений были перемешаны и не поддавались реконструкции. В связи с этим для описания женского костюма привлекаются материалы оставшихся нетронутого 25 женских погребений. Из них два комплекса (пп. 370, 379) были датированы V в. [см. статью А. Г. Иванова в наст. сборнике], а остальные 23 – VIII – X вв. н. э. Рассматриваемые захоронения по возрастным показателям подразделяются на 9 детских погребений, в которых были уложены девочки в возрасте от новорожденной до 15 лет (пп. 362, 371, 379, 388, 392, 401, 403, 425, 437) и 16 женских погребений в возрасте от 15 лет до старческого (пп. 349, 350, 351, 369, 370, 380,

398, 404, 416, 419, 426, 428, 431, 433, 438, 445). В погребении 419, где была захоронена женщина старческого возраста, выявлены остатки волос, заплетенных в косы. В четырех могилах (пп. 369, 419, 426, 431) были обнаружены остатки меха, скорее всего, от теплой верхней одежды или покрывала. В погребении 426 кусочек меха, выявленный в изголовье умершей, мог являться остатками головного убора. В двух могильных ямах (пп. 426, 431) найдены остатки кожи.

Выявлено 11 составных элементов женского костюма: остатки головных уборов, серьги или височные подвески, наконсники, гривны, ожерелья, нагрудные украшения, наплечные украшения, пояс, поясные украшения, браслеты, перстни. Однако ни в одном погребении все выше перечисленные детали одежды не были представлены одновременно, в каждом из 25-ти комплексов эти составные части одеяния встречены в разных комбинациях. Самые многочисленные и разнообразные по ассортименту комплекты костюмов состояли из восьми (наконсник, серьги, ожерелье, гривна, браслеты, пояс, поясное украшение, перстни – п.431) и семи элементов (серьги, наконсник, ожерелье, нагрудное украшение, плечевое украшение, пояс, перстни – п. 404). В четырех могилах встречены по шесть категорий украшений, среди которых обязательной деталью являлись серьги или височные подвески и пояс или поясное украшение (иногда то и другое одновременно). Так, в п. 350 выявлены перстень, серьги, остатки головного убора, наконсника, ожерелья, пояса; в п. 351 – серьги, ожерелье, нагрудные привески, браслет, перстень, поясные украшения; в п. 426 – височные подвески, нагрудное украшение, браслеты, перстни, пояс, поясное украшение; в п. 428 – головной убор, серьги, нагрудные привески, браслеты, пояс, поясное украшение. В двух захоронениях обнаружено по пять составных частей от костюма, среди которых обязательной принадлежностью являются серьги (височные подвески), ожерелье, пояс: в п. 416 – височные подвески, наконсник, ожерелье, плечевое украшение, пояс; в п. 419 – серьги, ожерелье, нагрудные привески, пояс, браслет. В пяти могилах (пп. 349, 369, 380, 433, 445) выявлено по четыре категории вещей, в каждом из них почти непременно были представлены серьги (или височные подвески), ожерелье или нагрудные подвески (иногда то и другое одновременно) и браслет, четвертый элемент варьировался (перстень, головной убор, пояс). Комплекты одежды двух погребений состояли из трех разновидностей вещей: головной убор, серьги, нагрудные привески – п. 371; нагрудные привески, пояс, браслет – п. 438. Одеядние умерших трех захоронений содержали по две группы деталей костюма: серьги и браслет –

п. 388; серьги и ожерелье – п. 403; перстень и нагрудные привески – п. 425. В погребении 392 обнаружены только ожерелье и фрагмент металлического украшения. В могильных ямах, относящихся к V в. (пп. 370, 379), обнаружены скопления бус и бисера, разновидность этих украшений не удалось выяснить.

В большей части перечисленных погребений наряду с целыми украшениями встречаются еще и отдельные элементы украшений в виде одной – нескольких бус, подвесок, пронизок (пп. 351, 362, 369, 388, 392, 393, 401, 403, 404, 416, 419, 425, 433). В могилах 393, 401, 437 обнаружены только единичные детали украшений. Самыми богатыми по набору украшений являлись захоронения женщин в возрасте 15 – 20 лет, к ним примыкали одно захоронение девочки 9 – 11 лет (п. 431) и одно погребение женщины старческого возраста (п. 419). В детских погребениях и в погребениях женщин пожилого возраста инвентарь, чаще всего, менее представительен и состоит из одного – двух, изредка – трех украшений или отдельных элементов украшений.

Охарактеризуем составные элементы одежды. В пределах одной и той же категории украшений встречаются различные их варианты.

Остатки головных уборов (4 экз.). В двух погребениях головные уборы представляли собой налобные венчики: в одном случае он состоял из берестяной ленты шириной 6 см, на которую были нашиты тонкие медные пластины овальной формы (п. 369); во втором случае основа убора была обшита в налобной части бисером (п. 371). В остальных двух могилах тип и форма женского головного украшения не поддавались реконструкции, так как сохранились лишь фрагменты меха и кожи с металлическими бляшками (п. 350) или скопление бус, бисера и серебряных монет–подвесок, рассыпанных в изголовье (п. 428).

Остатки накосника (4 экз.). Как правило, они крепились к головному убору или прическе умершей, свисали сзади по спине, либо – с боку, с правой или левой стороны груди. Один накосник состоял из четырех бронзовых цепочек с очковидными привесками на концах (п. 350); другой – из бронзовых пронизок и щипцов, привешенных на кожаных шнурочках (п. 404); третий – из привесок в виде бронзовых пронизок и костяной орнаментированной пуговицы (п. 416). Еще одно накосное украшение крепилось к косе в области затылка и состояло из трех или четырех цепочек с привесками на концах в форме бронзовых колокольчика, лапки, щипчика, костяных уточки и копоушки (п. 431).

Серьги и височные подвески (17 экз.). Выявлены в погребениях 349, 350, 351, 369, 371, 380, 388, 401, 403, 404, 416, 419, 426, 428, 431, 445. Они разли-

чаются по размеру, форме и способу ношения: более легкие простые проволочные округлой или овальной формы и небольшие по размерам гроздевидные серьги могли носить, продевая в уши; более массивные украшения с привеской из полых шаров и конусов, украшенных пирамидками зерни, скорее всего, прикрепляли к головному убору при помощи кожаных шнурков или надевали на уши (?). Необычные височные подвески в виде двух низок, одна из которых состояла из трех бронзовых бусин с привеской–колокольчиком на конце, другая – из бронзовой цепочки с серебряной монетой–подвеской на конце найдены в погребении 369. Судя по их расположению относительно скелетных остатков, обе привески крепились к убору с левой стороны.

Ожерелья (13 экз.). Встречены в могильных ямах 349, 350, 351, 369, 392, 403, 404, 416, 419, 426, 431, 433, 445. В четырех случаях (пп. 362, 393, 401, 425) в области шеи умершей были рассыпаны бусы и бисер в таком малом количестве, что их можно рассматривать лишь в качестве символической части целого украшения. В погребении 426 было размещено шейно–нагрудное украшение из бус и многочисленных серебряных монет–подвесок, которые, возможно, были нашиты на тканевую основу. Такой нагрудник, который покрывал собой грудь умершей до пояса, можно рассматривать в качестве прообраза будущих удмуртских украшений из монет (*уксётирлык*). В остальных погребениях ожерелья аккуратно обрамляли шею умершей женщины. В некоторых погребениях удавалось проследить количество низок ожерелья: три (пп. 349, 431) или две (пп. 351, 404, 419). Часто ожерелья были составлены из бронзовых и стеклянных бус и бисера (пп. 351, 369, 392, 403, 416, 419, 433, 445), реже они сочетались с серебряными монетами–подвесками (пп. 349, 350, 404, 426, 431). В трех могилах выявлены скопления бисера, назначение которых трудно определить – являлись ли они остатками головного убора или ожерелья (пп. 370, 379, 437). В погребении 431 обнаружено ожерелье из двух низок мелких бус, нижняя из которых перемежалась тремя серебряными монетами–подвесками.

Гривна обнаружена в одном случае (п. 431) в захоронении девочки 9 – 11 лет, где она сочеталась с ожерельем из бус.

Нагрудные украшения (10 или 11 экз.). Обнаружены в пп. 351, (369), 371. 380, 404, 419, 425, 426, 428, 433, 438. Чаще всего они представляли собой бронзовые цепочки с привесками на концах. В погребении 351 парные бронзовые цепочки с правой стороны дополнялись пронизью из спиралевидных пронизок, в погребении 433 к левой цепочке была прикреплена костяная копоушка. Другую разновидность нагрудных украшений составляли двоянные пронизи из нанизанных на кожаный шнурок бронзо-

вых пронизок с привесками на концах (п. 425). В погребении 428 такие же пронизи состояли из чередующихся хрустальных и бронзовых бус, заканчивающихся бронзовыми привесками.

Судя по расположению этих нагрудных украшений относительно скелетных остатков, они были прикреплены к ожерелью (п. 351) или к одежде около плеч. В некоторых случаях их могли привешивать непосредственно к головному убору или к височным подвескам. К примеру, в погребении 380 левая пронизь была прикреплена к проволочной серьге (височной подвеске). В единичных случаях прослежены своеобразные нагрудные украшения. Так, в погребении 369 можно предполагать наличие обшитого бусами прямоугольного нагрудника, в погребении 426 – шейно–нагрудное украшение наподобие монисто (о нем упоминалось при характеристике ожерелий), а в погребении 404 грудь умершей до пояса была усыпана бисером, который, скорее всего, был нашит на тканевую основу. В некоторых могильных ямах встречаются лишь отдельные элементы нагрудных украшений в виде трех бронзовых пронизок (п.388), трех бронзовых пронизок, серебряной и бронзовой подвесок, костяного гребня (п. 403), серебряной монеты–подвески (п. 416).

Наплечные украшения (2 экз.). Обнаружены в виде нашивки из бисера (п. 404) и в виде трех бронзовых пронизок (п. 416); оба располагались на левом плече.

Остатки пояса и поясных украшений (10 экз.). Выявлены в погребениях 350, 380, 404, 416, 419, 426, 428, 431, 438, 445). Еще в трех случаях (пп. 351, 369, 425) остатки пояса не выявлены, однако были обнаружены отдельные элементы украшений (бронзовые пронизки, бусы, привески), которые, судя по их расположению относительно костяка, могли крепиться к кожаному ремню. Так, в погребении 351 с правой стороны умершей, у бедра располагался нож с остатками деревянных ножен, которые крепились к ремню при помощи кожаного шнура с нанизанными четырьмя бронзовыми пронизками. Как правило, пояса представляли собой узкие кожаные ремни, украшенные бронзовыми или серебряными накладками различных конфигураций. Иногда (пп. 350, 426, 445 и др.) накладки были изготовлены из тонкой фольги и быстро рассыпались. Концы поясов чаще соединялись при помощи бронзовых пряжек, а в трех случаях – при помощи застежек подтреугольной или полуовальной формы (пп. 428, 431, 438). В погребениях 350 и 380 ремень был таким длинным, что его конец с левой стороны свисал почти до самого колена. Возможно, подобный вариант ношения пояса следует рассматривать в качестве разновидности набедренного или поясного украшения. В погребениях 380 и 404 кожаный ремень

застегивался, очевидно, при помощи какого-то закрепляющего узла или пряжки (костяной? деревянной?). В двух случаях справа к ремню крепились ножны с богатой серебряной обкладкой (пп. 404, 426), в трех – нож в деревянных ножнах (пп. 351, 416, 428). В погребении 416 рядом с ножнами было обнаружено костяное пряслице, которое могло лежать в мешочке или кошельке. В четырех случаях к кожаному ремню крепились дополнительные поясные украшения.

Особые поясные привески (4 экз.) выявлены в погребениях 426, 428, 431, 438. Они располагались с правой стороны умершей. В одном случае поясные украшения состояли из четырех коротких шнурков с бронзовыми пронизками и бусами, которые завершались на конце шумящими подвесками (п. 426), во втором – из двух ниток бронзовых пронизок и бус, рядом с ними к поясу крепились бронзовые шумящие подвески (п. 428), в третьем – из шести коротких ниток бронзовых бус с привесками-колокольчиками на концах (п. 431), в четвертом – к поясу были прикреплены две шумящие подвески (п. 438).

Браслеты (12 экз.). Обнаружены в погребениях 349, 351, 369, 380, 388, 419, 426, 428, 431, 433, 438, 445. Все они изготовлены из бронзы, за исключением браслета из могилы 349, состоявшего из нитки бус и бисера. В шести погребениях выявлено по одному граненному браслету (пп. 351, 369, 380, 419, 433, 438), в одном – один пластинчатый браслет (п. 388), в трех – по одному граненному дрововому и пластинчатому браслетам (пп. 426, 428, 445), в одном – два пластинчатых и один граненный дрововый браслеты (п. 431).

Чаще всего браслеты носили на правой (пп. 349, 351, 369, 380, 388, 433), реже – на левой руке (пп. 419, 438). В двух случаях браслеты были надеты по одному на обе руки (пп. 428, 445), в одном – два браслета на левой и один браслет на правой руке (п. 426), еще в одном – наоборот, два браслета на правой и один браслет на левой руке (п. 431).

Перстни (7 экз.). Выявлены в захоронениях 349, 350, 351, 404, 425, 426, 431. Изготовлены они из бронзы, реже – из серебра (пп. 351, 350). В двух случаях их носили на пальцах правой (пп. 350, 425) или левой руки (пп. 349, 351). В двух других случаях на пальцах левой руки было надето по два перстня (пп. 404, 431), в одном случае – один перстень располагался на пальцах левой руки и три перстня – на пальцах правой руки (п. 426).

Амулеты, к которым можно отнести бронзовые и костяные копоушки, бронзовые щипцы, костяные гребни и разнообразные шумящие привески, являлись, как правило, элементами составных головных, нагрудных или поясных украшений.

Описание костюмных комплексов

Погребение 349. Захоронение предположительно женское. Возраст между 10 и 15–16 годами*. Около ушей с обеих сторон располагались гроздевидные серебряные серьги, на шее – богатое ожерелье из одной низки бисера и двух низок стеклянных бус и бронзовых пронизок, на нижней нитке бусы чередовались с 5–ю монетовидными привесками. На запястьях правой руки найден браслет из низки бус и бисера, на пальцах правой же руки – бронзовый перстень со стеклянной вставкой.

Кроме того, меж бедренных костей умершей обнаружены человеческие зубы, две серебряные серьги (одна гроздевидная, другая в форме простого кольца), бусы, бисер, пронизка–колбочка. Эти находки, возможно, связаны с одновременным захоронением девочки.

Погребение 350. Кости скелета не сохранились, но судя по вещевым находкам здесь была похоронена женщина. Справа от черепа располагались остатки украшения в виде фрагмента кожи и меха с серебряными бляшками и 4–мя бронзовыми цепочками, которые заканчивались очковидными привесками на концах. К сожалению, реконструкция этого убора или накосника затруднена. У висков лежали две серебряные серьги с грузиками на нижнем конце, на шее – нитка стеклянных бус с тремя монетовидными подвесками. На правой руке надет серебряный перстень с шатоном. Выявлены остатки кожаного пояса с бронзовой пряжкой, тонкими металлическими накладками из белого сплава, которые легко рассыпались. Вдоль левого бедра от пояса свисал узкий ремешок с накладками.

Погребение 351 (рис. 1). Захоронение женское. Возраст 16–17 лет. Остатки головного убора не прослежены. У висков обнаружены серебряные серьги в форме простого кольца, на шее – ожерелье из двух низок бус и бисера, возможно, они соединяли серьги друг с другом. По обе стороны груди располагались парные бронзовые цепочки с привесками–колокольчиками или очковидными привесками на концах, с правой стороны они дополнялись пронизью из спиралевидных пронизок. На правой руке умершей был надет бронзовый браслет, на среднем пальце левой руки – серебряный перстень с шатоном. В области пояса умершей прослежены две бронзовые пронизки и подвеска–бубенчик, которые крепились к поясу. Справа у бедра к поясу при помощи кожаного шнура, унизанного бронзовыми пронизками, был привешен нож в деревянных ножнах.

* Определение пола и возраста умерших выполнены старшим научным сотрудником МАЭ А.В. Шевченко.

Погребение 362. Захоронена девочка 4 лет. В изголовье стоял глиняный сосуд с костяной ложкой. На груди располагалась низка из бронзовых и стеклянных бус, раковин–каури.

Погребение 369 (рис. 2). Захоронение женское. Возраст около 18 (16–20) лет. Возле черепа обнаружены остатки головного убора в виде берестяной ленты шириной 6 см с тонкими медными овальными пластинками, которые вскоре рассыпались. По всей видимости, это был налобный венчик. Слева у виска выявлены две височные подвески, одна из которых состояла из трех бронзовых пронизок с привеской–колокольчиком, а другая – из цепочки с подвеской. На шее было бисерное украшение, на груди – украшение из трех – четырех рядов бус. На правой руке надет бронзовый браслет. К поясу крепились две бронзовые бусины и монетовидная подвеска. В погребении встречаются также остатки меховой одежды или покрывала.

Погребение 370. Захоронение женское? Возраст 16–20 лет. Справа у черепа обнаружен берестяной туесок с бисером, бронзовыми кольцом и цепочками – жертвенный комплекс.

Погребение 371 (рис. 3). Захоронение ребенка в возрасте 3–3,5 лет. Судя по характеру инвентаря здесь была погребена девочка. Справа у лобной части черепа выявлено скопление бисера от венчика. У висков обнаружены серебряные проволочные серьги. С обеих сторон груди свисали по одной низке спиралевидных пронизок с бронзовыми бусами на концах.

Погребение 379. Захоронение детское. Возраст 2–2,5 года. Судя по вещевым остаткам здесь была похоронена девочка. Около зубов рассыпан бисер от ожерелья или головного убора.

Погребение 380 (рис. 4). Захоронение женское? Возраст старческий. Около черепа обнаружено костяное пряслице. Справа у виска располагалась круглая проволочная серьга из серебра. К другой серьге слева крепилась нагрудная цепочка. Скорее всего, нагрудные украшения, состоявшие из двух пар бронзовых цепочек, с правой и левой стороны были прикреплены к серьгам. Обнаружены остатки кожаного пояса с бронзовыми накладками и наконечником ремня, от которого с левой стороны свисал узкий ремешок с накладками. С правой стороны к поясу был прикреплен нож в деревянных ножнах. На правой руке был надет бронзовый браслет.

Погребение 388. Захоронение детское. Возраст – несколько месяцев. Судя по характеру инвентаря здесь была похоронена девочка. У висков обнаружены круглые проволочные серьги: бронзовая – с правой, серебряная – с левой стороны умершей. На правой руке надет бронзовый пластинчатый браслет, на груди – остатки украшения из трех бронзовых спиралевидных пронизок.

Погребение 392. Судя по размерам костяков, в этой могиле были погребены двое детей, уложенных «валетом». На основании находок бронзовых пронизок, привески и бисера, рассыпанных около черепа и на груди одного скелета (А), уложенного головой на север, одно из них было захоронением девочки в возрасте 4 лет.

Погребение 393. Захоронение женское. Возраст не старше 25–30 лет. В области шеи располагалась символическая часть ожерелья в виде нескольких стеклянных бусин и бронзовой подвески–костылька. У правой руки умершей лежал нож и бронзовая буса, у левой руки – две стеклянные бусы, у левого колена – две бусы.

Погребение 401. Захоронение детское. Новорожденный? Судя по вещевым находкам здесь была погребена девочка. В области шеи умершей обнаружено немного бисера (часть ожерелья) и серебряная круглая проволочная серьга.

Погребение 403. Захоронение детское. Возраст около 9 месяцев. Судя по характеру сопровождающего инвентаря здесь была захоронена девочка. Возле черепа у висков найдены серебряные проволочные серьги, в области шеи – бисер от ожерелья, на груди – остатки украшения, состоящего из трех бронзовых бус, серебряной монетовидной подвески, бронзовой подвески и костяного гребня.

Погребение 404 (рис. 5). Захоронение женское. Возраст 16–18 лет. Возле макушки черепа обнаружены бронзовые щипцы и пронизки от наконсника. С правой стороны около остатков ожерелья найдено еще несколько бронзовых пронизок, которые также могли быть связаны с наконсным украшением. На шее выявлены две низки стеклянных бус, на нижней из которых бусы перемежались четырьмя серебряными монетами–подвесками. На груди умершей располагалось украшение из мелкого бисера, на левом плече – нашивка из бисера. На умершей был надет кожаный пояс с гладкими округлыми накладками, к которому справа крепились ножны с серебряной обкладкой. На правом среднем и левом безымянном пальцах найден бронзовые перстни.

Погребение 416. Половые признаки умершего смешаны. Возраст 45–55 лет. Череп погребенной отделен от туловища и сложен на левой половине груди, в остальном анатомический порядок залегания скелета не нарушен. По характеру сопровождающего инвентаря здесь, вероятно, была захоронена женщина. Справа, у плечевой кости обнаружен обломок височной подвески. Здесь же располагались остатки наконсника – костяная орнаментированная кружковым орнаментом подвеска типа пуговицы, бронзовые пронизки. В области шеи лежало ожерелье из бус и бисера, на

груди найдена одна монетовидная подвеска, у левого плеча – остатки наплечного украшения из трех бронзовых пронизок. На умершей был надет пояс с бронзовыми пряжкой и накладками, к которому справа крепились нож и костяное пряслице. Последний, по-видимому, находился в мешочке или кошельке.

Погребение 419. Захоронение женское. Возраст старческий. Возле костей черепа найдены остатки волос, заплетенных в косу. У висков умершей обнаружены серебряные гроздевидные серьги, на шее – ожерелье из двух ниток, одна состояла из стеклянных, другая – из бронзовых бус. С обеих сторон груди свисали бронзовые цепочки с привесками: очевидными – справа, в форме бубенчика – слева. На левой половине груди, кроме того, располагались бронзовые костылек и буса. Найдены остатки кожаного пояса с гладкими округлыми накладками и бронзовыми полуовальными застежками. На левой руке был надет браслет. На умершей обнаружены остатки меховой одежды или покрывала.

Погребение 425. Захоронение детское. Возраст 5–6 лет. Судя по вещевым находкам, здесь была захоронена девочка. В области шеи найдено несколько стеклянных бус и две колесовидные подвески. С обеих сторон груди свисали нагрудные украшения, каждая из которых состояла из парных низок: короткой из бронзовых пронизок и длинной из бронзовых бус с привесками–колокольчиками на концах. В области пояса найдены две бронзовые бусы (от пояса?), а на пальце правой руки – бронзовый перстень.

Погребение 426 (рис. 6, 7). Половые признаки умершего переходного типа. Возраст 16–18 лет. Судя по находкам здесь была захоронена женщина. У висков располагались серебряные височные подвески с привеской из полых шариков и конусов, украшенных пирамидками зерни, в области шеи и на груди – богатое украшение, состоящее из стеклянных бус и 14 серебряных монет–подвесок. Сохранились фрагменты кожаного пояса с бронзовой пряжкой и накладками из тонкой серебряной фольги, которые быстро разрушались. С правой стороны к ремню крепились ножны с серебряной обкладкой и составное поясное украшение из бронзовых пронизок, бус и шумящих подвесок. На безымянном пальце левой руки был надет бронзовый перстень, на пальцах правой руки, за исключением большого и указательного – три перстня (один из них плохой сохранности), на запястье левой руки – два бронзовых браслета, на правой руке – ещё один бронзовый браслет. В могиле, возле черепа, на украшениях и в области пояса, встречались остатки меха и кожи (от головного убора? покрывала? одежды?).

Погребение 428 (рис. 8, 9). Захоронение женское. Возраст 15–17 лет. В изголовье умершей обнаружены стеклянные бусы, бисер, две серебряные индикации монет, представляющие собой остатки головного убора. Слева, ближе к лицевой части черепа, располагались ещё четыре серебряные индикации монет, которые, по-видимому, также относились к убору. Справа от черепа обнаружены обломки бронзовой и серебряной серег (височных подвесок), символизировавшие целые украшения. С обеих сторон груди свисали низки длинных составных украшений из чередующихся хрустальных и бронзовых бус, с шумящими подвесками на концах. На правой и левой руке было надето по одному бронзовому браслету. Выявлены остатки кожного ремня с бронзовыми накладками и застежками. Справа к нему крепились нож в деревянных ножнах, бронзовые шумящие подвески, две низки бронзовых бус и пронизок.

Погребение 431 (рис. 10, 11). Захоронение девочки. Возраст 9–11 лет. Справа у черепа располагалось накосное украшение, состоявшее из трех или четырех цепочек с колоколовидной привеской, привеской–лапкой, костяной подвеской–уточкой, бронзовыми щипчиками и копоушкой. У висков обнаружены серебряные гроздевидные серьги, на шее – богатое украшение из серебряной гривны, двух низок бус, в нижней низке бусы перемежались с тремя серебряными монетами–подвесками. На правой руке было надето два бронзовых браслета, на левой – один браслет и два перстня, один из которых рассыпался. Обнаружены остатки кожного пояса с накладками и бронзовыми застежками. В передней части к нему крепились украшения из пяти–шести низок бронзовых бус с привесками–колокольчиками. Около пояса выявлен слабый тлен деревянного или костяного предмета (игольник?).

Погребение 433 (рис. 12). Захоронение девочки. Возраст 10–15 лет. У висков умершей обнаружены серебряные серьги, правая имела форму простого кольца, а левая – гроздевидной привески. Справа у плечевой кости располагался костяной гребень, на шее – ожерелье из бронзовых и стеклянных бус, бисера. По обе стороны груди свисали по две бронзовые цепочки с колоколовидной и очковидной привесками на концах, к левой цепочке или отдельно на шнурочке была привешена костяная копоушка. Кроме того, на груди найдены бронзовые пронизки. На правой руке был надет бронзовый браслет.

Погребение 437. Судя по размерам могильной ямы и характеру инвентаря здесь была захоронена девочка. Около места размещения головы умершей обнаружены бисер и колесовидная подвеска, в ногах (или у пояса?) – бронзовая привеска–лапка с пронизкой.

Погребение 438. Захоронение женское? Возраст около 18 лет. Умершая лежала в необычной позе: на правом боку с подогнутыми ногами. Обнаружены остатки кожаного пояса с округлыми бронзовыми накладками и треугольными застёжками с зернью. Слева к нему крепились две бронзовые шумящие подвески. На левой руке был надет бронзовый браслет. На груди с обеих сторон свисали по паре бронзовых цепочек с привесками-колокольчиками на концах.

Погребение 445. Захоронение женское. Возраст старческий. У левого виска и у левого плеча найдены серебряные серьги с грузиком, на шее – остатки ожерелья из стеклянных бус и бисера. На умершей был надет кожаный ремень с бронзовой пряжкой и накладками из серебряной фольги, которые быстро рассыпались. Справа к поясу крепился нож. На руках было надето по одному бронзовому браслету.

Литература и архивные материалы:

Семёнов В.А. 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск. С. 5–135.

Семёнов В.А. 1990. Отчет о раскопках Варнинского могильника в бассейне Чепцы в 1990 г. / Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ, оп. 2–Н, д. 973а.

Семёнов В.А., Шутова Н.И., Иванов А.Г. 1991. Новые исследования могильников полемской культуры // АОУП. Ижевск. С. 73–75.

Шутова Н.И. 1991. Отчет о раскопках Варнинского могильника в бассейне Чепцы в 1991 г. / Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ, оп. 2–Н, д. 980а.

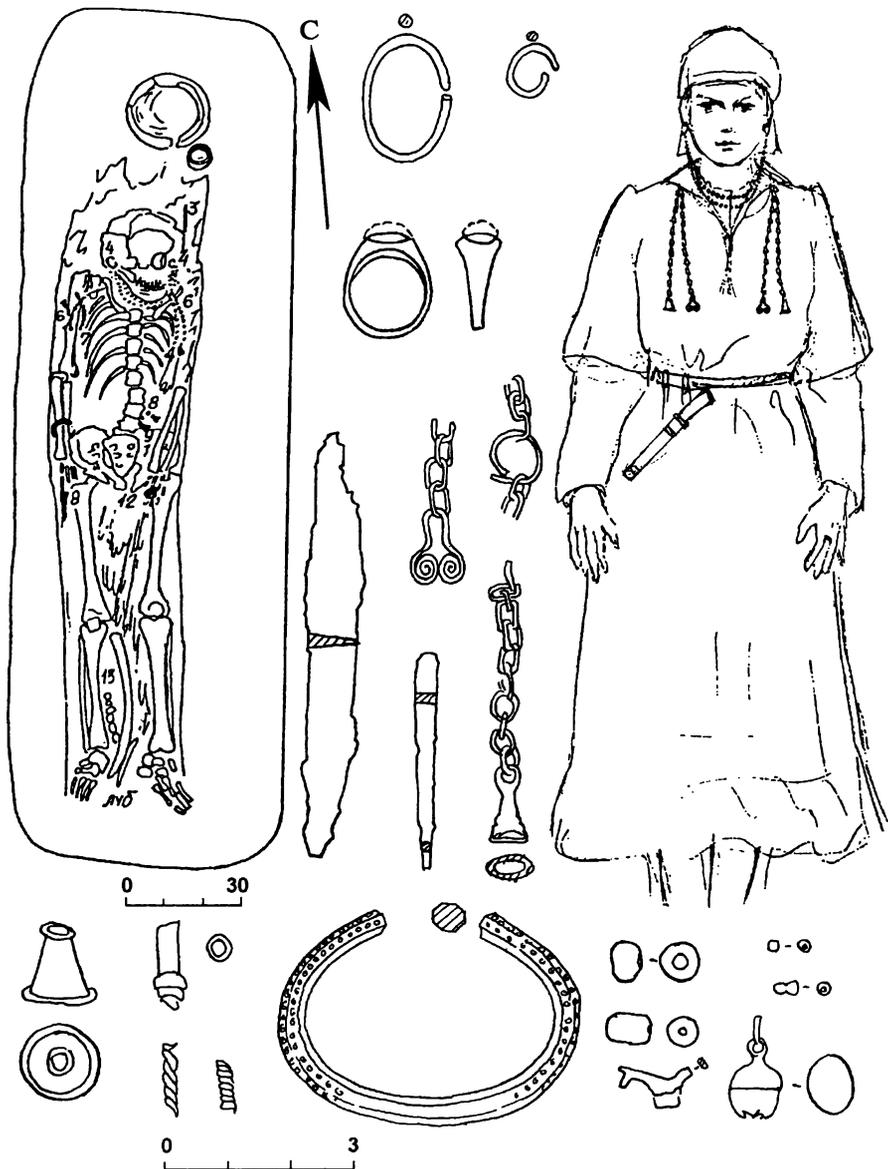

Рис. 1. Варнинский могильник. Погребение 351. Вариант реконструкции костюма женщины 16–17 лет. Здесь и далее все рисунки выполнены художником Н. А. Быковым.

Рис. 2. Варнинский могильник. Погребение 369. Вариант реконструкции костюма женщины около 18 (16–20) лет.

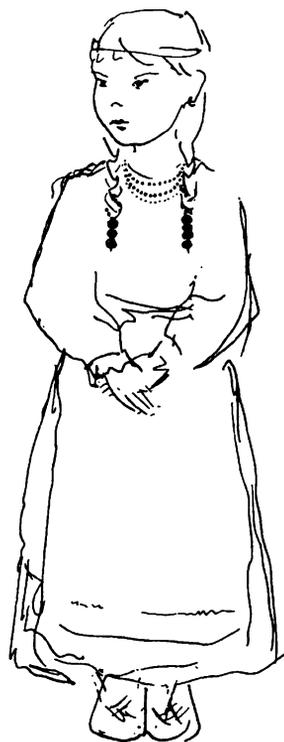
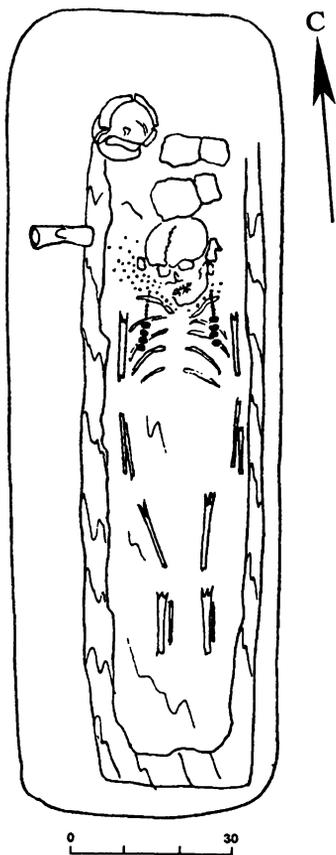

Рис. 3. Варнинский могильник. Погребение 371. Вариант реконструкции костюма девочки 3 – 3,5 лет.

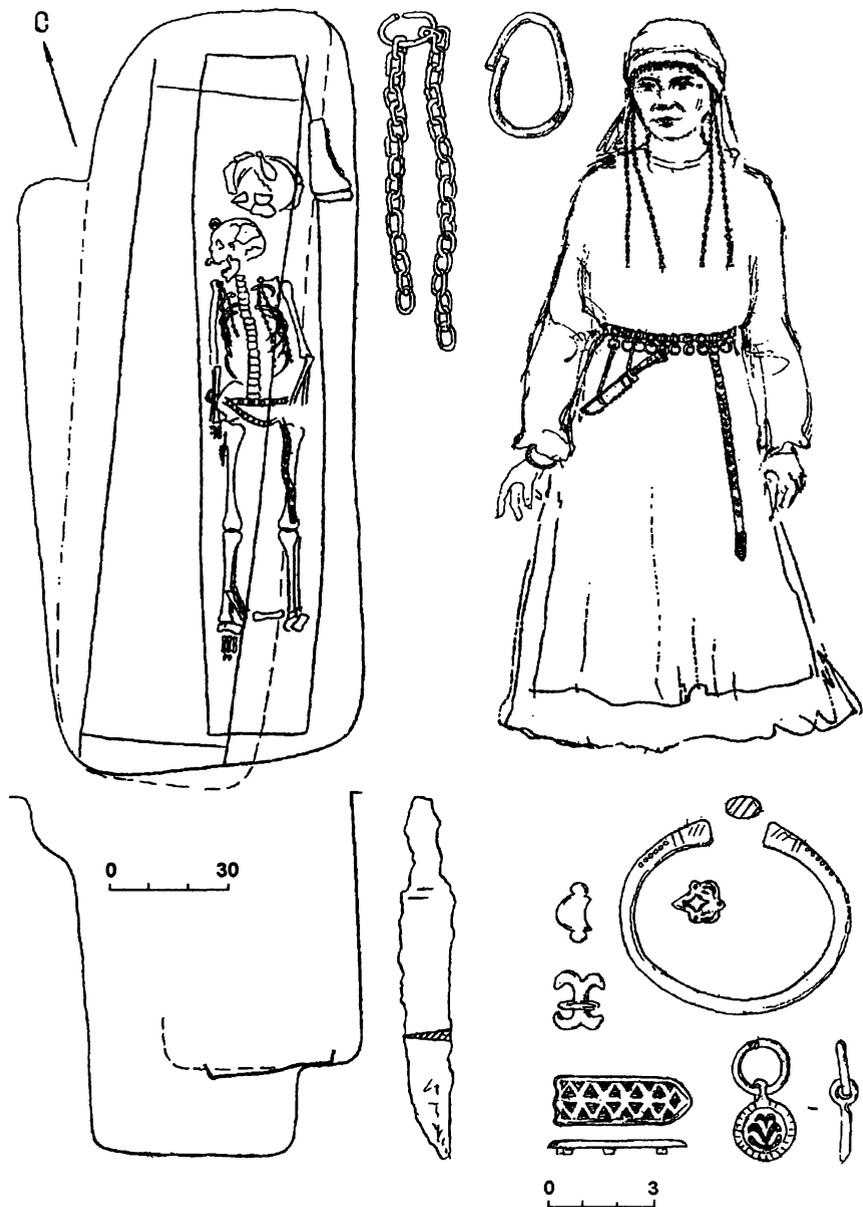

Рис. 4. Варнинский могильник. Погребение 380. Вариант реконструкции костюма женщины старческого возраста.

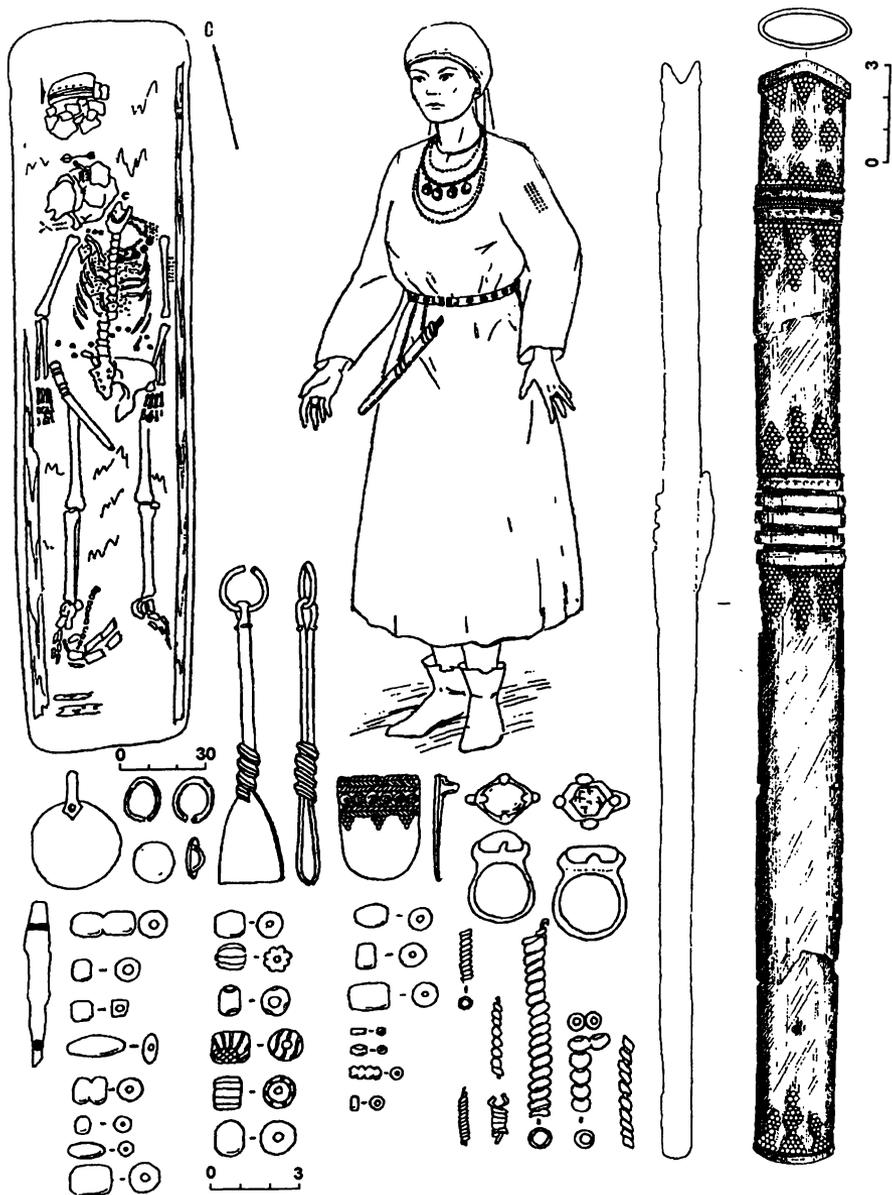

Рис. 5. Варнинский могильник. Погребение 404. Вариант реконструкции костюма женщины 16–18 лет.

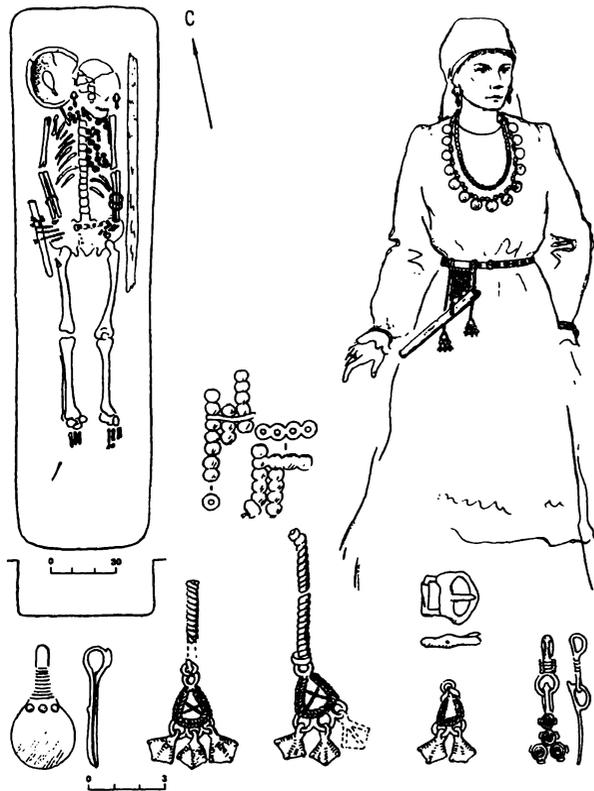

Рис. 6. Варнинский могильник. Погребение 426. Вариант реконструкции костюма женщины 16–18 лет.

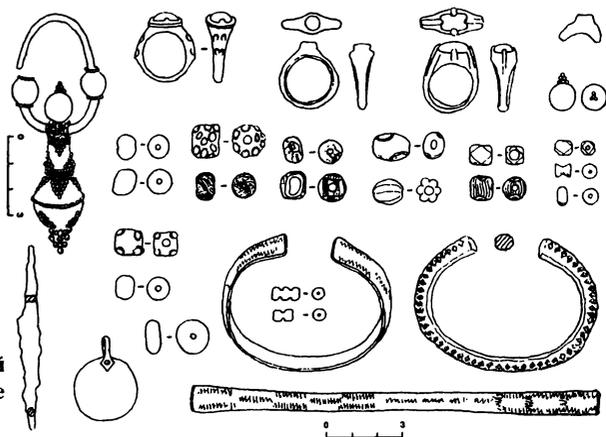

Рис. 7. Варнинский могильник. Погребение 426. Элементы костюма.

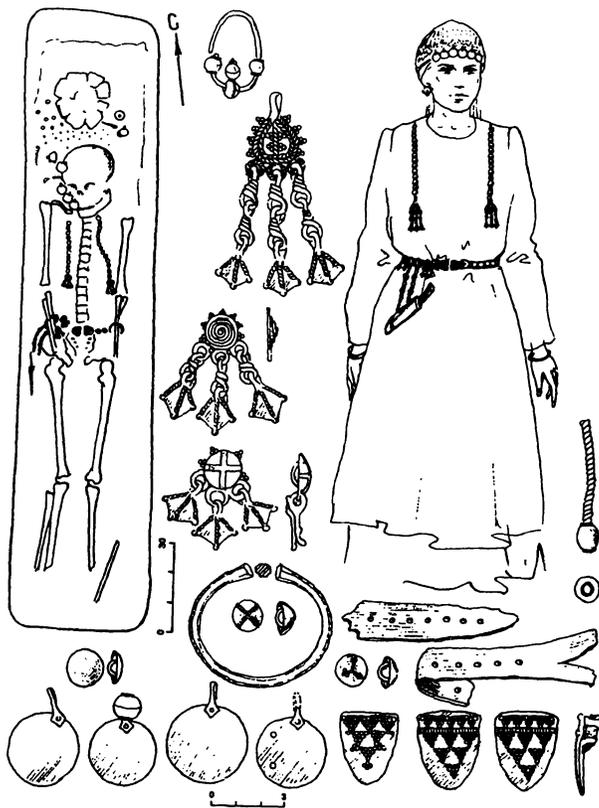

Рис. 8. Варнинский могильник. Погребение 428. Вариант реконструкции костюма женщины 15-17 лет.

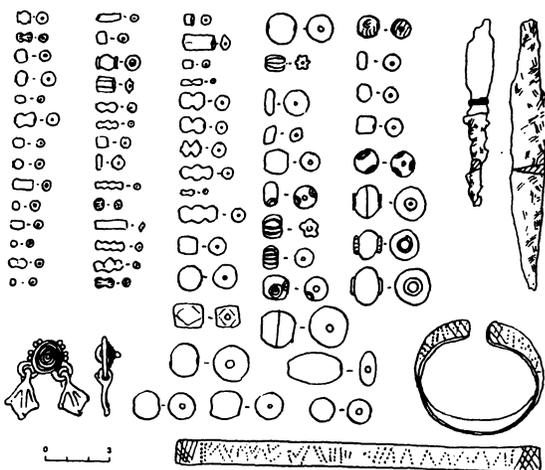

Рис. 9. Варнинский могильник. Погребение 428. Элементы костюма.

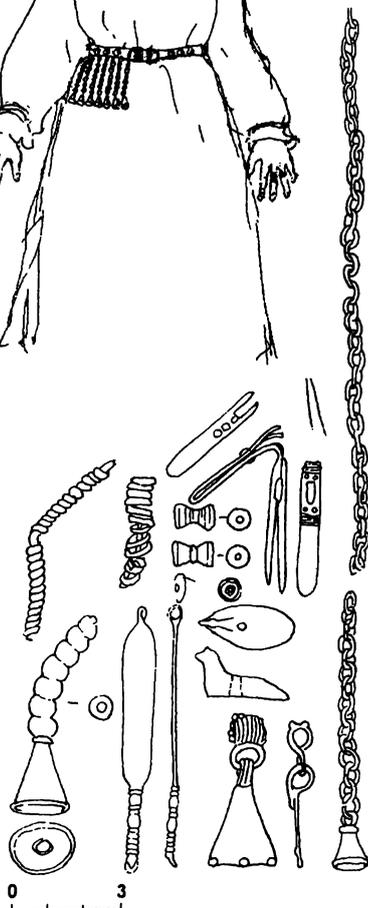
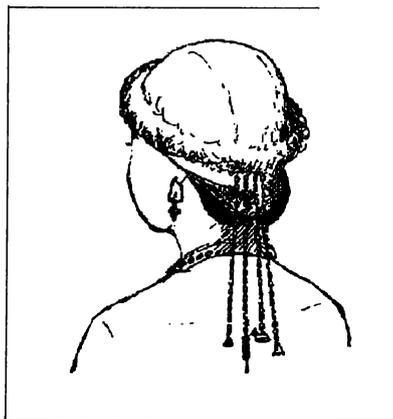
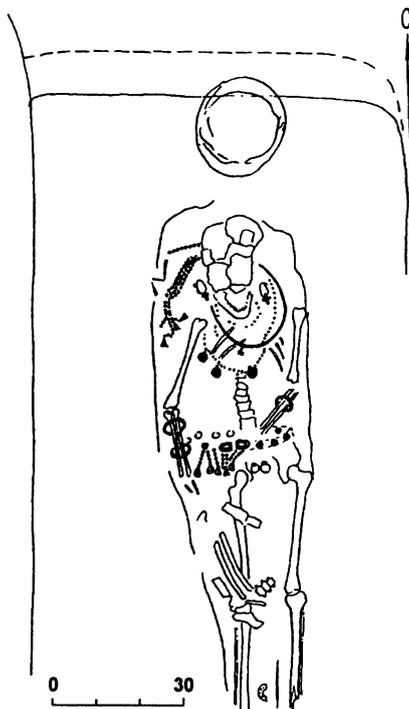

Рис.10. Варнинский могильник. Погребение 431. Вариант реконструкции костюма девочки 9–11 лет.

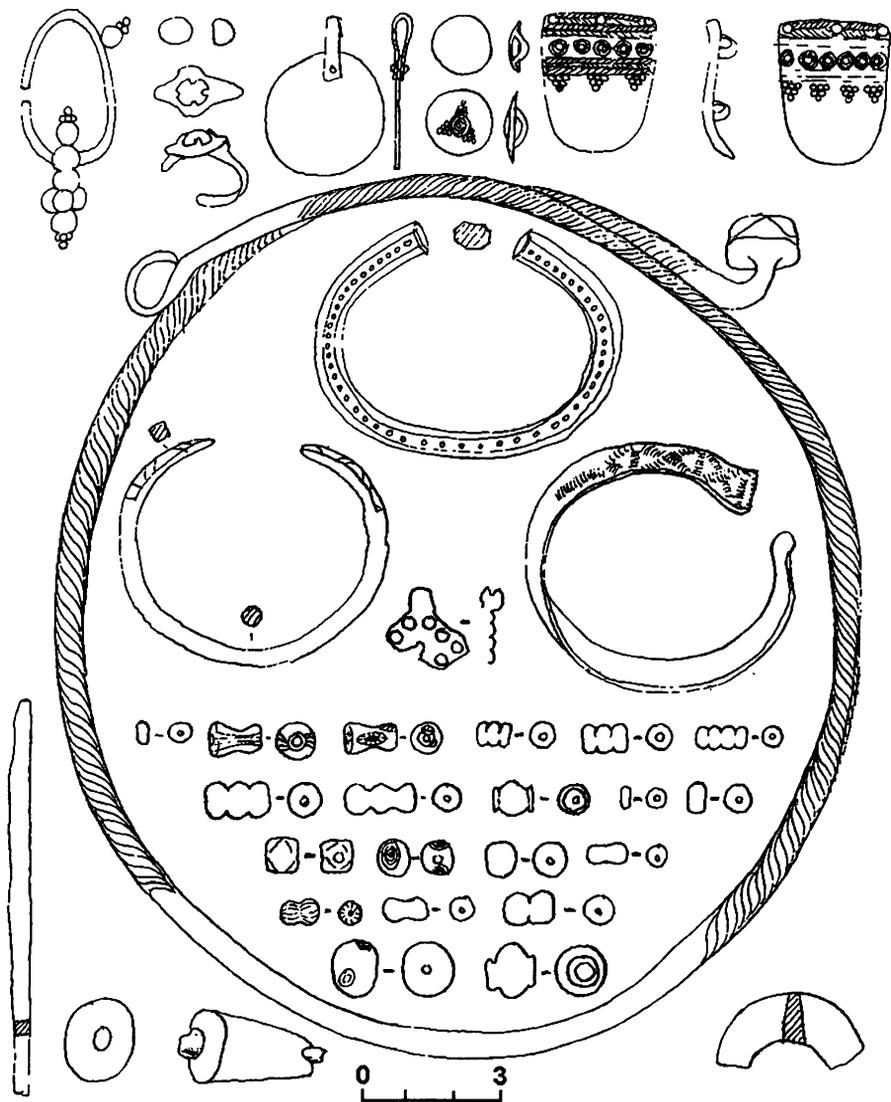

Рис.11. Варнинский могильник. Погребение 431. Элементы костюма.

Рис. 12. Варнинский могильник. Погребение 433. Вариант реконструкции костюма девочки 10-15.

Кости животных из могильника Качкашур I (IX-XIII вв., Удмуртия)

В 1987-1988 гг. раскопками Качкашурского I могильника на севере Удмуртии получены интересные материалы, которые были опубликованы, к сожалению, лишь в самом общем виде [Иванов 1991]. В небольшой статье не получили достаточной характеристики погребальный обряд, вещевой комплекс и его хронология, отсутствует описание палеоантропологических и остеологических материалов, поэтому и в дальнейшем мы планируем возвращаться к их анализу.

Могильник расположен в 3 км к югу от д. Качкашур Глазовского района Удмуртской Республики, в 1,5 км к востоку от дд. Малый и Большой Лудошур, на юго-западной окраине летнего детского лагеря “Ласточка” и занимает мысовую часть и крутой юго-западный склон высокого коренного правого берега р. Сепыч, левого притока р. Чепцы [Иванов 1991, рис. 1, 1, 2]. В настоящее время памятник полностью зарос лесом, имеются многочисленные повреждения его поверхности грабительскими ямами различного времени. Кроме того, происходит сползание почвы и осыпь крутых склонов мыса, особенно в южной части.

Предположительно именно этот могильник (“Бигершай” у д. Лудошур) обследовал в 1894 г. И. Н. Смирнов, не обнаруживший, однако, ни одного погребения и посчитавший его за позднетатарский [ОАК за 1894 г., с.27-28]. В 1967-1968 гг. раскопки на памятнике провела Г.Т. Кондратьева (отчетов нет; вещевой комплекс почти полностью утерян; по сведениям М. Г. Ивановой было вскрыто 44 погребения [Живаева 1970, с.89; Иванова 1992, табл.18]). В 1971 г. памятник осмотрен К.И. Корепановым (изучено одно полуразрушенное погребение X в.) [Корепанов 1971, с.23-25]. В 1987-1988 гг., ввиду сильной нарушенности поверхности памятника и ведущихся на нем грабительских перекопок, были проведены охранные раскопки [Иванов 1987; 1988а; 1989]. Пятью небольшими раскопами (№№ I-V), заложенными с юго-запада на северо-восток по склону вдоль тропинки, на площадках, более или менее свободных от деревьев, вскрыта площадь около 362 кв.м и изучено 78 погребений, датированных IX-XIII вв. [Иванов 1991].

Раскопки подтвердили сильную разрушенность могильника, как старыми и современными грабительскими ямами, так и корневой системой

деревьев и сползанием почвы на отдельных участках. Поэтому основная часть изученных погребений оказалась в большей или меньшей степени нарушенной, а ритуальные комплексы в них - не полными. Это же касается, по-видимому, и значительной части поминально-жертвенных остатков, располагавшихся, в основном, в верхних пластах памятника. В перекопах нередко встречались беспорядочно располагавшиеся обломки керамики, отдельные вещи, кости человека и животных (последние, в случае их плохой сохранности, не всегда брались при раскопках, особенно в 1987 г.). Все это требует осторожности при обобщающей характеристике материала и его интерпретации. Ниже дано общее описание костей животных, полученных раскопками 1987-1988 гг.

Всего в коллекции обработано 119 костей животных от 41 особи (без учета древних предметов, изготовленных из кости и рога). Из них 54 кости от 23 особей животных (соответственно 45,38 % и 56,1 % от общего числа) происходят из 18 погребений (23,08 % от общего числа исследованных могил), где они встречались как в засыпи, так и в придонной части захоронения (табл. 1). 65 костей животных от 18 особей (соответственно 54,62 % и 43,9 %) найдено на площади раскопов вне погребений (часть из них происходит из перекопов могил).

В остеологическом материале могильника Качкашур I преобладают кости лошади (73 кости от 23 особей), затем - коровы (5 костей от 5 особей) (табл. 1). В нем также представлены кости других животных, преимущественно диких (30 костей / 5 особей).

Охристые вязкие глины, залегающие под почвенным слоем на площади могильника, способствовали тому, что кости в первичном залегании имеют хорошую сохранность и беловато-желтый цвет. Часть костей, попавшая в верхние слои во время грабительских перекопов, разрушена механически и химическим выветриванием (как указывалось, часть таких костей плохой сохранности не взята). На некоторых костях, располагавшихся неглубоко, видны дендриты - отпечатки корней трав и деревьев.

Обращает на себя внимание "зараженность" некоторых костей каким-то животным, видимо, насекомым. В свежей губчатой ткани кости были просверлены круглые маленькие отверстия, вследствие чего кости оказались разрушенными. Например, в засыпи погребения 77 найдены грудной позвонок коровы с разрушенным телом и 6 обломков ребер лошади, пустые изнутри. Подобное явление наблюдал один из авторов статьи в позднепалеолитической стоянке Волчья Грива в Барабинской лесостепи, где десятки крупных костей конечностей мамонтов сохранили внешнюю форму компакты кости, а внутри были превращены этим "зверем" в мягкую труху.

Часть обнаруженных костей животных разбита и разрозненна до погребения. Например, на верхней челюсти лошади (уч. Д/6) отбита роstralная часть; были разбиты симфизные отделы и всех четырех нижних челюстей лошадей. В захоронении зубы находились и в челюсти, и отдельно, указывая на остатки одной, редко двух особей.

Домашние животные

Лошадь (Equus caballus). Ей принадлежат 73 кости от 23 особей, что составляет 61,35 % от общего числа костей животных памятника и 56,09 % от общего числа представленных особей животных. Из них 39 костей (53,42 %) от 11 особей происходят из 8 погребений, а 34 кости (46,58 %) от 12 лошадей найдены вне могил. В основном это зубы, реже позвонки, челюсти, ребра, кости конечностей (табл.2). Зубы найдены в челюстях и отдельно, как в погребениях, так и в насыпях. Кости лошадей принадлежат некрупным и мелким особям. Возраст принесенных в жертву животных на основании изучения зубов колеблется от 3-4 месяцев (1 случай; уч. Д/7) до очень старого, 25-летнего (уч. Д/5), но при преобладании лошадей в возрасте 2-12 лет (табл. 3)¹. Однако вследствие малой выборки определенных зубов трудно сказать, какие возрастные группы среди них были наиболее предпочтительными.

Верхняя челюсть (*maxilla*), представленная резцовой частью морды, обнаружена на уч. Д/6 раскопа IV. Длина обломка более 58 мм, ширина в области I³ - 64 мм. Лошадь маленькая, старая, видны альвеолы клыков.

Нижние челюсти (*mandibulae*) найдены в заполнении погребения 77 (симфизная часть с куском правой ветви и предкоренным зубом), в жертвенной яме I с углем на раскопе II (фрагмент симфиза высотой 27 мм), в жертвенном комплексе на кв. М/13 раскопа V (кусок челюсти с отбитыми передней и задней частями, высота которой перед M₁ - 93 мм). На последней челюсти видны дендриты. Нижняя челюсть из кв. П/15 также разбита.

Найдено 10 резцов (*incisivi*) из 6 мест, в погребениях и вне их, от одной до трех в одном захоронении. Все они принадлежали мелким лошадям, среди них одной очень старой лошади 25 лет. В длину (спереди-назад) диаметр зубов достигал 12 мм, в ширину - 14 мм.

Найден один клык (*canini*) старой маленькой лошади. Его длина - ширина 14x16 мм. В верхней челюсти лошади с уч. Д/6 хорошо видны фрагменты двух альвеол клыков.

Предкоренные и коренные зубы (*praemolare* и *molare*). Зубы найдены как в погребениях, так и вне их: 16 верхнекоренных и 26 нижних. Наи-

¹ Мы благодарны доктору биологических наук И.Е. Кузьминой (ЗИН РАН) за определение лошадей из коллекции могильника.

большие размеры верхнекоренных достигают в длину 37 мм, в ширину - 26 мм; у нижнекоренных - 30x15 мм. P_2 - 33x17 мм, M_3 - 32x14 мм. Принадлежали лошадям среднего и маленького роста.

Крестец (*sacrum*) обнаружен в погребении 46. Из 5 позвонков отсутствуют 1-й и 5-й. Когда-то крестец был переломлен между 2 и 3 позвонком, затем позвонки срослись, но криво. Это была взрослая маленькая лошадь.

В коллекции 6 хвостовых позвонков (*cauda*) (от шестого до одиннадцатого) молодой лошади, найденные в погребении 13. Длина их тела от 32 до 25 мм; ширина - высота фасет передней части шестого позвонка 15x14 мм, 11-го - 9x8 мм.

Из заполнения погребения 77 происходят две копытные фаланги (*phalanga III*) передней и задней ноги (их края выветрены) и заплюсна (*metatarsale*) правой задней конечности длиной 260 мм. Ширина диафиза посередине - 30 мм, длина и ширина проксимального эпифиза - 40x43 мм, дистального (нижнего) - 33x45 мм.

В этом же погребении 77 найдено 6 фрагментов ребер (*costa*).

Корова (Bos taurus). Найдено 5 костей от 5 особей, что соответственно составляет 4,2 % и 12,2 % от их общего числа. Кости небольшой коровы встречены в четырех погребениях IX-XI вв. и на кострище в кв. Ж/11. Это зубы, грудной позвонок, ребро, принадлежавшие молодым животным, и крестец - старому. Отростки третьего и четвертого позвонков крестца сверху срослись, а тела их остались разделены, имеют снизу костные наросты. Длина всех позвонков 44 мм. Ребро очень короткое, длина его без головки около 230 мм.

Оставшиеся неопределенными 3 фрагмента зубов, 3 мелких обломка ребер и небольшая часть трубчатой кости животных, все плохой сохранности, принадлежали, по-видимому, также лошади или корове.

Дикие животные

В материалах Качкашурского могильника они представлены 30 костями (25,21 % от общего числа костей) от 5 особей (соответственно 12,2 %) различных животных: бобров, белки, мышевидного грызуна и птицы.

Бобр (Castor fiber). Впервые в средневековом могильнике бассейна р. Чепцы обнаружены кости бобра, которые в сопутствующих синхронных поселениях среди костей дикой фауны являются наиболее часто встречающимися [Петренко 1991, с.71, табл.1; Богаткина 1991]. Три хвостовых позвонка двух особей бобров найдены в погребениях 49 (1 экз.) и 56 (2 экз.). Эти захоронения находятся рядом и относятся к X-XI вв. Данные позвонки принадлежали взрослым и достаточно крупным особям. Тело позвонков короткое, спереди округлое в сечении, с тремя парами мелких редуциро-

ванных отростков; на поперечных отростках имеются круглые отверстия. Ширина, наибольшая в области этих отростков, - до 44 мм; ширина тела - до 19,4 мм; высота тела - до 14,8 мм.

27 костей от 3-х особей животных найдены в кв. М/14 (раскоп V) на глубине 40 см, рядом с погребением 71. Они лежали в медном котелке и вследствие окисления меди имеют зеленый цвет. Данный остеологический комплекс состоял из костей взрослой белки (2 больших и одна малая берцовые, 2 бедренные, левая тазовая и локтевая кости, 2 резца, 2 слуховых капсулы, 3 шейных позвонка, 2 скуловых дуги и мелкие обломки), мышевидного грызуна (5 позвонков) и взрослой птицы размером с утку-чирка (фрагмент левой лопаточной кости)¹. Отметим, что такой жертвенно-минальный комплекс с остатками тушки белки также впервые встречен в раннесредневековых могильниках Чепецкого поречья.

Останки частей животных в контексте погребального обряда

Видовой состав костных остатков животных, происходящий из средневековых могильников бассейна р. Чепцы, в основном приведен в публикациях памятников. В частности, мы имеем опубликованные комплексы костей животных из могильника Мыдланьшай конца VIII-X вв. (определение фауны произведено Т.М. Кулаевой) [Генинг 1962, с.79-84, табл. 3] и Варнинского могильника V-X вв. (материал обработан А.Г.Петренко) [Семенов 1980, с.23-24, табл.15; Петренко 1991, с.69-70]. В какой-то степени вопрос использования животных в погребальном обряде по материалам средневековых могильников бассейна р. Чепцы обобщен в статье одного из авторов [Иванов 1988б]. Остеологические материалы Качкашурского I могильника, даже при их небольшом числе и частой нарушенности первичного залегания, в целом подтверждают ранее сделанные заключения.

Среди найденных на могильнике костей животных, также, как и на других памятниках, численно преобладают кости домашних животных: лошади и коровы. При этом, в отличие от материалов могильников Мыдланьшай и Варнинского, здесь чаще встречаются кости лошади (61,35 % от общего количества костей и 56,09 % от числа выявленных особей животных), чем коровы (соответственно 4,2 % и 12,2 %) (табл.1). Среди костей лошади преобладают находки отдельных зубов (52 экз.; табл.2), которые можно рассматривать в качестве символической части этого живот-

¹ При публикации материалов могильника даны неверные сведения. В частности, обломки черепа белки приняты за осколки яичной скорлупы, а набор мелких костей - за скелет небольшой птицы [Иванов 1991, с.146].

ного - головы [Иванов 1988б, с. 120]. Зубы найдены как на дне могил, так и в их засыпи (где это можно было проследить), а также в межмогильном пространстве. В качестве других символических частей лошади встречаются их челюсти (5 находок), кости конечностей (погр.77), хвостовые позвонки (погр.13; лежали в изголовье слева). Челюсти и кости конечностей обнаружены либо в засыпи могилы (погр.77; рассыпавшиеся челюсть из погр.15 и трубчатая кость из погр.16 также находились в их засыпках), либо вне могил в составе поминально-жертвенных комплексов. Находки крестца (погр.46) и ребер (погр.77) лошадей можно интерпретировать уже иначе: это остатки помещенной в могилы мясной пищи, в пользу чего может свидетельствовать нахождение их на дне погребения, преимущественно в области ног.

Среди костей коров присутствуют как отдельные зубы (как символической части головы животного?; 2 экз.), так и части туш (крестец, грудной позвонок, ребро) (табл.2), чаще всего определяемые в качестве остатков сопроводительной мясной пищи. Последние, также, как и неопределенные ребра животных из погребений 72 и 76, располагались на уровне дна могил в области ног погребенных.

Таким образом, обнаруженные на могильнике кости домашних животных можно разделить на три группы: (а) остатки сопровождения умершего мясной пищей (ребра, позвонки, крестцы и т.п. коров и лошадей, обнаруженные на дне могилы, преимущественно в области ног погребенного); (б) следы обряда помещения в момент захоронения в могилу или ее засыпь символической части животного (челюсти, отдельные зубы, хвостовые позвонки, кости конечностей, преимущественно принадлежащие лошадям) и (в) остатки жертвенно-поминального ритуала с последующим зарыванием в верхний слой засыпи могилы или рядом с могилой частей животных, что могло совершаться или во время захоронения или по прошествии какого-то времени при поминовении (преобладают символические части коня - челюсть, зубы, ноги) [Иванов 1988б, с.120-121].

Наиболее ярко “погребальный комплекс коня” (по терминологии Е.П. Казакова [1984, с.99-102]), состоящий из костей конечностей (заплюсны, переднего и заднего копыта), нижней челюсти и 10 зубов трех взрослых лошадей, найден в засыпи, в 20-30 см выше дна, коллективного погребения 77 (мужчина и две женщины?). В верхних слоях заполнения этого же захоронения, на глубине 28-34 см, обнаружено скопление кальцинированных костей, которые также могут являться остатками жертвенных животных. Попутно отметим, что отдельные мелкие кальцинированные кости встречены еще в 5 погребениях, где отсутствовали следы

явной кремации погребенного (кроме погребения 3, где обнаружен обожженный череп человека).

Несколько необычно нахождение в двух погребениях (49, 56) хвостовых позвонков бобра. По аналогии с находками хвостовых позвонков лошадей в могилах и учитывая, что мясо бобров употреблялось в пищу, здесь также можно предполагать сопровождение захоронения символической частью животного, имевшего в тот период важнейшее промысловое значение. Положение костей бобров в могилах *in situ* осталось не выясненным, так как оба погребения оказались нарушенными.

Интересный поминально-жертвенный комплекс, состоящий из медного котелка с находящимися в нем почти полным скелетом белки, несколькими позвонками грызуна и лопаточной костью птицы, был зарыт рядом с погребением 71. Сам котелок изготовлен небрежно; скорее его можно назвать имитацией, сделанной, по-видимому, на скорую руку специально для поминальных целей из части сломанного котелка.

Небольшой объем остеологического материала, нарушенность большинства исследованных погребений и отрывочность палеоантропологических сведений о погребенных затрудняют полноценный анализ особенностей сопровождения захоронений частями животных в зависимости от пола и возраста погребенного. Данные таблицы 1 позволяют констатировать, что как “символические” части лошадей (челюсти, зубы, хвосты и ноги), так и “мясные” остатки (ребра, позвонки, крестцы) встречались и в мужских, и в женских погребениях.

По материалам Качкашурского могильника не может считаться удовлетворительным и попытка выявить динамику использования животных в погребальной обрядности, так как остеологический материал обнаружен лишь в 18 погребениях. Кости животных присутствуют уже в самых ранних захоронениях могильника. Достаточно указать на “насыщенность” ими коллективного погребения 77, датированного IX в. по бронзовой коньковой накладке, серебряной овальной серьге, рамчатой железной пряжке, втульчатому топору, наконечникам стрел и удилам со стержневидными псалиями [Иванов 1991, рис. 5-6; 8-22; 9-32; 12-3, 9; 13-16, 20]. Основной остеологический комплекс могильника относится к X-XII вв., т.е. ко времени совершения большинства исследованных захоронений. Кости животных обнаружены и в наиболее поздних погребениях. В частности, в погребении 3, датированном XII-XIII вв., найдены резец и верхний коренной зуб лошади. Последнее позволяет предполагать, что жертвоприношение животных при погребении продолжало существовать в этот период. Прежний вывод одного из авторов о заметном сокраще-

нии и постепенном исчезновении с начала II тыс. н.э. сопровождения умерших мясной пищей и зарывания на площадке могильника частей животных при совершении погребально-поминальных обрядов [Иванов 1988б, с.124] в значительной степени основывался на материалах исследованных чепецких могильников XI-XIV вв. с крайне плохой сохранностью костных остатков (Маловенижский, Чиргинский, Солдырский Чемшай, Весьякарский, Кузьминский и другие могильники). В то же время при небольших раскопках Солдырского II могильника “Бигершай” XIII-XIV вв. были обнаружены кости домашних животных: кость ноги лошади, верхняя челюсть и кость ноги мелкого рогатого скота [Иванов 1995, с.109]. Тем самым, вопрос о характере и степени использования домашних животных в погребальной обрядности чепецкого населения в первой половине II тыс. н.э. пока не может считаться окончательно решенным до получения новых материалов.

Литература и архивные материалы

Богаткина О.Г. 1995. Археозоологические исследования материалов городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск. С.141-158.

Геншиг В.Ф. 1962. Мыдлань-шай - удмуртский могильник VIII-IX вв. // ВАУ. Вып.3. Свердловск. С.7-111.

Живаева Г.Т. 1970. Археология // Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск. С.78-91.

Иванов А.Г. 1987. Отчет об археологических исследованиях в Глазовском районе УАССР в 1987 году. Ижевск, 1988 // Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ, оп.1НИ, д.778.

Иванов А.Г. 1988а. Отчет об археологических работах в бассейне р. Чепцы в 1988 г. Ижевск, 1989 // Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ, оп.1НИ, д.786.

Иванов А.Г. 1988б. Использование животных в погребальном обряде населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С.119-128.

Иванов А.Г. 1989. Исследования Качкашурских могильников // АОУП. Сыктывкар. С.56-57.

Иванов А.Г. 1991. Качкашурский могильник IX-XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.140-180.

Иванов А.Г. 1995. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск. С.106-130.

Иванова М.Г. 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск.

Казakov Е.П. 1984. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск. С.99-110.

Корепанов К.И. 1971. Семенов В.А., Корепанов К.И. Отчет о работе УАЭ в 1971 г. Ижевск, 1972 // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 4425.

ОАК за 1894. Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1894 г. СПб., 1896.

Петренко А.Г. 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.

Петренко А.Г. 1991. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Прикамья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.64-74.

Семенов В.А. 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С.5-135.

Таблица 1. Находки костей животных на Качкашурском I могильнике

№№ п/п	Погребение	Сохранность	Квадрат	Дата, вв.	Место находки	Погребенный:		Лошадь	Корова	Другие	Не определено	Итого
						пол/возраст						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	3	Н	З/11	12-13	д?	Ж Ж	20-30 16-17	2/1	-	-	-	2/1
2	5	Н	К/11-12	11-12	?	Ж Ж	40-50 16-20	-	-	-	1/1	1/1
3	13	Ц?	ОП/15	11-п.п.12	д	М?	50-60	7/1	-	-	-	7/1
4	14	Н	гд/06-07	11-12	з?	?	?	1/1	-	-	-	1/1
5	15	Н	гд/06	11-12?	з	?	?	-	-	-	1/1	1/1
6	16	Н?	Д/05-06	11-12?	з	?	?	-	-	-	1/1	1/1
7	21	Ц	Н/16	10-11?	з	?	?	-	1/1	-	-	1/1
8	26	Н	ПР/15	11?	?	Ж Д	50-60 ?	2/1	-	-	-	2/1
9	32	Н	ЕЖ/8	11?	з	?	?	-	-	-	2/1	2/1
10	33	Ц	Е/7	к.10-11	з-д	М	40-50	-	1/1	-	-	1/1
11	44	Н	Е/4	11	?	Ж	40-50	3/1	-	-	-	3/1
12	46	Н	ЕЖ/5	11?	?	М	35-55	3/2	-	-	-	3/2
13	49	Н	Е/5-6	10-11	?	М?	35-40	1/1	-	бобр 1/1	-	2/2
14	56	Н	Д/5	10-11?	д	?	?	-	-	бобр 2/1	-	2/1
15	72	Н	ЛМ/13	10-11?	д	?	?	-	-	-	2/1	2/1
16	74	Н	ЛМ/14	9-10	д	Ж	16-20	-	1/1	-	-	1/1
17	76	Н	Л/14	9-10	д	?	?	-	-	-	1/1	1/1
18	77	Н	Л/13	9	з, д	М Ж Ж?	45-50 ? ?	20/3	1/1	-	-	21/4

Таблица 1 (продолжение).

1	2	3	4	5	6	7-8	9	10	11	12	13
19	разр. погр.?		IV, Д/5		30-80		6/2	-	-	-	6/2
20	кострище		I, Ж/11		18		1/1	1/1	-	-	2/2
21	яма I		II, Н/15		12-33		8/2	-	-	-	8/2
22			II, П/15		10-30		9/3	-	-	-	9/3
23			IV, Д/6		28-55		2/1	-	-	-	2/1
24			IV, Д/7		40		3/2	-	-	-	3/2
25			V, М/14	11?	40		-	-	белка 21/1, грызун 5/1, птица 1/1	-	27/3
26			V, М/13		35		5/1	-	-	-	5/1
27			граншея				-	-	-	3/2	3/2
Всего:							73/23	5/5	30/5	11/8	119/41

Примечания: В графе “Сохранность” указано состояние исследованного погребения: Н - нарушенное, Ц - целое. В столбце “Квадрат” для находок вне могил также указывается римскими цифрами номер раскопа. В графе “Место находки” для костей животных из погребений указано их расположение в засыпи (з) или на дне (д). Пол и возраст погребенных определен ст. научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН Г. В. Рыкушиной: Ж - погребена женщина, М - погребен мужчина, Д - ребенок. Для костей животных в числителе указано их количество, в знаменателе - число особей.

Таблица 2. Характеристика костей домашних животных Качкашурского I могильника.

Погр./ кв-т	Лошадь							Корова					Не определено				Итого
	челюсть	зубы	крестец	хвост. позвонки	ребра	конеч- ности	всего	зубы	крестец	позвон- ки	ребра	всего	зубы	ребра	конеч- ности	всего	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
3	-	2	-	-	-	-	2/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/1
5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1/1	1/1
13	-	1	-	6	-	-	7/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7/1
14	-	1	-	-	-	-	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1
15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1/1	1/1
16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1/1	1/1
21	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
26	-	2	-	-	-	-	2/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/1
32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2/1	2/1
33	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
44	-	3	-	-	-	-	3/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/1
46	-	2	1	-	-	-	3/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/2
49	-	1	-	-	-	-	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1
72	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2/1	2/1
74	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1/1	-	-	-	-	1/1
76	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1/1	1/1
77	1Н	10	-	-	6	3	20/3	-	-	1	-	1/1	-	-	-	-	21/4
Д/5	-	6	-	-	-	-	6/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6/2
Д/6	1В	1	-	-	-	-	2/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/1
Д/7	-	3	-	-	-	-	3/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/2
Ж/11	-	1	-	-	-	-	1/1	1	-	-	-	1/1	-	-	-	-	2/2
М/13	1Н	4	-	-	-	-	5/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5/1
Н/15	1Н	7	-	-	-	-	8/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8/2

Таблица 2 (продолжение).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
П/15	1Н	8	-	-	-	-	9/3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9/3
тран- шая	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	3/2	3/2
Итого	5	52	1	6	6	3	73/23	2	1	1	1	5/5	7	3	1	11/8	89/36

Примечания: Характеристика костей диких животных дана в тексте. В таблице указано количество костей, в итоговых столбцах - количество костей / особей. Обозначения графы “Челюсть”: Н - нижняя челюсть, В - верхняя челюсть.

Таблица 3. Характеристика некоторых зубов лошадей из Качкашурского I могильника (определение д.б.н. И.Е. Кузьминой, ЗИН РАН, СПб.).

№№	Местонахождение	Вид зуба	Возраст особи
1.	погр.14	коренной нижний второй слева M_2	около 15 лет
2.	погр.26	предкоренной верхний четвертый справа P^4	около 5 лет
3.	погр.77	предкоренной нижний четвертый справа P_4	9-10 лет
4.	погр.77	коренной верхний первый слева M^1	11-12 лет
5.	кв.Ж/11, кострище	предкоренной нижний второй справа P_2	10 лет
6.	кв.Д/5, гл.80	резец нижний второй справа I_2	около 25 лет
7.	кв.Д/7, гл.40	молочный предкоренной нижний четвертый dP_4	около 3-4 месяцев
8.	кв.М/13, гл.35	предкоренной нижний третий справа P_3	3 года
9.	кв.Н/15, гл.33	коренной нижний первый справа M_1	11-12 лет
10.	кв.Н/15, гл.33	коренной нижний второй слева M_2	3-4 года
11.	кв.П/15, гл.10-30	коренной нижний второй слева M_2	6-7 лет
12.	кв.П/15, гл.10-30	коренной нижний второй справа M_2	2-3 года
13.	кв.П/15, гл.10-30	коренной нижний первый справа M_1	3-4 года

Белых С.К.

К вопросу о локализации прародины пермян

Под термином “прародина пермян” или “пермская прародина” в данной статье понимается территория расселения в далеком прошлом *прапермской* этнолингвистической общности – общности языковых предков современных коми и удмуртов.

Близость коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков, бесспорная и очевидная даже для неспециалиста, проявляет себя на всех языковых уровнях (в фонетике, морфологии, лексике и т.д.), имеет ярко выраженный системный характер, что исключает объяснение ее возникновения одними лишь вторичными контактами коми и удмуртов и позволяет возводить современные пермские языки к единому предку – существовавшему в прошлом *пермскому праязыку*. Сообщество людей, говоривших на пермском праязыке, в данной работе именуется *пермским пранародом*, а территория, на которой этот пранарод обитал – *пермской прародиной*.

Не вызывает сомнений, что на протяжении своей многовековой истории прапермская общность претерпела сложную эволюцию, конечным итогом которой стало формирование современных пермских народов. В ходе и итогах данной эволюции свою определенную роль сыграли и те прапермские племена, что явились прямыми языковыми и этническими предками современных коми и удмуртов (*эндопермяне*, согласно предложенной В.В. Напольских терминологии [Напольских 1997а]), и те пермские по языку группировки, что не оставили прямых языковых потомков, а рано отделившись в культурном и языковом отношении от эндопермян, были впоследствии ассимилированы либо последними, либо каким-то другим родственным или неродственным по языку населением (*парапермяне*), и те непермоязычные изначально группы, которые в конце концов усвоили пермскую речь и составили еще один важный компонент в истории прапермской общности – *экзопермян*.

1. Прародина пермян в трудах исследователей XIX–XX вв.

Несмотря на то, что уже очень давно в науке утвердилось понимание близкого языкового родства коми и удмуртов, приходится с некоторым удивлением констатировать тот факт, что в подавляющем большинстве научных и популярных сочинений авторов XVIII, XIX и даже XX веков, касающихся темы прародины пермян, речь идет, как правило, о прежних ареалах проживания либо только удмуртов, либо только коми. О территории же расселения прапермян в этих работах обычно не говорится ничего или почти ничего.

Первой по-настоящему серьезной и научно обоснованной попыткой локализовать ареал обитания средневековых пермян стало предположение А.А. Спицына, основанное, главным образом, на данных археологии, фольклора и топонимики, о том, что до появления на р. Вятке славяно-русского населения среднее и нижнее течение ее было занято древними удмуртами, а на верхней Каме, в верхнем и среднем течении р. Чепцы обитали древние коми [Спицын 1889; 1893]. Следует особо оговорить, что в трудах А.А. Спицына, равно как и в сочинениях других авторов конца XIX – первых десятилетий XX в. (И.Н. Смирнова, Н.Г. Первухина, П.Н. Луппова, М.Г. Худякова и др.) рассматривалась в общем-то не проблема локализации пермской прародины (т.е. территории расселения прапермской общности) как таковой, а лишь делались попытки на имевшемся археологическом, топонимическом, фольклорном, летописном и другом материале определить районы проживания удмуртов и коми в древности. Как будет показано ниже, понятия прародины и ареала былого расселения того или иного народа отнюдь не являются тождественными.

В нынешнем столетии разработки А.А. Спицына получили дальнейшее развитие в трудах таких археологов как А.П. Смирнов, О.Н. Бадер, А.В. Збруева, В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, Р.Д. Голдина и др. Труды этих ученых была создана и получила широкое распространение ставшая почти хрестоматийной концепция об *ананьинской* культурно-исторической общности (далее – КИО) VIII–III вв. до н.э. как об археологическом аналоге прапермской этнолингвистической общности перед самым ее распадом. Таким образом, весь ареал ананьинской КИО, по мнению названных ученых, может считаться территорией пермской прародины. Однако, означенная территория настолько огромна (от рр. Выми, Вычегды и верхней Печоры на севере до нижней Камы и Волги на юге, от рр. Ветлуги, Юга и правых притоков Северной Двины на западе

до западных склонов Урала на востоке¹ [Голдина 1987, с.9]), что считать проживавшее на ней в эпоху раннего железа население этнически однородным, говорившем на одном (прапермском) языке было бы, пожалуй, чересчур смело.

Кроме того, очень трудно себе представить, что пермские языки сумели бы сохранить так много общего, в случае если бы предки удмуртов и коми уже во второй половине I тыс. до н.э. расселились на такой громадной территории: от Вычегды и Печоры на севере до нижней Камы на юге.

Подобное положение вещей привело к тому, что в последние годы среди исследователей этнической истории пермских народов выросло и стало все чаще высказываться весьма интересное и достойное самого пристального внимания мнение о том, “что представленные лингвистами доказательства близости коми языков с удмуртским... свидетельствуют о формировании обоих народов на смежной и, видимо, достаточно ограниченной территории, о сравнительно поздней дифференциации коми и удмуртского языков...” [Кузеев 1992, с.28-29]. Говоря иными словами, имеются все основания полагать, что распад прапермской этнолингвистической общности произошел сравнительно недавно, гораздо позже финала ананьинской культуры, а прапермская этноязыковая общность к моменту начала этого распада занимала сравнительно небольшую, достаточно компактную территорию.

Свою оригинальную, непохожую ни на чью другую точку зрения по вопросу о локализации пермской прародины высказывал А.Х. Халиков. По его мнению, пермскую прародину следует искать в бассейне р.Вычегды и некоторых сопредельных районах, а к самим прапермянам следует относить носителей сначала вычегодского варианта *гляденовской* археологической культуры (далее – АК), затем – носителей *ванвиздинской* культуры, а в эпоху средневековья – население, оставившее памятники *вымской* культуры и *Лузской Пермцы* [Халиков 1979]. Таким образом, традиционной схеме “ананьинская КИО > гляденовская АК (пракоми) + пьяноборская АК (праудмурты)” А.Х.Халиков противопоставляет свою схему – “ананьино > гляденово > ванвиздино > вымская АК (пракоми) + памятники типа Лузской Пермцы (праудмурты)”.

В финно-угорском языкознании принято предположительно локализовать прародину пермян, после выделения прапермской этнолингвистической

¹ Некоторые исследователи считают возможным говорить даже о более обширном расселении ананьинцев и о проникновении ананьинского населения еще далее на запад и северо-запад вплоть до Белого моря и Восточного Прионежья [Косменко 1993, с.89-90, 137; Кузьминых 1993, с.70].

тической общности из финно-пермского массива в середине II тыс. до н.э., в районах к северу и северо-востоку от поворота Волги на юг, в нижнем и среднем течении Вятки и Камы. Именно в этом регионе обычно располагают территорию прапермской общности, которая, по мнению большинства языковедов-уралистов, сохраняла свое единство более двух тысяч лет. И только вторжение в VII-VIII вв. н. э. в Среднее Поволжье булгар, частично оттеснивших пермян с южной периферии их ареала в более северные районы, положило конец прапермскому единству. Миграция части пермян на север и привела, якобы, в итоге к разделению их на пракоми и праудмуртов в конце I тыс. н. э. [Wichmann 1903, S.145; Itkonen 1960, S.18; ОФУЯ 1976, с.98-99; Хайду 1985, с.200].

Важно заметить, что до сравнительно недавнего времени практически никто из финно-угроведов не предпринимал сколько-нибудь серьезных попыток локализовать прародину пермян с помощью уже давно опробованного и хорошо себя зарекомендовавшего в финно-угроведении и уралистике метода *лингвистической палеонтологии*. Почти единственной на сегодня подобной работой, где этому методу уделено некоторое внимание, является появившаяся несколько лет назад статья М.Г.Атаманова “К вопросу о прародине удмуртов по данным языка” [1992]. На разборе некоторых интересующих нас положений этой статьи мне хотелось бы остановиться чуть подробнее.

Прежде всего замечу, что М.Г. Атаманов в выражении “прародина удмуртов” смешивает несколько различных понятий. С одной стороны, он называет “прародиной” территорию обитания в разные эпохи прямых этнических предков удмуртов, начиная с прауральского и прафинно-угорского периодов. Однако, при таком подходе было бы корректнее говорить не о **прародине**, а о **прародинах**, т.к. территории проживания в прошлом уральского, финно-угорского, пермского пранародов, по-видимому, не совпадали не только во временном, но и в пространственном отношении. Кроме того, правильнее было бы в этом случае оперировать такими понятиями, как “уральская прародина” (т.е. прародина народов уральской языковой семьи), “финно-угорская прародина”, “пермская прародина” и т.п., ибо данные названия в каждом конкретном случае более точно передают смысл и содержание каждого из перечисленных понятий, нежели весьма расплывчатое и, как мне кажется, не вполне удачное “прародина удмуртов”.

Основанием для того, чтобы считать последнее выражение неудачным (и в общем-то неправомерным в этноисторическом плане), служит, на мой взгляд, то немаловажное обстоятельство, что само понятие *праро-*

дина подразумевает под собой былое проживание на этой территории какого-либо *прарода*. Думаю, что отделять друг от друга два эти понятия попросту нельзя. Если согласиться с этим условием, то становятся очевидными некорректность употребления термина *прарод* для существующего поныне и пока что вполне жизнеспособного удмуртского народа и, в итоге, неприемлемость таких терминов как “прародина удмуртов”.

Применение некорректного термина “прародина удмуртов” приводит М.Г. Атаманова к некорректным по сути выводам: он называет “прародиной удмуртов”, в сущности, почти всю совокупность тех районов, где удмурты проживают сейчас и могли проживать в прошлом, судя по письменным, фольклорным, археологическим и другим памятникам, а также судя по данным этнотопонимии. В этом, собственно говоря, и состоит второе понимание этим исследователем “прародины удмуртов”.

В результате своих изысканий М.Г.Атаманов провозглашает “прародиной удмуртов” территорию, южная граница которой “...проходила несколько южнее линии городов Чебоксары – Казань – Уфа, западная – по р.Ветлуге (несколько восточнее), северная – по верховьям рр.Камы, Вятки и до слияния рр.Юг и Сухона, восточная граница прародины удмуртских родоплеменных групп, скорее всего, простиралась по линии с.Кулига (у истока Камы) – г.Оса – пос.Чернушка (в Пермской обл.) до среднего течения р.Уфы и до ее впадения в р.Белую (северо-западные районы Башкирии)” [Атаманов 1992, с.13-15].

Речь здесь, по сути дела, идет не о прародине (или прародинах) как таковой, а лишь о тех районах и ареалах, которые заселяли или могли заселять предки удмуртов в разные исторические эпохи, такие как ананьинская, пьяноборская, эпоха раннего средневековья и др. Исследователь порой явно увлекается, придавая, к примеру, неоправданно большое значение в вопросе локализации “прародины удмуртов” этнотопонимам *одо*, *ар*, *вотьяк* (соответственно – марийское, поволжско-тюркское и русское наименования удмуртов, последние два из которых возникли никак не ранее эпохи средневековья), странным образом связывая ареалы их распространения с территориями южной части ананьинской и пьяноборской АК эпохи раннего железа [Атаманов 1992, с.15].

Тема же прародины пермлян, которой ученый касается в общем-то вскользь, остается на деле не раскрытой, хотя для этого, казалось бы, имелись все необходимые условия. И речь здесь, прежде всего, идет об уже упоминавшемся методе *лингвистической палеонтологии*, который М.Г.Атаманов пытается применить в своем исследовании, но, как мне представляется, использует далеко не все его возможности в вопросе

локализации пермской прародины (см. ниже), и посему результаты проделанной им в данном направлении работы оказываются не столь впечатляющими, какими могли бы стать.

2. О времени распада прапермской общности

Прежде чем начать рассмотрение проблемы локализации пермской прародины необходимо отдельно остановиться на вопросе о времени распада прапермской этнолингвистической общности, ибо он тесно связан с вопросом о временных рамках существования языка прапермской общности в том его виде, в каком действительна следующая ниже реконструкция ее природно-экологического ареала.

При разрешении проблемы времени распада прапермской этнолингвистической общности ключевую роль играет аргумент разницы количества болгарских заимствований в пермских языках. В отличие от лексических иранизмов и протославизмов, число которых в удмуртском и коми языках примерно одинаково [Joki 1973; Rédei 1986; Напольских 1996; Napolskich 1996], что наводит на мысль об их усвоении пермянами еще в эпоху прапермского единства, количество болгаризмов в удмуртском языке на порядок больше, чем в языках коми: несколько сотен в удмуртском против нескольких десятков в коми языках. Из этого положения можно сделать два основных вывода.

Во-первых, можно постулировать, что ко времени финала в VI-VII вв. *именьковской* культуры Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, в носителях которой в последние годы все чаще видят какие-то протославянские или протобалто-славянские группы, прапермское единство оставалось неразрушенным. Именно этим обстоятельством обусловлен факт присутствия в современных пермских языках примерно десятка общих протославянских лексических заимствований, выявленных В.В.Напольских [Напольских 1996; Napolskich 1996]. Следует полагать, что и к моменту появления в середине – второй половине VIII в. [Казаков 1992, с.5] на этой территории болгар, прапермская этнолингвистическая общность еще не распалась. Такой вывод следует из того обстоятельства, что из всего массива болгарских лексических заимствований в пермских языках, по оценке К.Редей и А.Рона-Таша [Rédei, Róna-Tas 1972; 1975], примерно два десятка являются общепермскими и имеются в большинстве коми и удмуртских диалектов, что свидетельствует, по мнению большинства занимавшихся этим вопросом исследователей, об их проникновении в общепермский язык-основу в раннеболгарское вре-

мя, приблизительно в VIII-X вв. [Wichmann 1903, S.139; Лыткин 1967, с.138; Rédei, Róna-Tas 1972; 1975 и др.].

А.Рауном еще в 1950-е годы было высказано мнение о том, что болгарские (чувашиские – по его терминологии) заимствования в коми и удмуртском языке не могут служить критерием для хронологии распада прапермской общности, т.к. эти заимствования свидетельствуют, якобы, лишь об отдельных “чувашиско-удмуртских” и “чувашиско-коми” связях. По А.Рауну, распад прапермской общности произошел до начала контактов пермян с булгарами, а болгарские заимствования, имеющиеся в коми языках, попали туда либо через удмуртское посредство, либо через болгарских купцов, торговавших с коми [Raun 1957, S.45]. Позднее данное заключение было поддержано М.Г.Атамановым [1992, с.11]. Однако, делая такие выводы, А.Раун и М.Г.Атаманов почему-то не учитывают того очень важного факта, что целая группа лексических болгаризмов (около 20, по К.Редеи и А.Рона-Ташу [Rédei, Róna-Tas 1972; 1975]) присутствует не просто во всех трех пермских языках, а во всех (или почти всех) диалектах данных языков. Такое положение вещей неминуемо заставляет считать, что данные лексемы были заимствованы не уже отделившимися друг от друга коми и удмуртским языками, а еще общепермским языком-основой и позволяет относить время их заимствования пермянами к **прапермской эпохе**. Последнее положение в настоящее время признается подавляющим большинством языковедов, касавшихся в своих исследованиях данной темы.

Во-вторых, следует признать, что именно в болгарскую эпоху (VIII-XIV вв.) произошли дробление доселе относительно монолитной прапермской общности и постепенное ослабление связей между ее северной (пракоми) и южной (праудмуртской) частями, т.к. часть болгаризмов попала только в удмуртский язык и, через удмуртское посредство, в южные коми диалекты [Rédei, Róna-Tas 1975], а другая (наибольшая) часть имеется только в удмуртском языке. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что процесс дивергенции прапермской общности был весьма длительным, и связи между предками коми и удмуртов, по-видимому, сохранялись в какой-то мере еще в XII-XIII вв. и, возможно, даже в более позднее время. Сделать подобное заключение мне позволяют следующие два аргумента.

1. Аргумент общепермского этнонима – названия русских: удм. *žis'*, коми *roć* “русский” < прап. **roć*. Можно с уверенностью утверждать, что данный термин попал к пермянам еще в прапермскую эпоху. Это убедительно доказывается тем, что настоящая лексема распространена повсеместно, т.е. имеется во всех диалектах пермских языков и, кроме

того, в удмуртском языке подпала под раннюю собственно удмуртскую инновацию – переход прапермского анлаутного *r- в *ʒ*-, который произошёл, по мнению ряда специалистов, еще в болгарскую эпоху: в X–XIV вв., по В.К.Кельмакову, или в период до разгрома монголами Волжской Булгарии, по Ш.Чучу [Кельмаков 1976, с.286; Чуч 1992, с.54].

Настоящий этноним проник в пермские языки из прибалтийско-финских, куда, в свою очередь, попал из языка древних скандинавов: прибалтийско-фин. **rōtsi* “швед” < др.-швед. **rōðs(-mann)* “гребец, дружинник”, а в язык предков удмуртов – вероятнее всего, через посредство предков коми [КЭСК 1970, с.243]. Вообще говоря, нельзя полностью исключить гипотетическую возможность непосредственных контактов прапермян с древними скандинавами, хотя прямыми доказательствами этого мы пока не располагаем.

Однако, та деталь, что указанный этноним переводится во всех пермских языках именно как “русский”, делает более вероятным предположение о том, что и в прапермском языке он означал “славянин, русский” и служил для названия осваивавших пермские земли восточных славян. Попастъ же к праудмуртам данная лексема могла никак не раньше XI–XII вв. – времени начала славяно-русского проникновения на земли пермян. А это означает, что на момент усвоения упомянутого этнонима предки удмуртов все еще сохраняли тесные связи с предками коми, и определенное единство между ними по-прежнему сохранялось.

2. Небезынтересен, в этой связи, факт наличия в пермских языках общих для них слов монгольского происхождения. К таковым можно отнести:

– удм. *čeber* “красивый, прекрасный”, кп.диал. *čeber* “хвастливый; красивый, гордый” [Лыткин 1967, с.136] < ср.-монг. *čeber* “красивый, приятный”.

– удм. *čidanj* “терпеть, выносить, устоять, быть выносливым”, кп. *čidnj* “беспокоиться, сокрушаться”, кп.диал. *čidnj* “злиться, обижаться”, кя. *čidmal-* “злиться, обижаться, терпеть обиду” [Лыткин 1967, с.138], кз. *čid*: скр. *čidje-vadje volinj*, вв. *čidje-vadje šedlini* “бывать в нужде, безвыходном положении” [ССКЗД 1961, с.410] < ср.-монг. *čida-* “мочь, быть в состоянии”;

– удм., кп., кз. *dugdijnj* “остановиться, перестать, прекратиться”, восходящее (?), возможно, к ср.-монг. *toyta-/toqta-* “останавливаться, прекращаться”. Данную параллель я ставлю под знаком вопроса, т.к. существует альтернативная точка зрения на этимологию пермского слова *dugdijnj*, фигурирующая также под вопросительным знаком, в [SKES IV, p.1247].

По всей видимости, указанные слова попали в пермские языки через посредство тюркских языков Волго-Уралья – все эти лексемы имеются также и в татарском, башкирском и чувашском языках:

чув. *çiBer* “красивый, пригожий”,

çät “терпеть, переносить, выдерживать”,

täxtä “ждать; останавливаться, поджидая; воздерживаться”;

тат. *çibär*, баш. *sibär* “красивый”.

тат. *çädau*, баш. *sädau* “терпеть, выдерживать”,

тат., баш. *tuqtau* “останавливаться, прекращать”,

Проникнуть же в языки тюрков Поволжья и Предуралья они могли не ранее XIII в. – эпохи великих монгольских завоеваний. Считается, что именно с этого времени начинается интенсивное монгольское воздействие на тюркские языки, когда последние постепенно воспринимают некоторое количество монгольских слов (и в их числе *čeber*, *čida*, *ioyta*-*loqta*-) и грамматических элементов [Щербак 1994, с.165-166; 1997, с.30-31, 69, 88, 202, 211; Róna-Tas 1982]. Всё это заставляет со значительной долей уверенности полагать, что и ко времени монгольского нашествия на Восточную Европу общепермское единство еще не было разорвано окончательно.

В эпоху Казанского ханства (XV-XVI вв.) связи между предками удмуртов и коми если еще и сохранялись, то были, по всей видимости, сведены к минимуму. Во всяком случае, в коми языках пока что не выявлено никаких татарских заимствований, тогда как в удмуртском языке их обнаружено несколько сот, а в некоторых его периферийно-южных диалектах – более двух тысяч. Таким образом, можно заключить, что к этому времени процесс распада прапермской этнолингвистической общности был практически завершен.

Рассматривая вопрос о времени распада прапермской общности, по-видимому, нельзя обойти вниманием еще один метод абсолютного датирования древних языковых процессов – метод *глоттохронологии*. Впервые предложенный американским ученым Морисом Сводешем [Сводеш 1960], этот метод довольно широко применяется в сравнительно-историческом языкознании и, в частности, в лингвистической уралистике [Raun 1956; Хелимский 1982].

Метод глоттохронологии основывается на постулировании наличия в любом языке основного слоя лексики, играющего решающую роль при исследовании языкового родства. В данный слой лексики входят важнейшие названия частей тела и организма человека (*голова, рука, нога, глаз, сердце, печень* и др.), названия объектов и явлений природы

(вода, огонь, камень, солнце, луна, звезда, дождь, снег, птица, рыба и т.п.), названия элементарных действий (*есть, пить, идти, сидеть, лежать* и т.д.), важнейшие местоимения (*я, ты, этот, тот*) и некоторые другие понятия. Согласно глоттохронологии, данная часть лексического фонда языка очень медленно и неохотно поддается обновлению, причем предполагается, что темп ее изменения всегда и во всех языках одинаков.

М.Сводешем из слов такого характера были составлены особые списки (т.н. “*малый*” или *100-словный* и “*большой*” или *200-словный список М.Сводеша*). При сравнении фигурирующих в данных списках слов двух или нескольких родственных языков выявляется процент этимологически общих для данных языков лексем, а затем при помощи специально составленной формулы вычисляется период времени, который отделяет эти языки от даты их разделения. Так, например, считается, что по прошествию 1000 лет с момента языкового распада отобранный основной лексический слой (100-словный список М.Сводеша) двух родственных языков совпадает на 74 %, через 2000 лет – на 55 %, через 3000 лет – на 41 % и т.д.

Нельзя не отметить, что, несмотря на довольно широкое применение метода глоттохронологии и его популярность у части исследователей, большинство лингвистов и историков совершенно обоснованно отказываются признавать этот метод надежным инструментом для абсолютного датирования древних языковых процессов [см., напр., Хайду 1985, с.175-176; Напольских 1997а, с.120]. Его критики резонно указывают на то, что слишком многое здесь зависит от составления и составителей диагностических списков слов: недоучет одной-двух этимологий или ошибочное отождествление одной-двух пар слов порой способны привести к многовековым и даже тысячелетним отклонениям в датировке. Немало вопросов вызывает и сама подборка слов для данных списков, многие исследователи стараются усовершенствовать базовые списки М.Сводеша, по собственному произволу удаляя из них и/или добавляя в них те или иные понятия. Эти попытки усовершенствования приводят сторонников глоттохронологии, в частности, к выводу о необходимости устранения заимствований из диагностических списков [Старостин 1989, с.10]. Однако, в таком случае ненадежность метода должна быть признана даже его сторонниками, ибо никогда нельзя быть заведомо уверенным в том, что все заимствования из списка устранены, т.к. устранить можно будет лишь уже выявленные заимствования из известных нам языков [Напольских 1997а, с.120].

Кроме того, не может не вызывать возражений сам основополагающий принцип глоттохронологии, согласно которому темп изменений в основном лексическом фонде во всех языках и во все эпохи был и есть один и тот же. Понятно, что скорость изменений в лексике того или иного языка зависит от целого ряда социальных, исторических, культурных, географических и других факторов и варьирует в зависимости от конкретных условий, в которых функционирует язык. В самом деле, трудно поверить в существование некоей мистической силы, заставляющей разные языки, в разные эпохи и в разных конкретно-исторических условиях неизменно заменять один и тот же процент базовой лексики за единицу времени.

Как видим, методика глоттохронологии обладает столь существенными недостатками и слабостями, что считать ее применение теоретически сколько-нибудь обоснованным и оправданным невозможно. Тем не менее, как это ни выглядит странным, глоттохронологические подсчеты очень часто дают датировки близкие или даже совпадающие с датами, полученными при помощи других методов. Отмечены подобные сближения и совпадения и в уралистике [Хелимский 1982, с.45; Хайду 1985, с.175]. В таких случаях результаты вычислений, выполненных на основе глоттохронологического метода могут, по-видимому, использоваться в качестве еще одного дополнительного (но не основного!) аргумента в пользу той или иной точки зрения. И, в конце концов, результаты лексико-статистических подсчетов оказываются весьма полезными для демонстрации степени расхождения между родственными языками, которая несомненно напрямую зависит от длительности периода обособленного развития родственных языков, какой отделяет данные языки от времени распада общего для них праязыка.

Переходя непосредственно к глоттохронологическим вычислениям по пермским языкам, укажу, что данные вычисления осуществлены мною на основе трех диагностических списков: стандартного 100-словного списка М. Сводеша [см. Старостин 1989], а также модифицированных 110-словного списка, предложенного С. Е. Яхонтовым [см. Старостин 1991] и 92-словного списка, использованного Е. А. Хелимским в одной из его работ [Хелимский 1982]. Лексикографическими источниками для составления этих списков по современным пермским языкам мне послужили нормативные двуязычные (национально-русские и русско-национальные) словари литературных удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, изданные в 1950-1980 гг. [РУС 1956; УРС 1983; КПСР 1985; КРС 1961; РКС 1966 и др.]. При отборе слов для списков

мною учитывались только те лексические единицы трех пермских языков, которые характерны для всех или подавляющего большинства их диалектов, а также литературных норм названных языков. Читатель может непосредственно ознакомиться с самими данными списками по трем пермским языкам в *Приложении* к данной статье.

В итоге сравнения списков удмуртской лексики с аналогичными списками коми-пермяцкого и коми-зырянского языков выяснилось, что процент совпадений в 92-словном списке составляет 77,2 %; в стандартном 100-словном списке М. Сводеша – 77 %; в 110-словном списке С. Е. Яхонтова – 74,5 %. Вычисление даты распада пермского праязыка было произведено по принятой в глоттохронологии логарифмической формуле:

$$t = \frac{\lg C}{2 \lg r};$$

где t – время распада в тысячах лет назад; C – процент совпадений между двумя языками; r – коэффициент сохранности основного лексического фонда, для “малого” списка М. Сводеша принимаемый за 0,86 в расчете на 1000 лет [см. Хелимский 1982, с.45].

Результаты вычислений оказались следующими: по 92-словному списку распад пермского праязыка состоялся 859 лет тому назад; по стандартному 100-словному списку – 866 лет назад; по 110-словному списку – 974 года назад. Таким образом, согласно глоттохронологическим расчетам распад прапермской этноязыковой общности произошел где-то в промежутке между рубежом X-XI вв. и началом XII в.

Каким бы скептическим ни было наше отношение к самой методике глоттохронологии, нельзя не заметить, что полученные даты оказались весьма близки датировкам распада прапермской общности (VIII-X вв.), предлагаемым лингвистами и полученным с помощью других лингвистических методик. Важнейшим выводом, который мне хотелось бы сделать по итогам проведенных здесь глоттохронологических расчетов является то, что полученные этим методом датировки в целом не противостоят предлагаемой в статье хронологии и модели распада прапермской этнолингвистической общности, но, в то же время, абсолютно не согласуются с утвердившимся в археологии положением о прямой связи финала ананьинской КИО в III в. до н.э. с распадом прапермской общности. Для столь близкородственных языков, какими являются коми и удмуртский, погрешность в глоттохронологическом расчете времени их отделения друг от друга величиной в два-три столетия еще может считаться допустимой, однако отклонение в 1200-1300 лет делает такую датировку совершенно неправдоподобной. Таким образом, высказан-

ный выше тезис о недопустимости отнесения распада данной общности ко времени более чем 2000 лет тому назад получает в свою пользу еще один аргумент.

3. Пермский праязыковой экологический ареал

В уралистике район прародины уральской, а также промежуточных праязыковых общностей принято определять с помощью метода *лингвистической палеонтологии*. Сущность этого метода состоит в том, что в реконструированном праязыковом словарном фонде выделяется комплекс лексем, отражающих понятия о природной среде, в которой обитал данный пранарод: названия растений, животных, термины для обозначения особенностей окружающего ландшафта, особенностей климата и т. д. По результатам анализа этой лексики и делаются выводы о возможной локализации прародины.

Перед тем как приступить непосредственно к рассмотрению темы настоящего раздела, необходимо сделать несколько существенных, на мой взгляд, замечаний. Во-первых, стоит сказать о том, что методом лингвистической палеонтологии определяется не сама территория прародины того или иного пранарода, а лишь природно-экологический ареал, в котором данный пранарод обитал ко времени начала своего распада. Следует помнить, что территории прародины и экологического ареала, для которого были одновременно характерны все известные носителям данного праязыка виды животных и растений, особенности ландшафта и природно-климатических явлений, могут и не совпадать между собой [Напольских 1997а, с.126], хотя и тесно связаны друг с другом. Поэтому при решении проблемы локализации прародины необходимо учитывать данные лингвистической палеонтологии в комплексе с другими языковыми (топонимика, следы контактов праязыка с другими языками) и неязыковыми (археология, антропология и т. д.) материалами.

Во-вторых, нужно принимать в расчет сведения, предоставляемые в наше распоряжение *палеобиогеографией* и *климатологией*, свидетельствующие о границах природных зон, ареалах распространения интересующих нас биологических видов, климате и т.п. в исследуемую эпоху на исследуемой территории. И хотя в случае с пермской прародиной эти данные не играют столь существенной роли (см. ниже), как, например, при разрешении проблем локализации уральской или финно-угорской прародин, на них все же стоит обращать внимание.

В-третьих, необходимо учитывать, что сравнительный анализ лексики пермских языков позволяет установить некоторые особенности словарного фонда пермского праязыка лишь на заключительной стадии его существования, т.е. накануне или непосредственно в период распада пермского единства.

И, наконец, последнее предварительное замечание. Имеет смысл особо указать на то, что данные, полученные при помощи методики лингвистической палеонтологии, помогают локализовать территорию проживания только тех групп прапермян, кои явились прямыми языковыми предками нынешних коми и удмуртов – *эндопермян* (по терминологии В.В. Напольских), но ничего не сообщают нам о территориях остальных прапермских групп – *парапермян* и *экзопермян*.

Изложенная в предыдущем параграфе аргументация позволяет уже более или менее определенно говорить о временных рамках, в которых существовал язык прапермской общности в том виде, для которого действительна следующая ниже реконструкция ее экологического ареала. Учитывая, что данная реконструкция отображает состояние языка прапермской общности накануне или непосредственно в период ее распада, эти рамки приблизительно можно определить периодом с середины I тыс. до середины II тыс. н.э. Ниже все ареалы биологических видов приводятся относительно данного времени.

Реконструированный лексический фонд пермского праязыка позволяет без сомнений утверждать, что пермский пранарод обитал в лесной зоне Северной Евразии, по всей видимости, в крае, для которого были характерны покрытые лесом холмы и возвышенности. Об этом говорят удм. *vj̄r* “возвышенность, холм”, кз., кп. *v̄er*, кя. *vür* “лес” < прап. **v̄or* “возвышенность, покрытая лесом” [КЭСК 1970, с.67]. О прапермянах, как о жителях лесов, говорит и большое количество общепермских терминов, служащих для названия различных разновидностей леса. Например:

- удм., к. *jag* “бор”;
- удм. *śik* “лес”, кз. *śik* “островок в лесу, отличающийся обилием ягод”;
- удм. *tel* “лес; мелкий лес, подлесок”, кз. *tił* “густые заросли сосняка; густой молодой хвойный лес”; кп., кя. *tel* “молодой густой лесок”;
- удм. *tj̄lo* “подлесок, лесок, роща”, к. *tj̄la* “подсека” и т.п.

То, что прапермяне проживали именно в зоне северных лесов, наглядно подтверждается, кроме прочего, богатой общей для пермских

языков номенклатурой наименований растений и животных, таких как:

- удм. *kiz*, кз. *koz*, кп. *kez*, кя. *küz* “ель, *Picea*”;
- удм. *pužim*, кз. *požem*, кп. *požum* “сосна, *Pinus silvestris*”;
- удм. *ñilpu*, к. *ñivpu* “пихта, *Abies*”;
- удм. *kížpu*, к. *kíž* “береза, *Betula*”;
- удм. *lakša*, к. *lačeg* “росомаха, *Gulo gulo*”;
- удм. *niž*, к. *niž* “соболь, *Martes zibellina* L.”;
- удм. *pu'lo*, к. *pa'la-ur* “летяга, *Pteromys volens* L.”;
- удм. *urdo*, кз., кп. *orda*, кя. *urda* “бурундук, *Eutamias sibiricus* Laxm.”

и т.п.

Все эти и многие другие лексемы, отражающие понятия, присущие природе лесов Северной Евразии, однако, не позволяют сколько-нибудь точно определить конкретную территорию, на которой обитала прапермская общность, поскольку ареалы распространения этих биологических видов слишком обширны. Для более точной локализации природно-экологического ареала проживания прапермских групп решающее значение имеет лишь весьма ограниченное число реконструированных для пермского праязыка понятий, о которых речь и пойдет в дальнейшем.

То, что прапермянам были известны такие древесные породы, как дуб (*Quercus robur* L.) и орешник (лещина, *Corylus avellana* L.), однозначно указывает на их проживание к западу от Уральского хребта, потому как к востоку от Урала эти виды в естественных насаждениях полностью отсутствуют [Древесные 1982, с.76-77, 164; Атлас 1983, с.114, 231]. Ср.:

- удм. *tipi*, др.-перм. *tupi*, кп. уст. *tipi*, *tupi* “дуб”;
- удм. *pašpu* “орешник, лещина”; кз. вв. *paškan*, *pačkan* “ягоды шиповника”, при фин. *pähkinä*, эрз. *peš'le*, мокш. *päštä*, мар. *pükš* “лесной орех”.

Предки коми, переселившись в свое время с юга в современные, более северные районы проживания, где орешник из-за суровых климатических условий не произрастает, перенесли старое общепермское название орешника на шиповник [Ракин 1979, с.138].

На местонахождение прапермского экологического ареала в Европе может указывать также и общепермское слово со значением “рыба” – удм. *čorig*, нч. *čerig*, кз., кп. *čeri*, лл., онк. *čerig*. По выдвинутой В.В.Напольских гипотезе, словом **čore-k*, означавшим в финно-угорском праязыке обитающую в Сибири (особенно распространенную в бассейне Оби), а также в Печоре и Мезени проходную рыбу – пелядь (*Coregonus peled*), далекие предки пермян, переселившись в Прикамье, где этот вид не встречается, стали называть так рыбу вообще [Напольских 1993, с.30-

31; Napolskikh 1993, p.54-55]. С учетом того, что в Западной Сибири пелядь являлась и остается одной из наиболее ценных и многочисленных промысловых рыб, сдвиг значения “пелядь (важнейшая и обычнейшая промысловая рыба)” > “рыба (вообще)” выглядит вполне вероятным и даже естественным.

Таким образом, европейскую локализацию прапермского экологического ареала можно считать доказанной. В Европе из зоны прапермского экологического ареала должны быть исключены бассейны Печоры и Мезени, поскольку в противном случае трудно объяснить вышеупомянутый переход значения “пелядь” > “рыба” в пермском праязыке.

Как удалось показать В.В. Напольских², наличие в коми-зырянском языке субстратного, по-видимому, парауральского по происхождению слова *kebeš* “сиг, *Coregonus lavaretus pydschjan*”, может служить основанием для того, чтобы исключить в целом из зоны прапермского экологического ареала бассейны всех рек, впадающих в Северный Ледовитый океан.

Дело в том, что названный коми-зырянский ихтионим, через промежуточную форму какого-то уральского языка, где, как, например, в диалектах саамского или в ненецком, имело место развитие *-m- > *-b-, может быть возведён к ПУ **kymz* “род форелей, лососевых” [UEW, S.227-228]. К этому же корню восходит и собственно коми название хариуса – *кот*. Проникнув в бассейн Вычегды, Печоры и других северных рек, предки зырян встретили здесь население, говорившее на каком-то парауральском языке, у которого и позаимствовали название для новой, неизвестной им на прежней своей родине рыбы – сига. На основании изложенного В. В. Напольских делает вывод о том, что прародину пермских народов следует искать “южнее верховьев рек Печоры, Вычегды, Юга, Мезени – южной границы распространения сига” [Напольских 1993, с.31].

О том, что территория прапермского экологического ареала скорее всего находилась южнее верховьев Печоры, южнее Вычегды и других рек северодвинского бассейна свидетельствуют также и общепермские названия липы (*Tilia cordata* Mill.) и вяза (*Ulmus*):

– удм. *beriz̄*, *ninpu*, к. *ninpu*, кп. уст. *beris̄* “липа”;

– удм., к. *širpu* “вяз”.

Северная граница ареалов распространения этих деревьев проходит по самым южным районам Коми республики (бассейны рр. Лузы и Сысолы) и самому северу Кировской и Пермской областей в междуречье Камы и Вычегды [Горчаковский 1968, с.56, 93-94].

² На субстратное происхождение данной коми-зырянской лексемы указывала еще И. Н. Шебештьен, считавшая его самодийским заимствованием [Sebestyén 1935, l.41-42].

В пользу такого заключения о локализации прапермского экологического ареала говорят и реконструируемые для пермского праязыка понятия “мёд”, “медоносная пчела” и “змея”:

– удм. *tu*, к. *ta* “мёд” с параллелями во всех финно-пермских языках и в венгерском, возводимыми к ПФУ **met(e)* “мёд” [UEW, S.273; Напольских 1997а, с.138];

– удм. *tuš* «пчела», кп. *moš*, кз. *ma'a-moš* “пчела, шмель” с параллелями во всех финно-угорских языках, кроме обско-угорских и саамских, восходящими к ПФУ **mekše* “пчела” [UEW, S.273];

– удм. *kij*, кп. диал. *kej* “змея”, с параллелями во многих уральских языках, восходящими к ПУ **küje* “змея” [UEW, S.154-155]. Показательно, что из всех коми-зырянских диалектов данная лексема сохранилась лишь в нижневычегодском (нв. *kij* “минога” – [Лыткин, Гуляев 1975:29]), причем со сдвигом значения “змея” > “минога”, т.к. на зырянской территории змеи довольно редки, а на севере Коми края – совсем не встречаются.

Что касается общепермских слов для мёда и медоносной пчелы, то их наличие указывает на предпочтительную локализацию пермской природы не севернее Камского бассейна, поскольку далее на север медоносная пчела практически не проникает [Хайду 1985, с.146].

Наиболее же важную роль в определении территории прапермского экологического ареала методом лингвистической палеонтологии играют уже упоминавшиеся общепермские названия для дуба и лещины, с одной стороны, и реконструируемое прапермское название сибирского кедра или, точнее, сибирской кедровой сосны (*Pinus sibirica*) – с другой. Коми-зырянскому *suspu* и коми-пермяцкому *sjspu* “кедр” в удмуртском языке соответствует *susipu* “можжевельник (*Juniperus communis* L.)”. Данная лексема имеет надежные параллели в обско-угорских и самодийских языках и восходит к ПУ **seksz* со значением “кедр, кедровая сибирская сосна” [UEW, S.445]. Можно с уверенностью утверждать, что в пермском праязыке этим словом назывался именно кедр, а в удмуртском произошел сдвиг значения “кедр” > “можжевельник” [КЭСК 1970, с.267; Напольских 1997а, с.129], т.к. на территории проживания удмуртов кедр произрастает только в искусственных насаждениях. Итак, имеются все основания для констатации того факта, что прапермянам были одновременно известны дуб, орешник и сибирский кедр.

Кедр, являясь типичным деревом для сибирской тайги, в Европу проникает лишь на ее северо-восточной оконечности в верхнем и среднем течении Печоры и Вычегды и западнее Республики Коми уже не встре-

чается [Растительность 1980, с.71; Ареалы 1977, с.29, карта 9]. На крайнем северо-востоке Кировской области зафиксировано единственное в этой области изолированное местонахождение сибирского кедра [Природа 1967, с.185]. Дерево это совершенно отсутствует в естественных насаждениях на территории Удмуртской Республики. На территорию Пермской области граница ареала сплошного распространения кедра вступает с севера в районе верховьев р. Тимшер-Камский (правый приток р. Южной Кельтмы), "...где его западная граница начинается от пос. Тимшер, проходит через пос. Коса на Юрлу, поворачивает на юго-восток через р. Лопан (правый приток р. Косы) и р. Иньву (у с. Купрос) и пересекает р. Каму в районе Чермоза 59° с.ш. Южнее (58° с.ш.) единичные кедры растут по рр. Обва, Нытва, левым притокам Камы, и в Оханском районе. От р. Камы она идет на восток по р.Чусовой до 59° в.д., спускается на юг по междуречью Чусовая – Уфа до 56°15" с.ш., затем пересекает Урал около 57° с.ш. и ... уходит на восток в Западную Сибирь" [Непомилуева 1974, с.22]. Важно отметить, что среди ученых-ботаников существует мнение о том, что всего лишь несколько столетий назад кедр в Предуралье был распространен южнее его современной границы, но позднее отступил к северу "вследствие лесных пожаров и истребления человеком" [Хохрин 1970, с.312].

Прежняя (восстановленная на основании исторических сведений) северная граница распространения дуба в плакорных (внепойменных) условиях в Волго-Уральском регионе шла следующим образом: "она вступала в Вятскую губернию из Костромской под 58° с.ш., шла в направлении селений Б. Кугунур (левобережье Пижмы) – севернее Татаурова ... и уходила в современную Удмуртскую АССР примерно под 57°30" с.ш., на территорию бывшего Глазовского уезда, где между реками Итой и Воткой в конце XVIII в. дуб отмечался в числе главных пород строевого леса" [Денисов 1970, с.823]. Сегодня северная граница распространения дуба по внепойменным местообитаниям, в результате агрикультурной деятельности человека, сдвинулась на юг от юго-западных районов Кировской области и проходит по территории Марий Эл, переместившись на юг более чем на один градус широты (около 150 км) [Денисов 1970, с.824].

В пойменных местообитаниях северная граница дуба за агрикультурное время практически не изменилась и по долине р. Вятки доходит до устья р. Чепцы и вдоль бассейна Чепцы проходит через Удмуртию в Пермскую область [Горчаковский 1968, с.7]. "К р. Каме северо-восточная граница дуба выходит близ дер. Евсино приблизительно под 57° с.ш.,

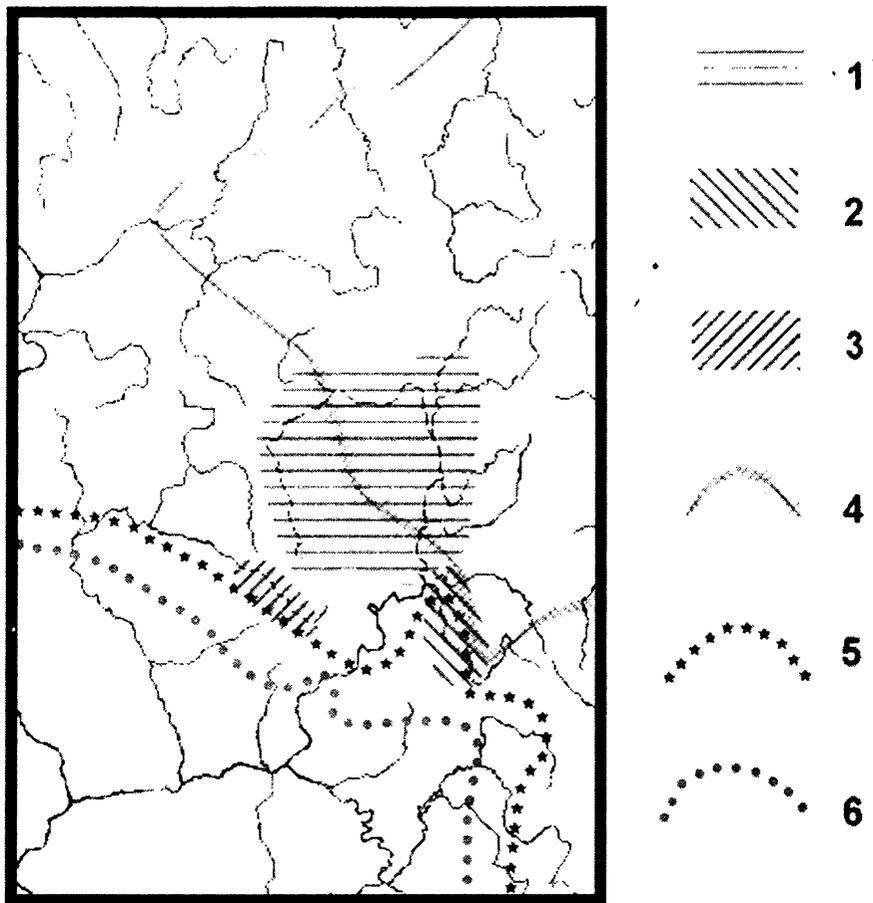
затем она идет вдоль реки и пересекает ее около с. Елово. Сравнительно недавно по пойме р. Камы дуб проникал несколько дальше на север до с. Частые. Однако в последние годы, в связи с созданием Воткинской ГЭС, пойменные леса на этом участке были вырублены и попали в зону затопления. Поэтому граница дуба сместилась к югу. Но не исключено, что отдельные деревья все же сохранились в этом районе” [Горчаковский 1968, с.8]. Далее всего на север дуб в Пермской области заходит по долине р. Камы и в Сылвинско-Иренском поречье [Горчаковский 1968, с.15; Атлас 1983, с.114]. Ботаники и лесоведы считают, однако, что нынешняя северная граница распространения дуба в Пермской области, в результате деятельности человека, передвинулась к югу приблизительно на 100-150 км [Растительный 1988, с.58; Горчаковский 1968, с.16].

Касательно же северной границы ареала лещины в Волго-Уралье, необходимо сказать, что, будучи постоянным спутником дуба, часто образующим подлесок в дубравах, эта древесная порода имеет здесь в целом близкий с дубом ареал распространения. Ее северная граница идет параллельно границе дуба, но несколько южнее, и лишь на Каме она продвигается немного к северу и достигает района г. Оханска [Горчаковский 1968, с.133-134; Растительный 1988, с.59].

Итак, можно заключить, что, являясь типичными древесными породами разных геоботанических зон, дуб (*Quercus robur*) и орешник (*Corylus avellana*), с одной стороны, и сибирская кедровая сосна (*Pinus sibirica*) – с другой, имеют не так уж много шансов произрастать вместе. В самом деле, дуб и лещина являются характернейшими растениями восточно-европейских широколиственных лесов, а основной территорией произрастания кедра является тайга Сибири.

Как нетрудно было заметить из изложенного в данном параграфе, единственным районом на планете Земля, где границы ареалов этих видов приближаются друг к другу настолько, что почти соприкасаются, является Пермское Прикамье (см. карту). Если же учесть то обстоятельство, что, как уже было сказано выше, еще несколько столетий назад кедр на территории Пермской области рос несколько южнее, а дуб и орешник – несколько севернее нынешних своих границ, вероятность непосредственного соседства этих видов в данном регионе (особенно в долине Камы около и несколько ниже устья р. Чусовой и в бассейне р.Сылвы) в прошлом еще более возрастает.

Таким образом, данные, полученные методом лингвистической палеонтологии позволяют локализовать территорию прапермского эколо-

Пояснения к карте:

- 1 – территория ломоватовской АК (V-IX вв.) по [Голдина 1987];
- 2 – территория неволинской АК (V-IX вв.) по [Голдина 1987];
- 3 – территория полумской АК (V-IX вв.) по [Голдина 1987];
- 4 – западная граница ареала распространения кедровой сибирской сосны (*Pinus sibirica*) по [Растительность 1980, с.71; Ареалы 1977, с.29, карта 9];
- 5 – северо-восточная граница ареала распространения дуба (*Quercus robur*) по [Атлас 1983, с.114];
- 6 – северо-восточная граница ареала распространения лещины (*Corylus avellana*) по [Горчаков 1968, с.134].

гического ареала в Среднем Прикамье на территории Пермской области, приблизительно между 57-й и 58-й параллелями северной широты, где на сравнительно ограниченной площади, какую по всей видимости, занимала прапермская этнолингвистическая общность, обитали все виды растений и животных, названия которых реконструируются для пермского праязыка.

“

В последние годы в научной литературе, посвященной этнической истории пермских народов все чаще можно встретить обращения к материалам и данным климатологии. В частности, многие исследователи проявляют большой интерес к периодам так называемых *малого климатического оптимума* (VIII-XIII вв. н.э.) и *малого ледникового периода* (XIV-XIX вв.). По мнению ряда авторов в период малого климатического оптимума ареалы распространения многих биологических видов существенно отличались от современных.

Так, например, Р.Ш. Насибуллин считает, что до начала малого ледникового периода, в бассейнах Вычегды и Печоры произрастали дуб, орешник, клен и другие широколиственные деревья [Насибуллин 1992, с.82-83]. В доказательство этого Р. Ш. Насибуллин приводит следующие факты:

1. В бассейне Вычегды зафиксированы топонимы типа *Тупи-ты*, *Тупи-туй*, *Тупи-шор* и т.п., первую часть которых он связывает с общепермским названием дуба.

2. В памятниках письменности древнепермского (древнекоми-зырянского) языка неоднократно встречается слово *tupi* “дуб” .

3. Согласно данным палеоботаники, дуб рос в истоках Печоры в III-II тыс. до н.э.

Однако, связь упомянутых топонимов с пермским названием дуба остается недоказуемой. Во всяком случае, авторы “Краткого этимологического словаря коми языка”, откуда данное сопоставление было взято Р.Ш. Насибуллиным, приводят его со знаком вопроса. К тому же подобные топонимы обнаружены в бассейне Вычегды лишь в окрестностях одной-единственной деревни – Туискерос [КЭСК 1970, с.286].

Что же касается др-перм. *tupi*, обнаруженного в памятниках коми письменности XV-XVII вв., то можно предположить, что средневековым вычегодским зырянам вполне могли быть известны какие-либо изделия из дуба, а само название этого дерева их предки могли либо сохранить со времени своего переселения из более южных широт, либо позаимствовать у своих южных соплеменников. То, что название дуба

ещё сохранялось (а затем исчезло) в древнепермском языке, отнюдь не указывает на бывшее присутствие дуба на территориях исторического расселения коми-зырян. Здесь уместно было бы привести пример ненецкого языка, в котором, между прочим, тоже имеется слово для дуба – *тыбыёва* [НРС 1965, с.678]. Однако, совершенно очевидно, что на территории проживания ненцев дуб не растет и никогда не рос. По всей видимости, ненцам от коми и/или от русских стали известны какие-то изделия из дубовой древесины, и параллельно с этим ими было заимствовано и само данное слово.

Указание Р.Ш. Насибуллина на присутствие дуба на верхней Печоре в III-II тыс. до н.э., хотя и вполне обосновано, еще не является доказательством того, что это дерево сохранялось на Печоре и Вычегде и в эпоху средневековья. Известно, что период с конца III до середины II тыс. до н.э. (середина *суббореала*) характеризовался значительным потеплением климата и расцветом широколиственных лесов, когда последние распространились далеко на север. Однако, уже со второй половины II тыс. до н.э. началось новое похолодание, которое сопровождалось резким сокращением широколиственных лесов и их отступлением на юг под давлением продвигающейся к югу и западу темнохвойной тайги [Хотинский 1977]. В итоге, к середине-концу I тыс. до н.э. в Восточной Европе установились границы природных зон и картина растительности, близкие сегодняшней.

Нельзя не заметить, что выводы, сделанные Р. Ш. Насибуллиным, никак не подтверждаются данными геоботаники. В специальной геоботанической литературе преобладает мнение о том, что “современный предельно северный рубеж естественного произрастания дуба проходит практически там же, где он простирался и в начале агрикультурного времени (для полосы контакта смешанных лесов и южной тайги – 800-1000 лет тому назад) при сокращении площадей занятых дубом. Последнее обстоятельство, а также показатели роста и процесса возобновления дуба заставляют считать северные границы его ареала биологически и экологически относительно устойчивыми” [Денисов 1970, с.824].

Вообще не следует понимать термин “малый климатический оптимум” слишком буквально и преувеличивать его значимость. В самый разгар “малого климатического оптимума” имели место и серьезные климатические экстремумы, повторяемость которых была не меньше, чем в настоящее время [Борисенков, Пасецкий 1983, с.33]. Потепление в “эпоху викингов” было лишь слабой тенью климатического оптимума и вследствие своей незначительной продолжительности просто не могло

привести к крупным сдвигам в географии растительности [Монин, Шишков 1979, с.352].

Неудачным, по мнению климатологов, является и термин “малый ледниковый период”. Данное похолодание было на самом деле не чем-то исключительным, а лишь незначительной флуктуацией, одним из многих подобных похолоданий после климатического оптимума. Укоренившееся в науке название “малый ледниковый период” на деле лишь отражает тот факт, что эту часть исторического периода оказалось возможным исследовать гораздо более детально по сравнению с более ранними похолоданиями подобного же рода [Монин, Шишков 1979, с.355]. ~

Итак, следует признать, что анализ сведений, предоставляемых в наше распоряжение палеобиогеографией и климатологией, не дает никаких оснований подозревать какие бы то ни было существенные сдвиги границ природных зон на востоке Европы за последние, по меньшей мере, две тысячи лет. Практически все изменения в географии растительности и животного мира происходили здесь в эту эпоху под воздействием антропогенного фактора.

4. Эволюция прапермской этнолингвистической общности в эпоху средневековья

После того, как более или менее точно очерчена территория прапермского экологического ареала, необходимо окончательно определиться с локализацией пермской прародины и, наконец, высказать свою точку зрения на причины и периодизацию распада прапермской этнолингвистической общности.

Отвечая на вопрос о локализации пермской прародины, я считаю необходимым, прежде всего, еще раз подчеркнуть, что собственно прапермская в узком смысле (*эндопермская*) общность накануне своего распада, по всей видимости, была общностью весьма компактно расселенной и не занимала большой территории. На мысль об этом неизбежно наводит сам факт чрезвычайной близости современных пермских языков и практической невыявленности в коми и удмуртском языках никаких следов явлений, указывающих на сколько-нибудь значительную диалектную дробность пермского праязыка, какую следовало бы ожидать в случае охвата пермской прародиной обширных территорий. В пользу того, что территория пермской прародины была ограниченной и, по-видимому, не выходила за пределы Пермского Прикамья, косвенно свидетельствует практически полное отсутствие в пермских языках общих для

них прибалтийско-финских, протосаамских, древнемарийских, обско-угорских заимствований.

С другой стороны, наличие в пермских языках общих иранских (в том числе и сравнительно поздних, древнеосетинских [Лыткин 1975; Rédei 1986, S.29; Напольских 1997b]) заимствований, а также заимствований из языка носителей именьковской культуры (протославян, по мнению В.В.Напольских [Напольских 1996; Napolskich 1996]), говорит о контактах прапермян с народами, населявшими степную и лесостепную зоны. Это увеличивает вероятность нахождения пермской прародины в границах с лесостепью или, по крайней мере, не очень удаленных от лесостепи районах Прикамья.

При разрешении проблемы локализации пермской прародины существенную роль могли бы сыграть топонимические материалы Волго-Уральского региона. Однако, приходится с сожалением констатировать очень слабую изученность его топонимики и, посему, невозможность использования выводов этого весьма перспективного направления исследований в области пермской предыстории.

В создавшихся условиях на первый план в вопросе локализации пермской прародины выходят данные и выводы археологии.

Прежде всего, я считаю необходимым постулировать три фундаментальные положения, на которые опираются все мои дальнейшие рассуждения:

1. Ранние этапы этнической истории пермских народов в эпоху раннего железного века восходят к *ананьинской культурно-исторической общности* VIII-III вв. до н.э.

2. Далеко не все группы ананьинского и постананьинского населения явились прямыми языковыми (resp. этническими) и генетическими предками современных пермян. По-видимому, лишь весьма ограниченная часть ананьинцев и постананьинцев говорила на языке, который послужил основой для сложения современных коми и удмуртского языков. Эти группы я именую *эндопермянами*. Кроме эндопермян определенную роль в формировании удмуртского и коми народов сыграли также другие предки пермян, которые, по предложенной В. В. Напольских терминологии, называются *парапермянами* и *экзопермянами*.

3. Финал ананьинской КИО отнюдь не означает конца прапермского единства, т.к. распад прапермской этнолингвистической общности произошел значительно позже, уже в эпоху средневековья и был, судя по всему, процессом весьма длительным, растянувшимся на многие века.

На постананьинском пространстве в Прикамье с III в. до н.э. выделяется целый ряд археологических культур, исследуя историю и эволюцию которых археологи и делают свои этноисторические и этнокультурные построения. И здесь нельзя не учитывать того обстоятельства, что среди археологов не существует единства не только в вопросах этнической идентификации данных культур, но и имеются серьезнейшие разногласия по проблемам определения культурно-археологической принадлежности многих памятников и их групп.

Так, например, группу памятников Среднего Прикамья, сосредоточенных в районе г. Осы и по р. Тулве (левый приток Камы) и датированных III в до н.э. – II/V вв. н.э., В. Ф. Генинг характеризует как особую *осинскую* АК [Генинг 1988, с.180-200], в то время как другие исследователи видят в них лишь один из вариантов *гляденовской* культуры [Поляков 1967, с.203; Голдина 1987, с.11 и др.]. В последнее время Р. Д. Голдина склоняется к тому, чтобы относить эти памятники к *пьяноборской* КЦО, сближая их с памятниками синхронной *чегандинской* АК Удмуртского Прикамья и низовьев р. Белой [Р. Д. Голдина – устное сообщение].

Мазунинскую АК III-V вв., выделяемую в Среднем Прикамье одними археологами, другие считают локальным вариантом или одним из этапов развития *бахмутинской* АК (см. об этом [Останина 1997, с.12-17]), а третьи – поздней стадией *чегандинской* культуры [Голдина 1987, с.13].

Памятники Южной Удмуртии, выделяемые Т. К. Ютиной, Р. Д. Голдиной и некоторыми другими исследователями в *верхнеутчанскую* АК (VI-IX вв.) [Ютина 1994, с.14; Голдина 1987, с.20], многими их коллегами характеризуются как памятники, оставленные разнородным в этническом и культурном отношении населением, что вызывает большие сомнения в правомерности объединения этой группы памятников в особую археологическую культуру (см., например, [Останина 1997, с.179]).

Подобного рода разногласий так много, что порой неархеологу разобратся в них и адекватно оценить точки зрения дискутирующих сторон очень сложно. Поэтому в создавшихся условиях мне представляется нецелесообразным (да и вряд ли физически возможным) затевать подробное обсуждение высказывавшихся в разное время разными археологами мнений и воззрений на ход этнической и этнокультурной истории Прикамья с раннего железного века до конца эпохи средневековья. Вместо этого мной будет взята за основу обсуждения фундаментальная статья Р.Д. Голдиной “Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа: (по археологическим материалам)” [1987], где интересующая нас проблематика освещена достаточно подробно и детально, и,

кроме того, в самой статье предложена оригинальная и имеющая завершённый вид схема развития археологических культур, которые автор связывает с предками коми и удмуртов. Именно из-за этой завершенности и некоторой внешней логичности, я остановил свой выбор на данной работе. Разумеется, по ходу рассмотрения отдельных положений статьи, я буду делать необходимые отступления и комментарии.

Итак, согласно Р.Д. Голдиной, по завершению ананьинской эпохи в III в. до н.э. в Прикамье формируются две основные культурно-исторические общности, наследующие ананьинской КИО: *гляденовская*, представленная одной *гляденовской* культурой в Среднем и, отчасти, Верхнем Прикамье, и *пьяноборская*, включающая в себя *худяковскую* АК в бассейне средней и нижней Вятки, *чегандинскую* АК – в Удмуртском Прикамье, низовьях р. Белой и по р. Иж и *кара-абызскую* АК – в северо-западной Башкирии. Как уже неоднократно указывалось, в гляденовцах Р.Д. Голдина видит предков коми, а в пьяноборцах – праудмуртов.

Достаточно подробно изложенные выше факты не дают возможности согласиться с Р.Д. Голдиной или выработать какое-либо компромиссное решение, и однозначно свидетельствуют о том, что до конца пьяноборско-гляденовской эпохи (т.е. до V в. н.э.) и даже позже эндопермская общность сохраняла свое единство. Вслед за таким заключением неизбежно встает вопрос о том, какая же из вышеперечисленных археологических культур и/или культурно-исторических общностей может с большим на то основанием претендовать на роль археологического аналога этой самой нераспавшейся еще эндопермской общности?

Все постананьинские культуры пьяноборской ветви (пьяноборской КИО – по Р.Д. Голдиной): кара-абызская, худяковская, чегандинская (по Р.Д. Голдиной), мазунинская (по В.Ф. Генингу, Т.И. Останиной и др.), азелинская (по В.Ф. Генингу и др.) и т.д., а также все происходящие от них АК средневекового периода (еманаевская и кочергинская, верхнеутчанская и чумойтинская, бахмутинская – по Р.Д. Голдиной и др.) располагались на территориях, никак не соприкасающихся с вышеозначенной территорией прапермского экологического ареала, и были расположены в стороне, на большем или меньшем расстоянии от района этого ареала. Следовательно, ни одна из этих культур не может представлять собой археологический аналог эндопермской общности. В их носителях можно видеть какие-то *парапермские* или *экзопермские* группы.

С другой стороны, территория *гляденовской* АК³ практически совпадает с локализованным в предшествующем параграфе районом пермского экологического ареала. Поэтому *гляденовская* культура является на сегодняшний день наиболее предпочтительным кандидатом на роль археологического аналога поздней эндопермской общности. Во всяком случае, это – единственная АК постананьинского времени эпохи раннего железа в Прикамье, для которой эту роль можно предполагать. Кроме того, памятники *гляденовской* АК в Прикамье располагаются весьма компактно, что также увеличивает вероятность прямой связи между носителями *гляденовской* культуры и эндопермцами.

Дальнейшая история *гляденовской* общности может быть прослежена следующим образом. В конце IV в. в Прикамье из Зауралья проникает население, принесшее сюда курганный обряд захоронения (Харинские, Бродовские и другие курганы). Данные группы пришельцев в последние годы предположительно связываются с потомками носителей *саргатской* КИО V в. до н.э. – IV в. н.э. лесостепной зоны Западной Сибири [Голдина 1987, с.14; 1996, с.12]. В результате смешения пришельцев с позднегляденовским населением в Прикамье в V-VI вв. складываются три близкородственные культуры: *ломоватовская* – на верхней Каме, *неволинская* – в бассейне р. Сылвы и *поломская* – на р. Чепце. Близость материальной культуры и единство происхождения трех этих общностей представляются Р. Д. Голдиной настолько очевидными, что она рассматривает их как три локальных варианта единой “пермской средневековой культуры” [Голдина 1987, с.17]. Так, например, генезис *поломской* культуры она связывает с одной из групп *ломоватовского* населения, которая переселившись из верховьев Камы на правобережье р. Чепцы, основала здесь “одну из племенных групп” [Голдина 1987, с.18].

А.Г. Иванов, исследуя историю населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья, пришел к выводу, что в заселении в конце V – начале VI в. верховьев этой реки участвовали одновременно несколько этно-

³ Согласно прежней точке зрения Р. Д. Голдиной [1987, с.11], *гляденовская* культура в Прикамье локализуется по средней Каме с притоками от с. Ножовка Чагинского района Пермской области до устья р. Чусовой. В последнее время Р. Д. Голдина исключает из территории *гляденовской* культуры район г. Осы и участок Камы ниже его, а также бассейн р. Тулвы (см. выше). По В. Ф. Генингу [1988, с.134], памятники *гляденовской* АК расположены, главным образом, в районе устья Чусовой и ниже по Каме до устья рр. Юг и Очер. Нелишне здесь будет напомнить, что В. Ф. Генинг памятники осинско-тулвинского района выделял в самостоятельную осинскую АК, против чего возражали многие его коллеги, рассматривая эту группу памятников как один из локальных вариантов *гляденовской* АК (см., например, [Оборин 1961, с.55; Поляков 1967, с.213]).

культурных компонентов: *позднегляденовский, мазунинский и харинский*. Около середины-конца VI века к ним добавился еще и *азелинский* компонент, продвинувшийся с Вятки и нижней Чепцы. Вплоть до конца VII в. на верхней Чепце в рамках раннего этапа поморской культуры происходил синтез всех этих этнокультурных компонентов, в результате которого на верхней Чепце сложилось новое этнокультурное объединение [Иванов 1997, с.9]. Думается, было бы вполне правомерно полагать, что в данном объединении в конце концов возобладали эндопермский постгляденовский компонент. Иначе трудно объяснить наибольшую близость поморских памятников синхронной ломоватовской АК Верхнего Прикамья, которая неоднократно подчеркивалась многими исследователями.

Итак, имеются все основания полагать, что и в ломоватовскую эпоху (V-IX вв.) прапермская (эндопермская) этнолингвистическая общность до некоторой степени сохраняет свою целостность. В то же время, в эту эпоху начинает проявлять себя постепенная культурная дифференциация этой общности, выразившаяся в сложении трех, хотя и очень близких друг к другу, но имеющих уже некоторые специфические особенности, археологических культур – *поморской, ломоватовской и неволинской*.

Эта культурная дифференциация эндопермской общности явилась следствием расселения прапермян на новых, более обширных территориях, нежели в предшествующую гляденовскую эпоху, и разной степенью воздействия на различные прапермские группы тех или иных соседних этнических формирований. Например, безусловно более серьезное постсаргатское влияние испытали носители неволинской культуры, а более ошутимое воздействие мазунинской и азелинской культур – поморцы. Однако, следует полагать, что связи внутри прапермского этнического массива оставались самыми тесными и препятствовали действительно распаду общепермского единства.

Новый этап в этнической истории Волго-Камья наступает с приходом в VIII в. в Среднее Поволжье тюркоязычных булгар и возникновением здесь первого в регионе государственного образования – Волжской Булгарии. Данные события повлекли за собой серьезные и важные изменения в ходе этнической истории региона, которые ярко проявили себя в археологии Прикамья конца I тыс. н.э. Так, в середине IX в. прекращает функционировать большинство памятников неволинской культуры в бассейне р. Сылвы, что объясняется уходом основной массы неволинцев из этого региона. По мнению И. Ю. Пастушенко, неволинское население, отступив на север принимает активное участие в сложении чувовского и обвинско-иньвенского вариантов *родаповской АК* [Пастушенко 1995, с.106].

Показательно в этой связи, что финал неволинской АК фактически совпадает по времени с фиксируемым многими исследователями переселением в VIII-X вв. значительной части верхнекамского и чепецкого населения на нижнюю Каму, среднюю и нижнюю Вятку и среднюю Волгу [Казаков 1989; 1992, с.245-247; Семенов 1989, с.31; Иванов 1990, с.114-115 и др.]. Приток этого населения на территорию Волжской Булгарии был, по археологическим материалам, столь значительным, что на многих раннебулгарских памятниках керамика ломовско-ломоватовского типа количественно намного преобладает над собственно булгарской [Хлебникова 1984, с.223-224]. Основываясь на анализе вещевого материала данных раннебулгарских памятников, А.М. Белавин приходит к заключению о том, "...что основой прикамских племен, переселявшихся на территорию будущей Волжской Булгарии, были неволинские племена" [Белавин 1990, с.125-126].

О причинах данного переселения части носителей культур ломоватовского круга на юг и юго-запад мы пока что можем только догадываться. В одной из своих работ В.А. Иванов осторожно намекает на возможную связь этой миграции с необходимостью для формирующегося булгарского государства укреплять свою экономическую и политическую мощь за счет притока населения со стороны [Иванов 1990, с.115]. На мой взгляд, такое предположение выглядит вполне правдоподобным, т.к. совершенно очевидно, что кочевники-булгары, в ходе строительства своего молодого государства нуждались в оседлом земледельческом населении, достаточно многочисленном и способном стать одной из важных экономических и социальных опор государства. В.Ф. Генинг и, вслед за ним, А.Г. Иванов вообще считают возможным предполагать, что ломовско-ломоватовско-неволинское население насильственно выводилось булгарами со своей первоначальной территории во время набегов на чепецкие, верхнекамские и сылвинские земли [Генинг 1988, с.222; Иванов 1997, с.15]. Как бы то ни было, невозможно совершенно отрицать связь между появлением в Среднем Поволжье булгар и становлением их государственности с упомянутыми миграциями пермского населения.

Таким образом, у нас имеются веские основания для того, чтобы считать, что в последние века I тыс. н.э. происходит разрыв относительно компактного доселе ядра прапермской этнолингвистической общности, когда эндопермские группы начинают переселяться на значительные расстояния от района пермской прародины. Так, например, на рр. Выми, средней и нижней Вычегде, Лузе, Сыsole и Вашке в X-XI вв. скла-

дывается археологическая культура Перми Вычегодской (*вымская* АК), которая практически всеми исследователями аттестуется как культура предков коми-зырян.

Переселившиеся на нижнюю Каму, нижнюю и среднюю Вятку эндопермяне вступают в тесные контакты и постепенно смешиваются с проживавшим здесь позднеазелинским (*еманаевская* и *верхнеутчанская* АК – по Р.Д. Голдиной) населением, которое, возможно, было парапермским по языку. Дальнейшее взаимодействие северных групп (поломско-чепецких, средневятских постазелинских) и южных (потомки переселившегося на нижнюю Вятку и Каму ломомско-ломоватовско-неволинского населения, создатели *кочергинской* и *чумойтлинской* (по Р.Д. Голдиной) АК) компонентов привело в итоге к сложению удмуртского народа. Процесс этот был, безусловно, сложным, подробное его рассмотрение выходит за рамки данной работы и требует специального исследования.

На Верхней Каме в IX-X веках на основе ломоватовской АК складывается *родановская* АК (X-XV вв.), в создателях которой, очевидно, следует видеть непосредственных предков коми-пермяков.

Итак, к началу II тыс. н.э. эндопермские родоплеменные группировки расселяются на весьма обширных территориях Европейского Северо-Востока от Вычегды и Выми до нижней Камы и Вятки. По-видимому, с расширением эндопермского ареала связано и распространение эндопермских диалектов на территориях, заселённых как различными парапермскими, так и экзопермскими группами, и своего рода языковое “выравнивание”, сложение системы близкородственных праудмуртских и пракоми диалектов. Поэтому широкое расселение и миграции **эндопермян** не привели автоматически к окончательному распаду **прапермской** этнолингвистической общности, хотя и ослабили, безусловно, связи внутри самого **эндопермского** этнического массива. Следует полагать, таким образом, что еще в течение нескольких столетий пермское единство продолжало сохраняться в виде *диалектного континуума*, в котором любые смежные группировки говорили на весьма близких диалектах, в то время как территориально удаленные прапермские племена в языковом отношении уже довольно сильно отличались друг от друга. Существование этого континуума хорошо прослеживается по данным пермских языков, что подробно рассмотрено автором статьи в одной из его прежних работ [см. Белых 1995].

Сокращения

баш. – башкирский язык; **вв.** – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка; **диал.** – диалектное слово; **др.-швед.** – древнешведский язык; **к.** – коми языки; **уст.** – устаревшее слово; **др.-перм.** – древнепермский язык; **кз.** – коми-зырянский язык; **кп.** – коми-пермяцкий язык; **кя.** – коми-язьвинский диалект; **лл.** – лузско-летский диалект коми-зырянского языка; **мар.** – марийский язык; **мокш.** – мокшанский язык; **нв.** – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; **нч.** – нижечепецкий диалект удмуртского языка; **оньк.** – оньковский диалект коми-пермяцкого языка; **прап.** – пермский праязык; **приб.-фин.** – прибалтийско-финский праязык; **ПУ** – уральский праязык; **ПФУ** – финно-угорский праязык; **скр.** – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; **ср.-монг.** – среднемонгольский язык; **тат.** – татарский язык; **удм.** – удмуртский язык; **фин.** – финский язык; **чув.** – чувашский язык; **эрз.** – эрзянский язык.

Литература

- Ареалы 1977.* Ареалы деревьев и кустарников СССР. Т. 1. Л.
- Атаманов М.Г. 1992.* К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск.
- Атлас 1983.* Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР. М..
- Белавин А.М. 1990.* О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Белых С.К. 1995.* Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение. № 2. Йошкар-Ола.
- Белых С.К. 1998.* Пермские истоки этногенеза удмуртского народа: (проблема распада прапермской общности). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. 1983.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI-XVII вв. Л.
- Геншиг В.Ф. 1988.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.
- Голдина Р.Д. 1987.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа: (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Голдина Р.Д. 1996.* Основные этапы взаимодействия финно-пермян с другими этносами в древности и средневековье (конец III тыс. до н.э. – XVI в. н.э.) // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. Ижевск.
- Горчаковский П.Л. 1968.* Растения европейских широколиственных лесов на восточном пределе их ареала. Свердловск.
- Денисов А.К. 1970.* Северная граница ареала *Quercus pedunculata Ehrh.* в СССР и ее динамика за агрикультурное время // Ботанический журнал. Т. 55. № 6.

Древесные 1982. Древесные породы мира. Т. 3. Древесные породы СССР. М.

Иванов А.Г. 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. СПб.

Иванов В. А. 1990. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Казиков Е.П. 1989. О поломской керамике Волго-Камя // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Казиков Е.П. 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.

Кельмаков В.К. 1976. К вопросу о периодизации истории удмуртского языка: (на материале исторической фонетики) // Советское финно-угроведение. № 4 (XII).

Косменко М.Г. 1993. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.

КПРС 1985. Коми-пермяцко-русский словарь. М.

КРС 1961. Коми-русский словарь. М.

Кузеев Р.Г. 1992. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.

Кутьминых С.В. 1993. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандинавии: (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань.

КЭСК 1970. Лыткин В.И., Гуляев В.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.

Лыткин В.И. 1967. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // ВФУЯ. Вып. IV. Ижевск.

Лыткин В.И. 1975. Пермско-иранские языковые контакты // Вопросы языкознания. № 3.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. 1975. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. № 18). Сыктывкар.

Монин А.С., Шишков Ю.А. 1979. История климата. Л.

Напольских В.В. 1993. Коми-зырянская ихтионимия А.И.Шёгрена и проблемы уральской предьстории // Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения “Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: к 200-летию со дня рождения. Тезисы докладов. СПб.

Напольских В.В. 1996. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Том II. Сыктывкар.

Напольских В.В. 1997а. Введение в историческую уралистику. Ижевск.

Напольских В.В. 1997б. Происхождение названия медведя / дракона в пермских языках // Linguistica Uralica, XXXIII (1).

Насибуллин Р.Ш. 1992. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордском кыл. №2. Ижевск.

Непомилуева Н.И. 1974. Кедр сибирский на северо-востоке европейской части СССР. Л.

НРС 1965. Ненецко-русский словарь / Сост. Н.М.Терещенко. М.

Оборин В.А. 1961. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // ВАУ. Вып. 1. Свердловск.

- Остапина Т.И.* 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск.
- ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.
- Пастушенко И.Ю.* 1995. История населения бассейна р.Сылвы в первой половине второго тысячелетия н.э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск.
- Поляков Ю.А.* 1967. Итоги изучения гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. № 148. Пермь.
- Природа* 1967. Природа Кировской области. Киров.
- Ракин А.Н.* 1979. Флористическая терминология коми языка: (этимологический анализ) // Вопросы лексикологии коми языка. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. № 22). Сыктывкар.
- Растительность* 1980. Растительность европейской части СССР. Л.
- Растительный* 1988. Растительный мир Прикамья. Пермь.
- РКС 1966. Русско-коми словарь / Под ред. Д.А.Тимушева. Сыктывкар.
- РУС 1956. Русско-удмуртский словарь / Под ред. В.М.Вахрушева. М.
- Сводеш М.* 1960. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.
- Семенов В.А.* 1989. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Спицын А.А.* 1889. К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 г. Вятка.
- Спицын А.А.* 1893. Приуральский край: Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. (МАНГР. Вып.1). М.
- ССКЗД 1961. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар.
- Старостин С.А.* 1989. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Часть 1. М.
- Старостин С.А.* 1991. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.
- УРС 1983. Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М.Вахрушева. М.
- Хайду П.* 1985. Уральские языки и народы. М.
- Халиков А.Х.* 1979. Об археологических основах этногенеза пермских финнов // ВФУЯ. Вып. VI. Сыктывкар.
- Хелинский Е.А.* 1982. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М.
- Хлебникова Т.А.* 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
- Хотинский Н.А.* 1977. Голоцен Северной Евразии. М.
- Хохрин А.В.* 1970. Об отношении культур кедр сибирского к климату на Среднем Урале в свете гипотезы Г.Ф.Морозова // Лесообразовательные процессы на Урале. (Труды Института экологии растений и животных Уральского филиала АН СССР. Вып. 67). Свердловск.
- Чуч Ш.* 1992. Периодизация истории удмуртского языка // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка. Ижевск.
- Щербак А.М.* 1994. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.
- Щербак А.М.* 1997. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб.
- Ютина Т.К.* 1994. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ижевск.

Itkonen E. 1960. Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten // UAJb. 32 (1-2).

Joki A. 1973. Uralier und Indogermanen (MSFOu. Vol. 151). Helsinki.

Napolskikh V. V. 1993. Uralic fish-names and original home // UAJb. Bd. 12.

Napolskikh V. V. 1996. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des 1 Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg.

Raun A. 1956. Über die sogenannte lexicostatistische Methode oder Glottochronologie und ihre Anwendung auf das Finnisch-Ugrische und Türkische // UAJb. Bd. 28.

Raun A. 1957. The Chuvash borrowings in Zyrian // Journal of the American Oriental Society. Vol. 77, № 1.

Rédei K. 1986. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 468). Wien.

Rédei K., Róna-Tas A. 1972. A permi nyelvek őspéri kori bolgár-török jövevényszavai // NyK. 74/2.

Rédei K., Róna-Tas A. 1975. A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése // NyK. № 77/1.

Róna-Tas A. 1982. Loan-words of ultimate Middle-Mongolian origin in Chuvash // Studies in Chuvash etymology I – Studia Uralo-Altica, 17. Szeged.

Sebestyén I. N. 1935. Az uráli nyelvek régi halnevei // NyK. 49.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja, IV. Helsinki, 1969.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1991.

Wichmann Y. 1903. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors.

**“Малый” (100-словный) список М.Сводеша
для пермских языков**

№	словарное значение	удмуртский язык	коми-пермяцкий язык	коми-зырянский язык
1	2	3	4	5
1.	all	вань-	быдӧн-	быдӧн-
2.	ashes	пень	пӧим	пӧим
3.	bark	сул, кур	кыш, кач	кырсь
4.	belly	кӧт	кынӧм	кынӧм
5.	big	бадӟым	ыджыт	ыджыд
6.	bird	тылобурдо	кай, пӧтка	лэбач, кай, пӧтка
7.	bite	куртчаны	курччавны	курччавны
8.	black	сьӧд	сьӧд	сьӧд
9.	blood	вир	вир	вир
10.	bone	лы	коска, лы	лы
11.	breast	гадь, мӧля	морос	морӧс
12.	burn (перех.)	сутыны	сотны	сотны
13.	claw (nail)	гижы	гыж	гыж
14.	cloud	пилем	кымӧр	кымӧр
15.	cold	кезьыт	кӧдзыт	кӧдзыд
16.	come	лыктыны, вуыны	локны, воны	локны, воны
17.	die	кулыны	кувны	кувны
18.	dog	пуны	пон	пон
19.	drink	юныны	юны	юны
20.	dry (прил.)	кӧс	кӧс	кос
21.	ear	пель	пель	пель
22.	earth	му	му	му
23.	eat	сиыны	сӕйны	сӕйны
24.	egg	пуз	кольть	кольк
25.	eye	син	син	син
26.	fat (сущ.)	кӧй	гос	гос, тшог
27.	feather	тылы	перо, гӧн	гӧн
28.	fire	тыл	би	би
29.	fish	чорыг	чери	чери
30.	fly (гл.)	лобаны	лэбавны	лэбавны
31.	foot	пыд, кук	кок	кок
32.	full	тыр	тыр	тыр
33.	give	сӕтыны	сетны	сетны
34.	good	умой, зеч	бур	бур
35.	green	вож	зелёной	вж
36.	hair	си	си	си
37.	hand	ки	ки	ки

1	2	3	4	5
38.	head	йыр	юр	юр
39.	hear	кылыны	кывны	кывны
40.	heart	скулэм	сьӧлӧм	сьӧлӧм
41.	horn	сюр	сюр	сюр
42.	I	мон	мс	мс
43.	kill	виыны	вийны	вины
44.	knee	пидсс	пидзӧс	пидзӧс
45.	know	тодыны	тӧдны	тӧдны
46.	leaf	куар	кор	кор
47.	lie	кыллыны	куйлыны	куйлыны
48.	liver	мус	мус	мус
49.	long	кузь	кузь	кузь
50.	louse	тэй	той	той
51.	man	пиосмурт, воргорон	мужик	мужик
52.	many	трос, уно	уна	уна
53.	meat	сйль	яй	яй
54.	moon	толэзь	тӧлсь	тӧлсь
55.	mountain	гурезь	керӧс, нӧрыс	керӧс, кыр, чой
56.	mouth	ым	ӧм	вом
57.	name	ним	ним	ним
58.	neck	чырты	голя	сьылі, голя
59.	new	выль	виль	выль
60.	night	уй	ой	вой
61.	nose	ныр	ныр	ныр
62.	not	ӧвӧл	абу	абу
63.	one	одйг	ӧтик	ӧтик
64.	person	адями, мурт	морт	морт
65.	rain	зор	зэр	зэр
66.	red	горд	гӧрд	гӧрд
67.	road	сюрес	туй	туй
68.	root	выжы	вуж	вуж
69.	round (прил.)	котыресс	гӧгрӧс	гӧгрӧс
70.	sand	луо	лыа	лыа
71.	say	шуыны	шуны	шуны
72.	see	адзыны	адзыны	адзыны
73.	seed	тысь, кидыс	кӧдзыс, тусь	кӧйдыс, тусь
74.	sit	пукуны	пукавны	пукавны
75.	skin	ку	кучик	ку
76.	sleep	изыныны, кӧлыны	узыны	узыны
77.	small	пичи	учӧтик	ичӧтик, дзоляник
78.	smoke (сущ.)	чын	тшын	тшын
79.	stand	сылыны	сулавны	сулавны
80.	star	кизили	звезда, кӧдзыв	кодзув
81.	stone	из	из	из
82.	sun	шунды	шонді	шонді

1	2	3	4	5
83.	swim	уяны	уявны	уявны
84.	tail	быж	бӧж	бӧж
85.	that	со	сія	(э)сійӧ
86.	this	та	этія	тайӧ
87.	thou	тон	тэ	тэ
88.	tongue	кыл	кыв	кыв
89.	tooth	пинь	пинь	пинь
90.	tree	пу	пу	пу
91.	two	кык	кык	кык
92.	walk (go)	мыныны	мунны	мунны
93.	warm	шуныт	шоныт	шоныд
94.	water	ву	ва	ва
95.	we	ми	ми	ми
96.	what	ма(р)	мый	мый
97.	white	тӧды	чочком	сджыд
98.	who	кин	кин	кодї, код
99.	woman	кышномурт, нылкышно	инька	нывбаба
100.	yellow	ӧуж	всж	виж

**Дополнительный список С.Е.Яхонтова.
(взят из [Старостин 1991])**

№	словарное значение	удмуртский язык	коми-пермяцкий язык	коми-зырянский язык
101.	far	кыдӥскын	ылын	ылын
102.	heavy	секут	сьӧкут	сьӧкуд
103.	near	матын	матын	матын
104.	salt	сылал	сов	сов
105.	short	вакчи	джсныт	джсьныд
106.	snake	кый	змся	змся
107.	thin	векчи	вӧснит	вӧсни, вӧсьныд
108.	wind	тӧл	тӧв	тӧв
109.	worm	нумыр	номыр	номыр
110.	year	ар	год	во

Примечание. Все примеры из удмуртского, коми-пермяцкого и коми-зырянского языков даны в действующих удмуртской и коми орфографиях, в том фонетическом облике и том составе, какие характерны для литературных норм названных языков.

Зелинский А.В.

Возможности метода электротметрии для оперативной реконструкции планировки археологических памятников (по материалам исследований городища Иднакар в 1997 г.)

Применение геофизических методов на территории археологических памятников позволяет без разрушения культурного слоя получать априорную информацию об их планировке и границах археологических объектов в грунте. Эта информация позволяет повысить эффективность полевых археологических исследований за счет планирования раскопок и целенаправленного изучения исторических комплексов на территории памятника.

Геофизические исследования на территории городища Иднакар производятся с 1992 года совместно УИИЯЛ УрО РАН и ФТИ УрО РАН*. Принципиальная возможность применения метода электротметрии была показана в ходе полевых исследований 1992-1993 гг. На исследованном участке городища было выделено расположение ранее неизвестного оборонительного вала и нескольких фрагментов глинобитных площадок сооружений [Алексеев, Журбин, Иванова и др. 1993; Алексеев, Журбин, Зверев и др. 1995]. В настоящее время вал на поверхности городища визуально не прослеживается. По данным археологии он был выровнен не позднее XI в. [Ivanova 1995]. Данные электротметрических исследований были подтверждены археологическими раскопками 1993 года. Границы объектов, выявленные в результате раскопок, оказались близкими к прогнозируемым по данным электротметрии [Алексеев, Журбин, Иванова и др. 1993].

Дальнейшие электротметрические исследования проводились с целью детализации границ объектов на различных глубинах. По результатам электротметрических измерений с изменением глубины исследований были построена пространственная реконструкция и вертикальные срезы археологических объектов [Журбин, Малюгин 1996; Alekseyev, Zhurbin, Malyugin 1996; Журбин, Иванова, Малюгин 1995].

* Автор благодарит руководителя экспедиции д.и.н. Иванову М.Г. за предоставленные материалы и помощь в организации исследований, а также сотрудников экспедиции за активное участие в обсуждении полученных результатов.

В ходе исследований использовался автоматизированный электроразведочный комплекс “Иднакар”, который позволяет проводить площадные электрометрические исследования и определять пространственные характеристики археологических объектов [Алексеев, Журбин 1994].

Проведенные исследования показали эффективность применения методики послойных электрометрических измерений при определении границ и пространственных характеристик археологических объектов. Однако недостатками этой методики оказались высокая трудоемкость и значительные временные затраты. Поэтому необходим предварительный отбор объектов для детальных электрометрических исследований.

Была сформулирована задача исследования планировки археологических памятников, которая предполагает выделение местоположения основных структурообразующих объектов и не требует большой степени детализации их границ. Для решения этих задач была разработана ускоренная поисковая методика измерений, ориентированная на оперативное определение местоположения археологических объектов в грунте на больших территориях [Zhurbin, Malyugin 1998]. Применение этой методики позволяет сократить время электрометрических исследований при сохранении достаточной точности описания границ археологических объектов. При интерпретации результатов поисковых электрометрических исследований определяются локализованные участки, содержащие объекты, на которых необходимо провести дополнительные уточняющие измерения.

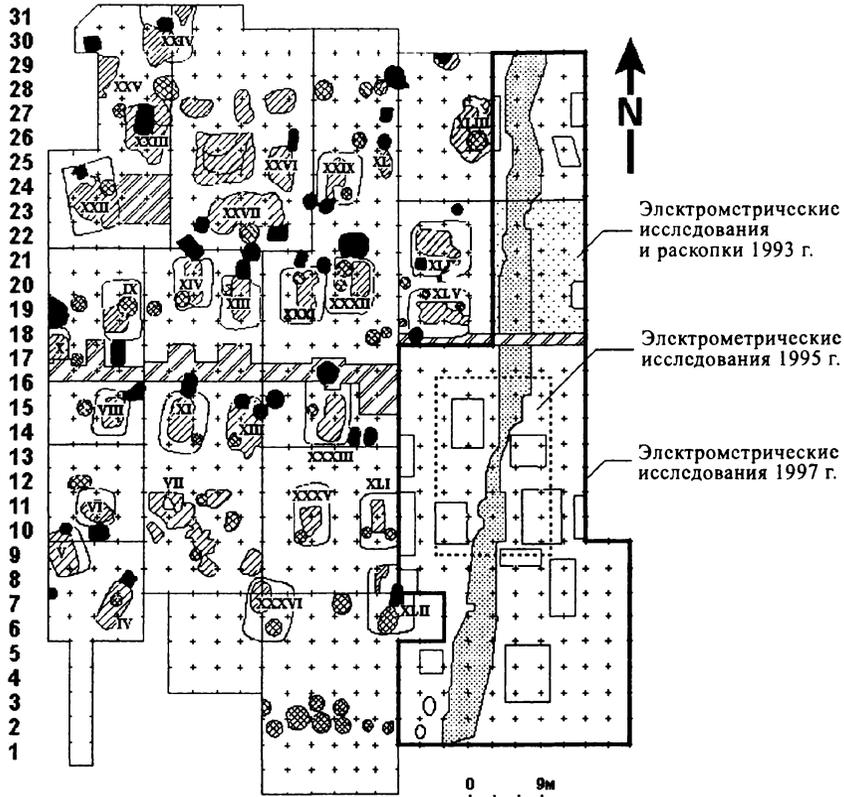
В 1997 году электрометрические исследования были продолжены с целью определения контуров вала на всей площадке городища и обнаружения объектов, расположенных около него. Задача исследований была обусловлена тем, что расположение перечисленных археологических объектов определяет планировочную структуру внутренней и центральной части городища. Исследования проводились по ускоренной поисковой методике.

Расположение участков электрометрических измерений на территории городища приведено на рисунке 1.

Измерения проводились с использованием квадрупольной ячейки электродов при глубинах зондирования 1.0, 1.5 и 2.0 м [Alekseyev, Zhurbin, Malyugin 1996]. Участки измерений размером 3×6 м привязывались к археологической сетке раскопа. Площадь электрометрических измерений 1997 года составила 1250 кв.м., общая площадь измерений с 1993 по 1997 г. - 1700 кв.м.

Результаты математической обработки данных площадных электрометрических измерений при глубинах зондирования 1.0 и 1.5 м приведены

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш

- – глинобитная площадка
- – прокаленная глина
- – яма
- – очаг
- – траншея С.Г. Матвеева 1929 года
- – внутренний вал
- – предполагаемые места расположения глинобитных площадок

Рис. 1. Планировка внутренней части городища Иднакар (по результатам раскопок и электрометрических исследований)

на рисунках 2 и 3. На этих рисунках показаны карты распределений удельного электрического сопротивления на исследованном участке городища (см. рис. 2а и 3а), а также реконструкции контуров оборонительного вала (см. рис. 2б и 3б).

По имеющимся априорным сведениям о стратиграфии культурного слоя эффективная глубина исследований для определения планировки па-

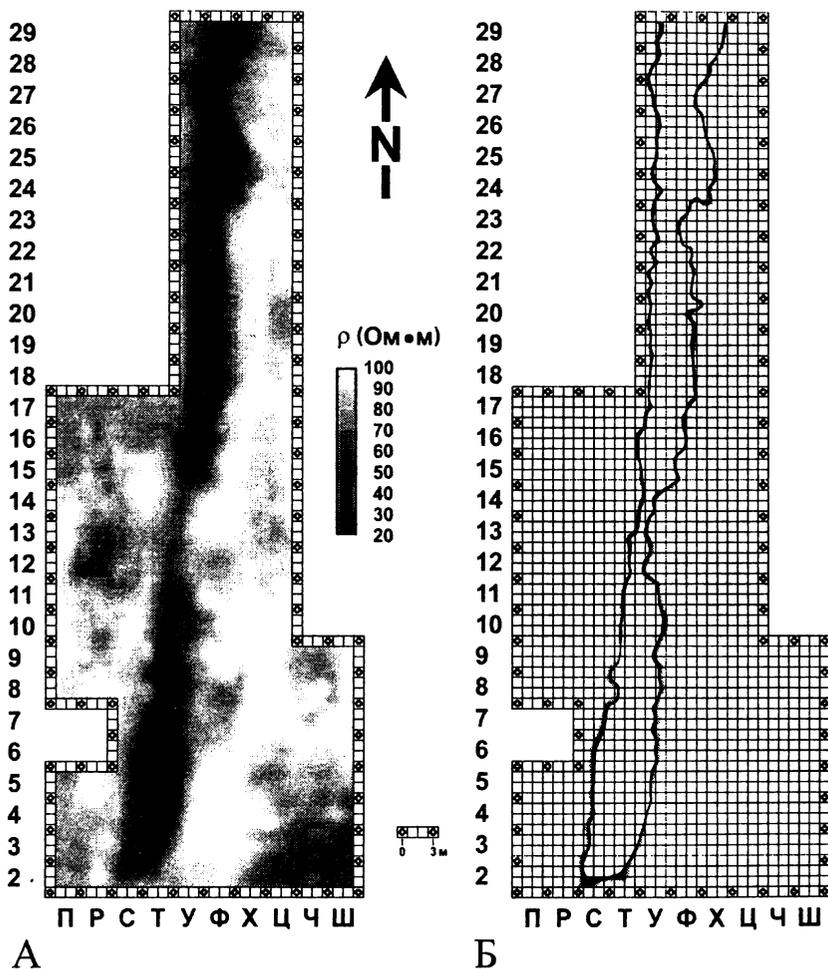
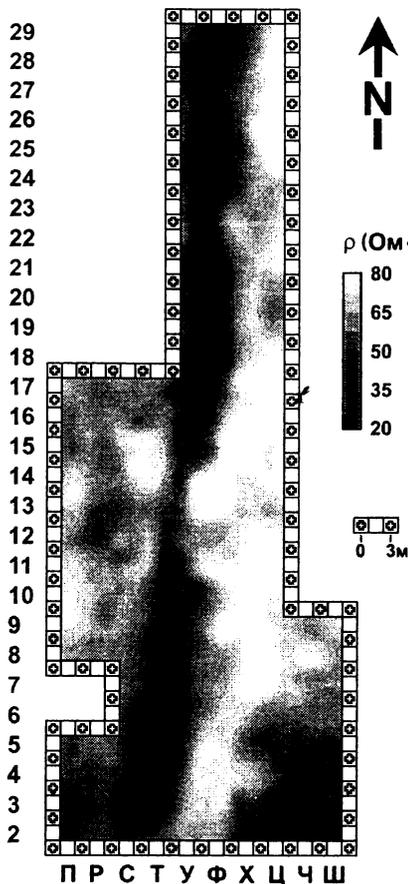

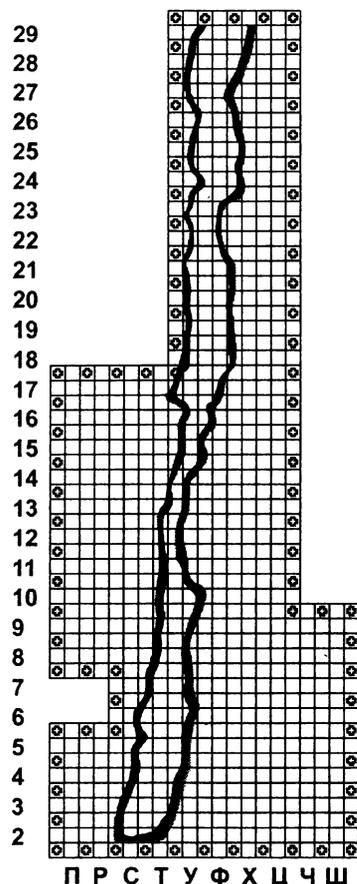
Рис. 2. Результаты площадных электрометрических исследований территории городища. Глубина зондирования 1 м. Шаг сетки 1 м.

А – карта распределения удельного сопротивления

Б – реконструкция контуров внутреннего оборонительного вала

А

Б

Рис. 3. Результаты площадных электрометрических исследований территории городища. Глубина зондирования 1,5 м. Шаг сетки 1,5 м.

А – карта распределения удельного сопротивления

Б – реконструкция контуров внутреннего оборонительного вала

мятника равна 1 м (см. рис. 2) и основная интерпретация производилась по данным электрометрических измерений на этой глубине. Результаты измерений на глубинах 1.5 и 2.0 м необходимы для повышения достоверности интерпретации электрометрических данных.

Результаты электрометрических измерений на исследованном участке городища позволяют сделать следующие выводы :

1. Внутренний оборонительный вал пересекает всю площадку городища от северного до южного склона холма (направление С-Ю). Средняя ширина вала около 4.5 м. Северный участок вала ограничен склоном холма, а южный участок, по данным электрометрии, заканчивается примерно за 5 метров до южного склона (см. рис. 26 и 36). С восточной стороны вала выделены несколько поздних врезок (квадраты У/12-14, Ф/23, Ф/26-28). Наличие врезки в квадрате Ф/23 подтверждено проверочными раскопками [Алексеев, Журбин, Иванова и др. 1993].

2. Аномалии сопротивления на территории, примыкающей к валу, в квадратах Ц/27; Ц/25-26; П/12-14; П/9-11; П/8; Р/5; У/9-Ф/9; Х/7-8, Ц/7-8; У/4-5, Х/4-5; Ц/10-11 предположительно соответствуют глинобитным площадкам сооружений (см. рис. 2а и 3а).

Это подтверждается следующими соображениями:

- В ходе археологических раскопок 1993 года [Алексеев, Журбин, Иванова и др. 1993] выделено расположение глинобитной площадки в квадратах Ц/19-20. Уровень удельного сопротивления участка, содержащего эту площадку, близок к сопротивлению выделенных аномалий.

- Размеры и ориентация этих аномалий соответствуют геометрическим размерам площадок на исследованной территории;

- Расположение этих аномалий в основном вписывается в рядовую застройку городища, определенную в ходе раскопок [Иванова, Черных 1992].

3. Аномалии сопротивлений в квадратах Р/2 и Р/3 предположительно соответствуют очагам, что согласуется с данными раскопок 1990 года [Иванова 1990] (при раскопках выделена группа очагов, расположенных вдоль южного склона холма в квадратах И/2-3, О/2-3).

Планировка внутренней части городища, включающая расположение оборонительного вала, предположительные места расположения глинобитных площадок сооружений и очагов, полученная в результате интерпретации данных электрометрии приведена на рисунке 1.

Электрометрические исследования 1997 года на территории городища Иднакар показали эффективность методики оперативных поисковых работ при определении планировки археологических памятников. По результатам проведенных исследований получены новые сведения о структуре и планировке городища. Эти данные могут быть полезны для археологов, а также в дальнейшем могут быть использованы для проведения уточняющих измерений.

Литература и архивные материалы:

Алексеев В. А., Журбин И. В. 1994. Автоматизация археологических исследований с применением электрометрии и компьютерной обработки данных // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» и комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН. № 12 (сентябрь). С. 72-74.

Алексеев В. А., Журбин И. В., Иванова М. Г. и др. 1993. Проведение электрометрических исследований на городище Иднакар в 1993 году: Отчет по НИР / ФТИ УрО РАН. Ижевск. Инв. № 418. 43 с.

Алексеев В. А., Журбин И. В., Зверев В. П., Иванова М. Г., Куликов К. И. 1995. Некоторые итоги использования автоматизированного электроразведочного комплекса в исследованиях городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск. С. 131-141.

Журбин И. В., Иванова М. Г., Малюгин Д. В. 1995. Проведение электрометрических исследований на городище Иднакар в 1995 году: Отчет по НИР / ФТИ УрО РАН. Ижевск. Инв. № 428. 26 с.

Журбин И. В., Малюгин Д. В. 1996. Применение электрометрии для исследования археологических памятников: (по материалам исследования городища Иднакар) // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VII. Jyväskylä. С. 416-420.

Иванова М. Г. 1990. Отчет о раскопках Солдырского городища Иднакар в Глазовском районе Удмуртской АССР в 1990 г. Ижевск, 1991 / Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ, д. 934.

Иванова М. Г., Черных Е. М. 1992. Жилые сооружения городища Иднакар IX-XIII вв.: (Раскопки. 1990 г.) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола. С. 143-155.

Alekseyev V., Zhurbin I. and Malyugin D. 1996. Multi-grid Electrometry in the Survey of Archaeological Remains // Archaeological prospection. Vol. 3. № 4. P.219-229.

Ivanova M. 1995. Formierung topographischer Struktur der Siedlung Idnakar im IX-XIII Jahrhundert // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Jyväskylä.

Zhurbin I. V., Malyugin D. V. 1998. On the method of visualization of electrometric data // Archaeological prospection. Vol.5. №2. P.73-79.

Список сокращений

- АО – Археологические открытия. М.
АОУП – Археологические открытия Урала и Поволжья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВФУЯ – Вопросы финно-угорского языкознания
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ИА – Институт археологии РАН
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция УдГУ
К(В)АЭ – Камская (Воткинская) археологическая экспедиция ИА
КЕС – Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара
КЕС-1996 – То же (вопросы хронологии). 1998
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (“Кунсткамера”). СПб.
МЗХТ – Музей-заповедник “Херсонес Таврический”. Севастополь
ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
ОИПК ГЭ – Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
УАЭ – Удмуртская археологическая экспедиция УИИЯЛ УрО РАН
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО – Уральское отделение РАН
ФТИ – Физико-технический институт УрО РАН
ААН – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
САН – Communicationes Archaeologicae Hungariae. Budapest
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
Jb.d.RGZM – Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

АРХЕОЛОГИИ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Иванов А.Г.

Новые материалы по ранней дате поломской культуры:
курганная часть Варнинского могильника 6

Пастушенко И.Ю., Волков С.Р.

Курманаевский курганный могильник
на средней Сылве: (итоги предварительного изучения) 53

Останина Т.И.

Городище мазунинской культуры около с. Сосновка
Удмуртской Республики 66

Гавритухин И.О., Иванов А.Г.

Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы
изучения раннесредневековых культур Поволжья 99

Приложение к статье: Гавритухин И.О.

В-образные пряжки, изготовленные
вместе с щитовидной обоймой 160

Шутова Н.И.

Женская одежда средневекового населения бассейна р. Чепцы:
(по данным раскопок Варнинского могильника 1990-1991 гг.) ... 210

Алексеева Э.В., Иванов А.Г.

Кости животных из могильника Качкашур I
(IX-XIII вв., Удмуртия) 232

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Белых С.К.

К вопросу о локализации прародины пермян 245

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИИ

Зелинский А.В.

Возможности метода электрометрии для оперативной
реконструкции планировки археологических памятников:
(по материалам исследований городища Иднакар в 1997 г.) ... 282

Список сокращений 289

ПЕРМСКИЙ МИР В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сборник научных статей

Ответственный редактор и составитель *А.Г.Иванов*

Художественный редактор *Н.А. Быков*

Технический редактор *М.Г. Смагин*

Оригинал-макет *М.Г. Смагин*

ЛР № 020764 от 24.04. 1998 г.

НИСО УрО РАН № 51 (99). Сдано в набор 14.01.99.

Подписано в печать 14.05.99. Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага офсетная №1.

Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,25. Уч. изд. л. 16,8.

Тираж 500. Заказ № К74.

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения Российской академии наук.

426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Отпечатано в Ижевской республиканской типографии.

426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

